

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

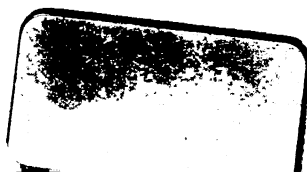
About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

A7

Sokolovskii, N. M.

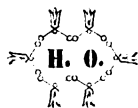
Ostrog i zhizn'

Н. М. СОКОЛОВСКИЙ

ОСТРОГЪ И ЖИЗНЬ

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ СЛѢДОВАТЕЛЯ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ИЗДАНИЕ КНИГОПРОДАВЦА Н. Г. ОВСЯННИКОВА

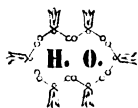
1866

1741 0

5
3.63
Н. М. СОКОЛОВСКИЙ

ОСТРОГЪ И ЖИЗНЬ

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ СЛѢДОВАТЕЛЯ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ИЗДАНИЕ КНИГОПРОДАВЦА Н. Г. ОВСЯНИКОВА

1741 0
1866

ОСТРОГЪ И ЖИЗНЬ.

1741
— 0 0 2

С

Н. М. СОКОЛОВСКІЙ

~~~~~

ОСТРОГЪ И ЖИЗНЬ

(ИЗЪ ЗАПИСОКЪ СЛѢДОВАТЕЛЯ)

—•••••—

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

ИЗДАНІЕ КНИГОПРОДАВЦА Н. Г. ОВСЯННИКОВА

1866.

RUS

SO K

ВЪ ТИПОГРАФИИ И ЛИТОГРАФИИ І. ПАУЛЬСОНА И КОМП.
По Екатерининскому каналу, на углу Фонарного переулка въ домъ Франка, № 9—87.

СКВЕРНЫЯ МИНУТЫ.

СКВЕРНЫЯ МИНУТЫ.

Воспоминанія прошлаго для каждаго не легкая работа: у всѣхъ въ итогѣ не велика сумма радостей, за то всѣмъ на долю досталось довольно страданій. На «скверныя минуты» жизнь не скупится, всѣхъ и каждаго одѣляетъ она ими въ изобиліи, но я полагаю что незавидное преимущество въ этомъ случаѣ должно остаться за слѣдователемъ. Врядъ ли кто можетъ вызвать изъ своего прошедшаго такую длинную вереницу печальныхъ образовъ, врядъ ли кому чаще приходилось выслушивать исповѣдь людскихъ страданій, врядъ ли предъ кѣмъ лилось столько слезъ, кому удавалось переживать столько болѣзненно-тяжелыхъ впечатлѣній. По свойству работы, слѣдователь тотъ же анатомъ, только передъ первымъ живой человѣкъ, передъ вторымъ — трупъ, отсюда и разница въ выносимыхъ ими впечатлѣніяхъ: провѣрка извѣстнаго явленія послѣднимъ не исключаетъ полного спокойствія, спокойствіе перваго, — для меня, по крайней мѣрѣ, —

*

не мыслимо. Слова нѣтъ, привычка дѣло великое; можно гораздо хладнокровнѣе относиться къ явленіямъ, которыя прошли уже передъ вами нѣсколько разъ, но я не знаю, что должны быть за чувства, за нервы, которыя окончательно теряютъ способность отражать во-очію разыгрывающіяся драмы, нерѣдко потрясающія, окрашенныя кровавымъ цвѣтомъ. Помню, я едва могъ выдержать первое «вскрытіе», потомъ мнѣ приходилось присутствовать при томъ же процессѣ надъ обезображенными, разлагающимися трупами — и ничего, только подергиваетъ нѣсколько, когда полупьяный фельдшеръ начнетъ пилить черепъ или ломать грудную кость; но опять таки здѣсь дѣло идетъ надъ трупомъ, къ нравственной же ломкѣ живаго человѣка привыкнуть нельзя, а если и можно, такъ подъ однимъ условіемъ утраты своего человѣческаго чувства. Слѣдователь не постороннее лицо тому, что передъ нимъ совершается, онъ самъ участникъ драмы. Если васъ увлекаетъ художественная игра актера, если подъ ея впечатлѣніемъ вы переживаете всѣ моменты драмы, усваиваете, какъ свои собственныя, чужія радости и страданія; если вы свое участіе вправѣ считать законнымъ, то еще законнѣе участіе слѣдователя въ проходящихъ предъ нимъ явленіяхъ, еще аномальнѣе тутъ его юпитеровское безстрастіе. Предъ вами — театръ, подмостки, мишура, передъ слѣдователемъ — жизнь, неподдѣльныя страданія, изуродованный, но не подкрашенный человѣкъ. Результатъ работы слѣдователя немногосложенъ. Совершилось преступленіе — «выясняй фактъ, открывай истину», говорятъ слѣдо-

вателю, и вотъ, въ случаѣ успѣха, является: такой-то отравилъ такого-то, обокралъ такую-то—и затѣмъ общій финалъ, исходъ всѣхъ открытій, приговоръ суда: «подлежать наказанію такому-то». Но этимъ результатомъ не исчерпывается вся глубина жизненной драмы, по немъ нельзя даже судить о переживаемыхъ слѣдователемъ впечатлѣніяхъ. Окончательное открытіе слѣдователя — только извѣстная формула, выраженная дубово-канцелярскимъ языкомъ, но за нею скрыта вся жизненная суть, всё тѣ лихорадочно-страстные проявленія борьбы, свидѣтелемъ которыхъ бываетъ одинъ только слѣдователь. Эти послѣдніе не укладываются на бумагу, ихъ не уловишь, какъ не уловишь откуда-то донесшійся звукъ, откуда-то промелькнувшій лучъ...

Три раза мнѣ одинъ и тотъ же воръ попадался: молодой малый, изъ дворовыхъ, по фамиліи Драгуновъ. Попавшись въ первый разъ, Драгуновъ горько плакалъ и все клялся, что впредь онъ лучше руки наложить на себя, чѣмъ на воровство пойдетъ. Драгуновъ не лгалъ; въ его словахъ слишкомъ много слышалось простоты, безыскусственности. Попавшись въ третій разъ, воръ уже не каялся, не плакалъ, а молчалъ угрюмо, да изъ подлобья смотрѣлъ. Я ему напомнилъ нашу первую встрѣчу.

— Нешто вамъ приказано вѣрить-то нашему брату? Знамо воръ, былъ воромъ и буду воромъ. Турусы-то на колесахъ мы мастера городить, на это насъ возьми. Побольше слушайте! злобно отвѣтилъ мнѣ на напоминаніе Драгуновъ.

Мнѣ слѣдовало сдѣлать обыскъ у Драгунова; я объявилъ ему объ этомъ.

— Такъ что мнѣ. Пойдемте, палаты мои увидите.

На самомъ днѣ глубокаго оврага, раздѣляющаго городъ на двѣ части, лѣпилось нѣсколько низенькихъ, на бокъ покачивавшихся мазанокъ. Грязныя, закоптѣлыя, съ тряпицами вмѣсто оконъ, съ стропилами вмѣсто крышъ, мазанки безъ дальнѣйшихъ коментарій, сами за себя говорили, что за счастливое житье пребываетъ внутри ихъ. Въ одной изъ этихъ «палатъ» жилъ Драгуновъ.

Драгуновъ вышелъ отъ меня бойко, но, по мѣрѣ приближенія къ мазанкамъ, я сталъ замѣчать въ немъ странную перемену: онъ оглядывался безпокойно назадъ, замедлялъ шаги, мѣнялся въ лицѣ, дышалъ какъ-то трудно. Видно, что каждый шагъ впередъ стоилъ ему усилій надъ собой. Мы спустились въ оврагъ, до «палатъ» осталось всего саженой сто.

— Не можется мнѣ что-то, ваше б-діе, одни съ обыскомъ идите, — я съ понятіемъ здѣсь подожду. Не бойтесь: не убѣгу.

Драгуновъ былъ блѣденъ, какъ полотно. Я послалъ принести воды — Давши оправиться Драгунову, я объявилъ ему, что одинъ въ его квартиру не пойду, что онъ непремѣнно самъ долженъ быть при обыскѣ, чтобы видѣть законность его.

Мы сдѣлали еще нѣсколько шаговъ между мазанками, до жилья Драгунова оставалось всего сажень пять. На дворѣ былъ славный, осенній день; въ разрѣженно-холодномъ воздухѣ стояла ничѣмъ не возму-

тимая тишина. Вдругъ въ этой тишинѣ раздался долгій, болѣзненный стонъ. Затрясся весь Драгуновъ, услышавъ его, и ни съ мѣста.

— Воля ваша: на куски меня рѣжьте, а не пойду я къ ней. Умирать мнѣ легче.

Стонъ снова повторился, только еще болѣзненнѣе.

— Охъ! Родить знать! стономъ же отвѣчалъ Драгуновъ на стонъ, несшійся изъ мазанки и шарахнулся на земь: — бейте меня, а не пойду, не пойду я туда, повторялъ Драгуновъ съ тѣмъ отчаяніемъ, которому и выраженія не подберешь.

Понятно, на сколько эта сцена удивила всѣхъ насъ. Оставивъ Драгунова съ понятыми въ оврагѣ, я пошелъ къ мазанкѣ, тихо отворилъ дверь и остановился на порогѣ: подобной безпомощной нищеты и при подобной обстановкѣ я еще не видывалъ. Картина была такого рода: на земляномъ полу мазанки, на грязной рогожѣ, съ чурбаномъ вмѣсто изголовья, лежала молодая женщина, мучимая послѣдними потугами, около нея ползалъ годовой ребенокъ нагишомъ; двое другихъ ребятшекъ, прикрытыхъ отвратительно грязными рубищами, прижавшись въ самый уголъ, выглядывали изъ-за корыта, прислоненнаго къ стѣнѣ, какими-то испуганными волченками на страдающую мать... Больше въ мазанкѣ ничего и никого не было, только совершенно черныя отъ копоти стѣны полумракъ да подвальная сырость дополняли общее впечатлѣніе картины... Это была семья Драгунова въ полномъ ея составѣ.

Я понималъ, почему Драгуновъ шарахнулся на земь и не хотѣлъ взойти въ свою «палату».

Исторія Драгунова недолга; происхожденіемъ онъ изъ дворовыхъ и состоялъ при псарнѣ; когда ему минуло двадцать лѣтъ, его женили на дворовой же дѣвушкѣ; а въ то время, когда родился третій ребенокъ, его отпустили на волю: свободенъ, значить. Но непривѣтливо встрѣтила Драгунова съ семьей — свобода: ѣсть надо же было что нибудь. Сначала Драгуновъ пытался найти работу у окружающихъ помѣщиковъ, но тѣ и съ своими-то не знали, куда дѣваться. Должно было искать новыхъ мѣстъ. Собралъ Драгуновъ нищенскій скарбъ свой и потянулся съ беременной женой да съ тройкой ребятишекъ, малъ мала меньше, въ нашъ городъ. Но и здѣсь горькая доля ждала бѣдняка. Драгуновъ въ наймы себя предлагаетъ, а его спрашиваютъ:

— Ты женатъ?

— Женатъ.

— Дѣти есть?

— Есть — трое.

— Проваливай дальше, такихъ намъ не надо.

— Съ женой врозь буду жить.

— Одно все: на сторону станешь часто смотрѣть, въ свой домъ хозяйское добро тащить.

Каждый вопросъ отодвигалъ отъ Драгунова возможность честнаго труда; устами нанимателей судьба произносила приговоръ надъ нимъ и надъ его семьей. Въ перспективѣ уже видѣлась широкая дорога...

Пытался Драгуновъ заняться работой поденной, но какая въ нашей глуши поденная работа? Здоровенный мужикъ, что цѣлую жизнь девяти-пудовые кули на

своихъ широкихъ плечахъ таскаетъ, и тотъ копѣекъ тридцать въ день зарабатываетъ, да за день работы дня три даромъ проходитъ; а о псарѣ отставномъ и говорить нечего: не на то съ малолѣтства онъ готовился; другимъ художествамъ въ застольныхъ да въ отѣзжихъ поляхъ его обучали...

Совсѣмъ туго стало Драгунову, съ его немалою семьей: наги и босы всѣ стали, съ голоду приходилось умирать.

Однажды стоялъ Драгуновъ на мосту (гдѣ поденьшики у насъ собираются) цѣлый день, но ни одна душа даже не явилась съ предложеніемъ найма. Дома у Драгунова въ это время ни заложить, ни продать уже нечего было, въ карманѣ гроша мѣднаго не имѣлось. Чѣмъ накормить жену больную, дѣтей малыхъ?... Подавленный думами невеселыми, да горемъ неисходнымъ, побрелъ съ моста Драгуновъ, и на этотъ разъ попалъ уже не домой, а въ сибирку: въ первый встрѣтившійся на дорогѣ подъѣздъ завернулъ и своровалъ пальто.

Воспользоваться краденымъ Драгунову не удалось: устигли.

Но условія жизни не измѣнялись, семья голодала по прежнему, а потому, какъ и слѣдовало ожидать, за первымъ воровствомъ послѣдовало другое, а за нимъ и третье. Въ послѣдній разъ Драгуновъ забрался, уже ночью, въ окно и подломалъ письменный столъ; стало быть преступленіе его сопровождалось «увеличивающими вину обстоятельствами», но за то въ это время Драгуновъ ждалъ съ часу на часъ четвераго ребенка.

Это исторія одного «преступника», вора. Сознаюсь, она неполна: я представилъ только голый остовъ ея, внѣшнюю сторону; стало быть недостаетъ главнаго: психической борьбы, выдержанной воромъ, прежде чѣмъ пустился онъ впервые «на рискованное дѣло», мученій голода, имъ испытанныхъ, и пытки имъ выдержанной при взглядѣ на семью, прежде чѣмъ этотъ воръ всадилъ впервые коловоротъ въ чужое добро. Но недостающее предоставляю дополнить читателямъ.

О производствѣ обыска въ «палатѣ» Драгунова не могло быть и рѣчи: и безъ того на долю молодой женщины пришлось слишкомъ много страданія, новымъ приемомъ его можно было совсѣмъ убить ее.

Драгуновъ не вошелъ въ свое жилище.

Во всю обратную дорогу Драгуновъ молчалъ и все смотрѣлъ въ землю. По прежнему онъ былъ блѣденъ, какъ полотно.

Мы возвратились.

— Видѣли, что ли? сказалъ мнѣ задыхаясь, стиснувъ зубы, Драгуновъ. — Ну такъ вотъ что: на цѣпъ меня сажайте; не то, говорю я вамъ, хуже будетъ! Звѣрь я сталъ, руками своими передую ихъ всѣхъ. Нечего имъ маяться!

Въ эту минуту Драгуновъ говорилъ правду: его рука недрогнула бы, совершая дѣтубійство.

Это одинъ изъ эпизодовъ «слѣдственной» дѣятельности. Скажите, можно ли относиться къ нимъ хладнокровно, можно ли ближайшимъ свидѣтелямъ ихъ, почти участникамъ, не переживать очень много и очень

тяжелыхъ впечатлѣній? Безстрастіе достоинство ли тутъ? Скажутъ: передъ слѣдователемъ преступникъ, чего же тутъ особенно волноваться? Въ видахъ гарантіи общественнаго спокойствія — худая трава изъ поля вонъ. Но въ томъ-то и бѣда, что гораздо легче написать слово «преступникъ», чѣмъ добросовѣстно произнести приговоръ надъ человѣкомъ, въ томъ то и бѣда, что отъ худыхъ сѣмянъ, да отъ худой почвы могла только и вырасти, что одна худая трава, въ томъ то и бѣда, что прилагать къ худой травѣ законъ возмездія за то что она нестала къ обоюдному желанью хорошей, больше странно, чѣмъ тянуть къ отвѣту человѣка, ни разу небравшаго въ руки музыкальнаго инструмента, за то, что онъ не можетъ усладить васъ симфоніей Моцарта. Много разъ приходилось мнѣ стоять лицомъ къ лицу «съ преступниками» но если бы вы спросили меня: «а много ли изъ нихъ было дѣйствительно преступниковъ?» тогда, вѣсто отвѣта, я заставилъ бы васъ самихъ выслушать ихъ мрачную исповѣдь, заставилъ бы анализировать каждый отдѣльный фактъ ее, провѣрить его стоимость въ связи со всѣми условіями, при которыхъ онъ слагался и потомъ посмотрѣлъ бы, чтобы вы сказали сами, посмотрѣлъ бы, — поднялась ли бы рука и у васъ, чтобы бросить камень въ изуродованное преступленіемъ лицо злодѣя...

Правда зло, во всемъ его ужасающемъ безобразіи совершено, его совершитель стоитъ передъ вами; въ виду дымящейся крови, пролитыхъ слезъ, въ виду неумолимой жестокости, не внявшій ни стѣнамъ, ни моль-

бамъ, въ виду погранныхъ самыхъ святыхъ правъ личности, ваша рука судорожно сжимаетъ камень и готова бросить его, но въ моментъ вашего движенія, въ лицѣ того же зла, того же преступника, встаютъ предъ вами «проклятые вопросы» и говорятъ: разрѣшай сначала насъ.

Кто виновать? навязчиво вертится въ вашей головѣ, и безконечный лабиринтъ открывается передъ вами, войдя въ который, вы чувствуете себя подавленнымъ, ошеломленнымъ: здѣсь и общество, съ его неумѣлой постановкой и разрѣшеніемъ самыхъ кровныхъ, самыхъ насущныхъ вопросовъ, и личность съ физиологическими, присущими ей данными, и какой-то странный, ничѣмъ неотразимый фатумъ, — все перемѣшалось и перепуталось, все какъ будто сговорилось, чтобъ довести жизнь до проявленія себя протестомъ...

Но не успѣвши дать «прямаго отвѣта» — на безконечную нить вопросовъ, вытекающихъ изъ «кто виновать» — вамъ уже приходится приниматься за разрѣшеніе другихъ не менѣе «проклятыхъ», не менѣе мучительныхъ положеній: если зародышъ совершившагося зла таился въ физиологическихъ данныхъ присущихъ человѣку, если онъ развивался вслѣдствіе условій, видоизмѣненіе которыхъ находилось внѣ воли отдѣльной личности, если окончательное совершеніе его обязано сцѣпленію тѣхъ роковыхъ обстоятельствъ, предвидѣть и удалить которыя не представлялось возможности, то — кто же долженъ отвѣчать?...

Въ этихъ вопросахъ заключается вся суть, въ нихъ и источникъ переживаемыхъ вами тяжелыхъ впечат-

лѣній; обойти ихъ вы не можете, они мучительно стучатся къ вамъ, рѣжутъ глаза, не даютъ покоя; въ болѣзненныхъ протестахъ, въ потрясающихъ душу преступленіяхъ, въ подавленныхъ и давящихъ, вамъ вездѣ слышатся эти вопросы и требуютъ «прямаго отвѣта». Хитрить съ ними, отдѣлываться полупапеками, полуотвѣтами нельзя: угрюмо стоящая жертва ихъ неразрѣшенности безмолвно упрекнетъ васъ же самихъ въ недобросовѣстности...

А что на нихъ полнаго-то отвѣтите вы, «безпристрастный открыватель истины?» Отречься отъ нихъ вовсе, молча проводить «идею права и справедливости?» Да развѣ это возможно? Развѣ вы не чувствуете, что между «проклятыми» вопросами, тѣмъ, кто задаетъ вамъ ихъ, тѣмъ, на чью голову обрушились они и вами проходить живая связь, разорвать которую вѣвающихъ силъ? развѣ вы не сознаете общность атмосферы, какъ поражающей эти вопросы, такъ и той, которой вы дышите?...

Да, быть лицомъ къ лицу съ «преступникомъ» не легко: цѣлая жизнь проходить передъ вами, и вы видите, какъ она безжалостно мнетъ человѣка, какъ она хлещетъ прямо въ лицо ему своими ударами, какъ она гонитъ его изо дня въ день, ни разу не давая вздохнуть свободно, какъ потомъ, натѣшившись вдоволь надъ человѣкомъ, бросаетъ его со всего размаху на людское позорище: казните, дескать, его, преступникъ онъ, не заурядъ съ прочими осмѣлился идти...

А тутъ еще стонъ раздастся...

И относись послѣ того хладнокровно...

До изданія послѣдняго наказа судебнымъ слѣдователямъ, подсудимыхъ подвергали заключенію въ тюремномъ замкѣ безъ соблюденія формальностей; современное же законодательство, желая гарантировать личность подсудимаго, постановило, на случай лишенія свободы, рядъ извѣстнаго рода формальностей, приведеніе въ исполненіе которыхъ лежитъ на обязанности слѣдователя. Процедура-то эта и составляетъ въ жизни слѣдователя рядъ тѣхъ минутъ, которыя по преимуществу можно назвать скверными. Прежде, то есть до отпращиванія преступника въ острогъ, слѣдователь былъ, пожалуй, открыватель истины, теперь же онъ становится исполнителемъ, ему первому приходится нанести ударъ.

Надо вамъ замѣтить, что по существу совершеннаго преступленія дѣлится и рядъ мѣръ, предупреждающихъ возможность уклониться преступнику отъ слѣдствія и суда; мѣры эти: отдача на поруки, подъ домашній арестъ, подъ надзоръ полиціи и, наконецъ, заключеніе въ тюремный замокъ. Послѣднему подвергаются люди, совершившіе болѣе или менѣе тяжкія преступленія, какъ напр. влекушія за собой ссылку въ каторжную работу. Процессъ отпращиванія въ тюремный замокъ происходитъ такимъ образомъ: совершено преступленіе, при производствѣ слѣдствія открывается цѣлый рядъ доказательствъ или уликъ, подтверждающихъ справедливость подозрѣнія, — тогда слѣдователь, зная, что преступленіе должно повлечь за собой болѣе или менѣе тяжелое наказаніе (каторжную работу, ссылку въ Сибирь на поселеніе), долженъ, на основаніи извѣстныхъ статей закона, со-

ставить постановленіе объ отправленіи подсудимаго въ тюремный замокъ; въ постановленіи прописываются всѣ улики и доказательства, изъ которыхъ, какъ изъ логическаго построенія, вытекаетъ финалъ: заключеніе подсудимаго. Это постановленіе прочитывается вслухъ слѣдователемъ подсудимому, который и росписывается внизу постановленія: «такой-то слушалъ о томъ-то». Если подсудимый не грамотный, то при чтеніи и рукоприкладствѣ должны находиться два свидѣтеля.

По прочтеніи постановленія подсудимый лишается свободы, его тотчасъ отправляютъ въ тюремный замокъ.

Кажется, что же во всей этой процедурѣ такого, что бы тяжело ложилось на васъ? А подите, приведите ее въ исполненіе, такъ и узнаете, что въ ней тяжелаго.

Оно дѣйствительно, какъ со стороны посмотришь, да еще задашься разными высшими принципами, въ родѣ *fiat justitia, pereat mundus*, такъ и ничего: постановленіе составлено вполне добросовѣстно, всѣ улики собраны, вы (въ смыслѣ юридическаго лица) не отыѣчаете ни передъ самимъ собою, ни передъ закономъ,—но отчего вамъ такъ трудно произнести роковыя слова: «а потому мною заключено: отправить тебя, мѣщанина такого-то, въ тюремный замокъ»? Отчего вы чувствуете какую-то тяжесть на сердцѣ? Отчего вамъ какъ будто неловко взглянуть въ глаза преступнику, въ его помертвѣлое лицо? Отчего, нанося ударъ, дрожить ваша рука? Отчего въ головѣ вашей, при всей видимости, явственности факта, вста-

ютъ неотвязчивые вопросы и шепчутъ вамъ кто-то, что вы въ этотъ моментъ самопроизвольно распоряжаетесь судьбой человѣка, его высшимъ счастьемъ — свободой...

Фактъ! фактъ! Да мало ли какіе есть факты! Вы сгруппировали ихъ такъ, какъ вамъ угодно, вы поставили ихъ такъ, какъ вамъ заблагоразсудилось, да потомъ и основываете на нихъ ваше обвиненіе; а освѣтите-ка ихъ внутреннимъ, ихъ собственнымъ свѣтомъ, который вы подчасъ и уловить-то не въ состояніи, такъ то ли тогда выйдетъ?

Или этого не нужно? Такъ честно ли это?

Я сказалъ, что актъ слѣдователя о заключеніи подсудимаго въ тюремный замокъ долженъ быть подписанъ самимъ подсудимымъ, въ случаѣ его грамотности. Извѣстно, что нашъ народъ вообще не охотникъ ни до какихъ рукоприкладствъ: «гдѣ рука, тамъ и голова». Крестьяне соглашались на уставныя грамоты, но не шли ихъ подписывать. Слишкомъ много злоупотребляли рукоприкладствомъ, отъ того и такія послѣдствія. У меня разъ было слѣдствіе: полицейскій чиновникъ, подъ предлогомъ какихъ-то распоряженій и объясненій, отобралъ подписки у шести человѣкъ, бывшихъ прежде должностными лицами въ думѣ, а подписки-то оказались довольно важными, относящимися до времени ихъ служенія, такъ что изъ-за нихъ они попались подъ судъ и только по истеченіи многихъ лѣтъ освободились изъ подъ него. Повторяю: нашъ народъ не охотникъ вообще до рукоприкладствъ, но нигдѣ эта боязнь и неохота не про-

является такъ сильно, какъ при актѣ о лишеніи свободы. Почти каждый подписывающійся увѣренъ, что своей подписью онъ изъясняетъ согласіе на мѣру, противъ него предпринимаемую, на себя же накладываетъ руки; для него «слушалъ» дѣлается синонимомъ «согласенъ», исключаетъ возможность протестаціи и обжалованія. Требуется много усилій, чтобы убѣдить въ противномъ. Но и тутъ другая бѣда.

Мѣщанина одного слѣдовало отправить въ острогъ, человѣкъ онъ былъ грамотный; стало, должно было ему зарукоприкладствовать протоколъ. Чтеніе постановленія онъ повидимому выдержалъ хладнокровно; по крайней мѣрѣ, мнѣ такъ казалось; на рукоприкладство онъ сначала не шелъ, но когда я объяснилъ ему, что упорствомъ онъ, не дѣлая себѣ положительно никакой пользы, накликаетъ новую бѣду: сопротивленіе и упорство при слѣдствіи—то и на рукоприкладство онъ согласился.

Я подалъ составленное и уже прочитанное постановленіе. Обвиненный взялъ перо, хотѣлъ подписать, но увы! рука вышла изъ повиновенія, она дрожала такъ, что не могла написать ни одного слова. Обвиненный сдѣлалъ надъ собой усиліе—тѣ же послѣдствія; наконецъ перо выпало у него изъ рукъ.

— Не могу, ваше благородіе, что угодно дѣлайте.

Я посмотрѣлъ на него: точно писать онъ не могъ.

Вообще, чтеніе протокола о лишеніи свободы производитъ на подсудимаго страшное впечатлѣніе. Сила впечатлѣнія зависитъ главнымъ образомъ отъ того, что протоколомъ разбивается надежда выгородить себя отъ

взводимого обвиненія; до той поры, обвиненный, какъ бы ни были велики доказательства противъ него, все еще вѣрилъ, что ихъ недостаточно; онъ надѣялся, что придетъ время, когда скажутъ ему, что онъ «свободенъ отъ слѣдствія и суда»; но теперь между его прошедшимъ и будущимъ встаютъ острожныя двери и за ними перспективой — широкая владимірская дорога, сибирь-сторона и житье каторжное... Конечно, актъ слѣдователя не есть приговоръ суда, онъ можетъ быть измѣненъ и даже совсѣмъ уничтоженъ не только судомъ, но и самимъ слѣдователемъ (когда вновь открывшіяся доказательства парализируютъ силу предъидущихъ), но такія утѣшенія врядъ ли приходятъ въ голову подсудимому во время чтенія протокола. Впослѣдствіи, обвиненный привыкнетъ къ своему заключенію, онъ станетъ изыскивать средства, какъ бы избавиться отъ него, но это только впослѣдствіи, а не въ моментъ нанесенія удара: тутъ уже не до разсужденій...

Я былъ слѣдователемъ въ мѣстности, гдѣ серьезныя слѣдствія не въ рѣдкость, стало быть, мнѣ приходилось не разъ брать на себя обязанность заключать обвиненныхъ въ тюремный замокъ. Еслибъ вы видѣли лица подсудимыхъ, во время чтенія постановленія, такъ и вы бы согласились со мной, что я не преувеличиваю, рассказывая о тяжести переносимаго въ эти минуты впечатлѣнія, и что минуты эти дѣйствительно «скверныя минуты». Люди заносчивые, смѣлые до дерзости, бывшіе во всевозможныхъ передрагахъ и положеніяхъ, разомъ утрачивали всю свою заносчивость,

закаленность. Когда читаешь протоколъ, такъ видишь, что человѣкъ сначала не хочетъ вѣрить слышанному, старается не проронить ни одного слова, на лету ихъ хватаетъ; когда же печальная дѣйствительность все уясняется и уясняется передъ нимъ, когда въ перспективѣ нельзя уже обмануться, тогда онъ зеленѣетъ весь, губы дрожать начинаютъ и все лицо выражаетъ такую безпомощность, такое глубокое страданіе, что... что я желаю вамъ какъ можно меньше видѣть на своемъ вѣку такихъ фizioномій.

Помню: кладовую подломали и похитили изъ нея вещей на довольно большую сумму. Главный похититель открылся: это былъ Семенъ Дѣдко, уроженецъ западныхъ губерній. Дѣдку уже было лѣтъ подъ сорокъ, исходилъ онъ чуть ли не всю Россію; во все время слѣдствія держалъ себя дерзко, но противъ него открывались все новыя улики, и въ концѣ концовъ онъ долженъ былъ сознаться въ преступленіи. Дѣдко подлежалъ заключенію въ тюремный замокъ, ему стали читать постановленіе. Каждое мое слово приходилось Дѣдку, какъ ударъ ножемъ; онъ тяжело дышалъ и становился все блѣднѣе. Я кончилъ чтеніе, Дѣдко стоялъ нѣсколько секундъ, какъ бы не понимая, что съ нимъ дѣлается: окаменѣлъ человѣкъ. Но дѣйствительность выяснилась; Дѣдко схватилъ себя за голову, припалъ къ косяку, и съ глухимъ рыданіемъ изъ груди его вырвались слова:

«Анна моя, Анна! что съ тобой-то будетъ!»

Впослѣдствіи я узналъ смыслъ восклицанія Дѣдка: у него дочка была, дѣвочка лѣтъ четырнадцати, кра-

савица-ребенокъ; ее Дѣдко любилъ до безумія, и этотъ воръ былъ отецъ страстный, нѣжный, всю свою способность любви сосредоточившій на дѣтищѣ.

Чувашенинъ одинъ попался: съ воровской ключей поймали, ускакать не успѣлъ. Чувашенинъ и безъ того былъ изъ придавленныхъ, такъ голъ перекатная, нужда заплатанная. Воровать онъ сталъ изъ бѣдности больше: земля плохая, песокъ одинъ, падежи, поборы всякіе, — ну и свихнулся мужикъ. Кафтанишка на Чувашенинѣ былъ рваный, лапти чуть ли не цѣлый годъ носились, солома изъ разныхъ мѣстъ пучками выглядывала; борода всклокоченная, взглядъ пугливый, — жалость брала смотрѣть на него. Слѣдствіе окончательно прихлопнуло Чувашенина.

Чувашенинъ подлежалъ заключенію въ тюремномъ замкѣ; я составилъ постановленіе и прочиталъ его, Чувашенинъ выслушалъ и упалъ на колѣни.

— Бачка! жалѣй человѣкъ!

Только и сказалъ Чувашенинъ, но за то какъ сказалъ! Сердце кровью облилось, глядя на него.

Бродягу привели, парня лѣтъ двадцати шести, съ красивымъ лицомъ. Во время слѣдствія онъ все куражилъ себя (это обыкповенная манера бродягъ): хотѣлось показать, что ему все ни почемъ; изрѣдка только по лицу его какая-то тѣнь пробѣгала. Слѣдствія надъ бродягами кончаются скоро: «зовутъ меня Иваномъ, ни отца, ни матери не помню, деревни гдѣ родился, тоже, живу гдѣ день, гдѣ ночь, а гдѣ и цѣлый годъ, добрые люди напойтъ-накормятъ, а какъ ихъ звать, не знаю», и т. д. въ томъ же любопытномъ

родѣ. Бродяга каждый увѣренъ, что рано или поздно его изловятъ, что не миновать ему острога; а подите-ка, инда помучилъ Иванъ не помнящій родства, губы почернѣли, какъ услыхалъ, что его въ тюремный замокъ отправляютъ. Правда, не упалъ «непомнящій родства» на колѣни, но не меньше страданія высказалось и въ его короткомъ восклицаніи:

— Эхъ, Ванька, доля твоя горькая!

Впрочемъ, какъ и вездѣ, бываютъ и здѣсь исключенія; принадлежатъ же исключенія людямъ бывалымъ, съ острогомъ знакомымъ. «Страшенъ громъ, да милостивъ Богъ», думаетъ бывалый — и ничего: изъ воды то не впервой сухимъ выходить. Такихъ тоже приводилось мнѣ видѣть. Прочиталъ я одному изъ бывалыхъ свое постановленіе: не мигнувъ глазомъ, онъ выслушалъ его.

— Это токъ значитъ: на казенну фатеру отправляйся, на харчи даровые?

— На казенную.

— Можно. Житьишко и тамъ нашему брату важнецъ бываетъ; валандайся въ кампанствѣ! Стосковались чай голубчики обо мнѣ.

Еще смѣется бывалый человѣкъ. Но такіе въ рѣдкость.

Женщинъ тоже приводилось мнѣ лишать свободы. Сцены, разыгрывавшіяся въ этомъ случаѣ, были еще тяжелѣе. Мужчина крѣпче, выносливѣе, онъ одаренъ большею способностью взглянуть хладнокровнѣе на дѣй-

ствительность, какова бы ни была она. Мужчина больше толкается въ жизни, ему приходится знакомиться съ ней во всѣхъ ея проявленіяхъ; въ борьбѣ онъ приученъ надѣяться на себя, — а потому не такъ мучительно испытываетъ на себѣ чувство одиночной безпомощности. Женщина вся заразъ поддается вліянію минуты, дальше этой минуты для нея ничего не существуетъ.

Большинство женщинъ, надъ которыми я производилъ слѣдствіе, были изъ «гулящихъ». Сталкивался также съ дѣтоубійцами и другими преступницами.

Однажды меня разбудили часовъ въ пять утра: челоуѣкъ какой-то требовалъ немедленнаго свиданія. Я вышелъ къ нему: судя по костюму и фигурѣ, это былъ купецъ или прикащикъ, лѣтъ двадцати трехъ. Пришедшій смотрѣлъ совсѣмъ помѣшаннымъ и трясся какъ въ лихорадкѣ; увидавъ меня, онъ повалился въ ноги.

— Батюшка, помогите! Раззорили совсѣмъ... пьянъ былъ... убьетъ меня тятинька-съ... двѣ тысячи... людоѣдъ они у насъ... Лизка вынула... несвязно бормоталъ пришедшій.

Изъ послѣднихъ фразъ можно было только догадаться, въ чемъ дѣло, но трудно составить о немъ полное понятіе. Давъ пришедшему время успокоиться по возможности, я его разспросилъ обстоятельнѣе. Случай въ городахъ весьма обыкновенный: пришедшій былъ купеческій сынъ «изъ верховыхъ», Крыловъ по фамиліи, приплылъ въ нашъ городъ съ хлѣбомъ. Запродавъ товаръ и получивъ двѣ тысячи рублей серебромъ, Крыловъ отправился съ пріятелями сначала въ

трактиръ «магарычи выпить», а оттуда, урѣзавши достаточнымъ манеромъ, въ одинъ изъ «веселыхъ пріютовъ». Большая часть ночи прошла, конечно, въ пьянствѣ. Проснувшись въ пріютѣ на другой день рано утромъ, Крыловъ первымъ дѣломъ хватился за карманъ, но увь! въ немъ не было бумажника съ двумя тысячами рублей серебромъ. Почти въ безпамятствѣ Крыловъ выпрыгнулъ въ окно и бросился ко мнѣ. У Крылова удержалось одно только воспоминаніе изъ прошедшей жизни: около него одна изъ «гулящихъ» во весь вечеръ ластилась—Лизавета, и ее онъ заподозрѣвалъ въ кражѣ.

Успѣхъ открытія въ подобнаго рода преступленіяхъ зависитъ отъ скорости, потому что самое преступленіе (въ большинствѣ случаевъ) совершается подъ пьяную руку, безъ предзаданной цѣли схоронить получше концы. Стоитъ стонъ надъ «пріютомъ», пѣсни горланятъ, идетъ гульба, плясъ крѣпко; на веселѣ на кругахъ ходятъ развеселыя дѣвицы, сколько силъ у кого хватаетъ, безобразничаютъ надъ ними «гости»; замѣтитъ «барышня», что карманъ у «гостя» оттопмрился что-то больно, не долго думая запуститъ туда руку, заполучить добычу, сунетъ ее куда нибудь въ снѣгъ, въ шерину, да и опять пошла писать... Если вамъ удалось захватить дѣло по горячимъ слѣдамъ, тогда успѣхъ несомнѣненъ, въ противномъ же случаѣ (когда угаръ у похитившей пройдетъ и краденное успѣетъ перепрятаться) открытіе становится до крайности трудно: похитившая, быть можетъ, и сознается, или будетъ уличена подругами, особенно, если вы съумѣете воспользо-

зоваться враждой, всегда царствующей между ними, но объ деньгахъ пишите пропало.

Выслушавъ Крылова, я послалъ за понятыми, отправился въ «пріютъ» и оцѣпилъ его. Было часовъ шесть утра; жизнь «гулящихъ», стало быть, въ полной красѣ предстала предо мной; послѣдствій вчерашней оргіи не успѣли еще убрать: на столѣ и на полу валялись бутылки, полштофы, рюмки, огрызки колбасы, огурцовъ, хлѣба, окурки папиросъ, лужа разлидаго вина и какой-то мерзости стояла посреди комнаты; чахоточная, густо насурмленная молодая женщина, съ огромнымъ синякомъ подъ глазомъ, въ изодранномъ клочьями платьѣ, и съ цвѣтами на растрепанной головѣ, спала въ углу дивана; въ переднемъ углу, раскинувшись во всю комнату, храпѣлъ вчерашній гость, не успѣвшій добраться до постели. Атмосфера хуже острожной, хуже больничной, однимъ только «пріютамъ» свойственная...

Мой приходъ разбудилъ «гулящихъ», но не произвелъ между ними особаго впечатлѣнія: слѣдователь не рѣдкое явленіе въ «пріютахъ». Съ разбито-сиплымъ смѣхомъ, съ ужимками и кривляньями встрѣтили насъ заспанные, растерзанные «дѣвицы». Дневной свѣтъ, хлынувшій въ растворенные ставни, безжалостно разоблачалъ глубоко проведенныя морщины на изнеможенныхъ, нагло-забитыхъ молодыхъ лицахъ; полосами удержавшаяся на нихъ вчерашняя татуировка, сквозь которую у иныхъ ярко сквозила страшная худоба и ранняя смерть, довершала полноту общаго впечатлѣнія.

— Банжуръ-съ, вашеска свѣтлость! съ вывертомъ встрѣчала меня одна изъ «дѣвицъ».

— Каманъ-ву порте-ву? не отставая отъ первой, вывертывала другая.

— Манька-сука! вставай! гость пріѣхалъ, кавалеръ распрекрасный! ломалась третья, будя спящую на диванѣ...

— В-о-д-к-и! съ просонья отвѣчала та.

Одной только изъ нихъ не было въ сборѣ и именно Лизаветы: она еще не проснулась; а съ ея комнаты я и долженъ былъ начать, и началъ обыскъ... Сидя на скамейкѣ, не совсѣмъ еще проспавшавшаяся, Лизавета тупо смотрѣла на всю процедуру обыска: она еще понять не могла хорошенько, что это у ней дѣлается, и зачѣмъ нашло столько народу.

— Дайте паперосочку мнѣ, обращалась она ко всѣмъ...

Осмотрѣвъ все имущество, принадлежащее Лизаветѣ: сундукъ, постель, подушки, и не найдя въ нихъ ничего, я сталъ ощупывать отставшія отъ сырыхъ стѣнъ, ключьями висѣвшіе обои... У самого плинтуса мнѣ попалось подъ руку что-то мягкое: это былъ бумажникъ Крылова.

На два аршина припрыгнувъ отъ радости теперь обезумѣвшій Крыловъ.

— Тятинька-съ не узнаетъ! взвизгнувъ онъ первымъ словомъ и бросился обнимать перваго попавшагося ему понятаго.

На лицѣ Лизаветы выступили красныя пятна: совсѣмъ припомнила она вчерашнюю ночь и поняла, что

дѣло плохо. Не выдержавъ, она сказала цинически-грязное ругательство.

Съ тѣмъ же силой смѣхомъ и кривляньями провожали насъ изъ дому, напутствуя уводимую отъ нихъ подругу разными пожеланіями...

Лизавета была первая женщина, которую мнѣ пришлось лишить свободы. Зная ея жизнь, зная, какъ весела она для самихъ же «птахъ-вольныхъ», зная, что между фальшивой, насурмленной внѣшностью и внутреннимъ адомъ этой жизни и острогомъ, не большая разница, я полагалъ, что буду избавленъ на этотъ разъ отъ тяжелой сцены... Но. я жестоко ошибся. Молча выслушала «гулящая» мое постановленіе, словно чѣмъ подкошенная, опустилась она на колѣни, схватила меня за ноги и замерла: я хотѣлъ поднять ее, но она была въ глубокомъ обморокѣ... Проводя подобную жизнь, Лизавета все-таки была существо нѣсколько окрѣпнувшее; она знаетъ осторожное общество, скоро сживется, попривыкнетъ къ нему; но вѣдь другія не поставлены въ такое «счастливое» положеніе, для нихъ переходъ рѣзче, ошутительнѣе, а потому можете представить, что съ ними-то бываетъ въ минуту разставанья съ жизнью, съ свободой...

Жена разъ мужу своему, тирану, яду подсыпала; браги хмѣльной поднесла. Тише, безмолвнѣе этой женщины я рѣдко встрѣчалъ; только долгимъ, нестерпимымъ тиранствомъ, безправіемъ, да безсудностью могли вызвать ее на отчаянную попытку какой бы то ни было исходъ найти. Я старался исподволь подготовить «отра-вительницу» къ ожидающей ее участи, но моя подго-

товка въ прокъ не пошла: выслушавъ протоколъ, она такъ пронзительно-истерически зарыдала, что даже дневальный солдатъ Зубенко, — и тотъ не выдержалъ.

— Сгубили бабу; спросить за нее Богъ... проворчалъ онъ, утирая кулакомъ противъ воли катившуюся слезу.

Да, минуты лишенія свободы человѣка «скверныя минуты». Утѣшеніе «законностью» не всегда и не всѣмъ помогаетъ. Не всякая юридическая правда — человѣческая правда. Мы видимъ только фактъ, выходящій изъ уровня обыденной жизни (чаще только по внѣшней условленной формѣ, а не по внутреннему содержанію), называемъ его преступленіемъ и казнимъ совершителя его, — стало быть мы только требуемъ и наказуемъ: требуемъ неисполненія преступнаго, наказуемъ за исполненіе; а чѣмъ уравниваются эти требованія и наказанія?

МЫЛЬНЫЕ ПУЗЫРИ.

МЫЛЬНЫЕ ПУЗЫРИ.

Въ острогѣ очень любятъ забавляться мыльными пузырями, только тамъ пузыри своего рода, «острожные». Ихъ очень много, выборъ разнообразный. Я ограничусь одними дѣловыми пузырями.

Обходить усатый смотритель острожные камеры.

— Тайну имѣю открыть! взываетъ изъ толпы арестантовъ какой нибудь Ѳедоръ Зубастовъ, которому желательно пустить мыльный пузырь.

— Ну, говори.

— Столь велика моя тайна, что никому другому, окромя Оку Цареву, господину прокурору открыть ее не могу.

— Да ты чай врешь, такой сякой. Знаю я тебя, ракалю, начальство только утруждать, по городу шляться хочется, возражаетъ смотритель на желаніе Зубастова повѣдать тайну цареву оку.

— Родители-то мои не вдали, да и мнѣ, заказали не брать этого грѣха на душу. А вамъ, ваше благо-

родіе, ругаться не пристойно: што — што мы по невинности своей въ несчастіи находимся.

— Залебезиль! знаю я тебя, Лиса Патрикѣвна, какъ по невинности ты своей сидишь. И теперь севрюгинскіе мужики каждый праздникъ свѣчки ставятъ, что тебя въ мѣшокъ запртали.

— Севрюгинскіе мужики што-съ! Знамо, мужикъ-вахлакъ, ничего ни понимаетъ. Оклеветать каждого можно, а свидѣтели со злости все показали. Я докладывалъ тогда объ этомъ ихъ милости, господину слѣдователю, да они въ резонтъ не взяли. Одначе я на нихъ жалобу подалъ, какъ еще праведные судьи найдутъ. Чай, и господинъ слѣдователь начальство надъ собой имѣютъ.

— Баламутъ! ты весь н острогъ-то на ноги поднялъ. Доберутся до тебя! Смотритель чуть ли не со скрежетомъ зубовымъ погрозилъ кулакомъ арестанту: Зубастовъ солоно приходился ему.

— За смиренство за мое вы всѣ нападать на меня изволите. Одначе позвольте, ваше б-діе, въ контору отправиться: тайну прописать.

И радъ бы смотритель не давать Ѳедору Зубастову своего позволенія тайну прописать, да не можетъ. Не далъ бы своего позволенія смотритель потому, что Зубастовъ арестантъ-то шустрый: объ мукѣ, дровахъ и проч. лучше всякаго эконома свѣдѣнія содержать. По милости Зубастова, и онъ, смотритель, разъ было чуть съ мѣста не слетѣлъ, только друзья въ обиду не дали.

Съ сознаніемъ своего достоинства, глухо побряки-

вая цѣпью, отправляется Зубастовъ въ острожную контору. Неумоимо ходить по сѣрой бумагѣ острожная рука, листъ за листомъ исписываетъ она.

— Да што ты, окаанный, расходился очень, ворчить на Зубастова искалѣченный Дементьевъ, отставной солдатъ, онъ же и писарь въ острожной конторѣ.

— А ты, помалчивай только, старый чортъ! вишь, какими дѣлами ворочаетъ, цыдулы важнецкія сочиняетъ. Чѣмъ бы лаяться-то вашему генеральскому чину, лучше бы сказали нашему степенству; «отдохните, молъ, Ѳедоръ Зиновичъ, не надсаживайте свою грудку, да табачку съ нами поноухайте». Оно бы и ладно было, отгрызается Зубастовъ.

— Носомъ еще не вышелъ, штобъ въ нашу табакерку лѣзть. Много вашего брата здѣсь перебивается, не наподчуешься.

Перебрасываясь легкимъ разговоромъ, то съ Дементьевымъ, то съ являющимся въ контору почти ежеминутно новымъ людямъ, строчить Зубастовъ свою тайну. Чуть ли не съ Адама началъ онъ ее, на каждой страницѣ по десятку статей закона выставилъ.

На этотъ разъ тайна заключалась не въ смотрительскихъ штукахъ: онъ поберегались на другое время.

Между прочимъ Зубастовъ прописывалъ слѣдующее:

«По невинности своей, о коей не разъ докладывалъ вашему высокородію, и которую я передъ престоломъ Всевышняго готовъ клятвою подтвердить, претерпѣваю я тяжкія страданія и душевныя, и тѣлес-

ныя. Но сего недостаточно толико мучающему меня року! Обреченный, аки агнецъ неповинный, влечить дни свои въ заточеніи съ людьми, подобными звѣрямъ лютымъ, подвергаю я жизнь свою не малой опасности. Арестантъ Иванъ Николаевъ Лобковъ, содержащійся, какъ извѣстно вашему высокородію, по подозрѣнію въ смертоубійствѣ, затаилъ въ кровожадной душѣ своей черную злобу на меня и замыслилъ лишить меня сокровища, дарованнаго Премудрымъ Творцомъ неба и земли. Злобный злодѣй!!! Не внялъ рѣчамъ нашего благолѣпнаго пастыря! Въ ночи съ 23 на 24 ноября вышерѣченный Лобковъ, подошедъ къ намъ арестанта Кузьмы Александрова Салдыренки, сталъ подговаривать его совершить надо мной гнусное убійство, обѣщая за таковое невыразимое дѣло 10 рублей серебромъ деньгами и передавая ему большой ножъ, долженствующій пролить мою кровь...»

Мыльный пузырь начинаетъ пріобрѣтать краски.

Чѣмъ дальше прописываетъ Зубастовъ свою тайну, тѣмъ все сильнѣе и сильнѣе разыгрывается его фантазія, тѣмъ все хитрѣе подводятся обстоятельства, по которымъ можно дать полную вѣроятность замыслу пролить неповинную кровь: два свидѣтеля видѣли, какъ Лобковъ передавалъ ножъ Салдыренкѣ, десять слышали, какъ шолъ подговоръ на убійство и заявлено было согласіе. Словомъ, комаръ носу не подточить. Зубастовъ юристъ опытный, онъ хотя и не слушалъ никакихъ курсовъ, да за то жизнь его такъ слагалась, что приходилось ему часто справляться съ законами. Зубастовъ въ четвертый разъ сидитъ въ ост-

рогѣ, другой на его мѣстѣ давно бы попалъ «въ страны сибирскія», а онъ, дастъ Богъ, опять по своей волѣ погуляетъ, да и еще раза два, три въ каменные палаты попадетъ.

Такъ взываетъ въ концѣ своей тайны Ѳеодоръ Зубастовъ къ прокурору:

«Защитите, ваше высокородіе! Не попустите во цвѣтѣ лѣтъ погибнуть мнѣ отъ нечестивой руки гнуснаго убійцы! Невинность моя погибнетъ вмѣстѣ со мною, а я еще льщу себя сладкой надеждой при помощи Вездѣсущаго Творца и вашего высокородія, доказать ее передъ праведными судьями. Ваше высокородіе! Слава о подвигахъ вашихъ гремитъ изъ конца въ конецъ всей вселенной, милліоны облагодѣтельствованныхъ вами несчастныхъ возсылаютъ къ небу жаркія мольбы о продолженіи драгоцѣннѣйшихъ дней вашихъ! Внемлите же и на сей разъ мольбѣ злополучнаго узника, пролейте бальзамъ въ его душу и прикажите черезъ кого слѣдуетъ, на точномъ основаніи XV Т. Уложенія о наказаніяхъ и вновь вышедшаго наказа судебнымъ слѣдователямъ, произвести строжайшее изслѣдованіе о кровавомъ умыслѣ на мою жизнь вышесказанныхъ Лобкова и Салдыренки, подвергнувъ ихъ за то достойной казни. Симъ вы пріобрѣтете новый лавръ, и великое имя ваше будетъ и денно и нощно на устахъ черноморскаго мѣщанина, нынѣ гражданскаго арестанта Ѳеодора Зиновьева Зубастова».

Открылась великая тайна. Пузырь вышелъ на славу. Знай только распутывай его слѣдователь, да ло-

май себѣ голову, чтобъ похитрѣе изловить гнусныхъ злодѣевъ, замыслившихъ лишить Ѳедора Зубастова сокровища, дарованнаго премудрымъ творцомъ. А тѣ-то, тѣ-то потѣшатся надъ его благородіемъ: рассказъ на цѣлый день хватить, животики всѣ со смѣху надорвутъ, особенно какъ самъ же Зубастовъ купно съ Лобковымъ начнутъ слѣдовальщика, епутатовъ, по па представлять. Знатно надули! комедіи не нужно.

При каждомъ доносѣ, а особенно при доносѣ такого рода, какъ настрочилъ Зубастовъ, вамъ, конечно, представляются тотчасъ же потрясающія сцены, драматизмъ положенія, сильные характеры. Мрачныя стѣны каземата, бряцаніе цѣпей, ночь, освѣщенное чуть прокравшимся черезъ желѣзную рѣшетку мѣсячнымъ лучомъ страшное лицо злодѣя, подговаривающаго товарища совершить кровавое дѣло и проч. и проч. Не бойтесь: ничего подобнаго не было, да и впереди никакихъ эффектовъ не представляйте. Мыльный пузырь разлетится такимъ же образомъ, какъ и начался: самъ собою, безъ всякихъ поползновеній на драматизмъ.

Какая же потребность пускать осторожнымъ эти, ни къ какимъ результатамъ не ведущіе, мыльные пузыри?

Тоска. Тяжело сидѣть въ арестантскихъ ротахъ, рабочихъ домахъ, тяжело исполнять подневольную работу; но тамъ какая ни-на-есть, да все же есть ра-

бота, упражненіе мышцъ, тамъ подчасъ вышлютъ на берегъ рѣки, въ садъ, и свободно вздохнетъ отравленная, измученная казематнымъ воздухомъ грудь; тамъ, хоть и урывкомъ, да нагладишься на бесконечно-раскинутую передъ тобою даль, тамъ увидишь и другія лица, кромѣ исполосованныхъ, обезображенныхъ каторжнымъ клеймомъ, горько-слезнымъ острожнымъ жмтьемъ. Спится, по крайней мѣрѣ, лучше, какъ провозишься день деньской на городской мостовой, постукивая тяжелымъ молотомъ по разсыпчатому известняку, да повозивъ до краевъ нагруженную каменьями тачку; не такъ безпокойно мечешься ночью по нарамъ, не давить мучительно кошмаръ; разрывающая сердце тоска по утраченной свободѣ, по родной хатѣ, хоть на время, хоть во снѣ, да оставятъ тебя усталаго, измученнаго...

Острожные не имѣютъ и этихъ наслажденій, они лишены всего: ихъ жизнь ничѣмъ законно не сокращается, стѣны острога — ихъ міръ, гдѣ они цѣлые дни бродятъ изъ угла въ уголъ, ничѣмъ не занятые; ничѣмъ не отвлекаемые отъ навязчивыхъ, невеселыхъ думъ; въ мое время, ожиданіе наказанія, торговая площадь, палачъ въ красной рубахѣ, да народъ, въ тысячу глазъ, слѣдящій молчаливо за каждымъ взмахомъ плети. — вотъ какая стояла передъ ними перспектива; теперь эту перспективу составляютъ: поселеніе, каторга. Чѣмъ бы ни кончилось дѣло, но острожный ждетъ съ нетерпѣніемъ рѣшенія своей участи; самый страшный исходъ для него отраднѣе настоящаго съ его однообразіемъ, съ его праздностью, съ его

томящую неизвѣстностью. Я зналъ людей, повинившихся въ нѣсколькихъ убійствахъ; ждать имъ пощады, конечно, было нельзя, но и за всѣмъ тѣмъ они съ какимъ-то мучительнымъ нетерпѣніемъ выпрашивали меня о ходѣ дѣла, съ странной радостью узнавали о близкомъ исходѣ его.

— Ужь знамо дѣло, Василій Прокофьевъ (въ мое время существовала торговая казнь) маху не дастъ, такую тебѣ баню устроить, что до свадьбы будешь помнить, иначе все же рѣшеніе.

— Да, вѣдь, по казанкѣ придется пройтись! Путь не близокъ!

— И по казанкѣ пройдуся. Али ноги у меня купленные? И то истомились въ заклепахъ-то острженныхъ.

Впрочемъ, у многихъ есть и еще причина ожидать нерпѣливо рѣшенія своей участи, особенно у преступниковъ, обвиненныхъ въ тяжкихъ преступленіяхъ, за которыя слѣдуетъ каторжная работа. Изъ острога убѣжать очень трудно. Въ продолженіе моего знакомства въ острожной жизни, было нѣсколько попытокъ «учинить побѣгъ», но всѣ эти попытки оканчивались очень неудачно: или открывался путь предназначенный къ побѣгу, или (что было до крайности рѣдко) если побѣгъ и совершался, то бѣжавшіе нерелавливались очень скоро. Стѣны очень толсты и высоки, часовые стоятъ на каждомъ шагу, зеленая дубрава рѣдко шумитъ подъ самымъ городомъ своими листьями, да наконецъ въ острогѣ много всякаго званія людей, которымъ даже расчетъ подслужиться къ

начальству доносомъ на своихъ товарищей. Совсѣмъ другое дѣло бѣжать съ дороги.

— Только бы въ Сибирь перевалить, а тамъ ступай душа на всѣ на четыре стороны, запрета не будетъ. Тамъ нашего брата, проходимца каторжнаго, и певѣсть што шляется, всѣхъ не переловишь, руки устанутъ, говорили миѣ не разъ осторожные.

Кстати о побѣгахъ.

Былъ у меня одинъ знакомецъ въ острогѣ — Александръ Залѣскій; «шляхтой» у осторожныхъ онъ прозывался. Личность интересная въ полномъ смыслѣ этого слова, какъ по наружности, такъ и по своему прошедшему. Попалъ Залѣскій къ намъ въ острогъ по «глупости» (слово очень употребительное въ острожномъ нарѣчьи). Залѣскій сосланъ былъ въ каторжную работу, но оттуда бѣжалъ въ числѣ пяти человѣкъ и добрался до нашего города. Плыли они въ лодкѣ и остановились не вдалекѣ отъ города на волжскихъ островахъ, въ тальникѣ. Двое изъ бѣжавшихъ отправились на промыслы въ городъ, но городъ-то имъ былъ совсѣмъ незнакомъ: они забрались въ первый попавшійся на дорогѣ домъ, а этотъ домъ оказался ротнымъ дворомъ. Конечно забравшихся тотчасъ же изловили, и одинъ изъ нихъ выдалъ товарищей, скрывавшихся на островѣ, которыхъ и накрыли спящихъ. Въ числѣ накрытыхъ былъ Иванъ Залѣскій. Я говорю, Залѣскій была личность очень интересная по своему прошедшему; въ его кондуитномъ спискѣ

значилось очень коротко: судился за разбой, неоднократно убійства и побѣги. Стало быть, исторія Залѣскаго не заурядъ съ прочими. Самъ «шляхта» весьма не охотно говорилъ о прошедшемъ. Надо замѣтить, что Залѣскій выражался нѣсколько книжно, картинно. Я его разъ какъ-то спросилъ: за сколько убійствъ онъ судился?

— Про то знаю я, Богъ, да темная ночь, отвѣчалъ Залѣскій.

Разъ какъ-то разговорился Залѣскій.

— Я все больше кистенемъ работалъ: надежный другъ не выдастъ! Поднесешь чару хмѣльнаго, смотришь, паренекъ и свалился. И пожаловаться не успѣть: что вотъ-де такой, воръ окаанный, разобидѣлъ его. Однажды было измѣнилъ другъ вѣрный, да поправился. Къ помѣщику въ гости пришли, объ здоровьи его справиться, а онъ и проснись въ ту самую пору, какъ гости дорогіе у постели его стояли. Тарарахнулъ я хозяина разъ, да видно не по причинному мѣсту,—на ногахъ остался, душить меня сталъ. Спасибо товарищамъ—они выручили.

— Чѣмъ же кончилось?

— Для хозяина-то радушнаго? На тотъ свѣтъ отправился. Не бывать бы ему тамъ такъ скоро, колибъ не Залѣскій Александръ.

Залѣскому лѣтъ тридцать пять. Красавецъ былъ мужчина: высокій ростъ, густая борода, черные волосы, небольшой носъ съ горбомъ, отлично образовавшіяся губы. Только каторжныя клейма его нѣсколько безобразили, въ особенности на лбу. Какъ

видно, Залѣскій когда-то былъ въ «порядочномъ обществѣ»: онъ положительно выходилъ изъ уровня арестантовъ. Залѣскій любилъ очень рисоваться, бить на эффектъ, и эта рисовка шла къ нему. Бывало придетъ въ своемъ желтомъ, широкомъ армякѣ, скинетъ его какъ то въ складкахъ съ одного плеча, облокотится на косякъ, сложить крестообразно руки на груди, — ну хоть сейчасъ на картину: бандитъ апеннинскихъ ущелій, да и полно. Въ лицѣ Залѣскаго одно только отталкивало: черные, будто изъ стали выкованные глаза. Подобнаго безстрастія въ глазахъ я ни у кого не встрѣчалъ: холодили они. Объ чемъ бы ни говорилъ Залѣскій, смѣялся ли, сердился ли, глаза его были постоянно одинаковы. Страшные глаза, беспощадные. Думаю, что даже когда «другъ надежный» голову размозжить, и тогда эти глаза не измѣняли своего безстрастнаго выраженія, ничего не могла прочесть въ нихъ жертва. Омутъ бездонный.

Однажды я разговаривалъ съ Залѣскимъ объ каторжной жизни, объ ея порядкахъ.

— Тяжело тамъ?..

— Да-съ, не легко, банкеты рѣдко задаются. Впрочемъ, я ее больше пытать не буду: опротивѣла она мнѣ, какъ жена не любая.

— То есть, это какъ же пытать не буду?

— Такъ же. Не попаду я на старое мѣсто, съ дороги распрощаюсь. Въ монастырь желаніе имѣю постричься, грѣхи покаяніемъ искупать.

— Ну, это еще старуха-то на двое сказала.

— Не старуха, а я говорю, что убѣгу. Ужь по

мяните мое слово. Я жду не дождусь, когда Василий Прокофьевич благословит меня — на всѣ на четыре стороны отправиться...

Залѣскій говорилъ о своемъ побѣгѣ такъ просто и такъ увѣренно: это дескать дѣло рѣшенное, объ немъ и разсуждать-то не стоитъ, такъ что я вполне убѣжденъ, что онъ или исполнитъ, или уже исполнилъ свое слово.

— А куда ты отправишься, если въ самомъ дѣлѣ удастся убѣжать?

— На родину взглянуть желательно, соскучились чай обо мнѣ. Да и должники остались, расплатиться слѣдуетъ... Впрочемъ, и сюда зайду: знакомая сторона стала, благопріятелей много развелось, теперь по старому, какъ куръ во щи, не попадусь.

— Отчего же ты здѣсь убѣжать не попытаешься? Выгоднѣе: миновалъ бы благословенія Василья Прокофьева.

— Здѣсь хлопотъ много, опаснѣе. Вѣдь вонъ Чапуринъ вдулся же. Конечно, я сдѣлалъ бы поумнѣе нѣсколько, — ну, да все не ровень часъ. Трудись, трудись, а толку мало. Не по моему.

— Чѣмъ же ты питаться-то будешь? Воздухомъ однимъ — мало, путь же дальній.

— Питаться! Залѣскій скорчилъ презрительную улыбку. — Это ужъ пришествіе антихристова будетъ, если каторжный хлѣба себѣ не найдетъ. Путь широкий, народу всякаго по нему много идетъ, — каторжному каждый поклонъ отдавай, а не то и башку съ маклака можно сшибить: не на мѣстѣ она, коли чина

столь важнаго уважать не желаетъ. Вѣдь нашему брату, ночному ворону, что ни попъ, то и батька. Одно все. Примѣрно, и вы попадись...

— Что же?

— Особеннымъ манеромъ и съ вами поговорить можно...

— Ну да вѣдь и я тебѣ спуска-то не дамъ, щеп не подставляю...

— Зачѣмъ подставлять. Это чья возьметъ. Что въ картахъ: можетъ ваша, можетъ и моя.

Преинтересный народъ эти острожные. Но во всякомъ случаѣ не желалъ бы я сыграть съ Залѣскимъ: ставка очень велика.

— Но возвратимся къ мыльнымъ пузырямъ.

И такъ, одна изъ причинъ «мыльныхъ пузырей» есть желаніе хоть какъ нибудь сократить монотонно-тоскливую жизнь. Все же разнообразіе: къ слѣдователю начнутъ водить, въ судъ, — время-то и идетъ себѣ и мозгъ занять. Вѣдь дѣло съ чиновными особами ведется, стало поднадуть весьма пріятно. Кромѣ того, есть другая причина «мыльныхъ пузырей»: пройтись лишній разъ по городу. Остроги строятся у насъ чаще всего на концѣ базарныхъ площадей, а русскій человѣкъ не привыкъ обходить «несчастливаго», что гремя цѣпью, въ сопровожденіи солдатовъ съ ружьями, пробирается черезъ толпу; онъ знаетъ, каково лишиться воли ненаглядной, знаетъ, что пострадать легко каждому, а потому и не отворачивается отъ

«несчастливаго» съ презрѣніемъ, а торопливо бѣжить на встрѣчу къ нему, суетъ ему свою нищенскую копѣйку. Многіе возстаютъ противъ подобнаго выраженія народной симпатіи къ «острожнымъ». Это нелѣпо.

Вотъ идутъ они печальной вереницей, опустивъ свои буйныя головушки къ сырой землѣ; бойкія ноженьки ихъ сковала желѣзная цѣпь, черныя думы, словно змѣи подкоlodныя, точатъ и сосутъ ихъ ретивыя сердца, плачутъ по нихъ малыя дѣтушки, покачнулася ихъ хата бревенчатая, поросла травой къ ней тропа проторонная, поселилася въ ней доля слезная, сиротская.

И бьется простое «мужицкое» сердце подъ толстой сермягой, когда встрѣтитъ эта сермяга печальную вереницу; удержу рукъ нѣтъ, что хочетъ протянуться къ погибшему брату каторжному... Досугъ ли тутъ раздумывать простому человѣку о вредѣ такой помощи? не на бумагѣ вѣдь дѣло строчится, а сама жизнь приходитъ, жизнь надломанная, искалѣченная, отравленная.

Пишите что хотите, а народъ будетъ подавать «острожному» при каждой встрѣчѣ съ нимъ. И благо, что будетъ: черство то сердце, что кровью не обливается при этой встрѣчѣ. Да и вреда-то въ томъ нѣтъ, что арестантъ соберетъ нѣсколько лишнихъ грошей...

Стало быть источники «мыльных пузырей» тоска и сборъ подаваній.

Но есть и еще причина начатія «мыльных пузырей» — причина болѣе грязная: напакостить ближнему. Такого рода мыльные пузыри употребляются больше съ арестантами, имѣющими состояніе. Сидитъ напри-
мѣръ такой арестантъ годъ, сидитъ другой; человѣкъ онъ не бѣдный: около него другіе «острожные» уви-
ваются, кто съ услугой лѣзетъ, кто голубей ловить да продаетъ, кто иное дѣло мастерить, и перепадетъ иной разъ лишняя копѣйка въ осторожный карманъ. Выходитъ скоро такому арестанту рѣшеніе, провѣдають о томъ острожные... ну, тутъ ухо держи востро богатый, а то затынуть дѣло острожные такъ, что всплечешься: вѣдь у насъ по совокупности преступленій судятъ. Содержался въ острогѣ нѣкто Войцеховичъ, человѣкъ очень состоятельный. На свободѣ онъ былъ страшный буянъ, около дома его проходу не было; всякія штуки выдѣлывалъ, да деньгами потомъ откупался. Только разъ наверхулся на такое дѣло, что и откупиться-то было нельзя: засадили въ острогъ. Въ нашемъ же острогѣ содержался другой арестантъ, по прозванію Антошка Егоза. Какого рода-племени былъ Антошка Егоза, никто не зналъ; когда его спрашивали объ этомъ любопытномъ предметѣ, такъ онъ отвѣчалъ, что родился онъ подъ болотной кочкой отъ стрекозы, а прозвалъ его Антошкой мужичишка-проходимецъ; бродяжничалъ онъ, Антошка, отъ той самой поры, какъ себя сталъ помнить, прошелъ онъ всѣ страны и близкія, и дальнія, останавливаясь у добрыхъ людей, именъ которыхъ припомнить не можетъ, «гдѣ день, гдѣ ночь, а гдѣ и цѣлый годъ». Парень былъ умный Антошка,

глаза его во всё стороны такъ и бѣгали, точно насквозь все хотѣли видѣть, зналъ Антошка много, въ особенности мастеръ былъ подъ чужія руки подписываться: возьметъ бывало ассигнацію, да такъ для штуки всё подписи съ нея и выведетъ; ни за что не узнаешь, которая подпись фальшивая, которая настоящая. Мало того, что руками мастеръ былъ Антошка писать, ногами — и то писалъ.

Вотъ этотъ-то Антошка Егоза и залѣзъ въ душу Войцеховичу, такъ залѣзъ, точно околдовалъ. Неразлучными все ходятъ. Да и Антошка-то будто переродился, совсѣмъ благородный сталъ въ благородной компаніи, не узнаешь, что изъ бродягъ: держать себя такъ солидно, у Войцеховича книжки беретъ, читаетъ ихъ, объ важныхъ матеріяхъ и разговоры ведетъ. Осторожные смотрятъ на Антошку, да зубы скалятъ, лизоблюдомъ дворянскимъ зовутъ, а Антошкѣ и горя мало (отгрызаться или обругать кого онъ и самъ былъ не промахъ); съ Войцеховичемъ онъ и обѣдаетъ, и чай распиваетъ, въ тихомолку и водки хватить. Словомъ, Антошкѣ около Войцеховича не житье было, а масляница. Дѣло Войцеховича тянулось долго и стоило не дешево; наконецъ прописываютъ ему, что скоро и оно кончится, и что его, Войцеховича, въ подозрѣніи только оставляютъ. Показалъ Войцеховичъ письмо это Антошкѣ другу. Обрадовался Антошка, точно малое дитя, свободѣ, предстоящей покровителю. Дня черезъ два послѣ этого, приходитъ Антошка къ Войцеховичу и проситъ у него 25 р. с. Денегъ ли не было у Войцеховича, или пожалѣлъ онъ ихъ, только отказалъ Антошки.

У Антошки глаза засверкали, злобный такой сталъ.

— Узнаешь, говорить, дворянское чухало, чѣмъ пахнетъ Антошка Ёгоза! Я тѣ спѣсь-то сшибу! Ото-лю крестъ, да и вызолочу!

Въ это время начальство провѣдало, что въ острогѣ дѣлають фальшивые паспорта; такую мастерскую за-вели тамъ, что чуть ли не всю губернію снабжаютъ и думскими, и волостными, и конторскими. Захотѣлось конечно узнать начальству, кто это мастерить такіа дѣла? Сдѣлали обыскъ, но кромѣ формочекъ какихъ-то, ни куда не пригодныхъ, ничего больше не нашли; объ виновныхъ же и разговаривать нечего: въ острогѣ по такимъ дѣламъ виновныхъ нѣтъ, ихъ самъ чортъ не разъищетъ. Приѣхалъ разъ въ острогъ полиціймей-стеръ со страпчимъ, подходитъ къ нимъ Ёгоза.

— Позвольте, говорить, вашему высокородію дѣло важное по секрету открыть.

Тотъ конечно ему: изволь.

— Я, говорить, знаю, кто фальшивые билеты пи-шетъ, печати къ нимъ прикладываетъ.

Начальство очень обрадовалось, что такое дѣло важное само въ руки дается; и стало торопить Ёгозу, чтобъ тотъ открылъ виновнаго скорѣе.

— Паспорты-то подписываю я, только у меня со-умышленникъ есть, онъ меня на такое законопротив-ное дѣло подбилъ, онъ же печати отливалъ и прикла-дывалъ ихъ.

Полиціймейстеръ чуть не облобызалъ Ёгозу: очень ему хотѣлось дѣло распутать.

— Пойдемте, ваше высокородіе, съ обыскомъ, я

вамъ доказательства представлю, чтобъ человекъ тотъ отъ соумышленничества со мной не отказался. А до обыска имени его открыть не желаю.

Пошли цѣлой гурьбой съ обыскомъ. Егоза впереди всѣхъ гоголемъ летить, только порой словно передергиваетъ его. Подошли къ камерѣ Войцеховича. Радость начальства нѣсколько поуменьшилась: съ Войцеховичемъ свои счеты имѣлись.

— Куда ты насъ ведешь?

— А вотъ пожалуйста въ камеру господина Войцеховича.

Войцеховичъ поблѣднѣлъ, когда увидѣлъ у себя толпу незванныхъ гостей; по присутствію между ними Антошки Егозы онъ сразу понялъ, что собирается надъ его головой новая бѣда.

Антошка сказалъ:

— Какъ передъ Богомъ, такъ и передъ вами, гг. полиціймейстеръ и стряпчій, объявляю я, что одинъ только у меня и есть соумышленникъ: Войцеховичъ господинъ. Вмѣстѣ съ нимъ писали мы билеты фальшивые, въ чемъ и присягу принять готовъ. Прикажите обыскать кровать Войцеховича и увидите вы, что не клевету на него несу я.

Войцеховичъ стоялъ какъ громомъ пораженный. Онъ опомниться не могъ.

Стали дѣлать обыскъ въ кровати. Егоза зорко слѣдилъ за обыскивающими. Распороли тюфякъ, и въ немъ дѣйствительно нашли четыре фальшивыхъ печати, форму для литья ихъ, нѣсколько листовъ гербовой бумаги, два или три совсѣмъ приготовленныхъ паспорта

и одинъ только что начатый. Почеркъ начатаго паспорта былъ совершенно почеркъ Войцеховича.

Кончился обыскъ.

— Не лгу значить я! сказалъ Егоза.

Тутъ только опомнился Войцеховичъ и взглянулъ на своего недруга: Антоша стоялъ въ углу; невыразимо злая усмѣшка скользила по его синеватымъ губамъ; дерзкое лицо его дышало довольствомъ удовлетвореннаго мщенія. Егоза выросъ передъ своимъ униженнымъ, обезславленнымъ недругомъ.

«Отолью крестъ да и вызолочу!»! припомнилось, чай, Войцеховичу.

Чѣмъ кончилось это дѣло — я не знаю. Только Войцеховичъ послѣ того долго еще сидѣлъ въ острогѣ.

Это тоже мыльный пузырь..

Обыкновенно же мыльные пузыри не кончаются такъ драматично. Самая худшая доля въ нихъ выпадаетъ на долю слѣдователя: фактически онъ доказать не можетъ, что въ производимомъ слѣдствіи нѣтъ и намека на преступленіе; вслѣдствіе удачно сгруппированнаго вымысла онъ обязанъ производить слѣдствіе; но на самомъ дѣлѣ слѣдователь, если у него есть только капля здраваго смысла въ головѣ, очень хорошо понимаетъ, какъ «обходить» его, комедію съ нимъ играютъ, воду заставляютъ толочь. Положеніе до невѣроятности глупое.

Вотъ хоть дѣло съ Зубастовымъ Ѳедоромъ.

Два свидѣтеля видѣли, какъ Лобковъ Салдыренкѣ

передавалъ ножъ, долженствующій прекратить драгоценные дни. Сталъ я спрашивать и того и другаго: одинъ говоритъ, что палку передавалъ, а другой—ножъ не ножъ, а что-то очень близкое къ нему: можетъ, даже и ножъ. Надо давать очную ставку: «разногласія чтобъ молъ не было». Ставишь обоихъ очи на очи, физиономіи одна плутоватѣе другой: одна принадлежитъ крещеному татарину, конокраду жесточайшему, другая дворовому человѣку, парню прозженному. Чувствуешь, что оба потѣшаются надъ тобой, что ихъ и очей-то на очи не зачѣмъ ставить, потому разъ, что ни палки, ни подобія ножа не существовало никогда, что это плоды игриваго воображенія, а во вторыхъ знаешь, что оба свидѣтеля разыграли ужъ при многочисленной публикѣ цѣлую комедію ставленія очи на очи, что при этой комедіи присутствовали въ качествѣ зрителей и Зубастовъ, и Салдыренко, и Лобковъ, и всѣ игрой актеровъ, какъ мастерски исполненной, остались крайне довольны.

Меня это дѣло своей неподражаемой игрой самаго заинтересовало, а тутъ мнѣ еще «предписали» произвести его по всѣмъ правиламъ.

Слѣдовало пригласить священника для увѣщеванія. Пришелъ священникъ и сталъ увѣщевать. Долго шло увѣщеваніе,—на него были направлены и Державинскіе стихи и тексты и латинскія цитаты. Молча сначала слушалъ Салдыренко обильно струившійся потокъ краснорѣчія,—съ неподражаемымъ искусствомъ сыгралъ онъ изъ себя кающагося грѣшника. Наконецъ видно надоѣла ему молчаливая роль, а потому возрыдалъ онъ.

— Раскаиваешься ли ты, сынъ мой, въ своемъ упорствѣ.

— Каюсь, батюшка.

— Открой же намъ истину, во всей наготѣ ея. Подобно солнцу лучезарному подлежитъ возсіяты ей. Не бойся мзды, но вспомани прощеннаго на крестѣ разбойника; не отчаявайся, сынъ мой, въ сотворенномъ тобою тяжкомъ грѣхѣ, ибо здѣ пріемля достойную мзду, почему знаемъ мы, что неявишося ты превознесеннымъ, тамъ, гдѣ нѣсть ни болѣзней, ни воздыханій, почему знаемъ мы, что за покаяніе не уготовано тебѣ мѣсто на лонѣ Авраамлѣ? Итакъ, раскаиваешься ли, сынъ мой?

— Каюсь батюшка.

— Рѣки же?

— Да что мнѣ рѣчь то?

— Замыслилъ ли ты въ сердцѣ своемъ убійство брата своего арестанта Зубастова.

— Какой онъ, вражій сынъ, братъ мнѣ.

— Не изрыгай ругательствъ въ сію торжественную минуту, но съ слезами покаянія глаголь: замышлялъ ли сіе убійство.

— Знать ничево не знаю, вѣдать ничево не вѣдаю. Да разрази меня на семь мѣстѣ Господь, коли я что знаю. Одни все пустые слова на меня.

И такъ — пошло прахомъ: ни тексты, ни державинскіе стихи, ни цитаты ничего не помогло.

Обыкновенно «мыльные пузыри» заключаются очень просто. Пишешь, пишешь всякую белиберду, наконецъ надоѣстъ видно и арестантамъ играть комедію, поно-

*

вѣе выдумать захочется, — ну и явится главный виновникъ, изъ-за котораго «весь сырѣ-борѣ загорѣлся», къ зрителю.

— Дозвольте мнѣ, ваше благородіе, къ господину слѣдователю отправиться.

— За чѣмъ?

— Важныя обстоятельства по моему дѣлу открыть.

Идетъ открывать важныя обстоятельства.

— Что тебѣ надо? спросишь.

— Да вотъ что, вашеко благородіе: я все неправду вамъ показывалъ.

— Какъ неправду?

— Такъ-съ. Въ болѣзняхъ пребывалъ, безпамятствомъ одержимъ былъ. Отъ того и неправду показывалъ...

— Что же правда-то?

— Никакова злоумышленія на жизнь мою не было и оговаривалъ я все по пустому. Такъ и запишите, вашеко благородіе: въ безпамятствѣ молъ людей по напрасну оговаривалъ, теперь же покаяніе чистосердечное приносить, терзаніе совѣсти ощутилъ, что людей черезъ себя непріятностямъ подвергалъ.

И разлетѣлся мыльный пузырь осторожной жизни! А славный такой былъ: большой, раздутый, съ разнообразными переливами свѣта, съ отраженіями различныхъ фигуръ.

Впрочемъ, «мыльные пузыри» не проходятъ безслѣдно: новички арестанты надъ ними очень хорошо практикуются; мѣсяца два не пройдетъ, какъ человѣка посаженнаго въ острогъ узнать бываетъ нельзя:

опытность, значить, приобрѣлъ, житейской мудростью проникся. Метаморфоза подъ вліяніемъ острога особенно замѣтно оказывается на крестьянахъ, совершившихъ преступленіе.

Крестьянинъ, дальше плетня своей деревни, или много-много базарной площади ближайшаго городишка ничего не видавшій и совершившій преступленіе, обыкновенно не задаетъ много работы слѣдователю. Происходитъ это потому, что большая часть крестьянскихъ преступленій совершается въ минуту увлеченія, безъ обдуманнхъ заранѣе шансовъ на успѣхъ скрыть ихъ, безъ хитро подведенныхъ обстоятельствъ, могущихъ замаскировать виновнаго.

Новичокъ сознался, уличенъ обстоятельствами и попадаетъ въ острогъ. Предъ нимъ начинаются пускаться мыльные пузыри, его заставляютъ принимать въ нихъ непосредственное участіе. Осторожные берутъ новичка въ науку, и, благодаря ихъ опытности, метаморфоза быстро совершается.

Я много разъ наблюдалъ эти метаморфозы. Надо отдать должную справедливость наставникамъ: они мастерски знаютъ свое дѣло.

Побывшаго недѣли три, четыре въ острогѣ новичка опять слѣдуетъ спросить: «для дальнѣйшаго уясненія нѣкоторыхъ обстоятельствъ»; но увы! вмѣсто уясненія, выходитъ такая непроницаемая, мастерски составленная путаница, что слушаешь и не вѣришь: тотъ ли это человѣкъ, который еще такъ недавно передъ тобой находился? Откуда онъ нахватался такихъ премудростей? Чего, чего только нѣтъ въ его отвѣтахъ:

и статейками подпираетъ, и присягу въ невинности своей передъ алтаремъ всемогущаго Творца готовъ принять, и безпамятство съ головокруженіемъ на него прежде находило, и свидѣтели по злости все ложно показали... Слогъ—и тотъ даже переѣнился: книжно-дѣловой сталъ.

«Да откуда же все это является?» въ недоумѣніи спрашиваете вы самого себя.

Дѣло выходитъ простое: школу новичокъ произвелъ хорошую, нотации читаны ему были приличныя, да и мѣры крутыя принимались: «чтобъ понимали дурни, что ихъ уму-разуму учать, объ ихъ же головахъ заботу имѣють».

Впрочемъ, вообще надо замѣтить, что русскій человѣкъ не умѣетъ себя хитро держать при слѣдствіи: онъ или сознается въ преступленіи, или понесетъ такую непроходимую ерунду, что на каждомъ шагу уличается во лжи. Напримѣръ десять человѣкъ видѣли, какъ онъ замокъ ломалъ, а онъ знай толкуетъ себѣ одно, что съ пріятелями въ кабакъ въ это время прохладжался; спросятъ пріятелей, а тѣ и въ глаза его не видали. Изворотливость встрѣтишь только, какъ исключеніе, да и то въ людяхъ «образованныхъ», бывалыхъ. Мнѣ приходилось имѣть дѣло и съ другими націями: тѣ (Боже упаси заподозрить меня въ какихъ либо пристрастіяхъ! Я передаю то, что видѣлъ, наблюдалъ), пожалуй, почише будутъ: врутъ тоже на

пропалую, но только тогда, когда знаютъ, что ихъ или уличить нечѣмъ, или уличить очень трудно; въ противномъ же случаѣ стараются давать свои отвѣты такъ, чтобы между ними и уличающими обстоятельствами не было рѣзко бросающейся разницы, чтобы они имѣли въ себѣ всѣ признаки «законной» истинности.

Это тоже своего рода мыльные пузыри.

Нѣмцы все больше на туманность бьютъ, національный свой характеръ выдерживаютъ.

Изъ лавки одного купца кондитерскихъ припасовъ рублей на полтора ста пропало. Купецъ изъявилъ подозрѣніе на своего кондитера, нѣмца и приходившаго къ нему каждый день товарища, тоже изъ нѣмцевъ. У нѣмцевъ сдѣланъ былъ обыскъ, поличное найдено. Сомнѣваться въ виновности дѣтей Германіи было нельзя: все что было въ мастерской, было и у нихъ, съ тѣми же клеймами, въ той же посудѣ, того же качества. Прежде всего нѣмцы въ гоноръ вломались.

— Мы честные нѣмцы, мы не русскіе, мы воровать не умѣемъ. Наше дѣло честной работой заниматься, говорили обиженные.

Стали нѣмцевъ по одиночкѣ спрашивать.

— Гдѣ же вы взяли найденные припасы?

— Мнѣ ихъ братъ привезъ.

— Откуда?

— Изъ Нижняго.

— Давно ли?

— Двѣ недѣли тому назадъ.

— На чемъ пріѣхалъ вашъ братъ?

— На пароходѣ.

— На какомъ?

— Не знаю.

— Долго ли онъ пробылъ здѣсь?

— Всего нѣсколько минутъ.

— Кто его видѣлъ?

— Никто не видалъ.

— А изъ живущихъ въ домѣ, гдѣ ваша квартира?...

— Онъ у меня не былъ, я его встрѣтилъ у воротъ своего дома съ мѣшками: передавъ ихъ мнѣ, онъ тутъ же отправился.

— Кто же видѣлъ, когда вы несли мѣшки?

Пауза.

— Это было очень рано: всѣ еще спали.

— Какъ же вы узнали, что пріѣхалъ вашъ братъ?

— Я на прогулку вышелъ.

— Какъ могъ нести вашъ братъ на себѣ такіе огромные мѣшки?

Новая пауза глубокомыслія со стороны «честнаго» нѣмца.

— О! мой братъ силенъ, какъ Самсонъ.

— Какимъ же образомъ на мѣшкахъ могли очутиться клейма купца Дорожина, когда они прибыли изъ Нижняго.

Еще пауза.

— Стеченіе обстоятельствъ. О! много есть такихъ вещей, которыя трудно объяснить.

Объ трудно объяснимыхъ вещахъ нѣмецъ чуть ли не цѣлый часъ говорилъ, туманно такъ, что страхъ.

— Куда же отправился отсюда вашъ братъ?

Нѣмецъ предался снова глубокомыслію: надо было

родить такое мѣсто, откуда вытребовать брата для справокъ было бы не совсѣмъ удобно.

— Въ Константинополь!

Порѣшивъ вопросъ о мѣстопребываніи брата, нѣмецъ съ торжествомъ посмотрѣлъ на меня: каковы, дескать, мы, нѣмцы, суньтесь-ка вы, русскіе, да выдумайте такую штуку!

Подлинно русскій этого не выдумаетъ.

Купно нѣмцы тоже врутъ жестоко. Нужно мнѣ было у нѣмцевъ повальный обыскъ сдѣлать, собралъ я всѣхъ наличныхъ колбасниковъ, булочниковъ, столаровъ, слесарей. Народъ явился все благообразный; послѣ присяги, пасторъ приличный случаю спичъ сказалъ, — нѣмцы все головой ему въ тактъ мотали. А какъ пошли философы послѣ присяги врать, такъ и оказалось, что они всѣ съ родни константинопольскому туристу.

Съ татарами мнѣ тоже часто приводилось имѣть дѣло, по конокрадству все больше. Татаринъ никогда не сознается. Кажется, на мѣстѣ преступленія поймали, чего ужъ разговаривать: сознавайся, — а онъ вамъ такой мыльный пузырь пустить, что вы и ротъ разинете.

Татаринъ лошадь слямзилъ, но неудачно, за нимъ въ погоню. Нагнали такъ, что не успѣлъ даже соскочить съ воровскаго, и привели ко мнѣ.

— Помилуй, бачка! отпусти!

— Да какъ же я тебя отпущу, когда тебя поймали на воровской лошади?

— Не воровалъ я, бачка.

— Какииъ же образомъ ты на ней верхомъ-то очутился?

— Шелъ я, бачка, поленъ. Три человекъ лошадку ведутъ. Садись, бають три человекъ, собака-татаринъ, на лошадку. Убьемъ тебя, собака-татаринъ, коль не сядешь на лошадку! Бачка, жизнь жалѣлъ, — сидился на лошадку!

Татарскіе отвѣты вообще отличались особенной изобрѣтательностью. Молодецъ народъ!

Но довольно о подобнаго рода мыльныхъ пузыряхъ. Въ заключеніе, скажемъ нѣсколько словъ «о благородныхъ» уже мыльныхъ пузыряхъ.

По одному изъ мыльныхъ пузырей, именно по дѣлу о кражѣ денегъ у арестанта изъ дворянъ, Чужедольскаго, привелось мнѣ производить слѣдствіе: то есть играть въ пустую, любоваться блестящими проблесками осторожнаго остроумія, а самому разыгрывать жалчайшую роль переливатѣля изъ пустаго въ порожнее.

По дѣлу Чужедольскаго слѣдовало допросить арестанта Троянскаго. Фамилія арестанта указываетъ его происхожденіе: Троянскій былъ изъ дячковскихъ дѣтей, обучался въ мѣстной бурсѣ, дошелъ до «философскихъ дебрей», въ нихъ запутался и былъ изгнанъ изъ храма наукъ съ непохвальной аттестаціей: за лѣность и нерадѣніе, а наипаче за пьянство и за дурное поведеніе. Исключенный Троянскій отправился

было къ отцу своему; но и оттуда, сблудивъ съ дочерью управляющаго имѣніемъ, также со срамомъ не малымъ исторженъ бѣ; въ періодъ времени между исторженіемъ изъ отчаго села и вторженіемъ въ острогъ, Троянскій скитался изъ угла въ уголь по губерніи, все больше по писарской части: у становыхъ приставовъ, депутатовъ и т. п. представителей губернской бюрократіи средней руки. Впрочемъ, на мѣстахъ Троянскій засиживался не по долгу и отовсюду «изверженъ бысть» за то же пьянство и озорство своего характера. Троянскій былъ малый очень умный, но сначала бурса, потомъ послѣдующія скитанія испортили его страшно. Въ острогъ Троянскій попалъ прямо изъ кабака, гдѣ въ послѣднее время было его главное мѣстопробываніе и гдѣ онъ тоже занимался все больше по писарской части: фальшивые паспорта приготовлялъ.

Послѣ официальнаго спроса я разговаривалъ съ Троянскимъ объ осторожномъ житьѣ-бытьѣ вообще и объ его, Троянскаго, въ особенности. Троянскій сталъ припоминать свое прошедшее.

— Я больше въ писаряхъ жилъ. Славное житье, Дмитрій Ивановичъ, писарю: уважаютъ тебя больше самого пристава, тѣмъ паче, какъ онъ-то изъ лядящихъ попадется.

— Ну, такихъ-то на рѣдкость.

— Всякіе бываютъ, Дмитрій Ивановичъ; другой двухъ словъ написать не умѣетъ; за него всѣ дѣлишки обдѣлываемъ. Нѣтъ ужъ, вотъ у господина Ваничкаго такъ житье было!

— А кто это такой господинъ Ваницкій?

— Онъ-съ въ губернскомъ правленіи служить, только командированъ былъ для повѣрки ревизскихъ сказокъ въ Бабинскій уѣздъ. Онъ меня на время въ писаря къ себѣ нанялъ.

Предупреждаю моихъ читателей: я не рассказываю «дѣла давно минувшихъ дней, преданья старины глубокой». Я производилъ свои наблюденія, влодомъ которыхъ являются настоящія «записки», во времена очень и очень недавнія. Прогрессъ, благотворная гласность и проч. и проч. были въ то время въ сильнѣйшемъ ходу, — далеко больше, чѣмъ теперь. Словоизверженіе было тогда любимѣйшимъ занятіемъ: всякій гражданинъ языкоблудствовалъ наусерднѣйшимъ манеромъ....

Но возвратимся къ разговору съ Троянскимъ.

— Чѣмъ же житье-то у гостодина Ваницкаго было претѣнное?

— Да помилуйте-съ, намъ съ ними почету было, точно попомъ на Пасху. Человѣкъ молодой еще, господинъ Ваницкій, а ужъ такой шустрый, что любого осторожнаго за поясъ заткнетъ. Ужъ очень въ разумѣ-то они состоятъ.

Я молчалъ, зная что осторожному стоитъ только разговориться.

— Бабинскій-то уѣздъ весь чувашлишками, мордвой набитъ, народъ все смирный, не мудреный, другой всю жизнь изъ деревни не выѣзжалъ, только дуракъ его по зубамъ не колотить. Такъ ужъ какіе мы съ ними шутики не выдѣлывали. Потѣха-съ!

Троянскій засмѣялся пріятнымъ воспоминаніямъ.

— Какія же вы тамъ штуки-то выдѣлывали?

— Первое дѣло, Дмитрій Ивановичъ, какъ пріѣдешь въ деревню, сейчасъ старшина является: «што, бачка, твоей милости угодно?» а ты точно генераль какой приказъ отдаешь: «миѣ штофъ, а ихъ высоко-родію четверть каждый день, да штобъ всякіе припасы были наилучшіе, на счетъ дѣвокъ тоже».

— И являлось все?

— Еще бы съ. И придумалъ же въ эту пору господинъ Ваницкій штучку одну. Важнецъ штучка! Разъ пообѣдавши говоритъ онъ миѣ: «поѣзжай ты, душа моя, въ Бабинскъ, да купи миѣ тамъ двѣ дюжины пуговицъ форменныхъ: фортель миѣ въ голову пришелъ!» Я, знаете, тѣмъ же часомъ въ городъ, все, что слѣдуетъ, исполнилъ... «А ну, говоритъ, нашивай миѣ еще два борта, да вотъ здѣсь на груди побольше нашей». Нашилъ я господину Ваницкому пуговицъ чуть ли не на всемъ вицъ мундирѣ и старья вычистилъ, словно жаръ всѣ горять. Пріѣхали послѣ того мы въ большущее чувашское село, Ахчаки прозывается, и народъ велѣли собрать. Господинъ Ваницкій четырехъ-бортовой вице-мундиръ надѣлъ: «бери, говоритъ, самую большую книгу, да за мной къ народу иди!» Выходимъ. Чувашлишки такъ всѣ съ диву и дались, какъ увидали господина Ваницкаго въ пуговицахъ всего, — впервой знаете, другіе со страху шапки даже скинуть забыли. Какъ рывкнетъ на нихъ Павелъ Ивановичъ: «шапки долой, сволочь!» Страху-то еще больше напустилъ. «Я гово-

ритъ, царевъ посолъ, ревизию посланъ проиводить. Старшина!» Вышелъ старшина ни живъ, ни мертвъ, какъ листъ дрожить. «Всѣ на лицо?» «Нѣту-ти, бачка». «Какъ, я развѣ бачка! Да ты съ кѣмъ, такой сякой-сынъ, говоришь? а, съ кѣмъ? знаешь царева посла?» За бороду старшину. «Чтобы были у меня всѣ на лицо!» И ужь задавали страху этими пуговицами; такъ объ насъ и молва пошла, что набольшаго человѣка къ чувашамъ послали, царева посла: для того его и пуговицами наградили.

Троянскій даже вздохнулъ отъ воспоминанія ма-
линнаго житья.

— И вѣрите ли, Дмитрій Ивановичъ, продолжалъ онъ послѣ краткой паузы: — коли богатое село, такъ по гривеннику съ души, а коли бѣдно больно живутъ, такъ по пятачку... меньше не брали-съ...

Вотъ-съ какого рода пузыри пускаютъ благородныя особы. Какъ пораздумаешься, да приглядишься вверхъ и внизъ, такъ и оказывается, что наши-то пузыри выходятъ почище острожныхъ. Въ нашихъ сути больше и кругозоръ шире; благородные, значить, а потому и дѣла ведемъ на благородную ногу...

НАБОЛѢВШІЕ.

НАБОЛѢВШІЕ.

Въ послѣднихъ числахъ октября 18... года я получилъ такого рода извѣщеніе:

— Сего 22 октября, проживающая въ Козьей улицѣ солдатка Яковлева была ранена въ грудь ножомъ. Для излеченія отъ такой раны она Яковлева отправлена въ городскую больницу; подозрѣваемой же въ нанесеніи ей раны рядовой Степанъ Прокофьевъ содержится на главной гауптвахтѣ. О чемъ городская полиція и имѣетъ честь увѣдомить васъ для производства слѣдствія.

Къ лаконическому увѣдомленію полиціи былъ приложенъ складень-ножъ, четверти въ полторы дюймов; на остромъ концѣ ножа осталось нѣсколько засохшихъ кровавыхъ пятенъ.

Чтобы дополнить и пояснить лаконическое увѣдомленіе полиціи, я отправился въ больницу. Дежурный лекаръ сказалъ мнѣ, что раны Яковлевой хоть и очень серьезны, но что она въ настоящее время на-

ходится въ полномъ сознаніи и разговоръ не можетъ особенно болѣзненно дѣйствовать на нее.

Я освидѣтельствовалъ Яковлеву: на ней было три раны, одна на груди и двѣ на рукахъ, выше локтя; особенно была глубока грудная рана. Кромѣ того у Яковлевой были изрѣзаны пальцы, которыми хваталась она за ножъ, чтобы предохранить грудь отъ ударовъ. Дарьѣ на видъ лѣтъ двадцать-шесть, лицо ея было некрасиво.

— Ну что, Дарья, какъ ты себя чувствуешь? спросилъ я больную, когда фельдшеръ окончилъ перевязку.

— Ничего, батюшка, только ужъ очень больно.

— Кто это тебя Дарья?

Дарья открыла глаза и постотрѣла на меня.

— Да вотъ онъ, злодѣй-то мой... Кому больше.

— Кто? Степанъ Прокофьевъ, чтоли?

— Онъ, онъ сгубилъ мою душеньку.

— Да за чтоже онъ тебя?

— Ну, поди ты съ нимъ, и сама не знаю за что; такъ вотъ взошло въ голову, смутилъ окаянный, — онъ меня и прысть.

— Да что же ты жила чтоли съ нимъ?

— Какъ же, батюшка, не жить. Вотъ ужъ четвертый годъ таскаюсь съ нимъ. И допрежь съ свѣту бѣлаго согналъ совсѣмъ, а ужъ это, подиткосъ, и не знай што.

— Стало онъ и прежде съ тобой дурно поступалъ.

— Извѣстно дѣло, человѣкъ взбалмошный: вступитъ что въ голову, вынь да положь ему, — убью, говорить, какъ собаку убью.

— Отчего же ты не бросила его?

— Глупость-то наша женская. Ну вотъ такъ, словно обошолъ онъ меня чѣмъ.

— Да вѣдь была же какая причина, что рѣшился онъ на такое дѣло. За него спасибо не скажутъ, Степанъ зналъ это.

— Какая причина. Да просто безо всякой причины. Мы, знаете ли, живемъ теперь въ банѣ: хозяйка изъ горницы насъ выгнала, постояльцевъ на ярманку пустила. Вотъ сижу я на полкѣ, да вяжу чулокъ, а онъ, Прокофьевъ-то, и приходитъ ко мнѣ. Ну, первая сталъ разговаривать такъ хорошихонько, чистый понедѣльникъ молъ, въ ротной банѣ былъ. А тамъ и говоритъ мнѣ: дай ему на полштофъ, опохмѣлиться дескать послѣ прощенного дня хочу. Я ему и молвлю: гдѣ я тебѣ возьму на полштофъ: чернаго-то хлѣба нѣтъ, не токма што водки. Пристаешь: заложи ему что съ себя. Да чего, говорю, заложить, одна у меня гуня-то, да за нее и шкалика напросишься. Ну, я замолчала, и онъ ничего. Потомъ опять разговоры повели; сталъ онъ межъ прочимъ говорить: пойдемъ съ нимъ въ кабакъ, деньги у него есть на косушку; я не въ часъ и молви: какое нынѣче въ кабакъ, нонѣ добрые люди въ ротъ ничего не берутъ, а ты въ кабакъ зовешь. Нѣтъ, все злодѣй не унимается: пойдемъ да пойдемъ; я нейду, онъ меня за рукавъ схватилъ, тащить сталъ съ полка, рукавъ у платья оторвалъ, потомъ за руки сталъ тащить; я знаешь упираюсь. А на ту пору на столѣ около полка ножикъ лежалъ, онъ схватилъ его, да какъ прыснетъ меня въ грудь:

«такъ, на же говоритъ тебѣ, стерва, чертовка проклятая!» — я было схватила за ножикъ, а онъ вырвалъ его у меня изъ рукъ, да вдругорядъ прыснулъ. Я такъ не вспомнилась. И не знаю что было ужъ.

Дарья, приподнявшись при послѣднихъ словахъ, опять упала на подушки и стала тяжело дышать. Я отошелъ отъ нея. Во все время разсказа, даже и тогда, когда вырывались бранныя слова, я не замѣтилъ чтобы Дарья была возмущена поступкомъ Прокофьева.

Черезъ нѣсколько минутъ Дарья начала опять ровно дышать, я подошелъ къ ней.

— Неужели тебя Прокофьевъ только за это ударилъ? Ты, быть можетъ, скрываешься передо мной, сама въ чемъ виновата предъ Степаномъ?

— Что мнѣ, батюшка, передъ тобой таиться, можетъ и жить-то мнѣ часъ какой остался, у Бога не скроешься; я и священнику на духу вчерась тоже сказала, что и тебѣ, — не вѣришь мнѣ, у него спроси, онъ все повѣдаетъ тебѣ.

— Ты, быть-можетъ, невѣрна была Прокофьеву, другихъ любовниковъ имѣла, онъ узналъ, да и осердился на тебя.

— Чай не первый день живу съ нимъ? Четвертый годъ таскалась. У публичныхъ, — кто деньги даетъ, тотъ и любовникъ. Только что Степанъ не изъ такихъ былъ у меня, — одинъ и былъ не въ урядѣ съ другими. Тѣ што: придуть да и уйдуть, а этотъ сердешный былъ даромъ.

— Развѣ ты публичная?

— Публичная.

— И Прокофьевъ зналъ объ этомъ?

— Кому же и знать-то какъ не ему, — съ перваго дня знакомства зналъ. Вѣдь онъ на дню-то почесъ разъ десять придетъ ко мнѣ. Виѣстъ съ гостями компанію водить, пьянствуетъ.

— Послѣ спросовъ Дарьи Яковлевой, я немедленно оправилъ требованіе, чтобы ко мнѣ привели Степана Прокофьева. Прокофьевъ былъ молодой солдатъ съ умно-подвижнымъ лицомъ, непрерывное подергиванье мускуловъ на которомъ указывало на его раздражительно-вспыльчивый, холерическій темпераментъ. Такъ какъ дѣло о нанесеніи ранъ Яковлевой было совершенно ясно (показаніе Дарьи подтвердила слово въ слово другая, проживающая съ ней женщина), то я полагалъ, что Прокофьевъ по первому же слову сознается.

— Что это ты надѣлалъ, Прокофьевъ? спросилъ я его.

— Что такое, ваше благородіе?

— Да Дарью-то какъ ты всю исполосовалъ.

— Никакъ нѣтъ, ваше благородіе.

— Какъ, никакъ нѣтъ? развѣ не ты нанесъ ей раны?

— Не я, ваше благородіе.

— Она прямо указала на тебя, рассказала причину твоего проступка.

— Вретъ она, ваше благородіе. Развѣ у гуляющихъ дѣвокъ есть какая совѣсть, — онѣ ее всю по кабакамъ растранижили.

Я переѣхалъ тотчасъ же тактику.

— Впрочемъ, дѣйствительно, мало ли что онѣ болтаютъ: имъ на слово-то вѣрить нельзя.

— Всеконечно, ваше благородіе. Она любовницей моей была, да непотребностямъ занималась; я ей выговаривалъ, чтобы она эдакую жизнь бросила вести, работой тамъ какой занялась: она вотъ единственно изъ-за того такой поклепъ на меня и возвела.

— Да ты былъ у Дарьи, когда она ножомъ себяхватила? спросилъ я у Прокофьева.

— Никакъ нѣтъ, ваше благородіе, я въ понедѣльникъ-то и не былъ у Дарьи.

— Какъ же ты узналъ, что она надъ собой такое дѣло совершила?

Прокофьевъ призадумался.

— Въ ротѣ узналъ, — какъ взяли то меня. Я знашь, спрашиваю: за что это, братцы, меня берутъ.

— Кого же ты спросилъ-то?

— Не помню, ваше благородіе. Ужъ очень напугался я, отродясь не видалъ такого дѣла.

— Какого дѣла?

— Да вотъ, что взяли-то меня. Спрашиваю я ротныхъ, а они мнѣ и говорятъ: Дашку такъ-и-такъ ты порѣзалъ, душу христіанскую сгубилъ.

— Такъ ты и не былъ въ понедѣльникъ-то у Дарьи?

— Не былъ, ваше благородіе. Понапрасну она на меня такую бѣду взваливаетъ.

Надо вамъ замѣтить, что Прокофьевъ, ударивши въ послѣдній разъ Дарью, кинулъ ножъ и бросился бѣжать, неразбирая дороги, по огородамъ, по сугробамъ снѣгу домой. На полдорогѣ его видѣли два сол-

датика его же роты, испуганного, блѣднаго и тотчасъ же догадались, что съ нимъ случилось что-то неладное.

— А скажи пожалуйста, Прокофьевъ, откуда ты бѣжалъ въ понедѣльникъ, часа въ четыре послѣ обѣда.

— Ни откуда ваше благородіе, я дома былъ въ эту пору.

— Какъ же тебя видѣли Стволевъ и Портупейанко.

Прокофьевъ вздрогнулъ и поблѣднѣлъ. Прошло нѣсколько секундъ молчанья.

— Виноватъ, ваше благородіе, задыхающимся голосомъ, едва слышно проговорилъ Прокофьевъ: — былъ у Дарьи.

— И ударилъ ее ножомъ?

Видно было, что въ Прокофѣѣ происходила страшная борьба, сознаться или нѣтъ въ своемъ поступкѣ: на подвижномъ лицѣ Прокофьева можно было читать всѣ симптомы этой борьбы. Наконецъ страхъ наказанія превозмогъ.

— Никакъ нѣтъ, ваше благородіе, скороговоркой, почти закричалъ Прокофьевъ.

Я сталъ уговаривать Прокофьева сознаться, говорилъ, что полное сознание на многое уменьшить наказаніе, что при произнесеніи приговора должны принять во вниманіе вспылчивость, вслѣдствіе которой совершенно преступленіе, а еще болѣе раскаяніе. Но Прокофьевъ не сознавался.

Во время моего разговора я замѣтилъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ шинели Прокофьева едва-едва видныя темныя, неопредѣленныя пятна: только на самомъ концѣ

полы осталось совершенно явственное маленькое кровавое пятно.

— Кто же такъ постарался надъ Дарьей?

— Сама, ваше благородіе.

Я не ожидалъ подобнаго оборота: по положенію ранъ на тѣлѣ Дарьи ясно было видно, что показаніе Прокофьева нелѣпость.

— При тебѣ.

— При мнѣ.

— Ну разскажи, какъ это было?

— Я, ваше благородіе, пришолъ къ Дарьѣ-то, началъ съ замѣшательствомъ и остановками Прокофьевъ: — а она сидитъ на полкѣ. Я съ ней разговаривать сталъ: ты что, молъ, не дѣлаешь ничего, масляницу гуляла, али же и теперь гостей ждешь. А она, Дарья-то, ругать меня стала, что не въ свои дѣла мѣшаюсь.

— Ну чтоже?

— Ничего, только-что сильно ругалась, матерничала.

— Когда-жъ она ударила себя ножомъ-то?

— Ножомъ-то. Я сталъ ей выговаривать, а она пристала ко мнѣ, — дай ей денегъ на вино, голова, слышь, съ похмѣлья болитъ. А я ей: — какое нынче вино, день эдакой. А она, надо полагать съ досады, ихватила себя ножомъ.

— Гдѣже она сидѣла въ эту пору?

— На полкѣ.

— Чтоже она, слѣзла чтоли съ полка?

— Нѣту, такъ на полкѣ и осталась; я какъ уви-

дѣлъ вѣдую бѣду, такъ съ испугу, чтобъ въ отвѣтъ не попасть, и бѣжалъ.

— Стало-быть ты такъ и недотрогивался до Дарьи?

— И не дотрогивался.

— Какъ же кровь-то на шинель къ тебѣ попала?

Прокофьевъ взглянулъ на шинель и замѣтилъ на подлѣ ея маленькое пятнышко.

— Не помню, ваше благородіе, можетъ и дотрогивался.

— Какъ же это ты не помнишь?

— Съ испугу, а наипаче съ вина.

— Развѣ ты пьянъ былъ на ту пору.

— Не вовсе пьянъ, а выпивши.

— Гдѣжъ ты пилъ вино?

— Въ кабацѣ, извѣстное дѣло.

— Въ какомъ же кабацѣ?

— Мало ли ихъ, развѣ упомнишь, въ какомъ кабацѣ былъ.

— Ну, а какъ же у Дарьи вмѣсто одной раны очутилось три и пальцы всѣ разрѣзаны?

— Не могу знать, ваше благородіе, развѣ я за все въ отвѣтъ долженъ идти? и то вотъ безвинный въ тюрьмѣ сижу.

Не смотря на всю видимую несостоятельность показаній Прокофьева, не смотря на замѣшательство, которое обнаруживалось въ немъ послѣ каждого вопроса, на противорѣчіе съ прежде сказаннымъ, Прокофьевъ не отступалъ отъ того, что Дарья сама изранила себя, и что показываетъ на него, Прокофьева, только потому, что онъ бранился за развратную жизнь.

Прокофьеву съ Дарьей нужно было дать очныя ставки. Я послалъ спросить Дарью, можетъ ли она видѣть Прокофьева; спросилъ медиковъ, не будетъ ли предполагаемое свиданіе имѣть вліяніе на дальнѣйшее выздоровленіе Дарьи, оказалось: что пренятствій ни съ той ни съ другой стороны не было.

Безъ малѣйшаго признака злобы, безъ гнѣва встрѣтила Дарья Прокофьева. Мнѣ показалось, что она обрадовалась, увидавши своего любовника. Зато черныя брови Прокофьева нахмурились, онъ крѣпко сжалъ губы.

— Вотъ Дарья, обратился я къ израненной: — Прокофьевъ не признаетъ, что изранилъ тебя: онъ говоритъ, что ты сама себя ударила ножомъ.

И безъ того большіе глаза Дарьи сдѣлались еще больше, когда она услышала послѣднія слова.

— Какъ, я сама ударила себя? Что ты, Степанъ, въ умѣ ли?

— Я-то въ умѣ, а ты вотъ видно его пропила, коли на меня такую околесину несешь.

— Ахъ Степанъ, Степанъ, грѣхъ тебѣ эдакія слова про меня говорить; перепосила отъ тебя я много, сколько разъ бивалъ ты меня, все молчала, а теперь душегубства мово захотѣлъ. Что я тебѣ сдѣлала? на што послѣднее, и то съ себя снимала, да тебѣ отдавала. За это видно смерти моей ты пожелалъ.

— А ты полно казанской сиротой притворяться, да небылицы рассказывать. Сама на себя руку подняла, да...

— Гдѣ у тебя совѣсть-то, зѣнки твои безстыжіе!

— У меня совѣсть-то при мнѣ, а у тебя ея нѣтъ, — известно что публичная...

— Что, публичная!.. Не таскался бы съ публичной. Али ты думаешь, коль публичная, такъ и Бога забыла, клевету нести буду. Коли-бъ знала я за тобой такія качества, глаза бы свои вырвала, чтобъ не смотрѣли на тебя.

— Ну и вырвала бы.

— Окаянный ты эдакой, пуще свѣту божьего любила я тебя.

— То-то у тебя на дню по десятку нашего брата и бывало.

— Пошто же ты тиранствовалъ надо мной, коли денегъ тебѣ не давала? Поштожъ ты кровь мою день денской пилъ?

Укоризны Дарья извили Прокофьева сильно. Видя, что очная ставка ни къ чему не ведетъ и боясь чтобы волненія не подѣйствовали вредно на здоровье Дарья, я воспѣшилъ покончить сцену.

— Такъ, Дарья, онъ тебя ударилъ ножомъ?

— Онъ, — завтра Богу отвѣтъ быть-можетъ приведется 'давать, такъ и скажу, онъ, батюшка, пусть разсудить.

— Никакъ нѣтъ, ваше благородіе, изъ злости баба городить.

— Богъ тебя простить, Степанъ, не носила я жалобы никому, сама застрадалася вспоминая тебя. Тошнехонько мнѣ за тебя.

Это были послѣднія слова Дарья Степану. Несмотря на предсказанія медиковъ, что рана не опасна,

Дарья умерла не выходя изъ госпиталя. За день до смерти судорожно металась она на постели да звала Степана.

Прокофьевъ несомнѣлся въ преступленіи; но что Дарья была зарѣзана имъ — этотъ фактъ не подлежалъ сомнѣнію. Теперь возникаетъ вопросъ: гдѣ же въ самомъ дѣлѣ причина преступленія: неужели въ отказѣ Дарьи идти въ кабакъ? купить полштофъ водки? Полагаю что нѣтъ; отказъ Дарьи — была только придирка, толчекъ; дѣйствительная же причина преступленія должна была скрываться гораздо глубже. Впрочемъ, при отсутствіи сознанія Прокофьева, при его скрытномъ, нелюдимомъ характерѣ выяснить эту причину чрезвычайно трудно.

Вообще же надо замѣтить, что въ подобнаго рода преступленіяхъ чаще всего приходится разрѣшать вопросъ: какъ относился преступникъ къ тѣмъ формамъ быта, въ которыхъ слаталась его жизнь, на сколько сознавалъ онъ эти формы для себя благопріятными или неблагопріятными, — ибо чаще всего въ этихъ-то отношеніяхъ и послѣдствіяхъ изъ нихъ протекающихъ и заключается источникъ той болѣзненной раздражительности ко всѣмъ явленіямъ внѣшняго міра, которая человѣка, съ теченіемъ времени при, положеніи дѣлъ *in statu quo*, доводитъ почти что до мономаніи и до заявленія себя преступленіемъ. На такія преступленія нельзя смотрѣть какъ на нѣчто зародившіяся и развившееся мгновенно; напротивъ того путь ихъ развитія чрезвычайно медленный, послѣдняя, видимая причина есть только прикосновеніе къ свѣжей ранѣ, вырвав-

шее у больного мучительный крикъ боли; это песчинка заставившая вѣсы потерять равновѣсіе; вся суть не въ ней; само по себѣ прикосновеніе могло быть ничтожномъ, при другихъ условіяхъ прошло бы незамѣтно, но дѣло въ томъ, что до этого времени организмъ то настолько наболѣлъ, что и ничтожное прикосновеніе для него было равносильно прикосновенію раскаленнымъ желѣзомъ.

Въ острогѣ содержался арестантъ, по прозванію Каряга; рассказъ какимъ образомъ и за что попалъ онъ въ острогъ долженъ выяснитъ предъ вами нѣсколько характеръ тѣхъ преступленій, послѣдняя, видимая причина совершенія которыхъ такъ ничтожна, что взятая сама по себѣ (даже принявъ во вниманіе крайнюю степень испорченности человѣка) ни въ какомъ случаѣ не могла имѣть тѣхъ страшныхъ послѣдствій, которыя, благодаря взаимодействию на личность неблагоприятныхъ условій, явились какъ будто изъ не истекающими.

Каряга былъ представителемъ типа волжскихъ бурлаковъ и началъ свое трудовое поприще тогда, когда бурлачество было въ полномъ ходу, когда самая Волга была не мыслима безъ угрюмой бурлацкой фигуры на ее берегахъ, безъ угрюмыхъ бурлацкихъ пѣсенъ на ея волнахъ. Вышелъ на Волгу Каряга въ первый разъ лѣтъ пятнадцати, — отмахалъ же онъ на ней въ рангѣ бурлака ровно двадцать лѣтъ.

Каряга отличался: геркулесовской силищей, овечьей незлобивостью и младенческимъ разумомъ. Въ качествѣ рабочей силы Каряга составлялъ золотое при-

обрѣтеніе для нанимателя и, надо правду, сказать заѣе насмѣяться надъ Карягой, какъ одаривъ его нечеловѣческой силищей и въ замѣнъ предопредѣливъ расходывать даромъ эту силищу, судьба не могла. Вирочемъ, вплоть до острога Каряга молча переносилъ эту скверную шутку судьбы: ни одной жалобы, ни одного злобствующаго, накипѣвшаго слова никогда не вырывала изъ черноземной глыбы каторжная работа.

Въ работѣ для Каряги устали не существовало: нестерпимо-ли палящее іюльское солнце било съ высокаго неба въ самую темъ бурлацкой, лохматой головы, порывисто-ли холодный, насквозь пронизывающій сентябрьскій вѣтеръ хлесталъ въ загорѣлое лицо, острые-ли кремни до крови рѣзали намозоленные бурлацкія ноги, для могучаго ломовика было все равно: налегши всей своей широкой грудью на ямку, вывозилъ онъ на своей спинѣ чужое добро...

Только

Охъ! дубинушку охнемъ!

Охъ! зеленую дериниъ!

Подериниъ!

неслось дикой мелодіей по пустынному берегу, какъ воротила дубинушка тяжелую посудину; только эхомъ перекатнымъ отвѣчали горы, какъ пѣвала дубинушка подъ тяжелой посудиною.

За то радовалось сердце хозяйское, глядя на неустанную работу дубинушки, за то подъ убаюкиванье ея пѣсни слетали мирные сны къ хозяйскимъ пуховикамъ.

Говорю, ровно въ продолженіи двадцати лѣтъ каж-

дая весна выгоняла Карягу съ родимаго попелища на Волжское привольѣ.

Позднею осенью — угрюмый, молчаливый возвращался бурлакъ домой и кое-какъ смакляченными грошами затыкалъ прорѣхи нищенскаго рубища. Въ продолженіи этихъ долгихъ лѣтъ жизненныхъ соковъ изъ могучаго тѣла было высосано довольно, но въ младенческую голову Каряги «повидимому» ни разу не приходилъ весьма простой вопросъ: за что же въ самомъ дѣлѣ сосутъ меня? Что даютъ мнѣ въ замѣнъ моей крови? куда же это даромъ расходуется несуразная моя сила? Только на тридцать пятомъ году разведенная съ такимъ умѣньемъ машина попортилась. Каряга своротилъ съ дороги и прямо съ Волжскаго приволья попалъ въ острожные заклепы.

Въ 18.. году лѣто стояло одно изъ самыхъ тяжелыхъ, изъ самыхъ страдныхъ для бурлаковъ, нанявшихся плыть вверхъ по Волгѣ; за противными вѣтрами приходилось работать больше лямкой; только по позднимъ заморозкамъ разшива, на которую нанялся Каряга, прибыла въ Рыбинскъ. Долгая путина окончательно растрясла и безъ того не богатая бурлацкія кошны, ничтожная заработанная плата была вся проѣдена на харчахъ. Соколовъ голѣе побрели на этотъ разъ по домамъ бурлаки.

Всѣмъ за другими зашагалъ къ дому и Каряга; только теперь онъ былъ еще молчаливѣе, еще угрюмѣе. Верстъ пятьсотъ отпахалъ Каряга; до села оставалось ходу на три дня. Близъ деревни Осташковой пропуталъ нечистый бурлака зайти въ кабакъ; въ ка-

кую форму облекъ нечистый, всѣ соблазны — не знаю, только Каряга послушалъ его, зашелъ въ кабакъ и потребовалъ водки. Цѣловальникъ въ Осташевскомъ кабацѣ оказался новый, съ пріемами не совсѣмъ свыкшійся: не спросивъ впередъ денегъ, онъ исполнилъ требованіе бурлака. Залпомъ выпилъ Каряга поданное вино и спросилъ еще; и это требованіе было исполнено; съ прежней жадность и послѣдняя порція принялась бурлацкой утробой; еще спросилъ Каряга водки... Догадался наконецъ цѣловальникъ, что съ такимъ питухомъ и въ такомъ укромномъ мѣстѣ, можно на бобахъ остаться и сталъ требовать за прежде выпитое вино денегъ. Въ отвѣтъ на требованіе — со стороны бурлака послѣдовало матершиничье; цѣловальникъ навязчивѣе сталъ приставать за деньгами — тоже матершиничье. Видя безуспѣшность своихъ требованій, цѣловальникъ, несоразмѣривъ силы своей съ силою передъ нимъ стоящей, схватилъ Карягу за горло...

Но это движеніе со стороны цѣловальника и было песчинкой заставившей опрокинуться вѣсы; прикосновеніемъ, вырвавшимъ изъ наболѣвавшего двадцать лѣтъ бурлацкаго организма мучительный крикъ боли.

Цѣловальникъ схватилъ Карягу за горло, но тутъ то въ первый разъ, отуманенная зеленомъ виномъ, да жизнью каторжной, уже не пѣсней заявила о себѣ бурлацкая натура; приподнялся Каряга и что было мочи ударилъ цѣловальника по виску.

Въ ударѣ обрушившемся на невинную голову, сказалось все пережитое бурлакомъ прошлое, все ожидаемое имъ будущее, а потому можно представить и

сколько силы сконцентрировалось въ этомъ ударѣ: съ ногъ слетѣлъ цѣловальникъ, да тутъ же богу душу и отдалъ.

Каряга могъ легко скрыть свое преступленіе: въ кабацѣ, кромѣ цѣловальника, да одиннадцати лѣтней дѣвочки притаившейся за перегородкой, никого не было; кабацъ стоялъ отъ деревни на отмычѣ, — дѣло близилось къ ночи, въ нѣсколькихъ шагахъ чернѣлся безконечный лѣсъ, но обезумѣвшій бурлакъ и не думалъ о послѣдствіяхъ, совершеннаго имъ преступленія. Передъ ссорой, закончившейся убійствомъ, цѣловальникъ нацѣживалъ изъ бочки въ ведро водку; покончивъ разомъ счеты съ двумя жизнями Каряга схватилъ это ведро и жадно прильнулъ къ нему губами...

Много-ли на этотъ разъ выпилъ Каряга сказать трудно, но полагать надо много, потому что черезъ нѣсколько минутъ и самъ онъ, мертвецки пьяный, растянулся на полу рядомъ съ убитымъ цѣловальникомъ. Такъ пьянаго и накрыли убійцу.

ПОСЛѢДНЯЯ СТРАНИЦА.

По дѣлу Прокофьева мнѣ нужно было спросить, въ качествѣ свидѣтеля, дѣвушку, жившую съ Дарьей и видѣвшую весь ходъ происшествій. Надежда Чеботова (такъ звали свидѣтельницу) была зачислена тоже въ число публичныхъ. Я послалъ къ Чоботовой повѣстку, но мнѣ сказали, что она больна и никакъ не можетъ явиться къ слѣдствію; я къ ней отправился самъ.

Я много видѣлъ страшныхъ, поражающихъ картинъ бѣдности, одинокаго, глухого страданія; видѣлъ какъ умирали арестанты въ острогахъ, солдаты въ госпиталяхъ, но все это не оставляло по себѣ такого подавляющаго впечатлѣнія, какое вынесъ я изъ жилища Чоботовой. Вездѣ смерть встрѣчали какъ врага, съ нимъ завязывали страшную борьбу, отъ жизни, не смотря на всѣ ея гадкія шутки, все чего-то ждали, надѣялись; одна Чоботова все порѣшила съ жизнью: въ прошедшемъ для нея не существовало другихъ вос-

1012 (7)

ПОСЛѢДНЯЯ СТРАНИЦА.

поминаній, какъ нищета, да развратъ, развратъ голодный, изъ-за куска черстваго хлѣба, изъ-за гроша денегъ. Въ настоящемъ... но настоящее Чоботовой вы узнаете изъ разсказа.

На дворѣ мартъ мѣсяцъ, съ крышъ началась капель, въ воздухѣ пахнуло приближеніемъ весны. Въ одномъ изъ самыхъ глухихъ, отдаленныхъ городскихъ угловъ я нашолъ жилище Чоботовой.

— Здѣсь, чтоли, жила Дарья Яковлева? спросилъ я какую-то попавшуюся мнѣ старушонку.

— Эта зарѣзана-то?

— Да.

— А тебѣ на што ее, родимый?

— Мнѣ не ее надобно, а другую, что съ ней проживала, Чоботову.

— Чоботову? Нѣтъ такой здѣсь нѣтъ.

Въ это время подошла къ намъ еще растрепанная старушонка.

— Федулиха! слышь какую-то Чоботову спрашиваютъ, у насъ такихъ нѣтути?

— Чоботову? Да твоей милости не Надьку ли разноглазу надо?

— Она чтоли съ Дарьей жила?

— Она.

— Ну, вотъ къ ней-то меня и ведите.

Черезъ нечистый, навозный дворъ мы подошли къ землянкѣ.

По городамъ небогатые люди, а въ деревняхъ всѣ — вѣсто бань строятъ землянки. Только самый неприхотливый вкусъ, да самый твердый организмъ

могутъ выдержать подобную ванну. Я не вдаюсь въ описаніе землянки, потому что, надѣюсь, что каждый видѣлъ ихъ. Какъ жилище, по удобствамъ она стоитъ ниже всякой собачей конуры. Когда я вошелъ прямо со двора въ показанную мнѣ землянку я, сначала ничего не могъ разсмотрѣть. Въ землянкѣ было почти что темно (хоть всего и былъ второй часъ дня): она освѣщалась какой-то скважиной въ четверти полторы величины, вмѣсто стекла, на половину заткнутой тряпкой; дымъ и чадъ, наполнявшіе землянку, бѣли глаза, на совершенно черныхъ, законтѣлыхъ стѣнахъ каплями собралась сырость.

Прошло нѣсколько мгновеній: я привыкъ къ темнотѣ и чаду.

О-о-хъ! раздалось въ одномъ углу. Я обернулся въ тѣтъ уголъ, откуда слышался стонъ. На лавкѣ была навалена куча отвратительно грязныхъ лохмотьевъ, подъ ними что-то шевелилось.

— Кто тутъ? спросилъ меня слабый, грудной голосъ.

— Мнѣ нужно Надежду Чоботову, это ты, чтоли?

— Я, что вамъ угодно?

Изъ подъ кучи лохмотьевъ, состоявшихъ, какъ потомъ я разсмотрѣлъ, изъ теплой юбки и изъ клочьевъ изорваннаго салопы, показалась сначала женская голова, а потомъ и туловище. На дѣвушкѣ была рубашка какого-то сѣраго отъ грязи цвѣта.

Надеждѣ Чоботовой было не больше двадцати трехъ, четырехъ лѣтъ: какъ видно когда-то она была очень недурна собой; худоба ея лица была поразительна.

тельна; болѣзненный, порой вспыхивавшій румянецъ еще болѣе усиливалъ впечатлѣніе, оставленное молодымъ, изнеможеннымъ лицомъ умирающей. Удушливый кашель прерывалъ почти каждое слово Надежды; на полу около нея замѣтны были кровавыя пятна. Я засталъ едва ли не послѣднія минуты борьбы между жизнью и смертью.

Я сѣлъ на полу около Надежды; въ неплотно притворяющуюся дверь, выходящую прямо на дворъ, несло холодомъ. Я хотѣлъ прихлопнуть дверь.

— Оставьте, вѣдь она все такъ. Видите какой холодъ здѣсь. На дворѣ теплѣе. Весна вѣдь скоро, а у меня зубъ на зубъ не попадетъ, закоченѣла вся. О-о-хъ!

Дѣвушка закашлялась.

— Что съ тобой, Надежда?

— Чахотка.

Ровнымъ спокойнымъ голосомъ прошептала Надежда свой смертный приговоръ, но въ этомъ наружномъ спокойствіи сказала вся страшная драма, ею пережитая. Страдалица смотрѣла прямо въ глаза смерти; она ждала ее съ спокойствіемъ безнадежнаго отчаянія, съ спокойствіемъ до конца разбитой жизни. Ни проклятія, ни мольбы не слышалось въ приговорѣ. Надеждѣ было все равно: ей нечего и неоткуда было ждать, некому и не-за-что было отвѣчать.

Я началъ было успокаивать Надежду, говорить, что болѣзнь ея не такъ серьезна. Надежда меня слушала спокойно, ровно, какъ слушаетъ человѣкъ про-

творѣчія въ дѣлѣ, ииъ окончательно и навсегда порѣшенномъ.

— Нѣтъ, ужъ я знаю, что чахотка, мнѣ лекарь намеднясь сказалъ, какъ ходила я къ нему... я скоро умру.

— Полно, Надежда, зачѣмъ же умирать?

— А жить-то зачѣмъ?

Я ненашолся что отвѣтить Надеждѣ.

— Жить-то зачѣмъ мнѣ? продолжала Надежда. — Вы думаете, что ваша жизнь, то и наша. Побыли бы вы на нашемъ мѣстѣ.

— Я знаю, что тяжело.

— Ужъ такъ тяжело, что и сказать вамъ не умѣю; жалѣть нечего, одинъ конецъ; покрайности знаешь, что покойно лежать будешь. Никто обижать тебя не будетъ. Всякій наровитъ теперь насмѣхаться надъ тобой. Вдругорядъ съ голоду мрешь, — пляши, говорятъ, пѣсни пой. А какъ не послушаешься? Одно слово гуляща... Ну...

Надежда не договорила своей мысли, ее сталъ душить кашель.

— Гулящая! Словно сердца нѣтъ у гулящей. Словно не живой человѣкъ гулящая, ломоть отрѣзанный. Кабы знали, да вѣдали они, какъ сердце у гулящей. Нешто ей самой нравится эта жизнь? нестыдно въ глаза людямъ смотрѣть? Что пьемъ то мы. Да не пить-то какъ, — хоть на минуточку горе свое забудешь, сраму не помнишь. Вѣдь пальцемъ на тебя всѣ указываютъ. Смѣяться, да безчинствовать всѣ умѣютъ, —

а иѣту, чтобы пожалѣть. Вѣдь вотъ собака другая лучше, чѣмъ я, издыхаетъ.

— Неужели ты одна лѣжишь здѣсь, никто не при-
смотреть за тобой?

— А неужто кому дѣло есть. Извѣстно гулящая.

— Кто же тебѣ ѣсть носить?

— Ёсть то? Да Федулиха, коль вспомнить. Ругается все: «скоролю издохнешь, говоритъ, въ убытки только вводишь.» Хоть бы смерть-то скорѣе пришла.

Въ это время въ закоптѣлое, разбитое окно пробрался солнечный лучъ и упалъ на блѣдное, изнеможенное лицо умирающей, на грязныя лохмотья, прикрывавшія ея тѣло. Злѣе насмѣшки надъ человѣкомъ, какъ этотъ лучъ, говорившій о жизни, напоминавшій радость, судьба не могла придумать. Она была такъ же безучастна къ Надеждѣ, какъ тѣ люди, что заставляли ее голодную пѣть и плясать въ своихъ пьяныхъ оргіяхъ, что съ ругательствомъ бросали ей умирающей кусокъ черстваго хлѣба.

— Вотъ днемъ все какъ-то легче; слышишь, что люди ходятъ, а ужъ ночью очень тяжело. Вѣдь одна все лежу, и сна-то нѣтъ, кашель замучилъ. И водитъ некому подать, намеднись вотъ тутъ поставила кувшинъ, — замерзла.

— Ты хоть бы въ больницу шла: тамъ покрайней-мѣрѣ людей видишь, все легче! тамъ и тепло есть.

— Да вѣдь тамъ деньги спрашиваютъ съ нашего брата. Да вотъ Софья недавно лежала въ больницѣ, такъ жаловалась, все говоритъ ужъ такъ тамъ нехорошо, почитай ѣсть не даютъ.

Я самъ знаю очень хорошо положеніе нашихъ больницъ, но проведя паралель между ними и землянкой Надежды, я нашолъ, что больница все же имѣетъ преимущество; а потому сталъ уговаривать Надежду перейти въ больницу, принимая на себя хлопоты помѣстить ее тамъ даромъ.

— Нѣту, не пойду, недолго осталось... Вѣдь вонъ барбоска здохнулъ же недавно на дворѣ, а мнѣ кто не велѣлъ. Не велика барыня.

— Есть, что-ли, у тебя кто родные?

— Были, и отецъ былъ и мать была, теперь не знаю. Чай и теперь живы, знать-то меня не хотятъ. Да мнѣ все одно, недолго...

Надежда опять закашлялась.

— И тамъ жизнь некрасна была. Рада вырваться была, да не на радость вырвалась.

Отецъ Надежды Чоботовой былъ незначительный чиновникъ; хорошенькая дочка его привлекла вниманіе одного уѣзднаго франта; тотъ соблазнилъ ее, жилъ съ ней года два, потомъ бросилъ; отъ него Нада перешла къ другому, и идя обычнымъ путемъ, дошла до страшнаго конца.

— Не насмѣшивайтесь надъ нами, — и безъ того намъ тошнехонько, и безъ того смерти ждешь. Вѣдь не больно старуха я, мнѣ двадцать третій годъ пошолъ, а я словно вѣкъ цѣлый изжила, глазынки бы мои на свѣтъ божій не смотрѣли, опостылѣлъ онъ мнѣ. О-о-хъ какъ тошнехонько мнѣ!

Болезнь стала метаться, глухой кашель все силь-

нѣе и сильнѣе сталъ душить ее, глаза Надежды налились кровью.

— О-о-хъ, смерть моя пришла, стонала Надя.

Я только могъ черезъ недѣлю опять навѣстить Надю. Таже Федулиха встрѣтила меня.

— Что Надя? спросилъ я Федулиху.

— Кончалась-та, родимый.

— Какъ кончалась?

— Вчера еще, вечеромъ. Такъ-таки и померла. Горемычная ея головушка.

Не слушая Федулихи, я бросился въ землянку Нади. Въ томъ же углу, подъ тѣми же грязными отрепьями лежала покойница, и такъ же какъ и прежде лучъ солнца, прокравшись въ разбитое окно, освѣщалъ ея блѣдное лицо. Никто не видалъ, какъ умерла Надя. Безъ зрителей, безъ слезъ, безъ участія, прикрытая лохмотьями, покончила свой съ жизнью расчетъ «гулящая» страдальца.

ДЯДЯ - ФОМА.

ДЯДЯ-ФОМА.

Изъ партіи арестантовъ, посланной на работу въ садъ къ одному изъ мѣстныхъ купцовъ, двое бѣжали; на другой день мнѣ дали знать о побѣгѣ, и я отправился въ арестантскую роту, чтобы переспросить всѣхъ, бывшихъ въ одной партіи съ бѣжавшими.

— Какъ тебя зовутъ? обратился я къ одному арестанту лѣтъ подъ пятьдесятъ.

— Фома непомнящій родства.

— Сколько тебѣ лѣтъ?

— Пятьдесятъ-два года...

Продолжая отбирать «*формальные*» показанія, я спросилъ Фому «непомнящаго»: на сколько лѣтъ по приговору суда онъ заключенъ въ арестантскія роты.

— На десять лѣтъ.

Такой отвѣтъ удивилъ меня: срокъ содержанія бродягъ, по нашему законодательству, не простирается выше одного года.

— Кромѣ заключенія въ арестантскія роты не былъ ли ты еще чѣмъ наказанъ?

— Трехъ-стами ударами шпицрутенонъ.

Это уже окончательно выходило изъ уровня обыкновенныхъ наказаній, налагаемыхъ на бродягъ и еще болѣе заставило меня обратить вниманіе на Фому немнящаго родства.

— Не можетъ быть чтобы ты судился за одно бродяжничество, — ты стало быть совершилъ другія преступленія?... Бродягъ такъ не наказываютъ...

— Никакъ нѣтъ, ваше благородіе, судился за одно бродяжничество...

Я обратился къ находящемуся при слѣдствіи депутату, за разъясненіемъ недоразумѣнія.

— Скажите пожалуйста, не знаете ли вы что это значить?...

Офицеръ засмѣялся.

Вы не знаете, Дмитрій Ивановичъ, что это за гусь Фома? А вы спросите-ка его, что нашли у него на спинѣ, какъ поймали его, да стали судить?

— Что же у тебя нашли, Фома?...

Фома тоже усмѣхнулся.

— Да не знай что, ваше благородіе, — люди скаываютъ что кнутъ да палки.

— Какъ кнутъ да палки?

— Да такъ, ваше благородіе. Какъ потеряли спину сукномъ, да оглядѣлъ меня лекарь, ну и порѣшилъ, что-де прежде былъ наказанъ и кнутомъ и палками.

Я взглянулъ попристальнѣе на Фому и увидѣлъ на

загорѣвшей кожѣ лба его едва замѣтный, въ видѣ бѣлаго рубчика, знакъ каторжнаго клейма.

— Ну братъ, Фома, ты видно въ самомъ дѣлѣ бывалый и съ каторгой стало знакомство велѣ.

— Бывалый небывалый, а на своемъ вѣку виды видывалъ.

— Да что Дмитрій Ивановичъ, вмѣшался депутатъ: отъ кнута да палки у него во всѣмъ тѣлѣ ни одного сустава вы не найдете цѣльнаго: онъ и на ухо-то одно глухъ, и рука-то у него переломлена. — Бѣдовый, однимъ словомъ, бѣдовый былъ.

Мое удивленіе къ Фомѣ все больше и больше возрастало. Я сначала никакъ не предполагалъ, чтобы стоявшій предо мною невзрачный съ виду человѣкъ, съ лицомъ обыкновеннымъ, веселымъ, имѣлъ за собой длинную исторію, полную быть-можетъ кровавыхъ, потрясающихъ эпизодовъ.

— Гдѣ это тебя угораздило, Фома, руку-то сломать?

Фома не принадлежалъ къ числу тѣхъ упорно молчащихъ арестантовъ, отъ которыхъ помимо односложныхъ отвѣтовъ вы не добьетесь ничего. Какъ арестантъ опытный, Фома очень хорошо зналъ, что въ этомъ случаѣ я спрашиваю его не какъ слѣдователь, а просто какъ частный человѣкъ и что его рассказы, безъ поименованія мѣстности и времени, не могутъ служить причиной измѣненія къ худшему его участи.

— Мордва проклятая уходила, ваше благородіе. Забрался я къ одному: лошади больно были хороши, хотѣлъ прокатиться на нихъ, да неладно сдѣлалъ,—

услыхалъ басурманъ. Я было туда-сюда, да что по-дѣлаешь, какъ вся деревня гонится за тобой. Отбойриваться хотѣлъ, да дубье-то не свой братъ... какъ стали, собаки, всѣ лупить меня, такъ я думалъ, что изъ меня и духъ вонъ, тутъ и смерть пришла...

— Ну что же, въ судъ чтоли они тебя потомъ представили?

— Какой судъ! Сами порѣшили и печать приложили такую, что до второго пришествія не забуду. Ужъ такъ, ваше благородіе, били, что кости и теперь трещать. Подлинно, что небо съ овчинку показалось.

— Еще диво какъ они тебя тутъ же не укокошили?

— И такъ диво... Полагать должно, они-то вишь думали, что мертвый — такъ за мертваго подъ оврагъ и свалили.

— Какъ же ты очнулся-то?...

— Да спасибо такому же проходимцу, какъ и я: кабы не онъ, сдохнулъ бы въ оврагъ, какъ собака...

Фома замолчалъ, я не прерывалъ его молчанія.

Прошло нѣсколько секундъ...

— Ну ужъ подпустилъ же я имъ краснаго пѣтуха, — долго они не забудутъ Фому непомнящаго родства.

— Всю деревню что ли вымахнулъ?

— Почитай что всю, а коли и осталось, такъ труба одна.

— А какъ деревня-то называется?

Фома взглянулъ на меня и улыбнулся.

— Деревня-то? Забылъ, ваше благородіе... вѣдь

я вамъ докладывалъ, что память тогда они же у меня отшибли.

— А глухъ-то ты отчего на одно ухо сталъ?

— Глухъ-то? да отъ того что глупъ былъ съ малолѣтства, по дѣвкамъ часто таскался, чужихъ жонъ любилъ;—ужь такой лакомый былъ на эвототъ товаръ, что и сказать нельзя... Хоть что хошь бывало скажи, а ужь пойду на то мѣсто, гдѣ онъ лежитъ. Коли бы не этотъ товаръ, такъ я бы въ браслетахъ тешеръ не сидѣлъ, по своей волюшкѣ на Божьемъ свѣту похаживалъ бы.

— Плохое братъ дѣло значить любить этотъ товаръ?

— Плохое не плохое, только какъ разъ такую же заплату вставить какъ и мнѣ.

— Ну чай и ты въ долгу не оставался?

— Зачѣмъ въ долгу. Последнее дѣло оставаться въ долгу.

— Что? тоже чай помнить будутъ Фому непомнящаго!

— Незнай — можетъ помнить, а можетъ и нѣтъ... И такъ бываетъ, что память-то сразу пришибаютъ...

— Ну, — а ты пришибалъ?

— Объ эвтомъ ваше благородіе на томъ свѣтѣ спросять, а на этомъ-то помолчать можно...

— Давно ты бездомничать сталъ?

— Давно не давно, а почитай что васъ чай и на свѣтѣ-то небыло, какъ я матушку Рассею изъ конца въ конецъ сталъ мѣрить.

— Что велика?

*

— Немаловата, а исходить можно, какъ неполѣнишься...

— Ты исходилъ?

— Я не исходилъ, — что хвалиться, а на своемъ вѣку такихъ видывалъ, что почесь только тамъ небывали, гдѣ земля съ небомъ сходятся...

— За чѣмъ же ты ходилъ-то?

— За чѣмъ? По землемѣрской значить части служилъ, волюшку все отыскивалъ, да запропала она нонѣ... Въ землю бають ушла, горючъ камень лежитъ надъ ней, чтобъ не своровалъ ее и тамъ какой бездомовникъ.

— А признаться, Фома, желалъ бы я знать, какъ звали тебя прежде и что ты подѣлалъ на своемъ вѣку.

— Эхъ, ваше благородіе, какая вамъ отъ того польза. Я и самъ забыть бы хотѣлъ какъ звали меня прежде.

— Вотъ видите ли, Дмитрій Ивановичъ, стало быть гусь прежде былъ Фома, виѣшался опять депутатъ... А у насъ онъ сидитъ шестой годъ, такъ мы имъ и не хвалимся, и повѣрьте смиреннѣе арестанта во всей ротѣ его нѣтъ... Знаете ли, что онъ дѣлаетъ цѣлый день?... Вы чай видѣли, что напротивъ арестантскихъ камеръ, въ одномъ коридорѣ унтеръ-офицеры живутъ... Народъ все женатый, ребятишекъ у нихъ пропасть. Фома, какъ съ работъ придетъ, такъ только и дѣлаетъ что съ дѣтьми возится: игрушки имъ мастерить, нянчится съ ними, сказки рассказываетъ... Пуше своихъ отцовъ да матерей дѣти его любятъ. Такъ всѣ дядей Фомой и зовутъ.

Я никакъ не ожидалъ такого конца. Должно быть, по выраженію лица моего Фома угадалъ, что исходъ его скитальческой жизни крайне удивилъ меня и что я хочу спросить его, вслѣдствіе какихъ причинъ при-
шолъ онъ къ нему.

— Укатали сивку круты горки... Погулялъ молодецъ, пора и честь знать,— предупредилъ меня Фома на неуспѣвшіе высказаться вопросы.

— Одно въ тебѣ нехорошо Фома, докторально ска- залъ офицеръ: въ церковь ты совсѣмъ не ходишь, Богу мало молишься. Кабы не это, совсѣмъ былъ бы при-
мѣрный арестантъ... Одно слово — молитва...

Но въ отвѣтъ на увѣщанье Фома посмотрѣлъ на офицера такъ пристально, что тотъ замолчалъ, не успѣвъ кончить непрощенную проповѣдь.

Офицеръ вышелъ изъ комнаты, Фома подошелъ ко мнѣ ближе.

— Ваше благородіе, я у васъ пришолъ милости просить.

— Какой?

— Нельзя ли попросить вамъ командира, чтобы расковали меня. Ужъ я не убѣгу никуда, бояться не-
чего...

Въ арестантскихъ ротахъ существуетъ законъ, что если изъ партіи арестантовъ, отправленныхъ на рабо-
ты, кто-нибудь убѣжитъ, то всѣ остальные, какъ бы въ наказаніе за то, что недонесли предварительно объ умыслѣ товарищей, заковываются въ кандалы на не-
опредѣленное время, хотя быть-можетъ ни одинъ изъ

оставшихся, на самомъ дѣлѣ не зналъ, что замышляет-
ся побѣгъ.

— А что? видно тяжело въ нихъ?

— Тяжело-то не тяжело, ваше благородіе, да боль-
но стыдно... Человѣкъ-то я ужъ не молодой.

Я обѣщаль Фомѣ похлопотать за него передъ на-
чальствомъ, но начальство было неумолимо: Фому отъ
кандаловъ не освободили.

БАТЬКА.

БАТЬКА.

А вотъ и ихъ батька, сказалъ мнѣ тотъ же офицеръ, указывая на вновь входящаго арестанта, призваннаго для допроса по тому же дѣлу о побѣгѣ.

— Какъ тебя зовутъ?

— Назырь Веллеуловъ.

— Изъ татаръ?

— Татаринъ.

— Что же ты муллой что ли былъ, что тебя г. поручикъ батькой зоветъ...

Измѣнившіяся черты подвижнаго лица арестанта показали, что вопросомъ дотронулись до одного изъ болыныхъ мѣстъ, до одного изъ воспоминаній, которыя хотѣлось бы забыть. Веллеуловъ горько улыбнулся...

— Ихъ благородіе изволить все шутить, потому и зовутъ меня батькой...

Веллеуловъ былъ обрусѣвшій татаринъ: только не-

значительная разница въ акцентѣ измѣняла его происхожденію.

— Вѣдь онъ однакожъ незоветъ другихъ батькой, отчего же тебя такъ величаютъ?...

— Я, ваше благородіе, палачемъ былъ, вотъ они батькой меня и прозвали.

— Палачемъ! Какъ же ты сюда попалъ? вѣдь не можетъ быть, чтобы ты отслужилъ свой терминъ. Тебѣ всего лѣтъ тридцать... Да и палачи приписываются въ крестьяне или мѣшане?

— Да я не долго и былъ имъ...

— Что же ты сдѣлалъ, что опять попался?...

— Изъ острога убѣжалъ.

— Что тебѣ за охота пришла? вѣдь палачу житье хорошее: въ иной разъ водки столько, хоть вымойся, да и денегъ въ придачу дадутъ.

— То-то и есть, ваше благородіе, кому хорошее, а кому и нѣтъ. Вотъ Иванъ Захаровъ (имя одного заплочныхъ дѣлъ мастера) не убѣжить.

— Чѣмъ же для тебя-то оно не хорошо было?

— И не знай што... Какъ учился на лубку, ну думаю себѣ, дѣло легкое — валяй, только знай, а какъ привели передъ живаго человѣка, да какъ взглянулъ на него, — а онъ стоитъ такой худой, жалостливой, кровинки въ лицѣ нѣтъ, словно мертвый, — такъ у меня руки опустились: къ кобылѣ его привязать не могу, — стою что твой столбъ. Ужъ частный ко мнѣ подошолъ, да палками пригрозилъ, такъ принялся справлять свое дѣло. Только и помню, какъ кричалъ онъ, сердешный, послѣ каждой плети.

— Что же, ты послѣ этого разу и бѣжалъ?...

— Нѣтъ еще в. б—діе... Ну думаю дѣло непривычное, обойдется... Повезли меня вмѣстѣ съ старымъ палачемъ въ Зачурскъ женщину наказывать. Мужа что ли отравила. Иванъ Захарычъ привязалъ ее, да и подаетъ мнѣ плеть: — бей молъ ты, а я буду смотрѣть. Взялъ я плеть, а народу на площади видимо-невидимо. Кричатъ всѣ: собака, басурманъ окаанный, порѣшитъ христіанскую душу. А чего мнѣ порѣшать, — у меня ноги дрожать, изъ глазъ въ три ручья слезы катятся. Жалость такая на меня напала, что лучше сквозь землю провалиться, только бы не бить.

— Что же ты такъ ее и не наказывалъ?

— Нѣтъ, три раза ударилъ. Да ужъ Иванъ Захарычъ плеть у меня изъ рукъ вырвалъ. — «Баба, говоритъ, ты». Вотъ опосля этого-то раза я и думаю, не бывать видно тебѣ въ мастерахъ, — взялъ, да тягу и задалъ изъ острога. Скоро только поймали, да вотъ сюда и засадили.

— Зачѣмъ же ты пошолъ въ палачи? вѣдь ты зналъ за что берешься?

— Глупость ваше благородіе. Какъ есть одна глупость. Мнѣ рѣшеніе выходило, въ Сибирь значитъ ссылали. Больно отъ своей стороны далеко идти не хотѣлось. Я и объявилъ по начальству, что въ палачи молъ имѣю желаніе поступить. Знамо дѣло, кабы я чуялъ что со мной будетъ, такъ бы не то што въ Сибирь, а и дальше куда пошолъ. Душа-то одна, что у татарина, что у христіанина, только что насъ собаками

— А скажи пожалуйста за что ты прежде попался?

— Лошадь у меня увели, работать не на чѣмъ было. Што тутъ станешь дѣлать: подушнные требуютъ, — работникъ-то въ семьѣ я одинъ, а душъ-то на мнѣ четыре лежитъ. Я думалъ, думалъ, какъ быть, да ничего хорошаго не выдумалъ, окромѣ того, что пошолъ въ К—кую губернію, да тамъ съ поля первую лошадь и угналъ. Опознали скоро, — я человекъ не бывалый, — съ перваго же слова сознался.

— Какъ же теперь семья-то безъ тебя?

— Семья-то? Неизнай какъ. А ужъ наболѣлся я объ ней.

При напоминаніи о семьѣ, лицо Веллеулова приняло такое печальное выраженіе, на немъ отразилась такая непритворная, простая грусть, что видно было какъ мало лжи, какъ много правды заключалось въ его словахъ, что онъ «наболѣлся объ ней». Много знать недоспалъ ночей Веллеуловъ, вспоминая своихъ малыхъ дѣтей, свой убогій домъ.

Страшные люди сидятъ иногда въ нашихъ тюрьмахъ, да арестантскихъ ротахъ!

САМОУБІЙЦА.

САМОУБІЙЦА.

Кажется, что ни на одномъ языкѣ нѣтъ слова со-
отвѣтствующаго нашему «пить до чертиковъ», да ка-
жется, что ни у одного народа пьянство не вырабо-
талось въ такое болѣзненно-безобразное явленіе, въ
какое выработалось оно у насъ: и французъ пьетъ,
и англичанинъ пьетъ, и нѣмецъ пьетъ, и пьютъ не-
мало, по количеству вина еще больше нашего, но
нигдѣ не напиваются до чертиковъ. Гдѣ причина та-
кого грустнаго явленія? Въ личности ли, напиваю-
щейся до чертиковъ, въ соціальной ли атмосферѣ, под-
готавливающей личность напиваться до чертиковъ?

Отвѣтить не трудно, стоитъ только вспомнить, кто
у насъ напивается до чертиковъ. Баловни счастья,
тѣ, господа, что грязью обдають бѣдняка, плетущагося
мимо ихъ быстро-несущейся кареты, пьянствуютъ и
развратничаютъ, но не пьютъ запоемъ; крестьянинъ,
и тотъ *чаще всего* спасенъ отъ чертиковъ, отъ за-
поя — землей: земля привязываетъ его къ себѣ, даетъ,

хоть и трудный, но все же постоянный кусокъ хлѣба. Обыкновенно до чертей пьютъ мѣщане, пьютъ до чертей чиновники, словомъ пьютъ до чертей люди, которыхъ судьба преслѣдовала постоянно, тиранила изо дня въ день, люди, которые ложась спать не знаютъ, что будутъ ѣсть завтра, которымъ современное социальное устройство показало все, что есть въ немъ дурнаго, несостоятельнаго, люди, поставленные открыто противъ всѣхъ нападеній, лишонные средствъ къ защитѣ, ни внутри ни внѣ себя не находящіе опоры. Вдвинутый силою обстоятельствъ въ среду требующую извѣстной степени образованія, мѣщанинъ, мелкій чиновникъ, вольноотпущенный и проч. воспитывается въ идиллическихъ картинахъ среды, посреди которой возвышаются родные пенаты: отецъ, запивая съ горя, часто колачивалъ свою семью, вымѣщая на ней собственное униженіе: его пріятель такой же бѣднякъ и также запивающій съ горя, былъ самъ часто колачиваемъ въ публикѣ своей супругой. «Выпьемъ съ горя!» чаще всего раздавалось въ ушахъ бѣдняка, съ тѣхъ поръ какъ онъ сталъ впервые понимать значеніе слова; и это «выпьемъ съ горя!» какъ припѣвъ къ заунывной, надрывающей сердце пѣсни, гдѣ только и было словъ, что «нужда, кусокъ хлѣба, семья да униженіе» стало постоянно звучать въ его ушахъ. «Ужъ не выпить ли и мнѣ съ горя?» было первое рѣшеніе, пришедшее на мысль бѣдняка въ тяжелую минуту испытанія, а масса печальныхъ воспоминаній, безотрадное настоящее и такое же будущее, говорили ему «выпей, выпей, все легче будетъ; хоть на минуту, да забудешься.

Мнѣ разъ привелось быть свидѣтелемъ страшной картины. Часовъ въ десять ночи, запыхавшись, прибѣжалъ ко мнѣ разсылный.

— Пожалуйте, ваше благородіе, человѣкъ зарѣзался!

— Кто такой?

— Чиновникъ Синицынъ.

Другихъ свѣдѣній отъ разсылнаго добиться было нельзя; я велѣлъ закладывать лошадей и поскакалъ на мѣсто совершенія катастрофы.

Синицынъ жилъ въ одномъ изъ самыхъ отдаленныхъ переулковъ городишка; низенькіе, перекосившіеся дома, порой для предохраненія подпертые шестью, тѣсно жались другъ къ другу; около каждого изъ нихъ возвышалась огромная куча новоза, грязь въ переулкѣ была ужасная, лошадь едва-едва могла волочить ноги; наружность домовъ лучше всякихъ вывѣсокъ показывала, что въ нихъ пріютилось все, что было горемычнаго, бездольнаго въ городскомъ населеніи.

У воротъ одного домишка тѣснилось человѣкъ тридцать народу; я подъѣхалъ къ толпѣ.

— Не здѣсь ли живетъ чиновникъ Синицынъ? спросилъ я у чуйки, стоявшей впереди всѣхъ и о чемъ-то съ жаромъ говорившей.

— Здѣсь, батюшка, здѣсь, подь-ка-ты съ нимъ какой грѣхъ приключился, попуталъ-знать окаанный, руки на себя наложилъ, поспѣшила перебить другихъ низенькая старушонка.

— А ты што языкъ-то свой длинный суешь куда

не спрашиваютъ, вишь слѣдовальщикъ, проговорилъ кто-то въ толпѣ.

Словоохотливая старушонка призатихла.

Меня ввели въ комнату, всю облитую мѣсячнымъ свѣтомъ; на полу лежала какая-то масса, прикрытая соломой; изъ-подъ нея по покатости пола текла кровь. Огромныя лужи этой крови виднѣлись на постели; приподняли солому, — подъ ней лежалъ самоубійца. Я много видалъ умершихъ, но я никогда не запомню такого страдальческаго выраженья, какимъ отмѣчено было лицо Синицына. Всѣ физическія и нравственныя страданія, вынесенныя покойникомъ въ продолженіи долгой жизни, оставили здѣсь рѣзкіе, неудобозабываемые слѣды; полузакрытые глаза покойника странно смотрѣли изъ подъ густыхъ бровей; стиснутыя губы, казалось, заглушали послѣдній вопль, готовый вырваться изъ чахлой груди; и безъ того словно скелетъ, обтянутый кожей, умершій казался еще блѣднѣе, еще изнеможеннѣе отъ луннаго свѣта, падавшаго на него. Въ комнатѣ было душно, кровью пахло, трупъ еще не остылъ.

Надо было сдѣлать наружный осмотръ. Покойникъ нанесъ себѣ главную рану ножомъ въ животъ, ножъ валялся тутъ же на полу; недалеко отъ ножа лежала нѣсколько погнутая вилка. Я спросилъ женщину, у которой жилъ Синицынъ, какъ попала сюда окровавленная вилка.

— Да ужъ онъ какъ мучилъ-то себя горемышный, что и сказать нельзя; мало-что ножомъ брюхо себѣ распоролъ, да потомъ все вилкой себѣ тыкалъ. Вонъ,

кричитъ, окаянные.» О-о охъ страсти-то какія! Нутро даже своими руками рвалъ.

Во время осмотра трупа я поднялъ вверхъ голову и вздрогнулъ: на меня съ печки смотрѣло чье-то лицо, обросшее сѣдыми волосами, чьи-то большіе безмысленные глаза; несмотря на то, что въ комнатѣ насъ было человѣкъ шесть, — по тѣлу моему, подъ впечатлѣніемъ этихъ неподвижно устремленныхъ глазъ, пробѣжала холодная дрожь.

— Кто это тамъ? спросилъ я тихо женщину.

— Да его же старикъ, — отецъ Ивана Федорыча; вѣдь онъ, батюшка, поврежденный.

— Какъ поврежденный?

— Ужъ который теперь годокъ пошолъ — не въ своемъ все умѣ, такъ съ печки не слѣзаетъ, все молчитъ, да лежитъ больше.

— Чтоже, онъ видѣлъ, какъ сынъ рѣзался?

— Все видѣлъ; какъ теперича на печкѣ лежитъ, такъ и о ту пору, рукой даже не пошевелилъ.

Представляю воображенію читателей нарисовать сцену, происходившую за часъ до моего прихода на квартиру Синицына.

Несмотря на всю привычку ко всевозможнымъ сценамъ, я не могъ долго оставаться въ квартирѣ покойника: неподвижно-устремленный взглядъ помѣшаннаго старика-отца давилъ меня; понятые сжались въ уголъ и старались избѣжать встрѣчи съ этимъ взглядомъ; тишина въ комнатѣ еще больше увеличивала ужасъ сцены; только и слышно было, какъ порывисто тяжело дышалъ старикъ, не замѣчавшій, не понимав-

шій катастрофы, пронесшейся надъ его несчастнымъ сыномъ.

Я давно зналъ Синицына (онъ служилъ писцомъ въ одномъ изъ губернскихъ присутственныхъ мѣстъ), а потому, прежде чѣмъ рассказывать послѣднюю катастрофу, я передамъ кратко его предыдущую жизнь.

Синицынъ былъ изъ самыхъ смирныхъ, самыхъ забытыхъ и самыхъ работающихъ чиновниковъ; одинъ только порокъ и замѣчало за нимъ начальство: зашибать иногда любить и зашибать сильно, по нѣсколькимъ дней сряду, а иногда по цѣлой недѣлѣ. Впрочемъ Синицынъ зашибалъ не часто: въ годъ разъ, или много-много два. Товарищей своихъ Синицынъ чуждался; онъ больше молчалъ. Придетъ бывало въ присутствіе, положить шапку, помолится передъ образомъ, вынетъ огромную связку бумагъ и начнетъ копать въ нихъ, — такъ до самого конца присутствія ни разу иногда и не сойдетъ съ жесткаго стула. Всякія приказанія Синицынъ выслушивалъ молча и тотчасъ принимался исполнять ихъ: возраженій никогда и никто отъ него не слыжалъ; однакожъ, несмотря на акуратность и исполнительность, служба Синицыну не везла: предъ нимъ и его же товарищи высказывали въ столоначальники, секретари, обзаводились домами, скотами и прочими благодатями, а онъ въ сорокъ лѣтъ оставался тѣмъ же писцомъ, какимъ и поступилъ, только жалованья прибавили за двадцатилѣтнюю службу, — прежде онъ получалъ три рубля серебромъ въ мѣсяцъ а въ послѣднее время (не передъ самымъ началомъ катастрофы: тутъ какъ мы увидимъ впоследствии, у

Синицына жалованья сильно убавили) одиннадцать. Синицынъ, исключая тѣхъ случаевъ, когда въ немъ нуждались, служилъ постояннымъ центромъ для потѣхи товарищей: характеристической чертой его было глубокое цѣломудріе; никогда съ устъ его не сходило скромное слово и на это-то цѣломудріе больше всего и направлялись стрѣлы чиновнаго остроумія. Долго бывало отмалчивается Синицынъ отъ навязчивыхъ пристраваній, только какъ очень не втерпежъ станетъ, такъ скажетъ:

— Вѣдь я никого изъ васъ, господа, не трогаю, что же вы-то ко мнѣ съ такими все пакостями лѣзете.

При словѣ «пакость» Синицынъ всегда отплевывается въ сторону.

Синицынъ былъ мистикъ и большой богомоль; въ праздникъ онъ не пропускалъ ни одной церковной службы, или если и пропускалъ, то въ періодъ своего зашибанья, да и то грѣхъ свой старался замолить постами и обильными земными поклонами. Кромѣ священныхъ книгъ, другихъ Синицынъ не читалъ и чтеніе ихъ считалъ не за малый грѣхъ; изъ священныхъ же ему преимущественно нравились тѣ, гдѣ святые мужи и жены подвергались многочисленнымъ искушеніямъ со стороны бѣсовской силы.

Судьба не благоволила къ Синицыну съ дѣтства; отецъ его, тотъ самый помѣшанный старикъ, что лежалъ на печи, былъ дьячкомъ въ одномъ изъ бѣднѣйшихъ деревенскихъ приходовъ; семья у старика была огромная, какъ она пробавлялась — богъ-вѣсть; впрочемъ изъ всей семьи ко времени расказа только

и остались, что герой его, да двѣ сестры, бывшія замужемъ тоже за деревенскими причетниками.

Мнѣ сказывали, что отецъ Синицына сошелъ съ ума отъ страшныхъ потерь, понесенныхъ имъ въ холерный годъ: въ продолженіи нѣсколькихъ дней онъ лишился трехъ сыновей (изъ которыхъ одинъ считался лучшимъ студентомъ духовной академіи, два же другихъ были уже священниками) и жены, отправившейся въ могилу вслѣдъ за своими дѣтьми. Но и того судьбѣ показалось мало: деревня, гдѣ былъ старикъ Синицынъ дьячкомъ, выгорѣла вся до тла; пожаръ случился во время страды, крестьяне и старикъ Синицынъ были въ полѣ, на работѣ; покуда успѣли они прибѣжать — села уже не существовало: на мѣстѣ его торчали однѣ только закоптѣвшія трубы, да обгорѣвшіе столбы. Виѣстѣ съ избой старикъ Синицынъ лишился и всего убогаго скарба. Последнее горе совсѣмъ сломило старика и безъ того потрясеннаго смертью жены и дѣтей: онъ съ ума сошелъ. Помѣшательство старика было странное: если ему давали ѣсть, такъ онъ ѣлъ, не давали — самъ онъ никогда не спрашивалъ; что бы съ нимъ ни дѣлали онъ оставался все тѣмъ же неподвижнымъ и молчаливымъ. Только во все время своего помѣшательства старикъ разъ восемь выходилъ изъ себя, и тогда становился страшень; бѣшенство овладѣвало имъ, онъ все кому-то грозилъ и призывалъ муки, какія только въ состояніи былъ создать его болѣзненно-раздраженный мозгъ; въ такія минуты требовался за старикомъ строгій присмотръ. Впрочемъ, весь присмотръ ограничи-

вался тѣмъ, что замѣтивши первые признаки бѣшенства, сзывали сосѣдей, тѣ кидались на помѣшаннаго общими усиліями (а требовалось много усилій, потому что въ эти минуты старикъ получалъ громадную силу) валили его на полъ, скручивали руки и ноги и оставляли въ такомъ положеніи до тѣхъ поръ, пока старикъ, какъ говорили, не успокоивался. Варварское обращеніе укротителей еще болѣе разжигало бѣшенство помѣшаннаго: сѣдой старикъ, съ огромной бородой визжалъ катаясь по полу, онъ утрачивалъ послѣднюю способность человѣка и становился дикимъ звѣремъ.

Кого проклиналъ помѣшанный—неизвѣстно, только между проклятіями слышались иногда имена котораго-нибудь изъ умершихъ дѣтей, да можно было понять изъ несвязныхъ фразъ, что старику припоминался пожаръ, пустившій его нищимъ по бѣлому свѣту.

Синицынъ-сынъ, какъ только узналъ о помѣшательствѣ отца, тотчасъ же не задумываясь перевезъ его къ себѣ; ему предлагали помѣстить старика въ сумашедшій домъ, но онъ не согласился. Этотъ поступокъ въ Синицынѣ тѣмъ болѣе замѣчателенъ, что онъ былъ, какъ увидимъ ниже, страшный скряга.

Я говорю, никто изъ окружающихъ не слыхалъ отъ Синицына жалобъ:—его видѣли только работающимъ и молчащимъ, да и самъ онъ, какъ казалось, привыкъ къ незавидной долѣ, но сквозь эту привычку капля по каплѣ въ душу Синицына просачивалось отчаяніе. Мѣсяцевъ шесть, семь и больше бывало работалъ молчаливо Синицынъ, да и ходилъ каждый день къ заутренямъ и вечернямъ, потомъ вдругъ про-

рывался и запивалъ иногда по недѣлѣ и больше, изо дня въ день. Машина значить испортилась. Пилъ Синицынъ все больше одинъ, и случалось пилъ такъ, что его выталкивали изъ кабака въ одной рубашкѣ. И странное дѣло — всегда тихій, послушный, Синицынъ дѣлался страшнымъ буяномъ, когда приставали къ нему пьяному. Разъ онъ чуть-чуть не задушилъ одного изъ своихъ сослуживцевъ, когда тотъ вздумалъ сыграть съ нимъ одну изъ тѣхъ плоскихъ шутокъ, на которыя былъ такъ выносливъ Синицынъ трезвый. Шутникъ вымазалъ лицо Синицына сажей, въ заведеніи поднялся единодушный хохотъ. Синицынъ догадался въ чемъ дѣло и пьяное лицо его приняло почти кровожадное выраженіе.

— А ты думаешь, что я прежній! сказалъ задыхающимся голосомъ Синицынъ и бросился душить шутника; тотъ весь посинѣлъ и сталъ уже храпѣть подъ костлявыми пальцами. Присутствующіе къ счастью поняли, что подобное дѣло можетъ кончиться далеко не шуткой и бросились разнимать противниковъ. Цѣлый часъ послѣ того Синицына была лихорадка, но скандалъ имѣлъ послѣдствіемъ то, что товарищи перестали во время запоя лѣзть къ нему съ шутками.

Женщинъ Синицынъ боялся, сильнѣе, чѣмъ мужчинъ; онъ былъ убѣжденъ, что дьяволъ именно черезъ женщину больше всего дѣйствуетъ на погибель рода человѣческаго; чѣмъ красивѣе была женщина, тѣмъ въ мнѣніи Синицына она была опаснѣе. Къ боязни женщинъ въ Синицынѣ присоединялась еще ненависть, и такой взглядъ, какъ и всѣ взгляды,

сложился въ немъ подъ силою обстоятельствъ: мать не любила Синицына и была его, сестры не любили и были его; хозяйки, у которыхъ жилъ Синицынъ, были отъявленные мегеры. Съ молодыми, посторонними женщинами Синицынъ никогда не входилъ въ близкія столкновенія; онъ тоже не обращали вниманія на невзрачнаго, тихаго Синицына. Разъ товарищамъ Синицына удалось уговорить его свести знакомство съ однимъ изъ тѣхъ пріютовъ, гдѣ жмется голодный, оборванный развратъ, но знакомство было такъ неудачно, что Сипицынъ послѣ него захворалъ отвратительной болѣзнью и три мѣсяца пролежалъ въ городской больницѣ. Это окончательно убѣдило Синицына, что женщина чортъ переряженный въ платье и онъ сталъ отплевываться и отмаливаться при встрѣчѣ съ каждой изъ женщинъ. Исключеніе изъ общаго правила Синицынъ только и дѣлалъ что для хозяйки дома, гдѣ жилъ; исключеніе же было сдѣлано потому, что старушонка не только не уступала Синицыну въ богомольѣ, но даже превосходила его и притомъ богомолье совершала она самымъ благолѣпнымъ образомъ, съ строгимъ соблюденіемъ всѣхъ предписанныхъ правилъ.

Когда Синицынъ перевезъ къ себѣ помѣшаннаго старика-отца, то сталъ зашибать сначала чаще, чѣмъ въ обыкновенную пору: видъ вѣчно молчащаго, бессмысленно смотрящаго куда-то старика, новая обуза на плечахъ, прибавила еще больше сумрачнаго колорита къ общей картинѣ житія приказнаго.

Откуда происходила заботливость Синицына объ

старикъ? Думаю, что не изъ любви; странно требовать отъ человѣка любви тамъ, гдѣ память только и удерживаетъ, что картины тяжелаго, рабскаго содержанія. Синицынъ заботился объ отцѣ, удѣлялъ послѣдніе гроши на его содержаніе, потому что думалъ, что поступая иначе, онъ дѣлалъ бы страшный грѣхъ, за которымъ, если не въ настоящей, то въ загробной жизни должно слѣдовать тяжелое возмездіе. Синицынъ боялся адскихъ мукъ и вполнѣ вѣровалъ въ нихъ.

Но человѣкъ не можетъ существовать безъ сердечной привязанности, какова бы и на что бы ни была обращена эта привязанность. У Синицына съ каждымъ годомъ все сильнѣе и сильнѣе росла страсть къ деньгамъ: онъ любилъ ихъ, какъ другой любитъ женщину. Бѣднякъ, выросшій на ломтѣ черстваго хлѣба, никогда не испытавшій ни одного изъ тѣхъ чувствъ, которые почти каждому хоть разъ удасться испытать смолоду, Синицынъ отдался любви къ деньгамъ со всей силой, на которую способны отверженные. Величайшій праздникъ для Синицына былъ тотъ день, когда удавалось ему прибавить лишній цѣлковый къ своему капиталу: тогда на вѣчно нахмуренномъ, оступѣвшемъ лицѣ его было написано счастье. Послѣ запоевъ Синицынъ мучился не дурной стороной запоя, не тѣмъ, что это можетъ повредить ему по службѣ, но тратой своего сокровища; послѣ запоя онъ дѣлался еще скупѣе: ему случалось просиживать долгіе зимніе вечера безъ свѣчи, чтобъ только сохранить лишнюю копѣйку; онъ старался ѣсть вдвое

меньше, чтобъ сократить расходъ на хлѣбъ. Такъ какъ изъ получаемого жалованья при всей скупости трудно было сберечь лишнюю копѣйку, то Синицынъ прибѣгъ къ мелкому ростовщичеству: гривениками, двухгривенными, цѣлковыми отдавалъ онъ деньги своимъ сослуживцамъ, получая за одолженіе по сту и больше процентовъ. При полученіи денегъ Синицынъ забывалъ свою скромность и ужъ настойчиво требовалъ взятаго: въ случаѣ неудачи онъ рисковалъ даже на жалобы; чтобы сдѣлаться непримиримымъ врагомъ Синицына стоило только не отдать ему долгъ, какой-нибудь гривенникъ; по своей одичалости, боязни, Синицынъ конечно ничѣмъ не проявлялъ своей вражды, но еслибы взявшій умиралъ отъ жажды и просилъ принести ему пить, то Синицынъ и тутъ бы не простилъ обиды и до тѣхъ поръ не помогъ бы покуда тотъ не выплатилъ бы ему должное съ подобающими процентами. Самъ Синицынъ во имя своей страсти готовъ былъ вынести и выносилъ все; какъ любовникъ, считающій каждую минуту, оставшуюся до свиданія, такъ и Синицынъ въ тотъ день, когда удавалось ему сдѣлать приращеніе къ капиталу, ждалъ окончанія присутствія и забывъ усталость, голодъ, бѣжалъ домой, вытаскивалъ свою скудную казну, дрожащими руками пересчитывалъ ее, прикладывалъ приращеніе и потомъ снова начиналъ считать и пересчитывать. Въ деньгахъ для Синицына было все: семья, любимая женщина, карьера. Во время моего разсказа Синицыну удалось скопить рублей сто серебромъ, такъ что онъ могъ про-

изводить крупныя операции, отдавая взаймы рублей по двадцати; но какъ истинный, страстный любовникъ, онъ сдѣлался мученикомъ своего сокровища. День проходилъ все какъ-то незамѣтно, сокровище было съ Синицинымъ, оно висѣло у него на шеѣ на толстомъ шнуркѣ, но ночью воображеніе представляло Синицыну всевозможныя ужасы; малѣйшій шумъ заставлялъ его вскакивать съ постели, осматривать всѣ уголки, всѣ запоры, замки, вездѣ онъ видѣлъ воровъ, готовыхъ похитить у него его сокровище. Изъ дому Синицынъ по вечерамъ выходилъ только вслѣдствіе крайней необходимости; обыкновенно трусъ, мнѣ кажется, Синицынъ умеръ бы героемъ, еслибы ему привелось защищать свои деньги. При началѣ запоя Синицынъ снималъ съ себя свое сокровище и пряталъ его въ потайной ящикъ, сдѣланный имъ самимъ въ кровати. Скупость, въ соединеніи съ прошедшимъ, привела Синицына къ страшной катастрофѣ. Синицынъ, ужъ не знаю на основаніи какихъ данныхъ, считалъ себя страшнымъ грѣшникомъ.

Во время совершившейся катастрофы Синицыну было уже лѣтъ около сорока, невысокаго роста, рябоватый, съ жидкими темнорусыми волосами, съ крупными чертами, съ обыкновеннымъ, геморoidalно-зеленымъ цвѣтомъ лица, всегда нахмуренный, молчаливый, Синицынъ никакъ не могъ остановить на себѣ вниманія.

Я старался какъ можно точнѣе узнать ближайшія причины запоя Синицына и послѣдовавшаго за нимъ самоубійства. Вотъ что удалось мнѣ развѣдать.

Синицынъ въ послѣднее время не пилъ больше года; недѣли за полторы до катастрофы онъ возвратился домой особенно не въ духѣ. Пообѣдавъ на скорую руку и снявши съ шеи кошелекъ съ драгоценностью, Синицынъ пересчиталъ количество капитала, вынулъ изъ него двѣ трехрублевныя бумажки, тщательно завернулъ опять сокровище и спряталъ его въ потайной ящикъ. Послѣ того Синицынъ ушелъ изъ дому и пропадалъ около недѣли: запилъ значитъ. Съ какой стати запилъ Синицынъ?

Въ послѣднее время надъ Синицынымъ стали обрушаться бѣда за бѣдой: новаго столоначальника Синицыну дали, тоже изъ семинаристовъ, тянувшего ляжку до важнаго поста лѣтъ двадцать пять, Свѣтозаровъ была ему фамилія. Прошедши огонь и воду и мѣдныя трубы, Свѣтозаровъ, получивъ воеводство, счелъ своей священнѣйшей обязанностью выместить на подчиненныхъ свое собственное униженіе: «а, думалъ онъ, мной помыкали, отдыху мнѣ не давали, всякій чуть ли ногой въ рыло не совалъ, такъ постоитъ же, благо теперь случай есть, я самъ докажу вамъ дружбу.» И ужь подлинно что доказывалъ: заберется бывало въ палату ни свѣтъ ни зря и бѣда тому изъ подчиненныхъ, кто осмѣлится придти позже: «начальство, говоритъ, ни въ грошъ не ставишь, фанаберія набрался,—надо, говоритъ, ее выбить» и идетъ жаловаться секретарю, а тотъ неразобравъ дѣла и отрѣжетъ у кого рубль, у кого полтинникъ изъ жалованья, такъ что къ концу мѣсяца и выходитъ, что не только приходится получить,

а еще въ долгу состоишь и на слѣдующій: нитайся чѣмъ хочешь, хоть объ маннѣ небесной молитвы возсылай; или отдасть переписывать докладъ листовъ въ тридцать, ну какъ-нибудь и испортишь, закапаешь листь, али съ спѣху ошибешься, такъ отъ крику одного не уйдешь: «ты, говорить, казенный интересъ соблюдать не хочешь; — воръ тотъ же». А ужь ругался-то, ругался-то какъ, хуже всякаго извозчика, и откуда онъ выучился такимъ ругательствамъ! Со стороны послушаешь, такъ подумаешь что онъ книгу передъ собой держать, да по ней вычитываетъ; да и добро бы за дѣло, а то такъ въ голову взбредеть, и пойдетъ пушить; занятую не поставишь, такой содомъ въ камерѣ подыметъ, что начальство сторожа пришлетъ: «чтобъ потише былъ», такъ и тутъ не уймется, самъ пойдетъ въ присутствіе: «я, говорить, подчиненныхъ уму-разуму учу, чтобъ въ субординаціи были, начальство уважали», ну и начальство ничего, мило-стиво изволить только улыбаться, а Свѣтозарову это и на руку, придетъ еще хуже, — звѣрь-звѣремъ, удержки просто нѣтъ, цѣлымъ дѣломъ бывало въ лицо такъ и пустить, и утереться не смѣй: «вишь говорить, нѣжинка какой, а ты служить такъ служи, бабьи привычки откинуть изволь». Я говорю, ужь Синицынъ начто былъ забить и терпѣливъ, начто много вынесъ безмолвно оскорбленій, и тотъ подчасъ возмущался и выходилъ изъ себя. Незадолго до того времени, какъ запить, Синицынъ простудился немного: ломить всего; къ утру, впрочемъ, благодаря домашнимъ средствамъ, болѣзнь прошла; только всталъ

онъ вмѣсто семи часовъ, въ восемь. Кое-какъ одѣвшись Синицынъ побѣжалъ въ присутствіе, но поспѣшность его была напрасна. Свѣтозаровъ уже возсѣдалъ на своемъ креслѣ, да такой сердитый, что просто страхъ.

— И ты, собака, въ фанаберію пустился! чѣмъ бы на старости лѣтъ примѣромъ служить, а ты тоже начальство заставляешь себя ждать. Погоди же, я тебя проучу! такъ встрѣтилъ Свѣтозаровъ Синицына.

— Синицынъ напрасно отговаривался болѣзнью, напрасно увѣрялъ, что въ цѣлый годъ онъ ни разу еще не опаздывалъ, что это впервые и послѣдній: Свѣтозаровъ оставался неумолимъ. Пришло высшее начальство, Свѣтозаровъ пожаловался ему на Синицына, сказалъ, что за послѣднее время онъ сталъ замѣчать особенную лѣность и нерадѣніе къ службѣ за Синицынымъ и даже проявленіе нѣкоторой грубости и неуваженія къ начальству, вслѣдствіе чего черезъ полчаса Синицыну объявлено было, что у него убавляется изъ мѣсячнаго жалованья три рубля серебромъ.

Но этого мало. Назадъ тому мѣсяца три Синицынъ далъ займы одному изъ сослуживцевъ десять цѣлковыхъ, расписку взялъ; проценты сослуживецъ платилъ акуратно каждый мѣсяцъ и человекъ былъ хорошій, только несчастіе съ нимъ случилось—умеръ онъ. Синицынъ, узнавъ о смерти кредитора, справившись у казначея, жалованье не осталось ли незабраннымъ? но бѣднякъ не только за все прошедшее взялъ свою ничтожную плату, а еще впредь прихватилъ:

лечился дома; хоть на ромашку, да на бабь-знахарокъ все деньги нужны; Синицынъ увидалъ, что съ этой стороны ничего не возметъ, рѣшилси попытаться съ другой стороны: на счетъ оставшагося хлама. Обдумывая впередъ какимъ образомъ прямо изъ присутствія отправиться къ одному знакомому квартальному, чтобъ посоветоваться съ нимъ насчетъ взысканія, Синицынъ сталъ пить чай. Во время чая въ комнату вошла женщина, одѣтая очень бѣдно, вся въ черномъ, но такая молоденькая, блѣдная, да хорошенькая, что у Синицына въ глазахъ зарыбило, морозъ по кожѣ пробѣжалъ. Синицынъ въ первый разъ видѣлъ въ своей квартирѣ такое явленіе.

— Вы Иванъ Федорычъ? спросила пришедшая тихо.

Синицынъ переконфузился больше чѣмъ пришедшая: онъ хоть и ненавидѣлъ женщинъ, считалъ ихъ орудіемъ дьявольскихъ искушеній, но на миломъ лицѣ гостыи было написано столько печали, столько глубокой скорби, что трудно было усомниться, чтобы врагъ рода человѣческаго и ее избралъ въ число помощницъ своихъ злокозней.

— Я, отвѣчалъ Синицынъ, неловко вставая со стула. Что вамъ угодно?

— Вамъ папаша долженъ, Иванъ Федорычъ?

Синицынъ понялъ, что передъ нимъ стоитъ дочь Доменскаго, и его еще сильнѣе покорило.

— А вы видно изволите быть дочкой Николая Михайлыча? жаль-съ вашего папашу, такой славный былъ человѣкъ.

— Иванъ Федорычъ! вамъ долженъ былъ папаша, онъ на смертномъ одрѣ поминалъ все долгъ, больной былъ — меня все къ вамъ посылалъ, я только оставить его боялась: вѣдь я одна за нимъ ходила, а ужъ онъ какъ мучился. Какъ мучился-то онъ... рыданья недали возможности договорить бѣдной дѣвушкѣ. — Ты, говоритъ, сходи къ Ивану Федорычу, испроси прощенья у него за меня, я отдамъ ему какъ выздоровлю, съ благодарностью отдамъ. Да не привелось выздороветь то, оставилъ онъ насъ... новые рыданья заглушили слова дѣвушки.

Ивану Федорычу крѣпко стало жаль дѣвушку, впервые быть можетъ отъ роду, да вѣдь дѣвушка была больно хорошенькая, и годось у ней былъ такой нѣжный, такъ въ душу и просился.

— Вы, сударыня, успокойтесь; вотъ студычнкъ, присядьте.

Иванъ Федорычъ подалъ дѣвушкѣ стулъ, но та въ это время схватила его за руку, и начала цѣловать ее.

— Иванъ Федорычъ? нечѣмъ мнѣ отдать вамъ долгъ, ничего у насъ нѣтъ, только трое сиротъ насъ и осталось, съ голоду хотъ умирай; чужіе люди уголы дали. Все продали мы, какъ папаша болѣнъ былъ, вѣдь жить надо было, лекарства покупали. Простите Иванъ Федорычъ, сполна отдамъ, въ горничныя пойду, заработаю. Дѣвушка схватила руку Синицына и снова стала цѣловать ее.

Съ Иванъ Федорычемъ богъ-знаетъ что дѣлалось, когда дѣвушка припала къ его рукѣ: ему стало и со-

вѣстно, и неловко, и хорошо въ одно и тоже время; съ нимъ въ первый разъ случилась такая исторія, ему никогда не приходилось быть такъ близко къ хошенькой женщинѣ; онъ позабылъ и дьявольскія козни и вражду къ женщинѣ: онъ только видѣлъ передъ собой обливающуюся слезами дѣвушку, слышалъ ея нѣжный голосъ, прерываемый рыданьями, чувствовалъ только на своей рукѣ ея горячее дыханье, ея милыя губки. Иванъ Федорычъ напрасно старался освободить свою руку изъ рукъ дѣвушки: она крѣпко держала ее. Аскетъ забылъ свой долгъ.

— Что вы, сударыня, помилуйте, какъ можно въ горничныя, это не ваше-съ дѣло, вы барышня. Уже насчетъ долгу. не беспокойтесь, мы всё подъ Богомъ ходимъ, развѣ я злодѣй какой, что съ васъ платице стану тащить, во мнѣ душа есть тоже. Мы подождать можемъ, а коли не будетъ чѣмъ заплатить, такъ мы и такъ обойдемся. Я. и росписку разорву.

Съ необыкновенной быстротой, такъ что дѣвушка не могла даже предупредить его, Иванъ Федорычъ досталъ росписку и изорвалъ ее.

— Богъ васъ наградить, Иванъ Федорычъ, сказала дѣвушка. — Я знала, что вы добрый, не подымется ваша рука на сиротъ. Вы только не думайте, чтобъ я не отдала вамъ долгъ: какъ только деньги будутъ — отдамъ.

Дѣвушка просидѣла у Синицына еще минутъ пятнадцать и ушла. Иванъ Федорычъ не замѣтилъ и время: ему было такъ хорошо, что онъ забылъ свои гражданскія обязанности. А между тѣмъ времени было

много, почти девять часовъ. Свѣтозаровъ свирѣпѣлъ и ждалъ съ нетерпѣніемъ появленія преступника. На этотъ разъ послѣ всѣхъ появился Синицынъ; не успѣлъ онъ носу показать, какъ на него обрушился цѣлый потокъ самыхъ энергическихъ ругательствъ.

— Такъ ты вотъ какъ считаешь начальство, съ скрежетомъ зубовнымъ накинулся Свѣтозаровъ на Синицына. Вотъ какъ! тебя наказываютъ, а ты и въ усь не дуешь, сами, дескать, съ усами, старая ракалия! — знать никого не хочу. Погоди же, я тѣ удружу, поставлю тебѣ ферта, буркулами-то не такъ зохлопаешь. Отчего послѣ всѣхъ явился? Говори, пентюхъ китайскій?

Синицынъ на этотъ разъ не оправдывался; онъ молча забралъ изъ шкапа огромное дѣло и сталъ рыться въ немъ; его молчаніе еще болѣе вывело изъ себя Свѣтозарова, — онъ счелъ его верхомъ дерзости противу начальства. Послѣдствіемъ этой непріятной исторіи была еще убавка изъ жалованья Синицына четырехъ рублей серебромъ въ мѣсяцъ.

Синицынъ не могъ опомниться отъ послѣдней исторіи; она пришла къ нему незамѣтно, нечаянно; онъ не вѣрилъ въ дѣйствительность, онъ думалъ, что все это видѣлъ во снѣ, что и блѣдная, хорошенькая дѣвушка являлась ему во снѣ, и руку у него цѣловала тоже во снѣ, но дѣйствительность въ образѣ казначея и полученія жалованья пришли въ тотъ же день напомнить ему себя: вмѣсто одиннадцати рублей серебромъ, какъ бы слѣдовало, Синицыну выдали четыре рубля.

Понятно съ какими разнообразными чувствами возвратился домой Синицынъ; онъ долго ходилъ по комнатѣ и думалъ. Борьба въ немъ происходила, и блѣдная дѣвушка занимала не послѣднее мѣсто въ этой борьбѣ. Нищета, скупость говорили Синицыну: «это дьяволъ соблазнилъ тебя, онъ плакалъ предъ тобой, онъ вырвалъ у тебя послѣдній грошъ, а ты, старый дуракъ, и распустилъ юни-то, дался въ обманъ, позабылъ, что онъ завсегда бабу посылаетъ; поди-ка чай какъ она теперь потѣшается надъ тобой, смѣется всѣмъ. Гдѣ деньги-то? жалованье-то гдѣ? чѣмъ жить будешь? Что! Ахъ ты эхидна-притворщица!» Но вслѣдъ за угрозой эхиднѣ-притворщицѣ, являлся передъ Синицынымъ образъ блѣдной дѣвушки, плачущій, умоляющій, и Синицыну вдругъ дѣлалось и ея жалко и своихъ словъ совѣстно «Нѣтъ, вотъ она какая бѣдная, изъ дому выгнали, въ чужихъ людяхъ съ сиротами пробивается, какъ чай тяжело ей, шутка ли, какая молоденькая, и одной-то остаться, да еще съ братишками. Какая она хорошенькая, руку-то у меня какъ цѣловала. Глазки-то какіе у ней свѣтленькіе!» А деньги-то, деньги-то гдѣ твои? жалованье-то гдѣ? спрашивалъ прежній голосъ, и вслѣдъ за этими неотвязчивыми вопросами Синицынъ снова сталъ вѣрить, что явленіе блѣдной дѣвушки и впечатлѣніе, ею произведенное, только и можно отнести что къ дьявольскому навожденію, и снова начиналъ онъ отплевываться и отмахиваться отъ навожденія. «Жить-то чѣмъ я буду?» спрашивалъ себя съ отчаяніемъ Синицынъ. «Вѣдь не одинъ я. Что

на четыре цѣлковыхъ сдѣлаешь, — хлѣбомъ не пропитаешься. Неужто прожить надо, что десять лѣтъ копилъ, голодомъ себя морилъ? А все она, она эхидна надѣлала, обошла меня, вотъ теперь и дѣйствуй.»

Синицынъ сильнѣе зашагалъ по маленькой комнатѣ, нечаянно взглянулъ на печку, а оттуда неподвижно смотрѣли на него бессмысленные глаза.

— Вотъ какъ смотреть! словно не живой, не моргнетъ, слова не скажетъ. И безъ него тяжело, и на свѣтъ бы божій глаза не смотрѣли, а еще онъ тутъ. Охъ, хотъ бы смерть пришла скорѣе, провалиться бы куда-нибудь!

Но смерть не пришла къ Синицыну такъ скоро, только въ головѣ и сердцѣ его накапливалось все больше и больше тяжкихъ думъ, мучительныхъ чувствъ: образъ блѣдной дѣвушки совсѣмъ потемнѣлъ въ этой борьбѣ нишаго. Синицынъ сталъ ее ненавидѣть больше чѣмъ кого-нибудь.

Конецъ-концовъ этихъ размышленій былъ тотъ, что хозяйка, сидѣвшая за дощатой перегородкой, услышала, какъ Синицынъ сказалъ громко самъ себѣ: «Эхъ, выпить-ни какъ!»

Синицынъ возвратился домой черезъ недѣлю.

Мнѣ нужно было узнать подробности смерти Синицына; единственнымъ источникомъ въ этомъ случаѣ могла служить старушка-хозяйка, да отчасти еще одинъ чиновникъ, жившій напротивъ и прибѣжавшій на отчаянные крики старушки.

«Привели его ко мнѣ, — такъ рассказывала старушка, — а онъ какъ есть самъ не свой: нечистый-

то во власть его взялъ; изъ лица сталъ онъ такой блѣдный, глаза помутимшись, — сѣлъ въ уголъ, жметъ все, а зубы-то такъ и стучать. Сидѣлъ онъ немалое время, да послѣ этого какъ закричить благимъ матомъ: «Уйди, не тирань ты меня, не губи души!» Я тогда испугалась, выбѣжала изъ перегородки, да и говорю ему: «Что ты, Иванъ Федорычъ, опомнись, дай я перекрещу тебя!» Такъ куда ты, и не слушаетъ: «вонъ, вонъ, говоритъ, ихъ сколько, изъ печки лѣзутъ, мохнатые, она-то съ ними же, ко мнѣ, ко мнѣ идетъ», да какъ закричить пуще прежняго, да на печку и бросится, «что, кричить, ушли небось, струсили. Вонъ, вонъ изъ окошка теперь лѣзутъ, опять она съ ними». Знать опять нечистая сила показалась ему, голубчику. Я стала его уговаривать, онъ меня старуху, бывало, больно слушался, ну и на эфотъ разъ послушался, успокоился, въ постель легъ. Я, полагамши, что Иванъ Федорычъ-то уснулъ, со двора и ушла къ сосѣдкѣ, — знаете, батюшка, Пахомовну-солдатку? — молочка у ней взять, моя коровушка-то стельная; прокалякамши надо полагать съ часъ времени, говорю ей: пойти-ка посмотрѣть, что подѣлываетъ жилецъ-то мой. Только вхожу на дворъ, слышу кричить покойникъ въ комнатѣ пуще прежняго; я туда, отворяю дверь, да такъ свѣту божьяго и не взвидѣла, — стоитъ онъ, знашь, по срединѣ комнаты въ рубахѣ одной, въ рукѣ ножикъ перочинный, а самъ кричить: «смерти моей захотѣли, душу окаянныя погубить, — такъ на же вамъ!» Не успѣла я опомниться, а онъ ужъ ножомъ себя по горлу

какъ хватить, я такъ и взвизгнула.—Что ты, говорю, грѣхъводитель проклятый, дѣлаешь! А онъ выпучивши зѣнки на меня, говорить: «что я, ничего. — А ножикъ-то зачѣмъ въ рукахъ? «Возьми его говорить себѣ, коли хочешь, мнѣ на што онъ». Я обрадовавшись ножикъ взяла, а сама дверь на замокъ, да по сосѣдамъ: сосѣдушки, батюшки, помогите, говорю, мой-то рѣзаться хочетъ; они спасибо люди добрые: Захарычъ, сапожнымъ дѣломъ занимается, да Фома Лукичъ, сейчасъ ко мнѣ пришли. Входимъ къ Ивану Федоровичу, а онъ на кровати сидитъ, да такъ неладно смотреть, а у самого по шеѣ кровь течетъ. Фома Лукичъ и говоритъ ему: «что это съ вами, Иванъ Федорычъ, вы видно нездоровы, пойдите-ка со мной, я васъ полечу, въ Разувай (*) зайдемъ.» «Чтоже, говорить, пойдите, ничего». Ну и пошли они, только вмѣсто кабака-то, Федоръ Лукичъ его въ полицію обманомъ привелъ, да тамъ съ рукъ на руки и сдай.

— Какъ въ полицію?

— Также родимый, вѣдь онъ въ полиціи былъ, токмо что его тамъ недолго держали, выпустили скоро.

Полицейское распоряженіе меня привело въ крайнее удивленіе и я постарался хорошенько разузнать объ немъ. Оказалось, что точно отставной поручикъ Грязновъ (Фома Лукичъ) привелъ Синицына въ полицію и тамъ со словъ хозяйки рассказалъ весь ходъ

(*) Фирма кабака.

происшествія, и просилъ полицію въ предупрежденіе несчастныхъ послѣдствій отправить Синицына въ больницу и удержать его тамъ, пока не кончатся припадки сумашествія; полиція на этотъ разъ послушалась Грязнова, но какими учеными соображеніями руководствовался докторъ, нашла ли на Синицына свѣтлая минута, вслѣдствіе чего онъ удовлетворительно отвѣчалъ на вопросы, или докторъ полагалъ, что рассказы свидѣтелей и рана на шеѣ ничего еще не доказываютъ, и должны нѣмѣть передъ истинами науки, только вслѣдствіе свидѣтельствванія, Синицына отпустили изъ больницы съ миромъ домой, прочитавъ ему приличное наставленіе о томъ, какъ должно вести себя благородному человѣку.

Синицынъ прямо изъ больницы возвратился къ себѣ на квартиру. Холодный ли воздухъ на него подействовалъ, или что другое, только вплоть до сумерокъ онъ держалъ себя тихо, все больше ходилъ изъ угла въ уголъ и молчаливо размахивалъ руками. Сумерки снова привели за собой рядъ мучительныхъ видѣній.

— Натерпѣлась я, батюшка, страху, такъ продолжала рассказывать хозяйка: — ужь какъ его *черный*-то мучилъ! Сижу я въ своемъ углу, да такъ вся дрожкой и дрожу, сосѣдку зову къ себѣ, такъ куда тѣ и руками и ногами уперлась, а какъ его одного оставишь? Сталъ Иванъ Федорычъ по угламъ шарить, да себѣ все подъ носъ бунчить, я его и спрашиваю: «Что ты тамъ, молъ, ищешь?» а онъ мнѣ на то и говорить: «Молчи, воры нонче придутъ,

огрaбить меня хотaтъ.» — «Что ты, молвлю, воры, какъ они къ намъ зайдутъ, чего съ насъ взять, богатства для нихъ что ли мы припасли?» Такъ куда ты, и меня старуху поклепалъ: ты, говоритъ, тоже видно жизни отъ меня хочешь; я спервaначалa обидѣлась, да ужъ потомъ вспомнила, что онъ въ немочи. Спроси я сдуру Ивана Федорыча кто ему сказывалъ, что ограбить его хотaтъ: «Она, говоритъ, она и сама вмѣстѣ придетъ, вонъ, вонъ идетъ,» да какъ закричитъ попрежнему благимъ матомъ: «Куда, говоритъ, мнѣ дѣваться отъ васъ, замучили вы меня, жжетъ меня всего. Ужъ кричалъ онъ, кричалъ на этотъ разъ, инда осинъ, а потъ съ него, такъ и катится: «пить, говоритъ, хочу, пить мнѣ дай.» Я пошла въ сѣни за водой, и онъ за мной; увидавши ведро цѣлое, схватилъ его, да такъ къ нему словно приросъ и куда это мои батюшки помѣстилось все! Возвратившись въ комнату всталъ онъ на колѣни передъ образомъ казанской божьей матери и ужъ такъ молился, что инда меня жалость взяла: «Спаси, говоритъ, меня матушка, губить меня всѣ собираются, въ преисподнюю меня ташутъ, муки всякія приготовили тамъ для меня; сама видишь сколько ихъ пришло за моей душой,» а самъ все ближе къ образу на колѣняхъ ползетъ: «Спаси, кричитъ, спаси!» И точно, родимый, послала Пресвятая Дѣва ему такую благодать, совсѣмъ призатихъ, только образъ со стѣнки снялъ, да крѣпко-накрѣпко прижалъ; ну и я старуха пошла къ себѣ, да признаюсь и согрѣшила, маленько вздремнула; проснулась — кричитъ опaть мой голубчикъ хуже прежняго, я къ

нему: сидить онъ на постели, изъ себя блѣдный, страшный, да себя по брюху колотить: «Вонъ, кричить, вонъ, доберусь до васъ!» Спервоначала-то я не замѣтила, есть ли что у него въ рукахъ, да какъ подошла ближе, ай батюшки! — ножикъ, а кровь-то такъ и журчить. Такъ я и обмерла, выбѣжала на улицу да и кричу — «караулъ!»

Но помощь пришла на этотъ разъ поздно: къ Синицыну: покуда собирались сосѣди, онъ успѣлъ нанести себѣ нѣсколько ранъ; первымъ на зовъ старухи явился чиновникъ Ковригинъ, онъ засталъ еще страдальца живымъ, страшно терзавшимъ себя...

Старикъ-отецъ и въ гробѣ не узналъ сына: подведенный къ гробу, онъ молча взглянулъ въ лицо мертвеца и отошелъ прочь...

ЧАПУРИНЪ.

ЧАПУРИНЪ.

Еще до поступленія моего въ слѣдователи я уже многое слышалъ о Чапуринѣ, и съ нетерпѣніемъ ожидалъ случая повидаться съ нимъ. Двадцати-лѣтній юноша, судящійся за убійство нѣсколькихъ человѣкъ, — согласитесь, личность такого рода, что можетъ заинтересовать собой человѣка самаго не любопытнаго.

Въ острогѣ случился какой-то незначительный скандалъ: между прочими мнѣ нужно было спросить Чапурина. Я производилъ слѣдствіе въ конторѣ тюремнаго замка; со мной былъ депутатъ съ военной стороны.

— Надо убрать вотъ эти штуки-то! сказалъ офицеръ, взявши со стола огромныя ножницы.

— А что?

— Да вѣдь вы позвали Чапурина?

Чапурина.

То-то! Вѣдь это я вамъ доложу звѣрь, ему ничего не стоитъ сгубить христіанскую душу.

— За что же онъ насъ съ вами сгубить, вѣдь онъ противъ насъ ничего не имѣетъ, слѣдствіе до него почти не касается, стало быть у него нѣтъ и причины пырнуть которагонибудь изъ насъ.

— Какая у него причина!... Онъ отца родного ни за грошъ хватить.

Въ это время на дворѣ тюремнаго замка раздалось брянчаніе цѣпей; офицеръ поспѣшно сунулъ подъ кипу бумагъ ножницы, такъ что ихъ вовсе нельзя было запримѣтить и взялъ въ руки нерочинный ножикъ. Въ контору съ двумя конвойными ввели Чапурина.

— Терещенко! скажь офицеръ одному изъ конвойныхъ, оставшемуся за рѣшеткой, встань здѣсь.

Часовой вошелъ въ самую контору и неподвижно всталъ у шкапа.

Чапуринъ посмотрѣлъ въ сторону депутата; едва замѣтная улыбка показалась у него на губахъ.

Чапуринъ былъ молодой человѣкъ, блѣлокурый, съ едва замѣтной, только что начинающей прорѣзываться рѣдкой бородой. Лицо Чапурина было изъ числа тѣхъ лицъ, на которыхъ не останавливаются съ перваго раза: въ толпѣ вы не обратили бы на него вниманія, но за то разъ остановившись, вы ужъ никогда не забудете его. Я много видѣлъ на своемъ вѣку антипатичныхъ фizioномій, но ни одна изъ нихъ не производила на меня такого отталкивающаго впечатлѣнія. Впрочемъ Чапуринъ никакъ не походилъ на тѣхъ героевъ, которыми мы привыкли угощаться во французскихъ мелодрамахъ. Лба у Чапурина почти не было, волосы начинали расти надъ самыми бровями, губы

тоже не бросались въ глаза, но за то страшное развитіе челюстей напоминало кровожаднаго звѣря. Во все время спроса я хотѣлъ вглядѣться въ цвѣтъ глазъ Чапурина, въ ихъ выраженіе, но не могъ: впавшіе были такъ глубоки, что скрывали почти глазное яблоко. Только потомъ, при дальнѣйшемъ знакомствѣ съ Чапуринымъ, я увидалъ, что глаза его не имѣли своего цвѣта, покрайней-мѣрѣ, обыкновенно сѣрые, они иногда какъ то чернѣли и искрились. Какъ у всѣхъ долго сидѣвшихъ въ тюремномъ замкѣ, лицо Чапурина было зеленогрязноватое, и это еще болѣе усиливало общее впечатлѣніе, произведенное физіономіей. Но что особенно было поразительно при лицѣ Чапурина, такъ это голосъ: я никакъ не ожидалъ услышать такой мягкости, почти нѣжности въ его тонѣ. Во все время какъ этого спроса, такъ и послѣдующихъ Чапуринъ говорилъ тихо, нисколько не рассчитывая на эффектъ (какъ это дѣлалъ другой мой осторожный знакомый Залѣскій), улыбка никогда почти не сходила съ его широкаго рта. Невидавши лица и не зная смысла кровавыхъ рассказовъ, вы бы никакъ не думали, что этотъ мягкій голосъ принадлежитъ такой личности, каковъ былъ Чапуринъ; но увидавши это лицо и услышавши этотъ голосъ, первой мыслью, промелькнувшей въ вашей головѣ, я увѣренъ было бы: «вотъ не дай богъ съ кѣмъ встрѣтиться въ темномъ лѣсу съ глазу на глазъ!» Въ самомъ дѣлѣ не дай богъ: пощады ждать нечего, — рука Чапурина дрогнуть не можетъ.

Я только разъ видѣлъ какъ измѣнилось лицо Чапурина (объ этомъ развѣ мы скажемъ впослѣдствіи)...

признаюсь откровенно, невольная дрожь пробѣжала у меня по тѣлу, я едва не отскочилъ отъ Чапурина: такъ страшно было въ это время выраженіе его лица. Красная краска выступила пятнами у него на лицѣ, въ глубокихъ впадинахъ глазъ засвѣтился страшный огонь. Я думаю, когда Чупаринъ совершалъ первыя убійства, такъ у него было такое же лицо и такіе же глаза.

Между прочими вопросами я спросилъ Чапурина за что онъ находится подѣ судомъ.

— За убійство.

— Чтоже, за одно?

— Когда за одно! лѣниво отвѣтилъ Чапуринъ: — чай вы слышали.

— Нѣтъ ничего не слыхалъ, да и притомъ еслибы я и слышалъ, такъ отъ постороннихъ, а мнѣ нужно это отъ тебя слышать, чтобы записать.

— Коли нужно, такъ извольте: за убійство трехъ человѣкъ на чувашинскомъ затонѣ, за солдата, за бабу...

Чапуринъ остановился какъ бы припоминая.

— Ну.

— Дальше забылъ, ваше благородіе, съ улыбкой отвѣчалъ Чапуринъ.

— Развѣ можно забывать такія вещи?

— Видно можно, коли забылъ.

— Давно ли ты содержишься въ тюремномъ замкѣ?

— Да вотъ ужъ съ Покрова четвертый годъ пошолъ.

Замѣьте, что Чапуринъ сидитъ въ острогѣ чет-

вертый годъ: стало быть всѣ убійства совершены имъ двадцати-одного года.

— Что же, ты двадцати лѣтъ такъ накуралѣсиль?

— Должно полагать что такъ.

— А что, скучно сидѣть въ острогѣ?

— Очень скучно, непріятностей много. Все лучше, какъ рѣшеніе выдѣть.

— Ну, не больно будетъ весело, какъ и выдѣть.

— Извѣстно дѣло не весело какъ Иванъ Захарычъ (имя палача) въ гости позоветъ, а все лучше, покрайности рѣшеніе есть. Отваляли значить на оба бока, сколько душѣ ихъ угодно, да и въ сторону... съ прежней улыбкой, своимъ ровнымъ голосомъ говорилъ Чапуринъ.

Чапуринъ былъ сынъ очень зажиточнаго верховаго крестьянина-лѣсопромышленника. Незадолго передъ своимъ спросомъ отецъ Чапурина нарочно пріѣзжалъ въ нашъ городъ и видѣлся съ сыномъ. Старикъ заливался слезами; сынъ оставался все тѣмъ же тихимъ, ровнымъ, улыбка не сходила съ его губъ.

— У тебя отецъ былъ недавно? спросилъ я Чапурина...

— Пріѣзжалъ старикъ, калачей мнѣ привезъ.

— Жалко тебѣ чай старика-то было?

— Чего мнѣ его жалѣть-то, не въ каменномъ мѣшкѣ сидить, — по своей волѣ гуляетъ.

— Да, онъ, говорятъ все плакалъ, какъ съ тобой свидѣлся!

— А низамай его плачетъ, коли охота на то приш-

ла. Нестоль бы заплакалъ, колибъ вотъ въ эвдакихъ чертогахъ побывалъ.

— Ну а мать у тебя есть?

— Коли не бывать. У всякаго почитай мать есть, улыбаясь острился Чапуринъ. И у меня была — да сплыла.

— Какъ сплыла?

— На мазарки значить стащили.

Спросъ Чапурина былъ на этотъ разъ незначительный. По обыкновенію всѣхъ арестантовъ, искусившихся въ практикѣ жизни, Чапуринъ на все отвѣчалъ уклончиво, избѣгая прямыхъ, положительныхъ отвѣтовъ.

— Кто же за тебя руку-то приложить? спросилъ я у Чапурина.

Военный депутатъ, погруженный во все время моихъ спросовъ въ душеспасительное чтеніе какого-то московскаго романа, очнулся отъ своего занятія.

— Какъ приложить? Да вѣдь ты Чапуринъ грамотѣ учился?

— Учусь-то учусь! Да какіе мы грамотные.

— Ну все же подписать хоть кое-какъ свою фамилію умѣешь? спросилъ я.

— Кое-какъ-то пожалуй что и съумѣемъ. Да все же мы какіе грамотные.

— Ну если умѣешь кое-какъ, такъ кое-какъ и подписывай.

— По мнѣ пожалуй, отчего не подписать, сказалъ Чапуринъ, взявъ отъ меня перо и очень бойко подписывая свою фамилію.

— Гдѣ это ты такъ наострился?

— Здѣсь, ваше благородіе. Въ острогѣ скучно ужь значить очинно, вотъ и ходишь учиться...

Спросъ Чапурина кончился, его увели обратно внутрь острога. Чапурина замѣнилъ мѣстный мѣщанинъ, извѣстный конокрадъ. Покуда письмоводитель писалъ заголовку новаго протокола, я обратился къ военному депутату.

— Вы здѣсь бываете въ караулѣ?

— Какъ не назначали въ депутаты, такъ каждую недѣлю по два раза бывалъ.

— Скажите пожалуста, чѣмъ занимается Чапуринъ?

— Чѣмъ ему заниматься Дмитрій Ивановичъ, виѣшался въ нашъ разговоръ вновь приведенный мѣщанинъ. Пѣсни все поетъ къ арестантамъ лѣзетъ. А то голубей ловить, да дворянамъ продаетъ.

— Неужели его прошедшее никогда не мучаетъ?

— Что ему мучиться, — кабы у него семья была, другое дѣло, а то онъ одиношный... Смѣется все, «надо бы, баить, десятокъ спустить.»

Конокрадъ, какъ видно, тоже имѣлъ довольно своеобразный взглядъ на совѣсть.

— Развѣ Чапуринъ сидитъ въ общей камерѣ?

— А гдѣ ему сидѣть-то? Знамо что въ общей, съ другимъ виѣстѣ, съ шляхтой.

— Кто это шляхта?

— Залѣскій.

Мнѣ приходилось имѣть дѣло чуть ли не каждый день съ арестантами и нерѣдко съ самымъ Чапуринымъ;

до послѣдняго нашего столкновѣнія, Чапуринъ былъ со мной довольно откровененъ: онъ не рисовался своими подвигами, но онъ и не молчалъ объ нихъ, по крайней мѣрѣ не молчалъ объ тѣхъ, которые были открыты предъидущими слѣдствіями. Изъ этихъ-то рассказовъ самаго Чапурина и другихъ арестантовъ, и также изъ слѣдственного объ немъ дѣла (которое все цѣликомъ было въ моихъ рукахъ) и изъ свѣдѣній, собранныхъ мною отъ слѣдователей я постараюсь познакомить васъ по крайней-мѣрѣ съ крупными чертами, которыми бы могла характеризоваться рельефная личность Чапурина.

I.

РОДНАЯ СЕМЬЯ.

Чапуринъ, какъ я уже сказалъ, былъ сынъ верховаго крестьянина. Въ довольно зажиточномъ домѣ семьи Чапуриныхъ властелиномъ былъ восьмидесятилѣтній дѣдъ, старикъ суровый, державшій всѣхъ въ ежовыхъ рукавицахъ. Отецъ Чапурина, которому самому стукнуло за шестьдесятъ, и тотъ не смѣлъ сказать лишняго слова предъ домашнимъ патриархомъ, и тотъ только молча исполнялъ его приказанія. Родъ Чапуриныхъ жилъ въ одномъ домѣ; суровый дѣдъ и слышать не хотѣлъ объ выдѣлѣ котораго нибудь изъ внуковъ: около него группировалась семья, простиравшаяся чуть ли не до сорока человѣкъ. Село, гдѣ жили Чапурины, лежало на сплавной рѣкѣ, и боль-

шая часть жителей его, или въ качествѣ хозяевъ, или въ качествѣ работниковъ занималась гонкой лѣса и лѣсныхъ произведеній въ низовыя губерніи. Максимъ Чапуринъ (герой моего рассказа) съ семнадцати лѣтъ началъ знакомство съ привольной бурлацкой жизнью. То какъ работникъ на отцовскомъ суднѣ, то какъ бурлакъ на чужихъ разшивахъ онъ видѣлъ и Самару, и Саратовъ, и Астрахань, и Казань. Вездѣ въ ватагѣ другихъ бурлаковъ (особливо, когда плылъ на чужихъ разшивахъ) Максимъ ставилъ ребромъ потомъ и кровью нажитой бурлацкій грошъ; набережные кабаки нерѣдко слышали въ своихъ стѣнахъ его бурлацкія пѣсни, дешовыя красавицы нерѣдко заставляли раскошелить его убогую казну. Тяжела была для Максима бурлацкая жизнь, какъ приходилось супротивъ вѣтра по острымъ камнямъ тянуть лямку на нѣсколько верстъ, но зато разгульна была она на иномъ привалѣ. Тяжелѣй бурлачества было Максиму, окончивъ паутину, возвращаться въ родное село: съ первымъ же расчетомъ, начинали тамъ дѣдовскій посохъ, да отцовскій кулакъ учить уму-разуму молодаго дурня. Что сурова была школа, въ которой приходилось брать первые уроки Максиму, то подтвердили односельцы Чапурина, когда онъ сталъ уже главнымъ героемъ кровавыхъ драмъ: «Точно, говорили односельцы подъ присягой, отецъ Максима, Кузьма, да дѣдъ Андрей подвергали его жестокимъ наказаніямъ, но не для чего иного, а для исправленія Максима, чтобъ онъ былъ хорошимъ человѣкомъ».

Но какъ видно тяжолая школа выправки вовсе

не имѣть за собой столько данностей для исправленія, сколько думали найти въ ней Андрей и Кузьма. Бурлацкія замашки не оставляли Максима на родинѣ. Да и трудно впрочемъ было отстать отъ нихъ: село, гдѣ жилъ Чапуринъ, было богатое; народъ все проходимецъ, какъ и Максимъ, выдавшій много видовъ на своемъ вѣку; дѣвки все податливыя, были бы только платки да кольца. Правда, въ деревнѣ, да еще подъ зоркимъ наблюденіемъ отца и дѣда, нелегко было Максиму честнымъ образомъ сколотить деньгу на гульбу, но и Максимъ не принадлежавъ къ числу людей останавливающихся на средствахъ. Долго быть-можетъ неизвѣстны были бы намъ первыя походы Максима и способы, которыми онъ добывалъ себѣ деньги, еслибы не случилось слѣдующаго произшествія:

Чапурина по окрестности всѣ знали какъ за сына зажиточнаго крестьянина. Разъ Максиму крѣпко захотѣлось гульнуть. Не думая долго, онъ отправился въ ближайшее село.

— Роба! старики возчиковъ послали меня искать.

— Чаво вести-то?

— Кульѣ.

— До кѣхъ мѣсть?

— До Царева.

Роба по обыкновенію отвѣчали небольшой паузой и чесаніемъ въ затылкахъ.

— Можно!..

— По жеребью чтоли ходите?

— Знаю по жеребью... Лохматый! кличь робять на кругъ жеребья бросать.

Собрались остальные ребята, подрядились въ цѣнѣ на шесть подводъ, бросили жеребій. Максимъ собралъ задатки съ крестьянъ, которымъ выпалъ жребій, у одного, вмѣсто нехватившихъ денегъ, взялъ кафтанъ, сказалъ, чтобы къ заврашнему дню всѣ были готовы, а самъ отправился въ ближайшій уѣзный городъ. Подрядные ребята напрасно ждали Максима три дня: Максимъ не являлся, объ куляхъ и слуху не было. Увидавъ, что дѣло выходитъ не совсѣмъ чистое, возчики отправились по указанію Максима въ уѣзный городъ, гдѣ и получили свѣдѣнія, что Максимъ точно былъ въ городѣ, пьянствовалъ два дня, и потомъ ушелъ изъ города неизвѣстно куда. Обманутые возчики пришли съ жалобой къ отцу Максима.

Послѣдняя продѣлка Максима вывела стариковъ изъ себя. Увидавъ что домашними расправами, потасовками и кулаками исправленія не достигнешь, старики думали испробовать еще мѣру: въ мѣстное сельское управленіе отъ имени отца Максима подается объявленіе такого рода:

«Родной сынъ мой Максимъ Чапуринъ, постоянно занимаясь распутствомъ и пьянствомъ, въ разное время учинилъ разныя кражи, а именно: у родной матери Аграфены Кондратьевой холста укралъ на двадцать рублей, у дѣда своего Андрея Александрова небѣленаго холста двѣсти-десять аршинъ, мелкіе гири, кадку меду, пояся, платки; у проходящаго нишаго муки на семьдесятъ-пять копѣекъ серебромъ; у сестры

Прасковьи два сарафана и т. д. (мы не высчитываемъ всѣхъ мелкихъ кражъ) да кромѣ того безъ позволенія моего нанялъ возчиковъ подъ куле до Царева и взялъ съ нихъ задатку девять рублей серебромъ, кои и прогулялъ неизвѣстно гдѣ, а потому прошу роднаго сына моего Максима за распутство, неповиновеніе и разныя кражи заключить подъ стражу и наказать».

Это было первое дѣло о Чапуринѣ; при разслѣдованіи его всѣ показали согласно объявленію отцовскому, только мать Максима отвѣчала, «что она претензіи на сына не имѣетъ и оную оставляетъ»; самъ же Максимъ въ кражахъ не сознавался, исключая только материнскихъ холстовъ, а про возчиковъ говорилъ, что нанималъ по отцовскому приказанію. Кромѣ того при вопросахъ, Максимъ показывалъ, «что отецъ его Кузьма Андреевъ и дѣдъ Андрей Александровъ обращаются съ нимъ жестоко, причиняютъ ему побои чѣмъ ни попало, и изъ нихъ первый даже прошибъ ему голову, отчего и имѣется у него знакъ.»

Максимъ впрочемъ не дождался окончанія перваго дѣла: онъ «учинилъ побѣгъ». И съ этихъ поръ начинается длинный перечень кровавыхъ походовъ этого страшнаго звѣря.

Какъ и слѣдовало ждать, Максимъ бѣжалъ на тѣ привольныя мѣста, гдѣ нынѣ все рѣже и рѣже начинается раздаваться «стонъ безконечный» бурлацкая пѣсня, — на Волгу. На ней совершилъ Максимъ свои первые подвиги.

II.

ДОЩЕНИКЪ.

Въ городъ С. присталъ въ послѣднихъ числахъ іюля 18.. года дощеникъ (т. е. небольшое судно), нагруженный глиняной посудой. Изъ накладной видно было, что хозяиномъ дощеника состоялъ вятской губерніи крестьянинъ Зиновій Чубовъ. На дощеникѣ кромѣ хозяина находились внукъ его, четырнадцати-лѣтній мальчикъ и работникъ, ихъ односелецъ, тоже несовершеннолѣтній Александръ Забиринъ. Кромѣ глиняной посуды и необходимой рухляди, въ углу кладушки стоялъ небольшой сундукъ, деревянный, обитый желѣзными полосами. За сильными вѣтрами и за недостаткомъ хлѣба Зиновій Чубовъ, присталъ съ своей посудой къ С., гдѣ переночевавъ и купивъ чего надо, хотѣлъ уже сниматься съ якоря, чтобы плыть дальше, какъ къ дощенику подошолъ какой-то человѣкъ въ желтомъ кафтанѣ, въ кожаной шапкѣ и сталъ рядить Чубова свезти его до Хвалыни. Дѣло скоро уладилось за тридцать копѣекъ.

— Ты изъ кѣхъ мѣсть-то? спросилъ только Чубовъ вновь прибывшаго.

— Изъ верховыхъ.

— Да изъ кѣхъ?

— Изъ Макарья.

— А какъ прозываешься?

— Архипъ Николаевъ.

— Въ бурлаки штоли идешь?

— Знамо въ бурлаки.

— Ладно.

Не успѣлъ отплыть дощеникъ отъ С. сорока верстъ, какъ поднялся страшный вѣтеръ съ луговой стороны. Какъ ни работалъ Чубовъ со своими мальчуганами, но дощеникъ не могъ устоять противъ вѣтра: его прибило къ чувашинской косѣ. Такъ какъ дѣлать было нечего, то Зиновій Чубовъ вмѣстѣ съ внукомъ своимъ и Архипомъ Николаевымъ вышли на берегъ, набрали сухого валежника, развели огонь и легли около него; мальчикъ оставался спящимъ на дощеникѣ.

— Вотъ я лежу около костра-то, какъ мнѣ потомъ рассказывалъ Чапуринъ, онъ же макаръевскій бурлакъ Архипъ Николаевъ: — да все думаю: толста видно мошна у старика, вонъ какой сундучище въ углу стоитъ.

— А, у тебя были въ ту пору деньги?

— Каки у бурлака деньги! путина была малая, до Василья только, что на харчахъ проѣлъ, что съ ребятами прогулялъ.

— Какже тебя принимали на суда? Вѣдь ты былъ безпашпортный?

— Вона!.. Тамъ нашего брата судариковъ залетныхъ косыми десятками считай. — Вотъ я лежу да и думаю, какъ бы отъ старика казну получить. Какъ есть всю дорогу продумалъ, не токмо что у костра. Да какъ ее получить? трое въ шестеро глазъ на тебя смотреть, а ты одинъ.

— Парень! говорю я старикову мальчугашкѣ: — ай-да въ лѣсъ.

— Пошто?

— Ягодъ голова нонѣ бають много.

— Пошли мы съ парнишкой въ лѣсъ, а лѣсъ-то отъ косы былъ недалече. Вотъ какъ мы взошли въ чашу-то, я его по этому мѣсту (Чапуринъ показалъ на високъ) кулакомъ и ударилъ. Знамо, много ли нужно мальчугашкѣ, — снопомъ на землю и повалился.

— Такъ до-смерти сразу и убилъ?

— Когда до-смерти. Я опосля этого по затылку его ногой два раза ударилъ, значить какъ показалась кровь, такъ ему тутъ и духъ вонъ. Обождавъ малое время, пошолъ я къ костру: старикъ лежитъ выпучивъ глаза.

— А гдѣ, баютъ, Сергунька? Я молъ, видно онъ заблудился, пошли въ лѣсъ вмѣстѣ, да поотсталъ онъ отъ меня, я его изъ видовъ потерялъ; пойдѣмъ, молъ, искать, неровенъ часъ...

— Поднялся старикъ съ мѣста; я смекаю, что съ этимъ такимъ манеромъ не управишься; далъ ему впередъ уйти, а самъ къ костру вернулся, топоръ взялъ.

— Ну!

— Что ну, нагналъ его, да по головѣ и окрестилъ, и этотъ видно со смѣху по сырой землѣ покатился. — Послѣ этого пошолъ я къ кладнушкѣ, застучалъ штоли, только работникъ проснулся. «Гдѣ, баютъ, хозяйева?» — Знамо, говорю, гдѣ, на землѣ, у костра

грѣются. Парнишка съ моихъ словъ завернулся въ полушубокъ, да опять захрапѣлъ. Ну и этому карачуна задалъ.

— Вѣдь онъ спалъ; чего ты его не пожалѣлъ?

— Чего жалѣть, крѣпче спать будетъ! улыбаясь отвѣчалъ мнѣ Чапуринъ.

»Пришла мнѣ на пути — такъ записано со словъ Чапурина у слѣдователя объ этомъ происшествіи, — въ голову мысль сдѣлать преступленіе, убить хозяина дощеника и двухъ малаго роста мужчинъ, бывшихъ съ нимъ, — эту мысль я, Чапуринъ, всѣми силами старался отклонить, но сего сдѣлать былъ не въ состояніи и рѣшился быть убійцею, да и притомъ, прибавляетъ Чапуринъ, во все сіе время я былъ въ горячности, раздраженіи и пьяномъ видѣ.»

Совершивъ преступленіе, Чапуринъ разбилъ сундукъ, взялъ имѣвшіеся въ немъ деньги, счетомъ девяносто-пять рублей асигнаціями, кафтанъ черный, фабричнаго сукна, кожаную сумку, отвязалъ отъ кладушки лодку и, перепрвась на ней черезъ Волгу, пошолъ въ близлежащее село Шамонино къ знакомому ему крестьянину.

На другой день нѣсколько крестьянъ изъ села, ближайшаго къ мѣсту совершенія преступленія, случайно пристали къ острову и открыли страшную истину. Старикъ Чубовъ и его внукъ были мертвы, малолѣтняго работника крестьяне успѣли привести въ чувство.

Началось слѣдствіе.

Чапуринъ однакожъ неудачно зашолъ къ знакомо-

му крестьянину въ село Шамонино. Несмотря на всю боязнь суда и слѣдствія, тотъ самъ безъ вызова явился къ слѣдователямъ и далъ имъ нить, гдѣ и въ какомъ мѣстѣ искать настоящаго убійцу.

Вотъ что показалъ крестьянинъ Даниловъ (фамилія знакомаго Чапурина).

«22 іюля, бывши въ городѣ С., встрѣтился Даниловъ (на берегу Волги) съ знакомымъ по бурлачеству крестьяниномъ Максимомъ Кузьминымъ Чапуринимъ, который на спросъ, зачѣмъ онъ въ С., сказалъ, что онъ, Чапуринъ, вмѣстѣ съ двоюроднымъ братомъ ѣздитъ внизъ для продажи выдѣланныхъ лодокъ; 23-же іюля Даниловъ видѣлъ, какъ тотъ Чапуринъ садился на дощеникъ, на коемъ было три неизвѣстныхъ крестьянина, изъ коихъ одного доподлинно призналъ за Заборина, и видалъ, какъ они поплыли внизъ по рѣкѣ Волгѣ, а 25 іюня, послѣ солнечнаго заката, Чапуринъ, подошедши къ окну моего дома, сказалъ женѣ, что онъ, Чапуринъ, оставилъ на берегу Волги лодку, которую просилъ побережь, а если будутъ покупатели, то продать ее за одинъ рубль серебромъ, обѣщаясь за деньгами заѣхать въ будущемъ году.»

Показанная Заборину лодка была имъ признана за принадлежащую Чубову; по описанію Данилова Чапуринъ былъ совершенно схожъ съ бурлакомъ Архипомъ Николаевымъ. Слѣдъ убійцы былъ найденъ, сообщено было въ мѣсто жительства о высылкѣ Максима Чапурина за надлежащимъ конвоемъ.

III

ЛОШАДЬ.

— Зачѣмъ же ты въ жительство пришолъ, когда зналъ за собой такое дѣло? Да наконецъ вѣдь ты и дома былъ подъ судомъ, ты и оттуда убѣжалъ? спросилъ однажды я у Чапурина.

— Молодо зелено значить было, школу не прои-
зошолъ всю, теперъ знамо етого не сдѣлаю.

— Ну, да теперъ не придется сдѣлать! замѣтилъ смотритель острога: — въ каменныхъ палатахъ сидишь, на волю незачѣмъ идти.

— Почему знать, — старуха бають на двое ворожила: либо дождикъ либо снѣгъ, либо ведро либо нѣтъ! съ своей обыкновенной улыбкой отвѣчалъ Чапуринъ.

По совершеніи убійства Чубовыхъ, Чапуринъ отправился на родину. Въ самомъ дѣлѣ богъ вѣсть что его влекло туда. При самомъ въѣздѣ въ родное село, Чапурина встрѣтили караульщики, изъ которыхъ одного онъ послалъ за водкой и пропьянствовалъ съ ними всю ночь. Напившись пьянымъ, Чапуринъ стрѣлялъ изъ пистолета, ругался скверными словами, и похвалялся, что въ мірѣ онъ никого не испугается, а что его всякіе люди и звѣри будутъ бояться. Впрочемъ на этотъ разъ Максимъ бражничалъ недолго, дома уже ждала его бумага о заарестованіи и высылкѣ куда слѣдуетъ. Въ мѣстномъ сельскомъ управленіи

Чапурина спросили только гдѣ онъ былъ и откуда взята имъ лошадь? На такіе вопросы Чапуринъ отвѣчалъ: «а изъ жительства своего я отлучился въ городъ Хвалынъ безъ письменнаго вида, для бурлацкой работы; возвращаясь же оттуда, купилъ въ селѣ Уржумскѣ на заработанныя деньги у неизвѣстнаго мнѣ крестьянина означенную лошадь, гнѣдую кобылу съ роспискою, которая въ городѣ М., во время пьянства въ гостиницѣ мною затеряна.»

Но не такъ отвѣчалъ Чапуринъ, когда спрашивали его неофициальныя лица откуда взялась у него гнѣдая кобыла. Чапуринъ любилъ остриться.

— Подъ березой, сударики, нашолъ; вижу, лошадка добрая,—сѣлъ на нее верхомъ, да и покатилъ.

— Да вѣдь ты въ телѣгѣ приѣхалъ?

— Въ телѣгѣ? ну и телѣгу нашолъ. Ужь такое видно мое счастье.

На сколько дѣйствительно помогло счастье Чапурину въ отысканіи лошади и телѣги, показываетъ слѣдующее:

Въ августѣ мѣсяцѣ, то-есть вскорѣ послѣ убійства Чубовыхъ обывателями деревни Федюлиной привезенъ былъ въ контору крестьянскій мальчикъ,—найденный ими въ лѣсу въ безчувственномъ состояніи. Прийдя ненадолго въ дознаніе этотъ мальчикъ сказалъ: что онъ крестьянскій сынъ Загуляевъ, былъ посланъ отцомъ своимъ на ихъ гнѣдой кобылѣ съ неизвѣстнымъ пассажиромъ до села Мамина, но на дорогѣ при вѣздѣ въ лѣсъ, тотъ пассажиръ, имѣя въ рукахъ пистолетъ, сталъ требовать идти съ нимъ вмѣстѣ въ лѣсъ стрѣлять птицъ.

Когда же онъ не послушался, то пассажиръ потащилъ его насильно, испугавшись чего, Загуляевъ сталъ кричать, потомъ вырвавшись побѣждалъ по дорогѣ, но пассажиръ нагнавъ, ударилъ его по головѣ. Что было послѣ того Загуляевъ не помнилъ.

Но Максиму и на этотъ разъ не посчастливилось: — хотя отецъ убитаго Загуляева не зналъ кто былъ пассажиръ, съ которымъ онъ отправилъ своего сына до села Мамина, точно также не зналъ по имени и отчеству его односелецъ Загуляева, Губинъ, къ которому обратился сперва Максимъ за наймомъ лошади, и который привелъ его къ Загуляеву, но дѣло въ томъ, что уѣздъ, гдѣ было совершено Максимомъ послѣднее преступленіе, приходился рядомъ съ уѣздомъ роднаго села Чапурина. Въ народѣ пошла молва, что въ деревнѣ Жигуляхъ убить мальчикъ Загуляевъ, что у него отнята гнѣдая кобыла. Лошадь, на которой возвратился въ свое село Максимъ приводила всѣхъ въ сомнѣніе своимъ сходствомъ съ отнятой у убитаго. Молва стала прямо называть Максима убійцей Загуляева.

Къ счастью на этотъ разъ мѣстное начальство не осталось глухо къ народной молвѣ. Хотя Максимъ уже былъ препровожденъ въ то время на мѣсто убійства Чубовыхъ, но отобранная отъ него лошадь отправлена была для показанія въ деревню Загуляева. Всѣ жители подъ присягой сказали, что лошадь и сбруя принадлежатъ Загуляеву.

— Бога ты небоишься Максимъ, говорилъ потомъ отецъ убитаго Загуляева на очной ставкѣ Чапурину: —

за что ты сгубилъ неповинную душу? что тебѣ сдѣлалъ мой сынишка?

— Что ты ко мнѣ лѣзешь, отвѣчалъ на это Чапуринъ:—я и тебя-то въ первый разъ вижу, не токма что твоего сына.

— Да чтоже, клевету чтоли я на тебя возвожу; тать, чтоли я церковная, что гублю тебя понапрасну?

— Извѣстное дѣло понапрасну. Ты вишь—человѣкъ въ несчастіи, беззащитный значить.

— А лошадь-то къ тебѣ какъ моя попала. Али не моя? Стало опять клевету наношу.

— Я ужъ вотъ сказывалъ ихъ благородію, что лошадь во Уржумскѣ купилъ. Почему я знаю, можетъ она и твоя, да только-что куплена она на собственныя денежки.

— Душегубецъ ты, Максимъ, отдашь отвѣтъ Богу. Максимъ улыбнулся.

— Знамо отдамъ, коли спросить, — все же не тебѣ.

— Эй Максимъ, покаяся, уговаривалъ и слѣдователь со своей стороны: — уликъ много противъ тебя, легче будетъ какъ правду скажешь.

— Да что вы, ваше благородіе, ихъ сторону держите; я жаловаться по начальству буду, притѣсненіе чините.

Напрасны были улики матери убитого, Губина и еще крестьянина, видѣвшаго какъ Максимъ выѣзжалъ изъ деревни съ убитымъ Загуляевымъ: Максимъ на все отвѣчалъ, что онъ знать ничего не знаетъ, вѣдать не вѣдаетъ, что онъ нетолько у Загуляевыхъ не по-

чевалъ, съ ихъ мальчикомъ неотправлялся, но что онъ и въ ихъ деревнѣ отродясь небывалъ.

— Скажите пожалуйста, какъ вы достигли того, что вамъ такъ откровенно сознался Чапуринъ въ убійствѣ Чубовыхъ? спросилъ я у одного изъ слѣдователей.

Развѣ мы мало съ нимъ бились: стоитъ на одномъ, что ничего не знаетъ, на улики свидѣтелей отвѣчаетъ, что они клевету говорятъ, Данилова упрекаетъ, что онъ присягу ложно принялъ, изъ-за того что разъ въ кабакъ съ нимъ поссорился. Къ счастью, Чапуринъ не приготовился увидать Заборина, храбрости не хватило посмотрѣть мальчику прямо въ лицо: вѣдь Максимъ думалъ, что въ живыхъ-то никого не осталось. Неповѣрите, затресся весь, какъ увидалъ Заборина. Что, говорю, Чапуринъ, твое дѣло? Виноватъ, говорить, ваше благородіе. Ну говори же какъ было? Такъ и такъ говорить.

IV.

ТЕМНОЕ ДѢЛО.

Дѣла о преступленіяхъ Чапурина начинали приходить къ концу; милостиваго рѣшенія ждать конечно было нечего: плети и каторга лежали впереди. Много замышлялъ Максимъ способовъ избѣжать наказанія, но всѣ изобрѣтенные имъ способы оказывались неудачными въ приложеніи къ практикѣ; оставалось одно—надѣяться на будущее. Но какъ затянуть дѣло? Какъ отдалить время рѣшенія?

Чувствуя сердечное раскаяніе и угрызения совѣсти въ совершенныхъ мною преступленіяхъ, я желаю быть вызваннымъ въ присутствіе уѣзднаго суда, дабы тамъ передъ зеркаломъ и праведными судьями открыть новое мое преступленіе и воспринять за оное достойное наказаніе! пишетъ между-прочимъ Максимъ въ своемъ прошеніи къ прокурору.

И вотъ Максимъ стоитъ передъ праведными судьями и приноситъ сердечное раскаяніе:

— Въ 18.. году, недѣли за четыре до праздника рождества христова, такъ кается Максимъ: — былъ я въ городѣ З. въ питейномъ домѣ съ знакомымъ государственнымъ крестьяниномъ села Сѣчиной, по имени Кириломъ, по отчеству мнѣ неизвѣстнымъ; отъ роду ему, Кирилѣ, двадцать-два года, волосы у него на головѣ и бородѣ темнорусые, росту онъ двухъ аршинъ и восьми вершковъ, особыхъ примѣтъ не имѣетъ. Во время пьянства моего съ Кириломъ, въ питейный домъ вошелъ мордвинъ Исай, про коего Кирилъ мнѣ сказывалъ, что онъ человѣкъ богатый, торгуетъ кулями, для чего часто ѣздитъ въ городъ З. Послѣ того, я Максимъ Чапуринъ, незамышляя ничего злонамѣреннаго возвратился въ свое мѣсто жительства... Недѣли черезъ полторы вышеозначенный Кирилъ, приѣхавши къ намъ въ село, и свидѣвшись со мною на берегу рѣки Ижи, передалъ мнѣ сначала, что мордвинъ Исай отправился въ городъ З. съ кулями, а потомъ сталъ прельщать и уговаривать меня ѣхать въ тотъ же городъ, чтобы на пути ограбить Исая и раздѣлить его деньги. Согласившись на такое преступное намѣ-

реніе, отправился я съ Кириломъ на его лошади въ г. М., гдѣ и остановились у питейнаго дома. Въ кабакѣ мы застали Исаю; впрочемъ при насъ пробылъ онъ тамъ недолго и, выпивъ косушку вина, отправился домой; мы же, вознамѣрившись исполнить задуманное прежде злодѣйское намѣреніе, отправились въ слѣдъ за нимъ. Отъѣхавши отъ города 3. верстъ семь, нагнали мы мордвина Исаю въ имжинскихъ поемныхъ лугахъ, идущаго за лошадыю. Кирилъ, остановивъ Исаю, силился повалить его на землю, но Исая, сбросивъ съ себя тулупъ, побѣжалъ по дорогѣ, а лошадь его усккала впередъ. Кирилъ видя это, побѣжалъ за мордвиномъ Исаеомъ, догнавъ его, схватилъ за горло и, задушивъ, положилъ лицомъ въ снѣгъ; я же Чапуринъ, слѣзши съ лошади и помогши Кирилу справиться съ Исаеомъ, хотѣлъ взять имѣющіяся у него деньги; но увидавъ ѣдущихъ по дорогѣ на трехъ лошадяхъ неизвѣстныхъ крестьянъ, сѣлъ съ Кириломъ на лошадь и ускакалъ...

Открывая передъ праведными судьями свое новое преступленіе. Чапуринъ между-прочимъ прибавилъ, что если Кирилъ въ сообщничествѣ съ нимъ будетъ запирается, то онъ надѣется «уличить его и привести къ чистосердечному раскаянію.»

Началось новое слѣдствіе. Солоно пришлось оно сѣченцамъ, не вкусите было и мордвамъ,—односельцамъ Исаю. Всякій кто звался Кириломъ былъ тянутъ на становую квартиру, всѣмъ чинили допросы: и старымъ, и молодымъ, и высокимъ, и низкимъ, и блондинамъ, и брюнетамъ. Несчастные Кирилы не знали

что дѣлать съ своимъ именемъ. Смятеніе по деревнѣ пошло великое; въ дремучій лѣсъ Кирылы побѣги стали чинить.

Но несмотря на всю объемистость слѣдствія, преступнаго Кирилу немогли никакъ найти: тотъ ростомъ не выходилъ, у того волосы чернѣе оказывались; тотъ старъ, тотъ малъ... Сколько ни тянуло временное отдѣленіе народу предъ свои ясныя очи, сколько ни расточалось краснорѣчія предъ Кирилами, а дѣло все впередъ неподвигалось.

А случай былъ въ самомъ дѣлѣ очень темный... Хотя въ з-скихъ присутственныхъ мѣстахъ и не было дѣла «объ убійствѣ мордвина Исая», но зато было другое къ нему подходящее: «о найденномъ въ поемныхъ лугахъ рѣки Имжи мертвомъ тѣлѣ мордвина деревни новой Тукмачи, Исая, и объ утаенныхъ при свидѣтельствѣ его деньгахъ старшиною Пахомовымъ и засѣдателемъ Дружининымъ».

Внимательно просматривая дѣло о «мертвомъ тѣлѣ Исая» вы только восклицали: «темна вода въ облацѣхъ небесныхъ!» Весь экстрактъ этого дѣла заключался вотъ въ чемъ: крестьянинъ Фадѣевъ, бывши въ поемныхъ лугахъ, усмотрѣлъ неизвѣстно кому принадлежащіе сани, въ которыхъ лежали онучи, и новые лапти, и невдалекѣ отъ нихъ шапку и тулупъ, и все это представилъ по начальству; другой крестьянинъ Пантелѣй Кобылинъ объявилъ, что имъ въ поемныхъ лугахъ найдено мертвое тѣло человека, лежащее внизъ лицомъ. Человѣкъ этотъ оказался вышезначеннымъ Исаемъ, а кафтанъ и онучи

ему принадлежащими. Земская полиція спросила родственниковъ Исаю, спросила (покрайней-мѣрѣ въ дѣлѣ такъ значится) односельцевъ его:—всѣ показали, что Исай ѣздилъ въ З. для продажи кулья, и возвращаясь оттуда домой *впрямую* по случаю бывшей мятели сбился съ дороги, заѣхалъ потомъ въ полыню и выѣзши оттуда, хотя дорогу нашолъ, но выбившись изъ силъ, замерзъ. Врачъ, какъ слѣдуетъ, рѣзалъ Исаю и ученымъ образомъ, съ подтвержденіемъ авторитета врачебной управы, доказалъ: «что причина смерти Исаи былъ кровавой апоплектический ударъ головного мозга и легкихъ, и этотъ ударъ произошелъ отъ замерзанія».

Слѣдователь подѣлу о замерзаніи Исаи, какъ видно, любилъ лаконизмъ,—что можно видѣть изъ того, что другихъ свѣдѣній кромѣ вышесказанныхъ никакихъ въ дѣлѣ не имѣется. Какъ попалъ Исай въ одну сторону, а его кафтанъ и шапка въ другую, гдѣ его лошадь, какъ она могла выйти изъ оглобелей: все это покрыто мракомъ неизвѣстности.

Перебравъ всѣхъ имѣющихся на лицо Кириловъ, временное отдѣленіе осянулось новой мыслью: вызвать самого Чапурина на мѣсто изслѣдованія и заставить его показать, который же изъ Кириловъ его соучастникъ въ убійствѣ Исаи. Вызвали Чапурина.

Но опять, удивительное дѣло! лишь только Максимъ прибылъ на мѣсто, какъ затянулъ совсѣмъ другую пѣсню:

— Никакого Кирила изъ деревни Сѣчиной, показывалъ на этотъ разъ Чапуринъ, я не знаю, а морд-

вина Исая никогда и ни съ кѣмъ не душилъ и ограбить его намѣренія не имѣлъ, да и въ то время, какъ найденъ былъ Исай въ имжинскихъ поемныхъ лугахъ, я, Чапуринъ находился самъ въ разныхъ мѣстахъ въ отлучкѣ, занимаясь пьянствомъ, и только отъ неизвѣстныхъ людей слышалъ о томъ, что Исай найденъ мертвымъ; принялъ же я, Максимъ Чапуринъ на себя новое преступленіе совершенно безвинно, по совѣту одного неизвѣстнаго мнѣ арестанта, для того чтобы меня переслали въ М. тюремный замокъ, а дѣло бы мое рѣшили въ тѣхъ присутственныхъ мѣстахъ».

Тѣмъ дѣло объ Исаѣ и покончилось. Умеръ ли въ самомъ дѣлѣ Исай отъ «замерзанія», какъ значилось въ протоколѣ врача, или еще новое преступленіе лежитъ на душѣ Максима, богъ-вѣсть.

Максимъ обыкновенно только улыбался, когда впоследствии я спрашивалъ его объ Исаѣ.

V

ПОБѣГЪ И НОВЫЯ ПРЕСТУПЛЕНІЯ.

Въ селѣ Радищевѣ около удѣльнаго приказа собралась толпа народа. Изъ шума, маханья рукъ, оживленныхъ лицъ можно было заключить, что совершилось что-то важное; изъ говора толпы вырывались только отдѣльныя фразы.

— Глянь-ка, глянь-ка, пострѣломъ его положь.

— Эка бѣда кака стряслась!

— Бѣжалъ!

— Подь-ка, поди—ты больно зудкой—нашолъ!

— Да какъ это Микитка-то проштрафился!

— Загубять сердешныхъ!

— Али тебѣ животы-то надоѣли! Сунься!

— Онъ-тѣ косы-то зѣнки вышибить!

Народъ волновался, шумѣлъ. Посреди приказа стояли два крестьянина,—на нихъ не было лица.

— Повезли, знашь, мы его мимо проселку-то. Онъ окаянный и бѣжалъ. Какъ есть бѣжалъ. Пропали наши головушки! говорили только мужики.

— Наглохтились знать... съ крѣпкимъ словомъ и съ зуботычинами приставало къ мужикамъ начальство.

— Пошто наглохтиться, — маковой росинки не было во рту Вотъ-те Христось не было. Разрази на семь мѣстѣ.

Сбитая деревня, вооруженная дреколіями, отправилась по приказу начальства въ лѣсъ, искать бѣглеца... но увы! Бѣглеца простылъ и слѣдъ. Ктоже бѣжалъ? спросите вы, Да все онъ же, Максимъ Чапуринъ.

Максимъ не даромъ затягивалъ слѣдствія и выжидалъ случая. Случай дѣйствительно представился: при новомъ пересмотрѣ дѣла оказалось нужнымъ дать Максиму очную ставку съ какимъ-то кестьяниномъ, для чего потребовалось переслать его въ мѣстный земскій судъ, который распорядился съ двумя крестьянами отправить его въ станovou квартиру. Впрочемъ мы лучше послушаемъ, какъ самъ Чапуринъ будетъ рассказывать о своемъ побѣгѣ.

Изъ дѣлъ, производящихся о Чапуринѣ не видно, гдѣ скрывался и что дѣлалъ онъ въ продолженіи двухъ или трехъ мѣсяцевъ со дня совершенія побѣга. Но потомъ имя Максима снова является, сопровождаемое такими же страшными, какъ и прежде рассказами.

Верстахъ въ десяти отъ села Дроздихи, изъ поемныхъ луговъ съ сѣномъ тащатся два крестьянина...

— К-а-р-а-у-л-ъ! раздается въ глубинѣ оврага.

Крестьяне стали прислушиваться: крикъ повторился въ другой разъ; они соскочили съ воевъ и бросились на крикъ. Въ глубинѣ оврага, у родника лежалъ крестьянинъ и громко стоналъ. Около него находился огромный камень, завернутый въ мѣшокъ. Прибѣжавшіе крестьяне стали спрашивать стонавшего что съ нимъ.

— Шолъ я, говоритъ стонавшій: — изъ деревни Гусихи, гдѣ въ батракахъ служилъ, домой; у знаменской межи повстрѣчался со мной бурлакъ штоли какой. Знашь дѣло-то на дорогѣ было, мы и пошли вмѣстѣ. Калякаемъ: ты молъ откѣлева? баить; — въ бурлакахъ на расшивѣ купца Поднавозова ходилъ. Изъ кѣхъ мѣсть-то? Изъ верховыхъ, вольный, Максимъ Чапуринъ прозываюсь. Каки заработки-то были? А ты, знашь онъ-то баить мнѣ: — откѣлева? Я, молъ, въ работникахъ былъ, домой иду. Такимъ манеромъ идемъ мимо Грязнухи... Зайдемъ, баить, въ питейный? Зайдемъ... Какъ зашли мы въ питейный, выпили значитъ тамъ, я какъ деньги цѣловальнику отдавалъ, мошну и покажи ему свою — красенькая тамъ у меня была. Вотъ какъ вышли изъ кабака, идемъ

мимо оврага. «Сойдемъ, онъ баить мнѣ: — родникъ тамъ есть, загорѣлось у меня нутро больно: — положимъ маленько», сошли туда... Я папимшись, ничкомъ, вотъ эдакимъ манеромъ легъ; онъ сгребъ камень, положилъ его въ мѣшокъ, да меня вдоль спины и огрѣлъ... Свѣтика, братцы, не взвидѣлъ! Какъ заору благимъ матомъ, а онъ меня вдругорядъ. По головѣ имъ хотѣлъ ударить, да маху далъ. Я вдругорядъ заоралъ. Онъ вражій сынъ и бѣжалъ.

Новое преступленіе Максиму Чапурину не удалось совершить: привычная рука измѣнила ему, кистень оказался менѣе благонадежнымъ орудіемъ, чѣмъ топоръ.

Послѣ покушенія на жизнь батрака, мы встречаемся съ Максимомъ въ совершенно противоположной сторонѣ... Но куда бы ни шолъ этотъ страшный человѣкъ, кровь повсюду сопутствуетъ ему.

Недѣли черезъ три, послѣ описаннаго мною происшествія въ оврагѣ, по проселочной дорогѣ, часу въ седьмомъ вечера, шли два человѣка: одинъ въ солдатской шинели, другой въ крестьянскомъ кафтанѣ и лаптяхъ съ толстой палкой въ рукѣ. Оба путника были на веселѣ...

— Я кавалеръ! значить могу, — приставала шинель къ кафтану.

— Отстань, я-те говорю, сказано не лѣзь.

— Службу я почитаю, начальство въ уваженіи имѣю. Ихъ благородіе говорить: «Ты у меня что не есть первый.»

— Педь-ка, нужда мнѣ какая, что ты первый:

меня самого Акулька дома ждетъ, тоже у ней и я первой.

— То значить баба... Тьфу! какъ есть баба... Я царской слуга, а ты бѣглый.

— А коли я бѣглый, что жъ ты ловить что ли меня вздумалъ, по начальству представлять?

— И представлю, награду получу...

— Рыломъ еще не вышелъ. Руки не доросли поймать меня, обшибу...

При послѣднихъ словахъ въ мягкомъ голосѣ кафтана слышадась угрожающая нота... Но солдатъ не унимался съ своей ревностью къ начальству:—онъ не зналъ съ какимъ человѣкомъ имѣетъ дѣло. Чѣмъ дальше шли путники, тѣмъ разговоръ ихъ становился все горячѣе и горячѣе.

— Я тебѣ говорю давай пашпортъ? Крикнулъ солдатъ схватывая за шиворотъ кафтанъ.

Дальше Максимъ (это былъ онъ) не выдержалъ, ударомъ кулака онъ сшибъ съ ногъ солдата.

Въ тотъ же день обыватели деревни Задировки, возвращаясь съ базара, нашли на своемъ полѣ, саженьяхъ, въ шести отъ дороги, обезображенный трупъ солдата. Трупъ былъ страшно изуродованъ. Случай скоро открылъ настоящаго убійцу...

Въ то время какъ шолъ по дорогѣ Максимъ Чапуринъ съ рядовымъ Михайловымъ, по той же дорогѣ проѣзжалъ въ село Шестаково (находящееся въ десяти верстахъ отъ Задировки) становой приставъ. Почему-то онъ обратилъ вниманіе на идущихъ и заиѣтилъ ихъ лица и одежду. Лишь только дано было

*

знать о найденномъ мертвомъ тѣлѣ солдата, у становаго пристава тотчасъ же явилось подозрѣніе въ убійствѣ его на человѣка, бывшаго съ нимъ спутникомъ.

Верстахъ въ тридцати отъ Задировки находится городокъ Л., служацій однимъ изъ пунктовъ найма рабочихъ на суда. Такъ какъ солдатъ и Максимъ Чапуринъ шли по направленію къ этому городу и нѣкоторые признаки въ костюмѣ указывали, что Максимъ занимается бурлачествомъ, то становой приставъ не медля отправился прямо въ Л., гдѣ послѣ небольшихъ розысковъ Максимъ былъ найденъ въ одномъ изъ городскихъ кабаковъ.

Незнаю что за причина, скорое ли приближеніе зимы, во время которой бродяжничать очень неудобно, краткость ли времени отъ совершенія преступленія, или что другое, только на этотъ разъ Максимъ недолго заперся.

— А бѣжалъ я, Максимъ Андреевъ Чапуринъ, съ дороги, когда пересылали къ становому приставу для очныхъ ставокъ, учинивъ сіе при пособіи крестьянина, меня сопровождавшаго. Получивъ свободу, намѣревался я пробраться къ киргизамъ; бродяжничая же по разнымъ мѣстамъ, на перевозѣ чрезъ рѣку Волгу въ деревнѣ Поднавозной сошелся я съ неизвѣстнымъ солдатомъ, оказавшимся нынѣ рядовымъ Михайловымъ, съ которымъ вмѣстѣ и отправился по дорогѣ къ городу Л. По приходѣ въ село Мачурино зашли въ питейный домъ, гдѣ выпили вина: Михайловъ три шкалика, а я, Чапуринъ, косушку; по до-

рогъ же солдатъ Михайловъ сталъ приставать ко мнѣ, Чапурину, и спрашивать кто я и откуда, и потомъ схвативъ меня сталъ требовать пашпортъ; опасаясь, чтобы онъ, Михайловъ, не удержалъ меня, сталъ я, Чапуринъ, отталкивать отъ себя его, Михайлова, и потомъ, поваливъ на землю, рѣшился убить его.

Максима опять повезли (только на этотъ разъ съ большими предосторожностями) въ село Родишево, чтобы тамъ онъ указалъ на того изъ провожатыхъ, которому далъ пять рублей серебромъ, за способствованіе въ побѣгъ. Но по прибытіи на мѣсто, Максимъ по обыкновенію отказался отъ своихъ показаній.

— Бѣжалъ же я съ дороги, такъ говорилъ Максимъ: — безо всякой чужой помощи, вытянувъ самъ внутренность замка дубовымъ прутикомъ. Показалъ же я прежде, что далъ за побѣгъ провожавшему меня крестьянину пять рублей серебромъ — ложно, оттого единственно, что во время допроса былъ пьянъ.

VI

ПОКУШЕНІЕ КЪ ПОВѢГУ И НОВОЕ ТЕМНОЕ ДѢЛО.

Новыя преступленія Максима затянули опять на долго исходъ дѣла; снова пошло гулять оно отъ одного слѣдователя къ другому, изъ одной судебной инстанціи въ другую: тамъ не даны очныя ставки, тамъ не вынесены справки изъ метрикъ, тамъ забыли спросить свидѣтелей: словомъ помгрываютъ себѣ судьи и слѣдователи дѣломъ Чапурина какъ мячикомъ.

Максимъ опять очутился въ знакомомъ уже ему острогѣ. Но на этотъ разъ Максима заперли въ отдельную камеру. Скучно Максиму, никакого общества, никакой компаніи нѣтъ для него; онъ сидитъ одинъ въ камерѣ, еле-еле освѣщенной маленькимъ окномъ, сидитъ безо всякой работы, съ своими кровавыми воспоминаніями.

У Максима былъ дьявольски-упрямый отъ природы характеръ; постоянное заключеніе еще болѣе развило въ немъ упрямство. Понятно, что во время одиночнаго заключенія всѣ мысли Максима устремлялись на одинъ предметъ: вырваться изъ каменныхъ палатъ, погулять опять по своей волѣ; понятно, что весь характеръ его пошелъ на то, чтобы привести любимую мысль въ исполненіе. Первымъ дѣломъ Максима, по заключеніи въ отдельную камеру, было произвести тщательную рекогносцировку жилища...

Повидимому камера Максима не представляла большихъ удобствъ къ побѣгу: окно было маленькое, отъ полу пробито очень высоко и выходило на внутренній дворъ острога: стѣны были толстыя. Вообще работа надъ окномъ или стѣнами была невозможна: камеры осматривались каждый день при смѣнѣ караула, но Максимъ не отчаивался; его привычный глазъ замѣтилъ тотчасъ же то, мимо чего проходили неостанавливаясь караульные, смотрители, архитекторы. Осматривая полъ камеры, Максимъ увидалъ, что двѣ половицы его лежатъ не такъ близко другъ къ другу, какъ бы слѣдовало и что плинтусъ находится больше для красоты, чѣмъ для удержанія ихъ: при

первомъ прикосновеніи Максима плинтусъ очень легко поднялся и далъ полную возможность приподнять обѣ половицы...

Неизвѣстно кто облегчилъ Максиму предварительную работу: безчисленное множество архитекторовъ, или такой же арестантъ, какъ и Максимъ, мучимый жаждой свободы.

Конечно подъ приподнятыми половницами находилось второе препятствіе — каменный полъ, залитый известью, но устранить вторую преграду было тоже не невозможно: при первомъ же свиданіи съ своимъ пріятелемъ Залѣскимъ, Максимъ получилъ гвоздь, и съ нимъ принялся за работу. Изъ коридора, въ которомъ находилась камера Чапурина, въ двери просверлено было небольшое окошко, чтобы часовой могъ наблюдать за всѣмъ происходившимъ въ комнатѣ, по скольку разъ ни заглядывалъ часовой въ камеру, онъ видѣлъ только одно, что Чапуринъ поκειται крѣпкимъ сномъ на нарахъ. Максимъ точно спалъ, и спалъ крѣпко цѣлые дни, но зато ночью онъ, какъ кротъ, принимался за работу и безъ усталости работалъ и работалъ, покуда снова дневной свѣтъ не заглядывалъ черезъ желѣзныя рѣшетки мрачнаго жилища.

Работа шла довольно успѣшно: недѣли въ двѣ Максимъ успѣлъ нетолько выбить кирпичи, но и вывести свою мину на поларшина глубины. Каждый день осматривали его камеру, его самого, но вѣчно ровный, вѣчно мягкій, Максимъ малѣйшимъ движеніемъ лица неизмѣнялъ своей тайнѣ.

Максимъ выносилъ землю и кирпичи въ то время,

какъ его выпускали изъ камеры и кидалъ ихъ въ отхожее мѣсто. Я говорю, недѣли двѣ все шло успѣшно, но разъ во внутреннемъ дворѣ острога стоялъ часовой опытный, намѣтавшійся на всѣ арестантскія штуки; онъ примѣтилъ, что Маскимъ что-то несетъ съ собой подъ мышкой, сталъ слѣдить за нимъ и въ щель увидалъ, какъ Максимъ выбросилъ камень и землю. Часовой донесъ начальству, сдѣлали осмотръ въ камерѣ Максима, подняли половицы и увидали истину. Началось новое слѣдствіе.

— Намѣренія учинить побѣгъ, отвѣчалъ Максимъ слѣдователю: — я не имѣлъ, а напротивъ того съ терпѣніемъ и раскаяніемъ жду наказанія за содѣланныя мною преступленія; кто же рылъ подкопъ въ моей камерѣ то мнѣ неизвѣстно, если же рядовой Степановъ и говоритъ, что видѣлъ какъ я бросалъ въ ретирное мѣсто камни, то не изъ-за чего другого, какъ изъ-за вражды ко мнѣ, ибо, какъ извѣстно мнѣ, весь караулъ питаетъ ко мнѣ злобу и ненависть.

Слѣдователь спросилъ другихъ арестантовъ не знали ли что они объ умыслѣ Максима бѣжать, но отъ всѣхъ получилъ одинъ отвѣтъ: «Знать ничего не знаемъ, вѣдать ничего не вѣдаемъ.»

Максиму неудалась первая попытка бѣжать изъ острога, надо было опять тянуть дѣло до болѣе удобнаго случая.

— Желаю быть въ судъ вызваннымъ, ваше благородіе, рапортовалъ Максимъ пріѣхавшему въ острогъ стряпчему.

— Зачѣмъ?

— Немогу сказать, ваше благородіе, открою только что передъ судьями.

Снова привели Максима передъ судьей, и снова ровнымъ голосомъ началъ Максимъ одинъ изъ своихъ обычныхъ, кровавыхъ рассказовъ.

— Оpoznалъ я въ арестантѣ Сивовѣ, такъ говорить Максимъ:—человѣка, допрежде прозывавшагося крестьяниномъ Оконишниковымъ, съ которымъ и учинилъ въ 18.. году преступленіе.

— Какое же преступленіе? спрашиваютъ судьи...

— Назадъ тому года три приплылъ я въ городъ А. вмѣстѣ съ отцомъ моимъ для продажи лодокъ; черезъ недѣлю послѣ нашего прихода туда, случилась сильная буря, оторвавшая и унесшая по Волгѣ пять принадлежавшихъ намъ лодокъ, почему отецъ мой отправилъ меня отыскивать тѣ лодки. Найдя лодки въ волжинскихъ камышахъ, я, вмѣсто того, чтобы возвратиться къ отцу, продалъ ихъ повстрѣчавшемуся со мной крестьянину Акиму Оконишникову, нынѣ прозывающемуся арестантомъ Сивовымъ, но такъ какъ для расплаты со мной на ту пору у Сивова не было денегъ, то онъ и повелъ меня въ городъ А. къ знакомому ему человѣку, прозывавшемуся казакомъ Никитой. Получивши отъ казака Никиты деньги, Сивовъ передалъ ихъ мнѣ, но я, не выходя изъ дома, пропилъ ихъ вмѣстѣ съ Сивовымъ, Никитой, и еще человѣкомъ, прозывавшимся Парфеномъ.

Максимъ до тонкостей описалъ затѣмъ примѣты всѣхъ лицъ, а также и мѣсто, гдѣ стоялъ домъ Никиты.

— На другой день къ вечеру, продолжалъ Максимъ:—казакъ Никита, вмѣстѣ съ Сивовымъ и Парфеномъ стали уговаривать меня идти ограбить одну, неизвѣстную мнѣ, но по ихъ словамъ богатую женщину. Я сначала не только не соглашался на такое преступленіе, но ихъ уговаривалъ отказаться отъ своего намѣренія, но по неотступнымъ просьбамъ, присталъ къ нимъ. Когда совсѣмъ смерклось, отправились мы черезъ сады къ дому той женщины; по приходѣ на мѣсто Парфень сталъ карауломъ, а казакъ Никита, взлѣзши на домъ, проломалъ въ крышѣ дыру, черезъ которую сначала спустился онъ, а за нимъ послѣдовалъ и я съ Сивовымъ. Когда мы взошли въ комнату женщины, она спала; казакъ Никита подошедши къ ней ударилъ ее кистенемъ, но сразу не убилъ ее, потому что женщина проснувшись вскочила съ постели и стала кричать караулъ. Боясь, чтобы по атому крику не пришелъ кто на помощь, я схватилъ лежащее на лавкѣ большое долото и ударилъ женщину въ голову, послѣ чего надо полагать она умерла, потому что больше не кричала и лежала безъ движенія.

«Убивъ женщину, мы спрятали ее въ подполье, а потомъ разбили сундуки, взяли оттуда платье и денегъ двѣсти рублей ассигнаціями. Все награбленное мы раздѣлили поровну въ домѣ казака Никиты, у котораго снова принялись пьянствовать. Пропьянствовавъ три дня, я, несмотря на уговоры казака Никиты остаться у него, возвратился къ отцу.»

Вслѣдствіе показанія Максима вызвали въ судъ арестанта Сивова.

Арестантъ Сивовъ былъ человѣкъ подь-сорокъ, съ черной съ просѣдью бородой, съ благообразнымъ, нѣсколько плутоватымъ лицомъ.

— Какъ ты прозываешься? спросили Сивова.

— Въ настоящее время прозываюсь Сивовымъ...

— А прежде какъ?

— До-прежде же звали меня Акимомъ Павловымъ Окошниковымъ.

— Изъ какихъ ты?

— Изъ барскихъ.

— Какихъ господъ?

— Господина полковника Туруктаева...

— Какой губерніи?

Сивовъ назвалъ губернію, уѣздъ и село.

— Стало-быть ты бродяга?

— Бродяга.

— Что же тебя заставило бродяжничать?...

— Ничто иное какъ нестерпимое притѣсненіе господина моего.

Судьи даже не полюбопытствовали узнать что это за нестерпимое притѣсненіе.

— Ты знаешь арестанта Чапурина, Максима?

— Знаю.

— Что же, ты узналъ его въ острогъ?

— Никакъ нѣтъ, гораздо допрежде.

— Гдѣ же ты съ нимъ познакомился?

— Въ городѣ А.

Судьи наострили уши.

— Какъ же это ты съ нимъ тамъ познакомился?

— Разъ -на берегу Волги подошолъ ко мнѣ какой-

то человѣкъ, и сталъ предлагать мнѣ купить у него лодки, называемыя душегубками.

— Что же, ты купилъ у него ихъ?

— Купилъ за шесть рублей серебромъ; послѣ того пошли мы съ нимъ въ питейный домъ, гдѣ и распили магарычу два полштофа; за виномъ тотъ человѣкъ сказалъ мнѣ, что прозывается онъ Максимомъ Чапуринымъ, и приплылъ въ А. вмѣстѣ съ отцомъ.

— Ну что же дальше?

— А дальше ничего, выпили да и разстались, а послѣ того я съ нимъ больше не встрѣчался.

На томъ показаніи Сивова, относительно знакомства его съ Чапуринымъ, и кончились; вызвали Максима и поставили его очи на очи.

— Съ нимъ было совершено убійство женщины въ А.? спросили Максима праведные судьи, указывая на Сивова.

— Я уже докладывалъ вашей милости, что съ нимъ.

— Слышишь Оконишниковъ.

— Слышу, ваше благородіе.

— Ну, уличай же его Чапуринъ.

— Ты ужь говори Акимъ, обратился съ улыбкой Чапуринъ: — что скрывать-то. Я все ихъ милости рассказалъ.

— Полно ты пустая голова, молоть-то, самъ въ каторгу лѣзешь, такъ и другихъ туда тянешь; Богато видно въ тебѣ нѣтъ, что ты эдакой поклепъ несешь. Мало ли ты накуралесилъ, ништо я съ тобой вездѣ былъ... отвѣчалъ Максиму Сивовъ.

Максимъ не особенно краснорѣчиво защищалъ на очныхъ ставкахъ свой оговоръ на Сивова, но тѣмъ не менѣе отъ него не отказывался.

Судьи, отобравъ показаніе отъ Максима и Сивова отравили эти показанія въ а—кую городскую полицію для изслѣдованія на мѣстѣ ихъ справедливости; а — кая же городская полиція, внесши справку въ своемъ архивѣ, отослала дѣло Максима и Сивова обратно, отписывая, что въ такомъ-то году никакой женщины въ городѣ А—нѣ не убито и слѣдствіе о томъ не производилось.

Вслѣдствіе полученія такого отвѣта снова послали Максима передъ судьей.

— Свое показаніе объ убитой нами женщинѣ я подтверждаю, говорилъ и на этотъ разъ Максимъ: — и если бы былъ я въ городѣ А., то преступленіе сіе и виновниковъ его раскрылъ бы вполнѣ; казакъ Никита запирается не могъ бы, потому что я оставилъ въ домѣ его три фальшивыхъ печати для пачпортовъ, и если бы сказалъ мнѣ Никита, что меня не знаетъ, то я, вынувъ печати тѣ изъ секретнаго мѣста, уличилъ бы его въ запираТЕЛЬствѣ.

— Гдѣ же это секретное мѣсто, въ которое спрятали ты печати?

— Здѣсь я о томъ сказать не могу, ибо казаку Никитѣ могутъ передать мой отвѣтъ.

— Нemoжешь ли представить другихъ доказательствъ убійства? приставали судьи къ Максиму.

— Другихъ доказательствъ я не имѣю, но когда

разслѣдуете дѣло объ убитой а—ской женщинѣ, то и открою мои инныя преступленія...

Напуганные бѣгствомъ Чапурина судьи, не проводили его въ А., но заключили, что такъ какъ показаніе Максима Чапурина не подтвердилось, то на томъ основаніи, что Максимъ содержится болѣе пол-года въ острогѣ; оставить начатое дѣло безъ послѣдствій...

VII.

УБИЙСТВО КУЛАКОВОЙ.

У Максима было много матеріаловъ, чтобъ затянуть дѣло: неудалось одно, удастся другое.

Въ 18.. году, въ канавѣ большой дороги, между селеніями Короваевымъ и Микулинымъ, найдена была мертвая женщина, съ проломанной въ нѣсколькихъ мѣстахъ головой; около нея валялся окровавленный сердешникъ. Стали наводить справки объ убитой,—оказалось, что она государственная крестьянка села Вязова-ключа — Прасковья Кулакова.

«Поѣхала Прасковья — показывали ея семейные — въ среду въ городъ, взявъ съ собой денегъ двадцать-семь рублей серебромъ, чтобы купить разнаго товару, и послѣ того уже не возвращалась.»

— Кого вы подозрѣваете въ убійствѣ? спрашивали слѣдователи.

— Прямого подозрѣнія никакого изъяснить мы не можемъ, а полагаемъ, что преступленіе-то совершилъ пріѣзжавшій къ намъ въ тотъ день человѣкъ.

— Кто же этотъ человѣкъ?

— Имя и отчества, а также мѣста жительства его — мы не знаемъ, только роста онъ средняго, борода темнорусая, а на лѣвой рукѣ нѣтъ средняго пальца; прїѣзжалъ же онъ къ намъ, чтобы размѣнять бумажку въ три рубля серебромъ, причемъ Прасковья вынимала изъ сундука деньги и говорила, что поѣдетъ въ городъ за товаромъ.

— Одинъ чтоли былъ тотъ человѣкъ?

— Съ нимъ былъ еще товарищъ, который оставался въ телѣгѣ, а въ избу не входилъ, — примѣтъ того человѣка мы не запомнимъ.

Дальше этихъ фактовъ слѣдователи ничего не разъяснили; много было съѣдено, много было выпито въ Вязовомъ-ключѣ, но «судьба и воля божія» опять-таки порѣшили, что виновныхъ въ убійствѣ Кулаковой открыть въ настоящее время невозможно.

Со времени убійства Кулаковой прошло около двухъ лѣтъ, Максимъ въ это время посиживалъ въ острогѣ, занимался грамотой и ловлей голубей; прежній смотритель былъ смѣненъ, новый находилъ, что Чапурину полезно сидѣть въ общей камерѣ; окруженный почетомъ, онъ довольно прїятно проводилъ время, но до него снова дошло свѣдѣніе, что дѣло приближается къ концу, рѣшеніе выходитъ.

— Преступленіе новое желаю открыть, показаніе принести! взываетъ прежнимъ манеромъ Максимъ изъ своего заключенія.

Снова окруженный солдатами, идетъ Максимъ въ судъ по базарной площади, весело поглядывая на тол-

пийшійся около него народъ, да порой дѣлая остроумныя замѣчанія насчетъ котораго-нибудь изъ зрителей.

«Назадъ тому два года, совершивши побѣгъ въ ртишевской лѣсной дачѣ, — показываетъ Максимъ, — шолъ я передъ самымъ солнечнымъ закатомъ, какъ помнится мнѣ, въ воскресенье, близъ села Вязова-ключа; недоходя верстъ двухъ до Прислонищинскаго оврага повстрѣчался со мной крестьянинъ, пригласившій къ себѣ на телѣгу; разговорившись дорогой съ крестьяниномъ я узналъ, что его зовутъ Степаномъ, и что онъ изъ Вязова ключа. Приѣхали въ Вязовъ-ключъ ночью, и я попросился переночевать у Степана въ избѣ, на что тотъ и согласился. Утромъ къ Степану пришолъ односелецъ его, называвшійся Ефимомъ, изъ себя черныи, росту небольшого, годовъ сорока, — и послали за водкой; выпивши ее не мало, стали они спрашивать мое имя и званіе; я назвался имъ своимъ настоящимъ именемъ, прибавивъ, что теперь я безпачпортный бродяга. Послѣ того Ефимъ передалъ намъ, что нынѣ ѣдетъ въ городъ крестьянка Прасковья Кулакова и везетъ съ собой много денегъ; а Степанъ сказалъ отъ себя, что хорошо было бы ту крестьянку ограбить, и что онъ давно даже добирается, на это согласился и Ефимъ, но я, какъ ни приставали они оба ко мнѣ идти вмѣстѣ, до той поры противился тому всѣми силами, пока не принесли еще водки, и я не напился пьянъ. Согласившись какъ лучше повести дѣло, Ефимъ ушолъ домой и возвратился черезъ малое время съ сердешникомъ, говоря, «что эта штука пригодится». Выѣхавъ около полудня изъ Вязова-ключа,

засѣли мы съ Степаномъ подъ мостъ, что на рѣчкѣ Грязнухѣ, а Ефимъ съ лошадью отправился въ сторону, чтобъ не была за примѣтна лошадь. Сидѣли мы со Степаномъ подъ мостомъ болѣе часу, дождались Прасковьи, но вреда ей никакого не нанесли, потому что помѣху встрѣтили въ показавшемся обозѣ. Когда мы возвратились къ Ефиму, и рассказали о своей неудачѣ, то онъ отвѣтилъ намъ, что унывать нельзя, и что Прасковью можно встрѣтить на дорогѣ во второй разъ, а потому сѣвши на лошадей, мы поѣхали навстрѣчу Кулаковой окольной дорогой. Верстъ за восемь шла рѣчка Грязнуха; снова попалась намъ Прасковья, и такъ какъ на дорогѣ никого не было видно, то Степанъ схватилъ лошадь подъ уздцы, а я, взявши сердешникъ, подошелъ къ Прасковѣ, и сталъ отъ нея требовать денегъ, но та, обозвавъ меня воромъ и разбойникомъ, стала кричать кѣраулъ, отчего, пришедъ въ крайнее негодованіе, я такимъ образомъ ударилъ Прасковью сердешникомъ, что она, свалившись съ телѣги, тотчасъ же умерла. Взявши у Кулаковой двадцать-семь рублей серебромъ деньгами и, оттащивши трупъ въ канаву, мы возвратились обратно въ домъ къ Степану, гдѣ довольно пьянствовавъ, я снова пошелъ бродяжничать.

Неизвѣстно какими путями, но только вѣсть обговорѣ Максима достигла Вязова-ключа раньше, чѣмъ прибыло туда временное отдѣленіе. Трудно себѣ представить ужасъ, охватившій при этомъ извѣстіи не только Степановъ и Ефимовъ, но и весь вязово-ключинскій міръ; неопредѣленность максимовскихъ показаній

заставляла содрогаться самых безстрашных: всё чувствовали себя небезопасными, надо всеми висѣлъ домокловъ мечъ; сегодня будутъ тянуть Степановъ и Ефимовъ, а завтра примутся за Сидоровъ и Захаровъ, острогъ и разореніе стали мерещиться всѣмъ.

— Хоть бы обиду отъ насъ какую видѣлъ, али иное что, а то и слыхомъ-то не слыхали, что есть на свѣтѣ такой человекъ. Прогниѣвали мы знать царя-небеснаго, напускаетъ онъ на насъ лиходѣя, понутивъ голову говорили деревенскіе люди въ ожиданіи погрома.

Въ одно прекрасное утро въ Вязовый-ключъ влѣтѣло нѣсколько ухорскихъ троекъ, вслѣдъ за ними на подводѣ привезли и Максима. Улыбаючись сидѣлъ Чапуринъ на телѣгѣ; словно отъ чумы сторонились и бѣжали отъ него попадавшіеся на встрѣчу деревенскіе люди.

— На станъ! на станъ! чуть-свѣтъ раздалось на другой день подъ окнами многихъ.

Крѣпко ёкнуло сердце тѣхъ, подъ чьими окнами раздался этотъ стукъ: почуялъ вѣщунъ, что идетъ гроза неминучая.

Всѣхъ Степановъ и Ефимовъ «нарядили», присоединили къ нимъ десятка три Карповъ, Петровъ, Захаровъ, и выставили передъ становой квартирой. Въ толпѣ крестьянъ слышно было какъ пролетитъ муха. «На кого-то покажить?» съ ужасомъ думалъ каждый. Сермяги въ ожиданіи стояли долго, пока члены временнаго отдѣленія услаждали животы свои водками и закусками, а балагуръ стряпчій потѣшалъ публику разными курьезами.

— Ну, господа, по послѣдней, да и пойдѣмъ травить краснаго звѣря! сказалъ пузатый исправникъ, отправляя въ себя рюмку настойки.

Компанія послѣдовала его примѣру.

— Привести Максима Чапурина!

Привели Максима.

— Ну, Максимъ, показывай участниковъ!

Временное отдѣленіе тронулось изъ комнаты, впереди его шолъ Максимъ, попрежнему смирный, улыбающійся; рядъ сермягъ вздрогнулъ, многіе стали бѣлѣ полотна. Замѣтивъ произведенный эффектъ, Максимъ наслаждаясь имъ два раза молча прошолъ передъ рядами, останавливаясь то у одного, то у другого крестьянина. Бѣдняги совсѣмъ терялись отъ этихъ змѣиныхъ, пристально смотрящихъ глазъ.

— Узналъ, что ли?

— Вотъ этотъ! сказалъ Максимъ, указывая на одного крестьянина.

Показаннаго крестьянина стала бить лихорадка, ноги подкосились, зато у остальныхъ разомъ вырвался вздохъ, словно легче стало. Выхваченный крестьянинъ оказался точно Степаномъ и притомъ очень богатымъ.

— Ну, теперь показывай другаго.

Снова началось прохаживанье Максима по рядамъ, снова сперлось дыханіе у стоящихъ.

— Вотъ и этотъ былъ! сказалъ опять Максимъ, указывая на высокаго, плечистаго крестьянина.

Силача вывели изъ рядовъ полуживаго.

— Какъ тебя зовутъ? спросилъ грозный воевода.

— А-р-т-а-и-онъ Па-и-т-ѣ-лѣвъ, заикаясь, едва слышно, проговорилъ взятый.

— Какъ же ты, Максимъ, показывалъ, что второго участника твоего зовутъ Ефимомъ?

— Ошибся ваше в—діе, не на того показалъ, тотъ сходствіе большое имѣеть съ энтимъ. За давностью запамитствовалъ.

На этотъ разъ опытъ травли Ефима былъ неудаченъ: на кого ни показывалъ Максимъ, все наворачивались то Никиты, то Васильи, то Трифоны и, какъ на зло, ни одного Ефима. Наконецъ Максимъ догадался, что ощупью ничего не найдешь.

— Теперь показать не могу, потому что головокруженіе въ себѣ чувствую, сказалъ Максимъ послѣ послѣдней неудачи.

Вечеромъ въ тотъ же день кто-то въ цивилизованномъ костюмѣ тихо прокрадывался въ арестантскую, гдѣ сидѣлъ Чапуринъ.

— Облегченіе почувствовалъ, указать могу и Ефима, заявилъ на другой день Максимъ передъ временнымъ отдѣленіемъ.

Составился протоколъ, всѣ присутствующіе приложили къ нему руку, подписался къ нему и Максимъ; подъ крестьянскими окнами снова раздалось постукиванье и снова поплелись сермяги. На этотъ разъ опыты Максима были удачнѣе: по первому абцугу онъ попалъ на Ефима.

Потянули и Ефима къ суду. Міръ только руками разводилъ.

— Гляди-ка, гляди-ка, и показать-то на кого

зналъ, что нинаестъ на селѣ самые смиренные; малые ребятишки отъ нихъ обиды чай никогда не видали. Напустить Господь злаго человѣка, что съ нимъ будешь дѣлать. Въ разоръ разорять окаянныя, чтобъ имъ пусто было, плакались крестьяне надъ судьбой взятыхъ Степановъ и Ефимовъ.

Женское поколѣніе взятыхъ подъ стражу голосило и причитало на всю деревню, словно надъ покойниками; противъ него оказалось безсильнымъ даже обещаніе воеводское заporоть насмерть протестующихъ.

Каждый день стали таскать Степана и Ефима на слѣдствие; съ улыбкой на губахъ уличалъ ихъ Максимъ въ соучастіи, то съ крѣпкимъ словомъ налетали на нихъ слѣдователи, то убѣждалъ ихъ священникъ, но мужики стояли на одномъ.

— Чтобы дѣтей нашихъ не видѣть, когда-бъ мы эдакую мысль имѣли; міра всего спросите, что мы за люди, кому обиды чинили. Ворогъ видно попуталъ его показать на пасъ, — какіе мы душегубцы!

Міръ точно одобрилъ оговариваемыхъ, ручаясь, что за ними и слыхомъ неслыхать худаго дѣла; семейство убитой Кулаковой всѣми святыми клялось, что поклепъ на нихъ напрасный. Полѣзли Степаны и Ефимы за голенищи, повели ихъ коровъ и лошадей со двора, стали пустѣть и совсѣмъ опустѣли ихъ, дотолѣ полные, анбары. Долго прохлаждались и благодушествовали слѣдователи въ Вязовомъ-ключѣ: много было выпито водки, съѣдено куръ, барановъ, тянули не однихъ Степановъ и Ефимовъ, а будутъ поминать ихъ и Андреи и Митрофаны и др.

Максимъ во все пребываніе въ Вязовомъ-ключѣ катался какъ сыръ въ маслѣ; кому лежала дорога мимо арестантской, тотъ не смѣлъ пройти, не снявши шапки.

Но все имѣетъ конецъ.

— А показывалъ я, такъ закончилъ Максимъ дѣло о Кулаковой, на другихъ напрасно по своему слабоумью. Точно мы убили Кулакову вдвоемъ, да только съ бродягой, звавшимся Иваномъ; повстрѣчался я съ нимъ въ лѣсу, а послѣ убійства тотчасъ же и разошелся въ разныя стороны. Гдѣ пребываетъ тотъ Иванъ — я неизвѣстенъ.

Тѣмъ и закончилось слѣдствіе.

VIII.

ПОДКОПЪ.

Въ острогѣ, вслѣдствіе доноса одного изъ арестантовъ, открыли подкопъ: поднялась страшная суматоха. Мнѣ должно было произвести слѣдствіе.

Вмѣстѣ съ караульнымъ офицеромъ и смотрителемъ мы пошли осматривать подкопъ. Подкопъ былъ почти поконченъ: его оставалось вести не больше поларшина; онъ начинался подъ ретирадами, бѣжать условлено было дня черезъ два, во время всенощной. Трудно было догадаться, какъ можно вести подкопъ на совершенно открытомъ мѣстѣ, но за то и принялись за него не простые люди а арестанты. Между поломъ ретирадъ и землей было пустое пространство, ничѣмъ не

засыпанное; одна половина изъ пола приподнималась, подъ нее подлѣзалъ арестантъ и, снова прикрытый, начиналъ свою подземную работу. Подкопъ шолъ сначала аршина на полтора почти перпендикулярно, съ небольшимъ отвѣсомъ, такъ какъ надо было подойти подъ полъ ретирады и стѣну острога, а потомъ уже принималъ горизонтальное направленіе. Рылъ подкопъ, какъ оказалось впослѣдствіи, одинъ Чапуринъ, и рылъ его желѣзнымъ обломкомъ, меньше чѣмъ въ два пальца шириною. Трудно себѣ представить, сколько нечеловѣческихъ усилій, сколько дьявольскаго терпѣнья надо было положить, чтобы подвести почти гвоздемъ эту мину, больше чѣмъ въ двѣ сажени длиною.

Да, потолкавшись по острогамъ, поймешь, какъ дорога челоуѣку воля, какія жертвы въ состояніи принести онъ, чтобъ получить ее.

На мой вопросъ, кто можетъ быть заподозренъ въ прорытіи подкопа, смотритель прямо указалъ мнѣ на Чапурина: я просилъ его указать мнѣ, какими онъ данными руководствуется въ своемъ подозрѣніи.

— Мнѣ донесъ объ ихъ работѣ Федоровскій; по его словамъ, онъ давно уже замѣчалъ, что Чапуринъ какъ ни пойдетъ въ ретирады, такъ тамъ и пропадетъ, часа по полтора сидитъ. Федоровскій и сказалъ мнѣ, чтобъ я осторожниѣ былъ, а пуще всего ретирады осматрѣлъ.

Федоровскій былъ арестантъ изъ чиновниковъ, ненавидимый всѣми другими арестантами, какъ правая рука смотрителя. Конечно, чтобы открыть истину, было бы всего лучше обратиться за распросами къ са-

мому Федоровскому; но въ этомъ случаѣ надо было дѣйствовать съ крайнею осторожностью. Навѣрное полъ острога знало о существованіи подкопа, и намѣревалось черезъ него выйти на божій свѣтъ. Еслибы арестанты провѣдали главнаго виновника открытія подкопа, то съ нимъ они покончили бы такъ, что въ другой разъ ему не удалось бы быть доносчикомъ на товарищей. Судъ арестантовъ въ этомъ случаѣ скоръ и страшенъ.

Получивъ нѣкоторыя свѣдѣнія отъ смотрителя, я велѣлъ вызвать къ себѣ Максима. Максимъ явился какъ ни въ чемъ не бывало, съ своей постоянной улыбкой.

— Посмотри-ка, Максимъ, какую мину здѣсь сочинили, сказалъ я ему послѣ предварительныхъ пріѣтствій. Я нарочно не спускалъ глазъ съ Максима, но онъ ни на волосъ не измѣнилъ себѣ.

— Смотри-ка въ самомъ дѣлѣ, какую механику подвели. Эка шустрый видно парень-то. Ну мастеръ, мастеръ, быть видно ему анженеромъ, сказалъ Максимъ, внимательно осматривая дыру подкопа.

— А знаешь ли, Максимъ, кого я подозреваю.

— Почему мнѣ знать, что у вашей милости на умѣ.

— Тебя.

Максимъ какъ-будто удивился. Улыбка приподняла углы его рта.

— Куда-ста намъ, ваше благородіе, эдакими дѣлами заниматься: не нашему мужицкому уму-разуму подстать они.

— Ну что ты, Максимъ, дурачкомъ притворяешься, вѣдь я вѣрно знаю, что подкопъ твоя работа.

— А отъ кого это ваше благородіе узнали?

— Ну ужъ это мое дѣло.

— Для чего твое; коли то показывалъ правдивый человѣкъ, такъ пусть въ глаза мнѣ скажетъ и уличитъ.

Я очень хорошо зналъ, къ чему клонится рѣчь Максима. Выдай я Максиму Федоровскаго, и судьба его рѣшилась бы. Желая добиться отъ Максима признанія другими путями, помимо уликъ Федоровскаго, я напалъ на счастливую мысль.

— Покажи-ка мнѣ свои руки, Максимъ!

Максима нѣсколько передернуло.

— На что вамъ мои руки, — руки какъ руки.

На рукахъ Максима оказались огромныя, кровавыя мозоли отъ недавней работы.

— Отчего это у тебя Максимъ такія мозоли.

Максимъ не вдругъ собрался съ отвѣтомъ.

— Воду качалъ.

— Съ кѣмъ же?

Опять небольшая пауза.

— Съ Николаемъ Маевскимъ.

— Много ты выкачалъ?

— Бадей двадцать.

— Когда?

— Непомню когда, кажись вчера.

— Ну-ка раздѣнься, Максимъ.

Максима еще болѣе передернуло.

Чего раздѣваться-то, али на мнѣ узоры какіе выписаны!

— А ты раздѣвайся, когда тебѣ говорить, можетъ и узоры.

Максимъ раздѣлся.

На колѣнкахъ Максима, на животѣ и плечахъ были огромныя пятна, образовавшіяся отъ тренія; пятна были покрыты грязью. Максимъ работалъ въ подкопѣ безъ рубашки.

— Это что за пятна на тебѣ, Максимъ?

Максимъ поблѣднѣлъ и закусилъ губы.

— Пятна... Пятна-то... Чесотка со мной...

— А грязь-то откуда туда набилась?

— Грязь-то... это не грязь... табакъ, я натирался имъ.

— Когда же ты натирался?

— И вчера съ натирался.

Въ это время имъ сказали, что въ острогъ пріѣхалъ уѣздный врачъ: я послалъ пригласить его въ контору и просилъ освидѣтельствовать Чапурина.

Врачъ внимательно осмотрѣлъ Максима. Максимъ во все это время стоялъ блѣдный: улыбка давно исчезла у него съ лица.

— Отчегоже произошли у Максима пятна? спросилъ я врача.

— Пятна. Да отъ простаго механическаго тренія, — организмъ арестанта совершенно здоровъ.

— Чесотки съ нимъ нѣтъ?

— Нѣтъ, и никогда не было.

— Слышишь, Максимъ, что лекаръ говоритъ...

Максимъ поднялъ на меня глаза.

— Что говорить-то, да слова попустому тратить.

Пишите: мое дѣло, я рылъ подкопъ. Небольшо весело сидѣть въ каменномъ мѣшкѣ, выжидаячи, покуда спину тебѣ всчесутъ, поневолѣ погулять по своей охотѣ хочется.

— Кто же у тебя соучастниками были?

— Никого не было, одинъ механику подводилъ.

— Не можетъ этого быть.

— Ну коли не можетъ, такъ ищите, а меня объ этомъ не спрашивайте.

Впрочемъ несмотря на нежеланіе открыть соучастниковъ, Максимъ очень обстоятельно рассказалъ, какъ онъ рылъ подкопъ, когда рылъ, когда хотѣлъ бѣжать; согласно его показанію и составили подробный протоколъ, который Максимъ зарукоприкладствовалъ.

Неудавшаяся попытка бѣжать въ первую минуту чрезвычайно сильно подѣйствовала на Максима. Когда былъ открытъ подкопъ и Максиму сказали объ этомъ, такъ онъ, не имѣя возможности на комъ-нибудь вымѣстить сердца, искусалъ себѣ руки. Впрочемъ можно представить, что чувствовалъ этотъ человѣкъ, когда увидѣлъ, что плоды его нечеловѣческихъ усилій разрушены въ то время, какъ готовы были осуществиться его любимыя надежды, когда плѣть да каторгу готова была замѣнить привольная бурлацкая жизнь.

На другой день послѣ допроса я опять пріѣхалъ въ острогъ. Старшій унтеръ-офицеръ сказалъ мнѣ, что Максимъ желаетъ со мной видѣться; я велѣлъ позвать его къ себѣ.

— Что тебѣ надо Максимъ?

— Да вотъ вчера я признался, вашему благород-

*

дію, что подкопъ рылъ, — это я напрасный поклепъ на себя взвелъ.

Я пристально взглянулъ на Максима, но онъ очень спокойно выдержалъ мой взглядъ, — ни малѣйшее движеніе не измѣнило ему.

— Какъ поклепъ?

— Не въ своемъ разумѣ значить былъ, болѣзнь ощущалъ, ну на себя и наговорилъ. Такъ и запишите: самъ, дескать, въ подкопѣ не виноватъ, да и другихъ никого не знаю, а что если и показалъ вчера иное, такъ единственно изъ слабости, не помня себя. Языкъ мало ли что болтаетъ сдуру.

Я сталъ уговаривать Максима, что его отказъ отъ прежнихъ словъ ни къ чему не послужить, что показаніе, имъ самимъ подписанное, составляетъ полное доказательство, но Максимъ оставался на своемъ «напрасномъ поклепѣ». Я впрочемъ дѣйствительно не понималъ, что за причина была, побудившая Максима взять назадъ свои слова.

— Ну, а пятны-то?

— Пятны-то? Да вѣдь я говорилъ вчерась, что чесотка со мной.

— Послушай, Максимъ, еслибы я только сталъ говорить, что это не чесотка, такъ мнѣ могли бы не повѣрить, потому что я не лѣкарь и въ этихъ дѣлахъ несвѣдущъ, а вѣдь вчера тебя свидѣтельствовалъ докторъ и нашолъ, что у тебя чесотки никогда не было, а пятна ты просто натеръ, рывши подкопъ.

— А развѣ лѣкарь врать-то не умѣетъ, — чай онъ тоже человѣкъ.

— Вретъ или нѣтъ онъ, но во всякомъ случаѣ ему повѣрять больше, чѣмъ тебѣ, и его бумага будетъ противъ тебя сильнымъ доказательствомъ.

Максимъ выпрямился во весь ростъ, на рукахъ его глухо звякнули кандалы.

— Вотъ что, ваше благородіе! Дуракъ я былъ вчера, что башку лекарю кандалами не разбилъ, пересталъ бы бумаги писать, проговорилъ онъ задыхаясь.

Трудно себѣ представить переѣзду, совершившуюся въ это время въ Чапуринѣ: едвали только не тутъ можно было понять, что это былъ за страшный чело-вѣкъ: въ глубокихъ впадинахъ его глазъ блеснулъ какой-то демонскій огонь, лицо покрылось синебагровыми пятнами, онъ словно выросъ, — весь переродился. Словомъ предо мной во всей мощи стоялъ Максимъ Чапуринъ, убійца Чубовыхъ, Зарубина, Сидорова, Кулаковой.

Чрезъ нѣсколько мгновеній все кончилось, и снова передо мной былъ прежній, нѣсколько сгорбленный, улыбающійся Максимъ, порой ввертывая шуточку въ свои показанія,

Допрось о подкупѣ была моя послѣдняя встрѣча съ Максимомъ: онъ и до сихъ поръ еще сидитъ въ К. острогѣ. Что предприметъ и повѣдаетъ еще Максимъ — богъ-вѣсть, только положительно можно сказать, что въ запасѣ у него найдется много матерьяловъ, чтобъ протянуть свое дѣло. Недолго жилъ этотъ страшный юноша на свободѣ, зато длинный перечень кровавыхъ преступленій оставилъ онъ за собой.

ТРУШКОВЪ.

ТРУШКОВЪ.

У гражданского арестанта Фомы Иванова Трушкова былъ свой нравственной кодексъ, — онъ можетъ формулироваться такъ: «унижайся, ползай и подличай до тѣхъ поръ, пока самъ въ состояніи будешь унижать и кусать.» Такая догма досталась Трушкову вслѣдствіе длиннаго ряда житейскихъ пакостей. Трушковъ былъ незаконно-рожденный сынъ дебѣлаго канцеляриста земскаго суда. Тринадцати лѣтъ отецъ засадилъ сына, въ качествѣ вольнонаемнаго, за тотъ же искалеченный, пропитанный насквозь канцелярскимъ духомъ столъ, за которымъ самъ засѣдалъ чуть-ли не цѣлое полстолѣтіе. Неустановившейся дѣтской рукой сталъ выводить Трушковъ мудренныя грамоты; готова подпору старости, дебѣлый канцеляристъ строго взыскивалъ съ него за каждую ошибку... Впрочемъ отецъ не дождался плодовъ своего ученья, — его постигла участь одного изъ многихъ: черезъ годъ послѣ опредѣленія сына въ судъ

старого канцеляриста нашли у кабака мертвымъ. Трушковъ остался бобылемъ.

Прежде чѣмъ превратиться въ Фому Ивановича — Трушковъ отзывался на кличку болѣе короткую: Фомка! Помыкала Трушковымъ вся старшая братія суда, — подзатыльниковъ ему не давалъ одинъ только лѣнивый... Изъ подобной среды и передраги, въ которую попалъ съ головой безпомощный и беззащитный ребенокъ, обыкновенно и очень скоро выходятъ полнѣйшими идиотами, — но трушковская натура была слишкомъ жилиста, она не ступевалась въ общей массѣ рабски забытыхъ бѣдняковъ, но выдержала испытаніе... Шагъ за шагомъ, настойчиво ползая и унижаясь, Трушковъ достигъ таки въ двадцать восемь лѣтъ того, что его зналъ весь уѣздъ и величалъ Фомой Ивановичемъ: такое почетное величанье оставалось за Трушковымъ вплоть до острога.

Говаривалъ не разъ Трушковъ:

«Я развѣ человекъ-сѣ? Я былъ-сѣ ничтожная, червь земляной, плѣсень-сѣ. Меня раздавить каждый пятой можетъ-сѣ, а я и голосу не подамъ...

На самомъ же дѣлѣ этого червя раздавить было не совсѣмъ удобно: вопреки изслѣдованіямъ натуралистовъ у него оказывались зубы и зубы-то ядовитые; эта плѣсень возросшая въ тѣни развѣсистаго древа россійскаго крючкотворства цѣпко вцѣпилась въ безмолвно прѣющій черноземъ и жадно тянуло изъ него соки, предъ этой былью, въ прежнія времена, лебезили и подличали самымъ гнуснымъ образомъ (дѣло, конечно когда было) потомки въ древности прослав-

ленныхъ мужей, смерды же чуть-ли не за версту ломали шапки.

Изъ своей обычной роли плѣсени и червя Трушковъ выходилъ только въ пьяномъ видѣ (пилъ же хотя и рѣдко, но сильно): тогда онъ сначала плакалъ, потомъ начиналъ похваляться и наконецъ предавался не малымъ дебошамъ.

По своему рожденію и воспитанію Трушковъ не могъ занимать «штатнаго» чиновнаго мѣста, его настоящая должность была повидимому далеко не изъ значительныхъ—письмоводитель исправника,—но дѣло въ томъ, что почти всѣ исправники (а ихъ насчитывали чуть ли не косою десятою), при которыхъ Трушковъ правилъ свою службу, попадали подъ судъ или выгонялись вонъ, — всѣ они считали Трушкова главнымъ виновникомъ своего злополученія, а между тѣмъ всѣ же они строго соблюдали право преемственности: Трушковъ передавался изъ рукъ въ руки, какъ залогъ прекраснаго будущаго. — Эта передача безъ перерывовъ тянулась въ продолженіи семнадцати лѣтъ.

Въ продолженіи этихъ семнадцати лѣтъ помѣстное дворянство, *conditio sine qua non*, поставляло каждому избраннику своей среды непремѣнно еудаленіе Трушкова, — но Трушковъ пришолся ко двору, дворянскій задоръ оставался безпослѣдственнымъ, только наиболѣе ругавшіе Трушкова въ надеждѣ не встрѣчаться съ нимъ на жизненномъ пути наиболѣе лебезили передъ нимъ, когда видѣли себя обманутыми въ надеждѣ. Настоящій же черноземъ во всѣ семнадцать лѣтъ сохранялъ постоянство: безъ напрасныхъ протестацій онъ

выплачивалъ Трушкову свои гроши при каждомъ удобномъ случаѣ.

Сила Трушкова заключалась въ постоянствѣ догмы и въ отрицанномъ знаніи всякаго рода крючкотворства. Въ продолженіи долгой практики Трушковъ всосалъ въ себя весь его букетъ. Всѣ грязныя дѣла и дѣлишки обдѣлывались при посредствѣ Трушкова, — это былъ общій уѣздный каштанъ. Съ этимъ знаніемъ и опытомъ жизни Трушковъ для неопытныхъ былъ отличный наставникъ и руководитель, для опытныхъ неменѣе отличный исполнитель и пособникъ. При каждомъ новомъ исправникѣ Трушковъ начиналъ чуть-ли не съ должности лакея (оставляли потому, что въ письмѣ былъ боекъ) но мало по малу онъ открывалъ передъ очами своего патрона любезную картину: «въ каждомъ двуногомъ и четвероногомъ кладъ заключается, — время же скоротечно, пользуйся имъ!»! нащупывалъ искушитель, и за тѣмъ черезъ весьма непродолжительное время «червь ничтожный» сѣдлалъ своего патрона и съ прежней приниженностью и обезьяньими ужимками начиналъ бойко разъѣзжать на немъ по всѣмъ уѣзднымъ закоулкамъ, собирая посильныя дани; — если же разъ осѣдланный патронъ выходилъ изъ повиновенія, брыкался, то Трушковъ выниналъ изъ своего богатого воспоминаніями запаса темное дѣльцо, намекалъ о доносѣ, представлялъ въ перспективѣ прелесть уголовной палаты, и тѣмъ сразу осажалъ непослушнаго.

Изъ себя Трушковъ былъ очень не суразенъ, длинный да тонкій (саратовскими верстами такихъ зовутъ). Физиономія тинъ ищейки: нѣсколько выдавшіяся губы,

приподнятый носъ, слегка раздувающимся ноздри, — держалъ онъ себя такъ, что точно верхнимъ чутьемъ воздухъ обнюхиваетъ: «чѣмъ дескать пахнетъ: тукманкой или поживой?» Извилистый путь, по которому во всю жизнь скользя пробирался Трушковъ, сложилъ въ такое выраженіе черты его лица.

Въ острогѣ Трушкова звали «барской барыней». —

Впрочемъ надо сказать за что онъ попалъ въ острогъ.

Въ послѣднее время исправникъ **** уѣзда былъ нѣкто Чабуковъ. Чабуковъ самъ возросъ подъ однимъ деревомъ съ Трушковымъ, только въ немъ знанія и ума было меньше, да наглой дури больше; соединившись съ Трушковымъ. Чабуковъ сталъ куралесить такъ, что въ концѣ концовъ въ предупрежденіе поднимавшейся изъ «губерніи» грозы самъ понялъ, что слѣдуетъ прибѣгнуть къ радикальному средству — сжечь земскій судъ. Какъ и слѣдовало ожидать, судъ сгорѣлъ въ одинъ прекрасный вечеръ до-тла, а съ нимъ и всѣ дѣла, всѣ книги, всѣ драгоценныя матеріалы для будущаго историка одного изъ угловъ нашей необъятной отчизны «сдѣлались жертвою пламени». Понимающіе въ чемъ дѣло говорили: «эхъ, дескать, надоумило же какого-то милаго человѣка такую важную штуку отжечь!»

Такимъ образомъ улики, что хранились въ земскомъ судѣ погибли, огнемъ произошло очищеніе грѣховъ. Грѣховъ же и грѣховъ тяжкихъ, какъ надо полагать, хранилось въ судѣ много: въ уѣздѣ не осталось ни одного угла, гдѣ бы Чабуковъ и Трушковъ не оста-

вили по себѣ незавидной памяти: поборъ съ народа, воровство казны, подлоги, оброкъ съ воровскихъ при-
тоновъ, дѣлежъ покраденнаго, сокрытіе вопіющихъ пре-
ступленій, жестокости и т. д. составляли сплошной
рядъ ихъ подвиговъ. Въ продолженіе немногихъ лѣтъ
управленія достойнаго дуумвирата народъ пилъ горькую
чашу до дна: чтобъ запугать недовольныхъ употребля-
лись всѣ средства: воровсіе подвохи, показанія, остро-
ги и т. п.

Цѣль достиглась: канцеляристы задавили всякую
возможность протестаціи, мертвая тишь стала надъ
уѣздомъ, на колѣняхъ встрѣчалъ народъ Чабукова за
околицей, многострадальное братство «непомнящихъ
родства» пріобрѣтало все болѣе и болѣе прозелитовъ
въ свои ряды.

Но Трушкову и Чабукову «важная штуkenція»
даромъ не прошла: наряжена была цѣлая комиссія для
изслѣдованія причинъ пожара (старый губернаторъ
былъ смѣненъ, новый же по обыкновенію взялся за
дѣло на первыхъ порахъ горячо).

Слѣдователи повели дѣло такимъ образомъ, что по-
казывали видъ будто смотрять на настоящее дѣло
сквозь пальцы, форменной стороною только хотять от-
дѣлаться. Такое поведеніе и вызовъ исправника въ
губернію «для объясненій по дѣламъ службы» развя-
зало языки въ городишкѣ: каждый догадывался чья
рука, если не подкладывала огонь — то руководила
всѣмъ, — въ массѣ нелѣпыхъ сплетенъ начинали пора-
даться свѣдѣнія, которыми не слѣдовало пренебрегать.
Такъ, Чабуковъ по первому же абцугу выдалъ предна-

мѣренность пожара и свое участіе въ немъ: въ тотъ вечеръ когда произошолъ пожаръ у лекаря уѣздная публика собралась «на картишки» — и всѣмъ тогда же бросилось въ глаза странное поведеніе исправника: онъ былъ въ лихорадочной ажитации, и не смотря на страсть свою къ картамъ, не обращалъ на нихъ вниманія, онъ же первый угадалъ мѣсто пожара, — хотя разстояніе было съ добрую версту. Чабуковскія серіи, что хранились въ сундукѣ суда, за два дня до пожара были вынуты, — это тоже видѣли.

Но такихъ уликъ было конечно недостаточно: по предположеніямъ не судать, нужны доказательства. Въ день пожара дежурный былъ одинъ изъ забитѣйшихъ существъ въ мірѣ — чиновникъ Пудрухальскій; спрошенный, онъ гнулъ сначала какую-то непроходимую ерунду (такъ что можно было усумниться въ здоровомъ состояніи его умственныхъ отправленій) — таже ерунда оказалась въ итогѣ вопроса сторожа Авдѣенки. Имъ дали время успокоиться, — очень долго убѣждали и они оба показали, что кромѣ ихъ въ день пожара въ земскомъ судѣ былъ одинъ только Трушковъ, пришолъ онъ очень поздно, ничѣмъ не занимался, — а, ссылаяся на вчерашній хмѣль, послалъ Авдѣенку за штофомъ водки. Результатомъ приноса водки было то, что Авдѣенку и Пудрухальскаго едва самихъ вытащили изъ пламени, мигомъ охватившаго все внутреннее помѣщеніе земскаго суда.

За день до пожара Трушковъ пьянствовалъ съ чиновникомъ Птицынымъ, водка по обыкновенію развязала ему языкъ: сталъ онъ похваляться, что «гу-

бернія» своими ревизіями ничего не возьметъ, что онъ такую штуку отмочить, что всё земнородные возрадуются, а кому подобаешь, тѣ въ дуракахъ останутся:

— «А какая эта штука — молчокъ!» говорилъ Трушковъ. «Голова я есть самая отиѣнная и разумъ въ ней въ преизбыткѣ находится. Глаза-то ты на меня, свинья, не таращь, не такъ еще оныя затаращишь, какъ фортель узришь. Есть у меня пѣтухъ-красень, всёмъ пѣтухамъ командиръ, такъ вотъ онъ самый-то вышеозначенный пѣтухъ всёмъ вамъ дуракамъ службу сослужить. Въ ножки Фомѣ Ивановичу поклонитесь, а Фома Ивановичъ въ мордасы вамъ наплюетъ».

Хлопалъ только глазами Птицынъ, слушая хвастливую рѣчи подвыпившаго Трушкова.

Какимъ образомъ съ своей осторожностью и умомъ долгій практикъ Трушковъ могъ принять на себя такое рискованное дѣло какъ подпускъ краснаго пѣтуха и, принявши такъ неосторожно указывать на себя? Причины были: разъ—груда черныхъ дѣлъ, за меньшее изъ которыхъ можно было попасть чуть ли не въ каторгу корысть—два, и особенная способность русскаго человѣка, такъ блистательно проявившаяся въ Трушковѣ, къ задорному ошьянѣнію постоянствомъ успѣха — три. Последняя причина была чуть ли не самой основной, по крайней мѣрѣ за ней оставался окончательный ударъ заявленіямъ трусости, передъ могущимъ быть отвѣтомъ.

Можно быть увѣреннымъ, что произойди пожаръ нѣсколько лѣтъ прежде, когда Трушковъ зорко всматривался во все окружающее, когда бдительность его ни

на минуту не ослабѣвала, когда онъ только выковы-
валъ себѣ право именоваться Фомой Ивановичемъ, —
тогда все дѣло обдѣлалось бы столь тонкимъ мане-
ромъ, что въ итогѣ оставалось бы произнести: а по-
тому случай сей и предается суду и волѣ божіей.
Но дѣло въ томъ, что въ Трушковѣ, не смотря на
крѣпко сросшуюся съ нимъ маску униженности, на-
чала уже проглядывать страшная самонадѣянность:
«чортъ не братъ, свинья не сестра!» Эта-та самона-
дѣянность (въ соединеніи съ другими причинами) и
выдала его...

Впрочемъ, не смотря на самонадѣянность, на ули-
ки накоплявшіяся съ каждымъ днемъ, — не думайте
чтобы Трушковъ легко поддался, — врюхался, какъ
куръ во щи. Напротивъ. Трушковъ былъ звѣрь об-
стрѣленный: онъ впервыхъ оберегалъ себя отъ ка-
торжной работы, а вовторыхъ — въ немъ задѣто было
самолюбіе, слагавшееся въ построеніе такого рода:
до сорока пяти лѣтъ обдѣлывалъ всевозможные форте-
ли, все сходило съ рукъ, — теперъ же «съ разумомъ
преотмѣннымъ» — попался какъ дурень какой, какъ
шенокъ, — надо же вознаградить потерянное на сколь-
ко можно, показать, что Трушковъ все тотъ же. Это
дѣлало открытіе истины во всей полнотѣ дѣломъ да-
леко нелегкимъ: Трушковъ не шолъ на проломъ какъ
новичекъ: «знать-де ничего незнаю, вѣдать ничего не
вѣдаю», — онъ былъ для подобнаго образа дѣйствій и
слишкомъ уменъ и слишкомъ цивилизованъ; онъ не
вралъ также небылицу въ лицахъ, потому что изъ
своей долговременной практики зналъ, что нѣтъ ни-

чего легче, какъ сбить и спутать людей, старающихся выгородить себя произведеніями собственной фантазіи, разбивающимися передъ заявленіями голаго факта и логическаго вывода. Трушковъ прежде всего старался предупреждать вопросъ, какъ будто сознаваясь въ справедливости совершеннаго, это сознаніе онъ доводилъ только до того времени, когда въ немъ, собственно-то говоря, и необходимости никакой не было. Такъ онъ не отказывался отъ того, что въ вечеръ пожара онъ былъ въ судѣ, но старался все вниманіе и подозрѣніе слѣдователей обратить на Пудрухальскаго и Авдѣнку, какъ на лицъ, долженствующихъ быть единственными отвѣтчиками въ совершившемся. Подобнаго рода образъ дѣйствій самый подлый и самый ловкій. Нечего при этомъ говорить, что каждый доводъ въ своей невинности Трушковъ подкрѣплялъ цѣлыми десятками статей закона,—точно также нечего говорить и о томъ, что мельчайшія формальности, требуемыя при слѣдствіи (которыя только спутываютъ слѣдователей), должны были быть строго соблюдаемы.

Были исписаны цѣлыя стопы бумаги, уликъ противъ Трушкова (фамилію своего патрона онъ старался постоянно держать въ сторонѣ) накопилось довольно, (иногда казалось, что тяжесть ихъ сломить неутомимаго въ изворотахъ Трушкова), на самомъ дѣлѣ собственнаго признанія не было, — а съ тѣмъ вмѣстѣ нельзя было найти достаточныхъ данныхъ къ обвиненію Чабукова въ непосредственномъ участіи въ пожарѣ. Дѣло бы, пожалуй, на одномъ Трушковѣ и остановилось, еслибъ дурь Чабуковская не помогла. «Воръ

у вора дубинку укралъ». Надѣясь, что Трушковъ никакъ не захочетъ испробовать каторжнаго житія, и постарается вслѣдствіе того скрыть собственные слѣды участія въ преступленіи, и съ тѣмъ вмѣстѣ не выдастъ и имя главнаго дѣятеля въ пожарѣ, Чабуковъ заартачился выплатить Трушкову обѣщанный за пожаръ гонорарій... И безъ того опутываемый уликами и безъ того чувствуя себя подчасъ безсильнымъ въ борьбѣ съ фактами, Трушковъ не выдержалъ на первую минуту Чабуковского обмана. Чувство мести и жадности взяло верхъ надъ расчетомъ. Трясаясь весь какъ въ лихорадкѣ, явился онъ въ комиссію.

«Пишите съизнова мои показанія» сказалъ задыхаясь Трушковъ, только смотрите пишите скорѣе.— Сжегъ земскій судъ я, к—скій мѣщанинъ Фома Ивановъ Трушковъ. Дѣло вотъ какъ было: пришолъ я въ судъ, купилъ водки, всыпалъ туда зелья, напоилъ Пудрухальскаго и Авдѣенку, зажегъ въ шкафѣ бумаги и ушолъ домой. Пособникъ же у меня въ этомъ дѣлѣ былъ одинъ: ихъ высокоблагородіе, господинъ земскій исправникъ... уѣзда Николай Александровичъ Чабуковъ, они же мнѣ изволили и зелья дать, чтобъ вино хмѣльнѣе было. Пищите же, я правду говорю. За недѣлю до пожара они меня къ себѣ призвали и сказали: дѣла наши плохи, новый губернаторъ до насъ хочетъ добратся, такъ сослужи же ты службу вѣрную, подпусти ты пѣтуха краснаго въ судъ; а отъ меня за то получишь тысячу теперича да три послѣ. Послушался я, дуракъ, на старости лѣтъ ихъ высокоблагородія, по рукамъ ударили, пустилъ краснаго

пѣтуха. Надуть изволили ихъ высокоблагородіе: съ денежками очень жаль разстаться, трудомъ-потомъ оныя смаклавивались... Да попасть изволили не на таковаго, — не очень я и жалею, когда такимъ манеромъ со мною шутятъ. Шутки-то шутить и я въ старые годы былъ мастеръ. Вотъ хотя-бъ и эту: чтобъ вѣрили мнѣ, что непустой оговоръ я на ихъ высокоблагородіе не-су, — скажу я что это за дѣла такіа были, кои пламенемъ надлежало истреблять.

Началъ свое длинное сказаніе Трушковъ о тѣхъ дѣлахъ что «пламенемъ надлежало истреблять».

«Хотя послѣднее дѣло: Лабазинскаго мужика Севрюкова съ мѣсяцъ назадъ похоронили: отъ угара-де въ банѣ умеръ онъ, — такой и актъ съ ихъ высокоблагородіемъ мы составили, — а какой это угаръ сами изволите посмотрѣть, — вырыть только не побрезгуйте. Севрюковъ у жены своей односельца Лопатина поймалъ, — бить его хотѣлъ, — а тому шкворень подъ руку попался, — вотъ и угаръ приключился».

Вырыли покойника Севрюкова: и точно весь лобъ у него былъ раскрытъ, со всего размаху пришедшимся, ударомъ.

«Попытали бъ вы» продолжалъ Трушковъ «Никиту Расквашенова (постоялый дворъ онъ содержать). Тоже парень хорошій: объ немъ чай не одна сотня дѣловъ сгорѣла. Первый притонъ по всему уѣзду онъ содержитъ, — въ другорядь однихъ лошадей краденыхъ, словно на ярмаркѣ, у него сойдется. Самый милый человѣкъ онъ былъ ихъ высокоблагородію. Поди плачетъ теперь и хвостъ маленечко поджалъ, узнавши,

что благодѣтелей лишился. Однако съ обыскомъ къ нему и теперича съѣздить было бѣ можно, — потому хозяинъ онъ домовитый.

Оговоръ Трушкова Расквашенова не оказался ложнымъ. Расквашеновъ былъ дѣйствительно хозяинъ домовитый, краденыхъ лошадей стояло у него въ поднавѣсѣ штукъ шесть, да въ верхней свѣтлицѣ застигнуто было четыре темныя личности, изъ которыхъ одинъ оказался бѣгло-каторжнымъ. Въ дружбѣ съ Чабуковымъ и въ его мирвольствѣ Расквашеновъ самъ сознался.

Трушковъ обладалъ отличной памятью, — ни одно показаніе свое онъ не пускалъ на вѣтеръ, всѣ они подтверждались доказательствами. Заявляя сначала фактъ въ общихъ словахъ, онъ за тѣмъ развивалъ его во всѣхъ подробностяхъ, — слѣдилъ за ходомъ его отъ самаго начала. Во всѣхъ показаніяхъ онъ уже не останавливался на одномъ только Чабуковѣ (да этого, собственно говоря, нельзя сдѣлать, Чабуковъ былъ только главный винтъ уѣздной администраціи, къ нему примыкали болѣе или менѣе другія части механизма) — но началъ «топить» заподрядъ и другихъ. Съ особеннымъ наслажденіемъ онъ рассказывалъ о тѣхъ дѣлахъ, къ которымъ приобщено было нѣсколько личностей и всѣ эти личности показали себя съ болѣе или менѣе грязной, подводящей ихъ подъ отвѣтственность стороны. Еслибъ не горячее участіе самаго червя ничтожнаго во всѣхъ заявляемыхъ имъ дѣлахъ, еслибъ не побудительная причина истины, еслибы не пробившееся подчасъ само-

услажденіе ловкостью подвига, то Трушкова можно было бы принять со стороны за яраго карателя пороковъ.

Всплакался уѣздный мірокъ, увидавъ передъ собой неожиданную грозу, похудѣли въ мѣсяцъ многія уѣздныя власти, такъ что будто цылые годы сидѣли на лищи св. Антонія, отъ ихъ пуховыхъ изголовій отлетали мирные сны и въ замѣнъ пріятныхъ грезъ мучительнымъ кошмаромъ сталъ давить ихъ неустанно ненавистный образъ Фомы Ивановича. Увѣсистая часть расплаты за «важнецкую штукенцію» приходилась и на ихъ долю.

Понялъ больше другихъ Чабуковъ, что онъ слишкомъ поторопился на подведеніе итоговъ, понялъ, что съ подобными людьми, какъ Трушковъ, если вступаютъ въ союзъ, то или держутся его крѣпко, или для пріобрѣтенія молчанія прибѣгаютъ къ весьма сильнымъ мѣрамъ... Понялъ, говорю, все это Чабуковъ и какъ надо полагать съ лихвой омылъ нанесенную имъ же обиду.

Мѣсяца черезъ полтора послѣ сознанія Трушковъ неожиданно-негаданно затянулъ другую пѣсню.

«Преисподней мнѣ, окаянному, мало: Іудѣ злочестивому уподобился! Себя сгубилъ (да я что-съ? мзду за грѣхи свои несу) благодѣтеля своего поруганію предалъ, людей неповинныхъ оклеветалъ. Присягу передъ алтаремъ божіимъ мнѣ дайте, огнемъ жгите: невиновенъ Николай Александровичъ въ пустыхъ моихъ словахъ. Мало ли что по слабоумію своему нанести я могу. Развѣ вѣрять тому, что человекъ въ болѣзни

скажетъ? Лукавый силенъ, на всякій грѣхъ навести можетъ. Знать надо ихъ высокоблагородіе, чтобы подлинно сказать, что на такія злодѣйскія дѣла не ихъ ангельскому сердцу идти. Каюсь я передъ вами во грѣхѣ своемъ тяжкомъ: сгубить хотѣлъ оговорами своими невиннаго человѣка.»

Обильными слезами подкрѣплялъ Трушковъ искренность своего раскаянія: не разъ подавленный горемъ и сознаніемъ глубины своего преступленія стоялъ Трушковъ, какъ окаменѣлый передъ комиссіей, потомъ падалъ на колѣна и съ неудержимыми рыданьями умолялъ не вѣрить гнусной клеветѣ, внесенной имъ на благодѣтеля. Но спасительныя Трушкова рѣчи пришли слишкомъ поздно: позади стояла масса уже фактовъ, — личность благодѣтеля и его дѣятельность выяснились во всей ихъ прелести.

Въ одинъ и тотъ же тюремный замокъ попали и Трушковъ и его благодѣтель, только первый содержался въ камерѣ № 8, второй же въ дворянскомъ отдѣленіи. Впрочемъ ихъ дальнѣйшая судьба разнилась: оказалось, что благодѣтель родился подъ болѣе счастливой звѣздой, чѣмъ облагодѣтельствованный.

Осторожная братія не любила Трушкова. Это понятно. Вслѣдствіе складки своей предварительной жизни Трушковъ съ перваго же дня поступленія въ острогъ потянулъ на сторону начальства. Довѣріе начальства и сопряженные съ нимъ извѣстнаго рода выгоды, Трушковъ приобрѣталъ путемъ — шпіонства. Въ острогахъ существуетъ свой, нѣсколько отличный отъ мірскаго, кодексъ нравственности; какъ сложив-

шійся подъ вліяніємъ исключительныхъ причинъ и личностей онъ носитъ свой характеръ и свой букетъ, — наши понятія о нравственности и безнравственности не всегда сходятся съ его понятіями и оцѣнкой, — но и въ осторожномъ кодексѣ шпионство не стоитъ въ числѣ добродѣтелей. Люди въ острогѣ сошлись прозжонные, закаленные — брать между ними ремесло шпиона очень опасно. Шпионъ осторожный долженъ имѣть всѣ свои умственные способности на сторожѣ, знать на кого и какимъ образомъ пошпионничать, — иначе въ иной разъ ему можетъ достаться весьма плохо: въ острогахъ не въ ходу молчаливое презрѣніе, — тамъ расправа болѣе осязательна. Въ острогѣ шпионъ долженъ ощущать себя постоянно въ положеніи «вора на ярмаркѣ» — т. е. ждать благопріятеля, который началъ бы расквитку за какойнибудь старый, повидимому уже забытый должокъ. Въ острогахъ не на рѣдкость кровавыя расплаты, — жертвой этихъ расплатъ падаютъ обыкновенно шпионы: слишкомъ значитъ далеко простеръ свою ревность и выдалъ такую тайну, (напр. побѣгъ, заговоръ на начальство и проч.), которой дорожили осторожные какъ зѣницей ока... Но несмотря на всѣ опасности роли шпиона — Трушковъ принялъ ее на себя: на свободѣ онъ уже свыкъ съ извѣстнаго рода значеніемъ, оно было для него необходимою; этого значенія онъ искалъ и въ острогѣ, но въ острогѣ авторитетъ пріобрѣтается или между товарищами или у начальства, — для перваго у Трушкова не было многихъ данныхъ, — онъ не могъ приравняться къ осторожному міру, смотрѣлъ на него съ презрѣніемъ, — въ памяти Трушкова

были еще слишкомъ свѣжи воспоминанія о своихъ недавнихъ подвигахъ, — назадъ тому какіе нибудь полгода, годъ тѣ же самыя острожные униженно склонялись передъ нимъ, онъ былъ покровителемъ ихъ судьбы, — чиновный элементъ со всеми атрибутами былъ слишкомъ близокъ сердцу Трушкову, чтобъ отказаться отъ него въ новомъ мірѣ... Стало быть Трушкову слѣдовало пріобрѣтать значеніе у начальства, — а простѣйшій путь къ тому, открывался чрезъ шпионство и прихвостничество. Трушковъ вступилъ въ отправление новой обязанности своей вполне подготовленный; отстаивая свое значеніе у разнаго рода Чабуковыхъ, — Трушковъ пускалъ въ ходъ всѣ свои способности и конечно между ними не послѣднее мѣсто занимала способность, пригодившаяся въ острогѣ, — только на свободѣ она, подъ защитой сильныхъ міра, не боялась гласно заявлять себя, — здѣсь же должна была по возможности маскироваться. Впрочемъ въ острогѣ какъ ни маскируйся, — а «шила въ мѣшкѣ не утаишь» — каждый шагъ на виду, а глаза у всѣхъ зоркіе, наметавшіеся. А потому несмотря на ловкость и долговременную наметку неразъ на трушковской спинѣ вымѣщалась острожною братією накипающая злость, не разъ здоровенные кулачища острожные пребовали свою силу на червѣ ничтожномъ.

Больше другихъ арестантовъ непріязнь существовала между Трушковымъ и Чудилой; съ перваго же разу, повидимому безъ всякихъ причинъ, они отшатнулись другъ отъ друга, — съ теченіемъ же времени обоюдная ненависть ихъ все болѣе и болѣе увеличи-

валась. Подобнаго рода отношенія въ острогѣ не могутъ оставаться въ области «безпечальнаго созерцанія» — они тотчасъ же спускаются на дѣйствительную почву: Трушковъ шпионничалъ на Чудилу болѣе чѣмъ на другихъ, — Чудила, какъ бы незамѣчая каверзъ трушковскихъ, ждалъ случая чтобъ доказать, что и онъ не изъ таковыхъ, кому можно не опасаячися на ногу наступить.

Случай конечно не замедлилъ представиться. Арестанты «недовольство заявили» на то, что подаанье, не попадая въ ихъ рты, по чужимъ рукамъ расходуется. Извѣстно, что въ большіе праздники — пасху, рождество и т. д. народъ цѣлыми ворохами наноситъ въ острогъ лепешки, ватрушки, калачи, мясо, солонину, — подобнымъ богатствомъ арестантовъ можно было прокормить, чуть ли не цѣлый мѣсяцъ (помимо казенной пищи), а между тѣмъ на самомъ дѣлѣ ихъ удовлетворяли какимъ нибудь мизернымъ калачикомъ, да на томъ и забастовывали... Сначала на такую неправду арестанты ругались и роптали втихомолку, — потомъ «скопомъ» доложили смотрителю, что такъ дѣлать-де не подобаетъ, что подаанья коли арестантамъ приносятся, такъ въ ихъ желудки и идти должны. Смотритель на такое заявленіе обругалъ конечно арестантовъ — накричалъ на нихъ на столько, на сколько силъ хватило и на томъ покончилъ... Арестанты подобнымъ рѣшеніемъ не вполне удовлетворились и «дошли» до прокурора. Разборъ шолъ часа полтора или два: виновными нашли арестантовъ. — За разборомъ послѣдовала экзекуція. Больнѣе всѣхъ въ этой рас-

правѣ досталось Чудилѣ;— между немногими счастливыми, непопавшими подъ розги, былъ Трушковъ. Первый конечно принималъ дѣятельное участіе въ общей жалобѣ,—но и послѣдній не оставался въ сторонѣ,—напротивъ участіе Трушкова было повидимому еще живѣе: онъ лебезилъ около каждой кучки, напоминалъ случаи начальственной неправды, поджигалъ нерѣшительныхъ, указывалъ путь, которымъ лучше всего дѣйствовать, чтобъ доканать «Пучеглазаго» (такъ арестанты звали смотрителя). Чѣмъ руководствовались въ распредѣленіи наказанія между Чудилой и Трушковымъ понять не трудно.

Радовался Трушковъ, когда взвизгивали свѣжія, только что приготовленные розгачи, надъ врагомъ его,—но радоваться ему привелось не долго: въ тотъ же вечеръ, былъ собранъ митингъ по случаю трушковскаго поскудства и предложенъ Чудилой билль.

— Смерти, братцы вы мои, ему мало; недрогнувши вкатилъ бы я ему ножъ въ глотку по самый черенъ, да лиха та бѣда, что къ отвѣту за него призвать, на кобылу вздернуть, а страдать за него, проклятаго не приходится,—потому паршивой собаки онъ хуже, а мы все жъ, какими ни на есть, людьми прозываемся. Такъ какъ же братцы? Раскиньте вы своимъ умомъ-разумомъ, что съ нимъ эхидомъ подѣлать,—а обиду задаромъ оставлять не ладно,—ужь очень язвительно насмѣялся онъ надъ нами дураками.»

Посыпались на трушковскую голову крупныя ругательства,—загалдилъ непризнанный судъ, но рѣшенія разомъ не выдумалъ: Чудило ужь помогъ.

*

— Думать-то чего долго? Чай не надъ добрыиъ челоуѣкомъ расправу чинить, — передъ богомъ отвѣчать не будемъ, — а къ нечистому и безъ того въ лапы попадемъ. И ничего опять изъ затылковъ своихъ вы не вычесите, кромѣ задать ему, ящери подлему, «перевозъ.»

Возрадовались острожные чудилоvesкому предложению, — съ ликованіемъ приняли его и тутъ же привели въ исполненіе. Помнить долго будетъ Трушковъ острожный судъ и расправу: на другой же день пришлось ему «выписаться» въ больницу. Крѣико на этотъ разъ срывали острожные свои сердца.

— Били-то, охъ какъ били! передавалъ потомъ Трушковъ объ этомъ происшествіи, да то еще больнѣе было, что Чудилка триклятый верхъ надо мной взялъ. На всю камеру оретъ «вы, говоритъ, братцы не жалѣючи прикладывайте къ нему рученьки свои, чтобъ сласть онъ всю распозналъ! Съ меня примѣръ берите: бить я его буду въ первую голову!» и ужъ такъ рѣзанулъ, что у меня искры изъ глазъ посыпались, думаю: околѣвать видно приходится.»

Урокъ, данный острожнымъ товариществомъ Трушкову, не особенно подѣйствовалъ на него: забылъ онъ и по прежнему продолжалъ свое опасное ремесло, прибавилось же въ немъ только злости и осторожности.

Впрочемъ роль Трушкова была опредѣлена заранѣе чуть ли не на роду написана. Судьба была на столько милостива къ Трушкову, что создала его способнымъ къ дѣятельности, но условія, подъ которыми слагались эти способности, были на столько неблагопріятны, что

всѣ жизненные соки пошли на воспроизведеніе мерзостей. Жизнь показала себя Трушкову одной только стороной: чуть ли не со дня рожденія какъ незаконно-рожденнаго, она начала хлестать его общимъ презрѣніемъ, — здоровенными подзатрещинами и нищенской долей. Трушковской школой былъ кромѣшный канцеляризмъ, учителями — забытые до идиотизма Пудрухальскіе, голодные паріи и наглые самодуры въ родѣ Чабукова. Въ подобной передрагѣ и выучкѣ не можетъ быть и рѣчи о нравственныхъ началахъ, — жизнь сводится только къ двумъ знаменателямъ: самоуничтоженію и плотоядности; выборъ же пути и степень участія находится въ прямой зависимости отъ живучести человѣка: люди посредственные, обойденные природой, молчаливо несутъ свою незавидную долю, и не стремятся ни къ чему лучшему, — это ходячіе трупы, заявляющіе энергію только запоемъ; — люди, и одаренные большимъ избыткомъ мозгового вещества селятся заявить о своемъ существованіи, пробить себѣ дорогу и благодаря даннымъ, обусловливающимъ ихъ ростъ, подличаютъ, шпионничаютъ и дѣлаютъ все возможные мерзости.

Трушковъ принадлежалъ ко второй категоріи, — онъ къ несчастію былъ слишкомъ уменъ, чтобъ окончательно затеряться, обезличиться, — кусая же другихъ онъ только расплачивался за тѣ шипки, что съ преизбыткомъ доставлялись на его долю, когда еще онъ не былъ въ состояніи отгрызаться...

ЗА ГОРОДСКОЙ ЧЕРТОЙ.

ЗА ГОРОДСКОЙ ЧЕРТОЙ.

Прямо противъ города, за Волгой, лежатъ двѣ слободы: Завариха и Прутки. Обѣ онѣ населены мѣщанами, — впрочемъ мѣщанами больше по кличкѣ да по статистическимъ свѣдѣніямъ; жизнь же этихъ мѣщанъ чисто крестьянская, ихъ промыселъ — земледѣліе; немногіе только уходятъ въ городъ на заработки или на Волгу — въ бурлаки. Народъ въ слободахъ сборный; въ мѣщане приписываются всѣ: дворовые, кантонисты, выбывшіе изъ обществъ крестьяне и т. д. Страшная бѣдность, разнородность элементовъ, безалаберность управленія, тянущаго въ городскую сторону, тогда какъ жизнь складывается и сложилась по другому образцу, близость города съ его цивилизаціей — были причинами нерѣдкихъ преступленій между слободскими обитателями.

Верстахъ въ семи отъ Заварихи, всторонѣ отъ дороги, въ колкахъ (мелкій дубнякъ, орѣшникъ) пріютился пчельникъ Анкудина Косарева. Дѣло было зи..

мой, на пчельникѣ никто не жилъ, — воры воспользовались этимъ, подломали улья и выкрали медъ. Требовалось произвести слѣдствіе.

Осмотръ не далъ никакихъ свѣдѣній, уясняющихъ фактъ преступленія: по мартовскому рыхлому снѣгу валялись замерзшія, черныя какъ уголь пчелы, разбитыя воровской рукой колоды, да разобранная землянка. — Отъ пчельника узкой полосой вился самый слѣдъ, пропадая на проѣзжей дорогѣ.

При осмотрѣ былъ и Анкудимъ; повалившись на снѣгъ, онъ плакалъ, какъ малый ребенокъ. Такого безыскусственно-глубокаго отчаянія рѣдко можно встрѣтить: поднявши съ снѣгу замерзшихъ пчелъ, онъ положительно обливалъ ихъ слезами, — причиталъ надъ ними, какъ надъ любимыми дѣтищами.

Въ пчельникѣ заключалась все Анкудиново состояніе, — онъ копилъ его лѣтъ пятнадцать, не добывая куска, не досыпая ночей. Поднимется бывало вьюга такая, что человѣка въ двухъ шагахъ не видать; въ церкви во всѣ колокола начнутъ звонить, чтобъ спасти горемыку прохожаго, а Анкудиму не ложится на теплыхъ палатахъ, думается ему, что тати крадутся къ его пчельнику, что расхищаютъ его добро. Высунетъ голову Анкудимъ изъ-подъ тулупа, слушаетъ, какъ ночная мятель полными пригоршнями снѣгъ въ окно хлещетъ, какъ вѣтеръ въ трубѣ волкомъ-воетъ, — боязно крѣпко станетъ Анкудиму, а все терпѣть онъ не можетъ: пойдетъ въ поднавѣсъ, «Матрешку» (такъ звали лошадь Анкудимову) запряжетъ, цѣпь въ сани положить, топоръ возьметъ и ѣдетъ на свой пчель-

никъ... Вьюга лѣпитъ глаза Анкудину, подъ дырявымъ тулупомъ да положомъ спасенія отъ холоду нѣтъ, — а мужику горя мало; забываетъ онъ даже широко-раскинувшуюся степнину, по которой волчища стаями рыщутъ, на которой что ни годъ, по веснѣ, когда снѣгъ сойдетъ, нѣсколько труповъ всегда поднимаютъ...

Опасенъ путь, но у Анкудина одна только дума и есть: какъ-бы на пчельникъ поскорѣе попасть, какъ-бы грабителя подкараулить. Богъ вѣсть какъ, сердце-ли дорогу указывало, Матрешка-ли къ ней привыкла, только Анкудинъ, несмотря на мателицу, никогда не обманывался: — всегда въ пчельникъ упрется. И чѣмъ ближе подъѣзжаетъ Анкудинъ къ сокровищу своему, тѣмъ все сильнѣе и сильнѣе сердце въ груди его стучало: дышать не можно, выпрыгнуть хочется... Тихо отворялъ Анкудинъ ворота пчельника, крѣпко сжималъ въ рукѣ топоръ и самъ, какъ воръ, крался къ своему добру... И ужъ горе бы было, еслибъ засталъ Анкудинъ о ту пору лихаго человѣка около добра своего: обагрилась бы кровью человѣческой, снѣгомъ покрытая земля, стала бы хлестать ночная вьюга въ чье-нибудь мертвое лицо. Богъ только миловалъ отъ такой бѣды.

А бѣда-то за плечами стояла и сердце не чуяло ея. Ночь была свѣтлая что день, мѣсяцъ полнымъ снопомъ сыпалъ съ высокаго, звѣзднаго неба. У Анкудина думы даже не было, чтобъ въ такую ночь расхищали грабители его добро. Крѣпко заснулъ Анкудинъ.

Заря совѣшъ занялась. На дворѣ свѣтло стало.

— Дядя Анкудимъ! а дядя Анкудимъ! раздалось подъ окномъ...

— Чаво ты?

— Подь-ка сюда, у ты што-то тамъ на пчельникѣ не ладно.

У Анкудима словно что оторвалось отъ сердца, — не помня запрягалъ онъ Матрешку, не помня доѣхалъ до пчельника; только увидавши разгромъ, какъ снопъ шарахнулся онъ рядомъ съ погибшимъ добромъ...

Завыли Анкудимовы бабы на всю деревню... Мужичкое горе — лютое горе!

Нечаянно налетѣвшая бѣда совсѣмъ прихлопнула Анкудима, всю энергію въ немъ убила; что ни спросишь, — у него все одинъ отвѣтъ:

— Богу ужъ такъ видно угодно. Развѣ сотворилъ бы кто такое дѣло, кабы его поущенья на то не было?

— Да чай ты кого подозрѣваешь?

— Кого подозрѣвать? Ты спроси на міру малаго ребенка: обиду видалъ ли кто отъ меня? Наслалъ Господь такого челоуѣка, а какъ на него укажешь? Мы слободскіе, каждый почитай день новыхъ людей къ себѣ принимаемъ, а какіе они такіе люди есть, накіе качества за собой имѣютъ, — развѣ знаешь, ништо въ душу къ нимъ влѣзешь! Укажи-ка на него, — да онъ и хату-то твою послѣднюю спалить. Кого подозрѣвать? о-о-охъ!...

На Анкудима нечего было надѣяться, — надо было времени ждать, авось не откроется ли такой фактъ, по

которому возможно будет добраться до виновныхъ въ мужицкомъ разгромѣ... На зло день выдался базарный, почти всѣ слобожане въ городъ отправились, стало быть и свѣдѣній получить не откуда... На «въѣзжей» только двѣ бабы, одна изъ нихъ отъ старости еле ноги передвигаетъ, да глуха на оба уха, другая-же далеко не изъ разговорчивыхъ; на палатахъ кто-то храпитъ, да ребятишки въ костяшки играютъ... Скука и злость одолеваятъ страшныя: видишь бѣду, а помочь ей не чѣмъ... Разъ тридцать къ окну подойдешь, упрямо смотришь въ него:—пейзажъ обыкновенный, общій, три тощія коровенки жвачку жуютъ, да почувствовавъ приближеніе весны, несвойственную ихъ темпераменту живость, вдругъ ни съ того ни съ сего выказываютъ; почернѣвшія, на бокъ перекачнувшіяся избенки, на которыхъ вмѣсто крышъ одни остовы остались (урожай значить плохъ былъ, запасовъ не достало, солома на кормъ скотинѣ пошла), про нищенское житіе своихъ хозяевъ толкуютъ; баба пройдетъ, гурьба ребятишекъ съ дубинками на Волгу въ снѣжки играть пробѣжить...

Часа четыре прошло въ созерцательной скукѣ; раза два приходилъ Анкудимъ, — поплачется и опять уйдетъ.

На палатахъ сталъ кто-то шевелиться, сначала старческій кашель послышался потомъ спустились ноги и затѣмъ показался весь человѣкъ. Это былъ старикъ, до того старій, что желтѣть сталъ...

Поздоровались.

— Ты съ слѣдствіемъ что ли пріѣхалъ?

— Съ слѣдствіемъ.

— То-то мужики вчера все болтали, что у Анку-

дина пчелъ подломали. Стало по этому самому дѣлу и есть!

— По этому самому. Шалить у васъ больно стали, дѣдъ...

Дѣдъ молчалъ.

— Говорю: шалить у васъ сильно.

— Шалить, шалить. Такой народъ сталъ взбалмошный, такъ что житья отъ него совсѣмъ нѣтъ. Страхъ Господень совсѣмъ забылъ, — жалости нѣту въ немъ.

Любимая тема стариковъ — прежнее житье; испробовалъ я ее, — она удалась: дѣдъ разговорился.

— Лучше въ наше время народъ былъ; ни заповорѣтъ, ни замковъ не знали, подь-де возьми все, никто тебѣ не указъ. Этакихъ дѣловъ, что нонѣ творятся, слыхомъ не слыхали, — а тожъ баловства не любили: проштрафится кто, судомъ на міру судили... А нонѣ почитай что недѣля, то порядки новые заводять; а какіе это порядки? — Тьфу, дермо, прости меня Господи...

Дѣдъ отплюнулся и перекрестился...

По словамъ дѣда новые порядки оказывались дѣйствительнымъ дерьмомъ (справедливость-же его словъ выполнѣ потомъ подтвердилась). Встарину вся земля, приписанная къ слободамъ (а ея было до десяти тысячъ десятинъ) принадлежала міру: онъ дѣлилъ ее между своими членами за плату самую ничтожную. Всѣмъ хватало вдоволь, жили богато, подати платили исправно, случаи преступленій были самые рѣдкіе. Почти полновластный міръ зорко слѣдилъ за членами; въ его распорядки никто не вмѣшивался, — жизнь скла-

дывалась такъ, какъ ей слѣдовало складываться: по просту, по крестьянски. Завелись новые порядки: въ думѣ были назначены торги на всю слобожанскую землю; три богатыхъ капиталиста, стакнувшись съ начальствомъ, захватили ее въ свои руки, и началась обычная исторія: вмѣсто прежнихъ грошей, пришлось платить по 6 руб. сер. за десятину въ ненасытные карманы жирныхъ монополистовъ; народъ обнищалъ, пошло пьянство, воровство; задавленный канцеляризмомъ, міръ утратилъ силу надъ своими членами; въ арестантскихъ ротахъ и рабочихъ домахъ не хватало мѣста для несостоятельныхъ плательщиковъ.

Говорилъ дѣдъ о своихъ лиходѣяхъ (такъ звалъ онъ купцовъ):

— Да добро-бы шесть только цѣлковыхъ платить, — да землю-то дали хорошую. А то отвели намъ, что ни на есть самые худые участки, — что ни вали на нихъ навозу, все жорма жрутъ, а толку мало. Да окромя денегъ ты имъ въ зиму-то воевъ пятнадцать корья на домъ свежи, дровъ... Вотъ и житье наше вольное, мѣщанское...

Смеркалось. На дворъ въѣхали сани; то былъ сынъ дѣда, возвратившійся съ базара. Неразговорчивая хозяйка стала ужинать собирать: вынула огромный, чорный какъ земля, каравай хлѣба, принесла въ жбанѣ квасъ (не смотря на полнѣйшую безцвѣтность онъ былъ кисель какъ уксусъ), поставила на столъ чашку щей. Я заглянулъ въ щи: жидель страшная, капуста плавала на просторѣ, — присутствія другихъ веществъ въ чашкѣ не замѣчалось... Уже потому, что въ домѣ

дѣда назначена была «въѣзжая», можно было заключить, что онъ считался въ числѣ наиболѣе достаточныхъ заварихинскихъ обитателей.

Созерцаемые мною во весь день пейзажи, слышанное отъ дѣда и видѣнное за столомъ — все больше и больше выяснили предо мной сладкую слободскую жизнь. Нужда и горе обхватывали ее со всѣхъ сторонъ, селились въ каждомъ домѣ, тѣснили хозяевъ... А тутъ лиха бѣда — къ нуждѣ да горю можетъ еще кое-что другое немалое присоединиться, — тогда ужъ совсѣмъ говори: пропалъ человѣкъ «отъ судьбы», не убережешься...

За ужиномъ между старикомъ и сыномъ зашла рѣчь о послѣднихъ базарныхъ событіяхъ. Сынъ новости привезъ...

— Ты подь-ка, какъ нонѣ Андрюшка Жилинъ куражился. Пьяный, распянный ходить, къ рылу всѣмъ лѣзять: ты, баить, уважай меня, я значить начальство есть: хочу снесу голову, а хочу, помилую. Ребята бить его собирались, — ужъ очень озорковать сталъ...

— Что такъ?

— Кто ее разберетъ. Деньжищъ отколь-то набралъ. Одно зѣваешь, что заполнить всѣхъ можетъ...

Разсказъ сына о Жилинѣ только и ограничился однимъ пьянствомъ и дебоширствомъ, — но у меня почему-то мелькнула въ головѣ мысль: «не его ли дѣло Анкудимовы пчелы?» Впрочемъ мысль явилась не безотчетно, — она имѣла свои основанія (не утверждаю, чтобы особенно твердыя; Жилинъ весьма легко

могъ оказаться и совершенно неповиннымъ въ то, что совершившемся преступленіи), заключавшіеся въ образъ жизни Жилина.

Жилинъ разъ уже судился по воровству, но судомъ былъ только оставленъ въ подозрѣніи и водворенъ въ мѣсто жительства, подъ присмотръ мѣстной полиціи. Жизнь Жилинъ велъ до крайности подозрительно: ходилъ онъ то въ дырявомъ полушубчикѣ, чуть-ли не въ рубищѣ, то вдругъ чуйку суконную приобрѣтетъ, шапку-мурмолку; карманы гостинцами набьетъ; дѣвокъ, солдатокъ начнетъ угощать, а гдѣ на все это денегъ онъ бралъ — никто не зналъ.

На вопросы объ этомъ любопытномъ предметѣ Жилинъ все больше смѣхомъ отдѣлывался:

— На сторонѣ, говоритъ, работами выгодными занимаемся, барни съ краснымъ товаромъ въ Астрахань сплавляемъ. Вашей милости не угодно ли нанять? Цѣну возьмемъ сходную: харчи, вина въ волю за деньгами не стойте.

А то пѣсню запоетъ въ родѣ того, что:

А мы рыбушку ловили
На сухомъ берегу;
Какъ у дяди у Петра
Мы поймали осетра...

Поди, да и догадывайся, что въ это время онъ держитъ на умѣ.

Жилинъ былъ изъ кантонистовъ, стало въ самой сути весьма своеобразной школы просвѣщался. Старуха мать, имѣвшая келенку въ Заварихѣ, выхлопотала для его пропитанія, но прошедшее убило въ немъ всѣ

данныя, чтобы промышлять пропитаніе честнымъ трудомъ. Новая крестьянская жизнь была не по плечу кантонисту. Жилину надо было родиться слишкомъ богатой натурой, чтобы не окончательно зачумѣть, чтобы совершенно слиться съ принявшимъ его обществомъ; стать любезнымъ міру человѣкомъ. Жилинъ не имѣлъ въ себѣ такихъ данныхъ; онъ былъ обыкновенный кантонистъ, изъ него не могла выдти ни крѣпкая, кражистая крестьянская личность, ни удамый молодецъ большихъ дорогъ, — изъ него вышелъ мелкій воришка.

Разъ въ послѣдствіи Жилинъ рискнулъ на грабежъ, но ограблена была старуха; въ домѣ кромѣ нея, прислужницы, да мальчика лѣтъ четырнадцати никого небыло, а грабители ворвались въ числѣ четырехъ человѣкъ, — стало быть бояться было нечего, отчаяннаго риска не представлялось. Жилинъ совершилъ это преступленіе неудачно: въ числѣ другихъ лицъ, крайне подозрительныхъ, показанный мальчику, племяннику старухи (во все время грабежа сохранившему удивительное присутствіе духа) — Жилинъ былъ узнанъ. Вслѣдъ за этимъ открылись новые доказательства, уличавшіе Жилина въ грабежъ, и хотя онъ не сознавался, но доказательства были на столько сильны, что судъ приговорилъ его къ публичному наказанію, въ то время еще существовавшему. Остальные участники въ грабежъ оставались неизвѣстными. Жилинъ, во время слѣдствія державшій себя очень смѣло, струсилъ узнавши о приговорѣ. Озлобясь, что присудили его къ наказанію одного, онъ выдалъ и всѣхъ остальныхъ соучастниковъ, злобно уличалъ ихъ

на очныхъ ставкахъ, корилъ ихъ судьбой своей, хотя онъ-же былъ главнымъ зачинщикомъ въ этомъ дѣлѣ и если могли корить, такъ товарищи его, а не онъ товарищей. Къ этому-же дѣлу онъ притянулъ нѣсколько совершенно-невинныхъ людей.

Жилинъ былъ мстительно-мелькая натура, дерзкая до времени, трусливая тамъ, гдѣ слѣдовало показать себя.

Безъ предварительной подготовки — такіе люди какъ Жилинъ всасываются міромъ, лѣзутъ подъ пьяную руку драться, бываютъ колачиваемы, шумятъ безъ толку на сходкахъ, считаются послѣдней спицей въ колесницѣ — и только. Земля придерживаетъ ихъ въ себѣ, а крестьянство заставляетъ разиѣняться ихъ неширокіе порывы на обиходную монету, съ которой и проживаютъ они кое-какъ свой вѣкъ. Съ предварительной подготовкой — такіе люди идутъ шагъ за шагомъ: отъ кутузки до острога, отъ острога до смирнаго дома, отъ смирнаго дома до каторги. Съ разу заявить себя они не въ состояніи. Приглядѣвшись къ такому человѣку, да узнавши откуда вышелъ онъ, можно почти всегда пророчески сказать, куда дойдетъ. У нихъ на роду написано — владимірскую дорожку утаптывать.

Мнѣ довольно приходилось наблюдать такія личности. Судьба ихъ самая печальная: на ихъ сторонѣ нѣтъ даже сочувствія общества, что высказывается часто къ лицамъ совершавшимъ кровавыя дѣла; тамъ общество невольно покоряется вліанію драматическаго положенія, проявленной силой, размахомъ мести, увлечень-

онъ; къ людямъ же подобнымъ Жилину общество относится гораздо жоще, — оно глухо къ ихъ исторіи.

Жилинъ съ перваго шага сталъ въ непріязненное отношеніе съ принявшимъ его обществомъ. Иначе и быть не могло. Съ одной стороны что представлялось? Прошедшее приучило его виѣсто самостоятельной дѣятельности къ полной безпечности; виѣсто труда онъ приучился къ воровству, виѣсто искренности, честности — къ безсовѣстной лжи и обману. Въ тяжелой школѣ изуредовалась и безъ того не глубокая натура Жилина: изъ него вышелъ лгунишка, хвастунъ, дерзкій, трусливый, развратный. Съ другой же стороны — что имѣлъ Жилинъ въ настоящемъ? Одинъ трудъ, трудъ безысходный, трудъ въ кровавомъ потѣ, да кромѣ труда жизнь хуже нищенской, жизнь, въ которой если рѣдко умирають съ голоду, за то почти никогда не наѣдаются до сыта. Понятно, что Жилинъ не могъ трудиться: его руки выработаны были для ружья, а не для сохи; понятно, что онъ не могъ переносить лишения онъ прожилъ лучшіе годы въ казармѣ, а не въ курной крестьянской избѣ.

Изъ дворовыхъ вотъ тоже много такихъ, которыхъ постигаетъ жилинская участь: шансы равные.

Жилинъ съ перваго дня прописки свелъ дружбу съ такими-же теплыми ребятами, каковъ былъ самъ. Вырвавшись на волю, онъ захотѣлъ свободы. Но чтобы свобода была дѣйствительной, то есть чтобы необходимыми принадлежностями ея были: кабакъ, дѣвки, трубка, красный платокъ и т. под. (безъ этихъ атрибутовъ свобода для Жилина была лежыслина) нужны

были деньги; чтобы достать эти деньги, предстояла одна возможность: мелкія и крупныя плутни и воровство. Жилинъ и принялся за это художество съ перваго абцуга; слобода сдѣлалась первой ареной для его нечистыхъ подзговъ; принявшій Жилина міръ своими нищенскими крохами расплачивался за чужіе грѣхи.

Міръ давно видѣлъ всѣ качества Жилина и молчалъ. У міра худые люди на счету, только онъ боится выдавать ихъ начальству, потому — лучше терпѣть «баловство» ребятъ, чѣмъ накликать на себя большую бѣду, отъ которой потомъ вѣкъ не справишься. Міръ такъ разсуждаетъ: начальство что? потаскаетъ, потаскаетъ худаго человѣка по острогамъ, по кутузкамъ, да потомъ и выпуститъ: «не виноватъ-де молъ въ худыхъ качествахъ». Такъ съ нимъ-же опять жить придется; а ужъ онъ послѣ того — какой милый человѣкъ міру? лиходѣй! злобы въ сердцѣ не вѣсть сколько будетъ, и выместитъ онъ ту злобу пуще прежняго; такого краснаго пѣтуха подпустить, что отъ всей деревни одни только трубы останутся; «знай-де старики каковъ я есть человѣкъ!»

По дѣлу Жилина слѣдовало произвести повальный обыскъ: о поведеніи спросить. Собрались люди, самые первые въ деревнѣ, крестъ цѣловали, чтобъ правду всю говорить. Переминался кругъ нѣсколько минутъ послѣ крестнаго цѣлованія.

— Да ништо, человѣкъ онъ не худой, проговорилъ наконецъ одинъ изъ круга.

— Ничаво, какъ есть человѣкъ молодой.

- Мать тоже есть у него.
- Ледящая старуха!
- Ономясь на расшивы ходилъ, бурлачилъ значить...

— Пѣсни, пострѣлъ, поетъ знатно!

— На что другое не бери, а на это мастакъ-парень!

— Да не о томъ васъ, старики, спрашиваютъ, не на то вы и крестъ цѣловали, чтобъ такими словами отдѣлываться, потому — что изъ нихъ выходить? Вы скажите-ка путемъ, какой есть Жилинъ человекъ: худой или добрый? видалъ-ли міръ обиды отъ него, стоитъ міру терпѣть его у себя?

Міръ опять переминается сталъ. Прошло чуть-ли не добрыхъ полчаса, сначала въ молчаніи, потомъ въ перешоптываніи. Слѣдовало опять повторить вопросъ.

— Коли не видалъ! слышалось въ заднихъ рядахъ.

— Чего?

— Да объ чемъ твоя милость спрашиваетъ.

— Обидъ что-ли?

— Знамо обидъ, развѣ отъ него добрыхъ дѣловъ кто видалъ.

— Обидчикъ такой, что не приведи Господи.

— Да говорить-то намъ не ладно объ качествахъ его.

— Знамо не ладно, чай у него Бога-то нѣтъ.

— Коли есть! нѣтъ.

— Лютой ужъ очень.

— Да и роднищи-то у него во сколько!

Снова пошла прежняя исторія: прямо высказаться первому никому не хотѣлось, и только послѣ, чуть не часовыхъ, переспросовъ, намековъ на дурные качества, недосказокъ, отдѣльныхъ фразъ, взаимныхъ понуканій, въ родѣ того:

— Ты что, дядя Архипъ, не баишь? чай онъ тебѣ сусѣдъ, всякіе дѣла его тѣ на виду.

— Чай и твое дѣло не сторона! Не больно за горами живешь!

— Кому изъ васъ, старики, онъ хотѣлъ голову-то свернуть? По вашинскимъ что-ль огородамъ съ мушкатантомъ ходилъ?

— Не тебѣ-ли, Кузьма Микитичъ?

— Онъ у него только меренка хотѣлъ свести: больно, баить, по нраву мнѣ прииолся.

Старики наконецъ рѣшились дать категорическій отвѣтъ: на то де и крестъ цѣловали, чтобъ правду открыть, а правда то, что Жилинъ такой озорный челоуѣкъ, что отъ него житья никому нѣтъ; честной работой на свободѣ никогда не занимается, а все больше съ парнями пьянствуетъ, хозяйства своего въ порядкѣ не содержитъ, обывателямъ только всякія обиды, да притѣсненія чинить, а что коль на него, Жилина, подозрѣніе падаетъ, что онъ у Анкудима пчельникъ подломалъ, такъ то дѣло статочное, потому у Анкудина никого лиходѣевъ на міру нѣтъ, и мужикъ онъ тихій.

Многіе обвиняють міръ въ его нерѣшительныхъ приговорахъ надъ своими членами; но помимо гущанной стороны этой нерѣшительности, посмотрите-

ка повзрѣстальнѣе на дѣло, такъ и окажется въ самомъ дѣлѣ, что каждый міръ отдѣльно взятый правъ въ своихъ недомолвкахъ, въ своей волѣ не выдавать головою обидчиковъ, потому—безпомощенъ міръ: какая есть сила у міра? больше подъ начальствомъ живетъ, а начальство не то заботу объ немъ имѣетъ, не то совсѣмъ откажется, хоть съ голоду умирай. Мудрено ужъ очень начальство. Его не сообразишь.

Но—къ дѣйствующему лицу.

Жилину было лѣтъ двадцать восемь. Изъ себя довольно красивый, только нахальство и трусость въ лицѣ его замѣтны были. По бойкимъ манерамъ въ Жилинѣ сейчасъ замѣчался прежній фрунтовики. Одѣвался Жилинъ для слобожанина хорошо. Сѣрая шапка мелкихъ барашковъ, сапоги съ напускомъ, расписной, красный съ разводами платокъ на шеѣ, синяя чуйка. Кельенка Жилина стояла на юру, на отмашь отъ другихъ, на обрывистомъ берегу Волги; вокругъ нея не было ни кола ни двора, одна клѣтъ какая-то.

Изъ собранныхъ мною свѣдѣній оказывалось, что Жилина на базарѣ видѣли съ однимъ сбитенщикомъ что виѣстѣ они въ кабакъ ходили, вино тамъ пили, тайныя рѣчи тамъ вели, пѣсни пѣли. Такихъ свѣдѣній конечно недостаточно, чтобы забравшееся подозрѣніе особенный вѣсъ получило, потому я и хотѣлъ сначала безъ всякихъ формальностей, просто поговорить съ Жилинымъ и изъ отвѣтовъ его убѣдиться, можно-ли давать особое значеніе подозрѣнію, или, отказавшись отъ него, приниматься за новыя изысканія.

Жилинъ вопиеть съ острастской, хоть и журажилъ себя; простоты въ немъ не было, той простоты, которая сама за себя говоритъ: «не нанимаю зачѣмъ зовутъ меня?» Изъ безновоймаго взгляда Жилина видно было, что онъ очень хорошо понимаетъ, зачѣмъ зовутъ его. Знаеть кошка уже мясо съѣла. Разговоръ послѣ-же первыхъ словъ перешелъ на Анжудимовыхъ пчелъ: самое выдающееся происшествіе на свободѣ было.

— Что, Жилинъ, неслыхать-ли чего про пчелъ Анжудимовыхъ?

— Чево слышать, в. б-діе, я вѣдь съ здѣшними не больно якшаюсь. Мало-ли что калякають, да пустяковъ ихъ всѣхъ не переслушаешь.

— Ну, на базарѣ чего не слыхать-ли? Вѣдь вчера базаръ былъ.

— Базаръ-то былъ, да меня на немъ не было. Я вчера день денской на печи пролежалъ: невозможно что-то больно.

Этотъ отвѣтъ показался мнѣ очень подозрительнымъ: зачѣмъ скрывать такой пустой случай, какъ пребываніе на базарѣ?

— Такъ ты не былъ вчера на базарѣ?

Жилинъ сейчасъ-же перемѣнилъ тонъ: до тѣхъ поръ мы по дружбѣ разговаривали, для препровожденія времени.

— Да что вы меня, в. б-діе, допрашивать что-ли стали? Такъ я вамъ отвѣчать не буду.

— Почему же не будешь? Вѣдь это нельзя.

— А потому что здѣсь ратмана нѣтъ. Я ищущинъ, безъ ратмана меня допрашивать не слѣдуетъ.

— Э-э! подумалъ я. Вотъ оно куда дѣло-то пошло! Надо замѣтить, что изъ долгихъ наблюденій я вывелъ такое заключеніе (которое никогда не опровергалось): что когда допрашиваемый ратмана требуетъ, депутатовъ разныхъ, словомъ—начинаетъ искать спасенія въ проволочкѣ времени, въ придиркѣ къ формамъ, то во первыхъ это показываетъ въ немъ бывалаго человѣка, виды видаваго, а во вторыхъ дѣло нечистое. Невинный человѣкъ, заподозрѣнный въ преступленіи, держитъ себя просто, опираясь больше на суть дѣла, а не на формальную сторону его. Даже если онъ и замѣчаетъ несоблюденіе какихъ либо формальностей его гарантирующихъ, такъ молчитъ больше, потому боится, чтобъ тѣмъ подозрѣніе на себя не усилить, «вишь-де не надѣется на правду-то!»

Кстати. Всѣ эти ратманы, депутаты и другіе непереваренныя издѣлія нѣмецкой кухни—на практикѣ выходятъ одной пустой декорацией, чтобъ величія было больше. На самомъ-же дѣлѣ лицъ прикосновенныхъ къ слѣдствію эти особы не гарантируютъ ни сколько: недобросовѣстный слѣдователь имѣетъ полную возможность творить пакости преотмѣнныя и никакіе ратманы и депутаты въ томъ ему помѣхой не послужатъ. Впрочемъ ратманы, депутаты et caetera и сами больше безмолвствуютъ: книжки во время слѣдствія читаютъ, природой услаждаются, въ пріятной дремотѣ пребываютъ, а потомъ подписываютъ, что подають имъ: «присутствовалъ-молъ такой-то, да ушами хлопалъ».

Кукольная комедія съ канцеляреко-дубовыми фразами.

Впрочемъ пришедшій ко мнѣ ратманъ Федоръ Дмитричъ Квасковъ былъ не заурядъ прочимъ, не потому чтобы онъ являлъ изъ себя какую-нибудь гарантію, но просто потому что былъ милымъ человекомъ. Изъ бѣдняковъ ищущихъ, онъ тѣломъ и душой принадлежалъ къ своему обществу, самъ выносилъ всю его горемычную долю. Въ каждомъ преступленіи Квасковъ, нерѣдко почти инстинктивно, видѣлъ оправдывающую сторону, въ каждомъ преступленіи человека умѣлъ разглядѣть. Прямая, неподатливая натура была, въ глубины метафизики не пускавшаяся, но просто видѣвшая хорошо. Послѣ каждаго слѣдствія Федоръ Дмитричъ бывало говорить начнетъ, что вотъ-де какъ жизнь-то худо пошла, если на такія дѣла человекъ рѣшается, страха наказанія не убоившись даже. И какъ онъ про худую жизнь хорошо говорилъ!

До прихода ратмана Жилинъ со мной не заговаривалъ, я съ нимъ тоже. Пришолъ Квасковъ.

— Ну, вотъ и ратманъ.

— Что, Жилинъ, опять съ тобой бесѣду приводитъ вести. Э-э-хъ, паренекъ! худы ты дѣла затѣваешь, до добра они тебя не доведутъ. Хоть-бы мать-то пожалѣлъ, она ужъ и то у тебя одной ногой въ гробъ стоитъ, сказалъ Квасковъ, увидавши Жилина.

— Давѣдь что же, Федоръ Дмитричъ, вольно ко мнѣ привязываться. Я знать ничего не знаю, а меня на допросъ ведутъ. Какъ-наго человека оклеветать можно, пожалуй скажутъ, что я и церковь ломалъ.

— Нешенцаго тебя оклеветать кто заочетъ? Коли невиненъ, такъ и останешься имъ. А только все-жъ я тебѣ скажу: не добро, наречь, не добро! человекъ ты молодой, работы развѣ честной у тебя нѣтъ? Али не судашъ лучше таскаться? Всплачешься, да поздно будетъ.

Опять начался спросъ.

— Такъ не былъ ты вчера на базарѣ?

— Сказано не былъ.

— Ну, а если тебя тамъ другіе видѣли?

— Мало ли что вамъ на меня наговорять: у меня недруговъ здѣсь много, каждый поровнить тебѣ неприятность какую сдѣлать, потому не имъ я совѣмъ человекъ. Коли-бъ я мужикъ былъ, такъ стояли-бъ они за меня. А то что имъ? Убийство на меня пожалуй нанесутъ, крестъ скажутъ цѣлуй.

Я уже разъ заявилъ, что русскій человекъ плохо себя вообще держитъ (хотя есть конечно и блестящія исключенія) при вопросахъ: сноровки въ немъ нѣтъ, хитрости мало: заладить себѣ одно, да и валить; не видитъ, что прямо въ яму лѣзетъ, обойти ее не умѣетъ, къ обстоятельствамъ поддѣлаться не можетъ, чтобъ такъ выходило, что и виновать, да невиновать. Заперся да и баста! Солгать-то онъ солжетъ, только не тонкимъ манеромъ, больше все на широкую ногу. Для него ничто не значать противорѣчаніе, уличающіе его факты; онъ не хочетъ или не умѣетъ къ нимъ подлаживаться, хоть въ этомъ подлаживаніи заключается все его сноровье (отъ котораго конечно онъ не прочь). Люди только служившіе во писарской части,

да въ острогахъ побывавшіе, науку прошедшіе, мастера на отвѣты: ихъ на треногой кобылѣ не объѣдешь, за себя постоятъ.

Жилинъ тоже не имѣлъ способности подлаживаться, пользоваться въ свою же пользу обстоятельствами его уличающими; онъ дѣло повелъ на прямой, ягдѣй безсовѣстно — и къ явному вреду своему. Скажи онъ просто, что былъ на базарѣ, что видѣлся съ тѣмъ-то и тѣмъ-то, тогда пожалуй закравшееся мимолетное подозрѣніе могло бы уничтожиться само собой, какъ не имѣвшее достаточнаго основанія. Жилинъ дѣйствовалъ иначе и тѣмъ давалъ поводъ къ усиленію подозрѣнія.

— А ты знаешь Степана Андреева Дятлова?

Жилина нѣсколько покорило; онъ пристально посмотрѣлъ на меня и потомъ опустилъ глаза. Последовала пауза.

— Какого Дятлова?

— А что сбитнемъ-то торгуетъ на площади.

Опять молчаніе.

— Пивалъ я у него сбитень. Чай на базаръ тоже ходишь: онъ изъ нашихъ. Допрежь того онъ рыбачествомъ занимался, такъ я въ батракахъ у него жилъ. А впрочемъ какое знакомство? Выпилъ сбитня, отдалъ деньги, да и прочь пошолъ.

— А въ кабаки былъ съ нимъ за последнее время?

— Развѣ мало съ кѣмъ въ кабаки бываешь? Можетъ и съ Дятловымъ бывалъ, а можетъ и не бывалъ. Не припоминаю. Въ кабаки кампанство боль-

шое: кто поднесетъ тебѣ, тотъ и кумъ значить. Намъ вѣдь въ зачастую тамъ бывать-то.

— На какія же деньги ты часто бываешь тамъ?

— На какія? Заложилъ чуйку — вотъ и пьешь цѣлую недѣлю. А то заработаешь. Чай тоже не въ бѣлоручкахъ сидишь, работой занимаешься.

Жилинъ запирался даже въ пустыхъ, повидимому ничего не говорящихъ противъ него обстоятельствахъ, а между тѣмъ изъ отрывочныхъ фразъ, изъ постановки дѣла, изъ нѣкоторыхъ свидѣтельскихъ показаній все больше и больше уяснялось, что не чистъ онъ по Анкудимовымъ пчеламъ. Надо было только ковать же-лѣзо пока горячо. Не давши время дойти извѣстію о спросѣ Жилина до сбитенщика, я тотчасъ же отправился къ послѣднему на квартиру. Дятловъ былъ дома; онъ замѣтно оробѣлъ, увидавши меня; жена его поблѣднѣла, въ уголъ прижалась: видно было, что духъ захватило у нихъ. Вообще я совѣтую слѣдователямъ крѣпкими нервами заpastись: во многихъ драмахъ участникомъ приходится быть; людскія страданія въ очію, какъ они есть на самомъ дѣлѣ, предъ тобой проходятъ. Часто приходится такіе вздохи, такіе судорожно-подавленные стоны слышать, что кровью сердце обливается, нестерпимо-больно сожмется оно: здѣсь нагота жизни, не театральные подмостки, съ заранѣе заученными фразами и позами. — Большіе куши на карту ставятся, съ замираніемъ, съ трепетомъ слѣдятъ за игрой.

— Что, Дятловъ, ты часто видишься съ Жилинымъ? спросилъ я прямо сбитенщика.

Дятловъ сталъ тяжело дышать, — въ горлѣ пересохло. Цѣлую рѣчь онъ не могъ говорить, отрывочныя фразы съ трудомъ выходили. А вѣдь кажется и не мудреный вопросъ былъ заданъ? Да бѣда была близка.

— Съ Жилинымъ-то? Вижусь... съ недѣлю назадъ... въ Разуваѣ сидѣли. Онъ такой... пить любить. Дѣловъ у меня нѣтъ съ нимъ. Вотъ-те Христокъ! Черезъ малыхъ дѣтей клятву дамъ. Жену спросите... Она у меня тихая... Ее всѣ знаютъ. Въ барскихъ домахъ жила.

Бѣдную женщину какъ въ лихорадкѣ трясло; бояливо, прижавшись въ уголъ, она смотрѣла на меня; и безъ того большіе глаза ея сдѣлались еще больше, губы посинѣли. Она переживала тяжелыя минуты. Невзгода за порогъ переступила и прямо въ лицо ей смотрѣла.

— Я къ тебѣ, Дятловъ, пріѣхалъ съ обыскомъ. Бери ключи и пойдемъ вмѣстѣ смотрѣть твои подвалы: я подозрѣнье имѣю, что у тебя краденый медъ скрывается. Идемъ же!

Слова мои какъ громомъ поразили Дятлова, — онъ съ мѣста не двигался.

— Ваша... свѣтлость... Ваша милость... у меня нѣтъ, оклеветали напрасно, и ключей нѣтъ... затерялъ... Ваша... свѣтлость... все... ложно на меня...

— Если ложно, такъ и бояться нечего; изъ чистаго грязнымъ не сдѣлаешь; я же въ отвѣтъ буду, что обыскъ дѣлалъ. Пойдемъ же!

— Помилосердуйте, ваше благородіе!

Дятловъ упалъ на колѣни, онъ былъ блѣденъ, какъ смерть. Въ ту же минуту раздалось страшное, потрясающее душу рыданіе: у моихъ ногъ на полу билась молодая женщина, колѣни мои обнимала. Сжавшій на полу ребенокъ проснулся, широко открылъ глаза и съ испугомъ глядѣлъ на небывалую сцену.

Понятые смотрѣли какъ-то въ сторону, да переминались: неладно имъ было. Наступило нѣсколько секундъ глубокой тишины, прерываемой только рыданьями молодой женщины.

Жизнь разбивалась.

Въ сараѣ, завернутый въ подогъ, лежалъ Анкудимовъ медъ безобразными массами; черныя какъ уголь пчелы такъ и остались въ немъ; не на продажу базарную готовилъ мужикъ его, не съ куревомъ и божимъ именемъ на пророка Илью хозяйскія руки дѣлали да клали рядомъ душистые соты. Только звѣздная, морозная ночь видѣла какъ драгомъ дѣло крестьянское добро, только ухо воровское чутко прислушивалось, чтобъ не нагрянули люди добрые на дочную потѣху, чтобъ хозяинъ-недосѣдъ грозой не чалетѣлъ грудью отстаивать богатство свое...

На Жилкина стали напирать со всѣхъ сторонъ улики. Крѣпко удичалъ его повинившійся обитенщикъ, что привезъ онъ къ нему ночью медъ, что сказывалъ тогда ему Жилкинъ, что медъ тотъ не добромъ достался ему. Говорилъ обитенщикъ, что привезъ медъ Жилкинъ не одинъ, а съ товарищемъ какимъ-то, невѣстнымъ ему ни по имени, ни по отчеству, что далъ

онъ имъ за тотъ медъ ассигнаціями двадцать пять рублей, да два полштофа водки магарычу поставилъ.

Удичала Жилина и жена сбитушника, что нивши магарычъ, говорилъ онъ съ товарищемъ своимъ непристойныя слова, поминая пчельникъ Анкудима, похвализя подобрить дѣломъ, да впродъ грезилъ заположить не только что всю слободу Заварику, а и городъ самый.

Отвѣчалъ на улики Жилинъ:

— Пьяны что ли вы, али только безумны, что на меня такую околесицу несете. Ништо погубить хотите? Бѣлены что-ли объѣлись? Чудные они, я вижу, вание благородіе, городятъ сами не знаютъ что. Вишь ты палорѣка привелъ я какого-то! Да ты покажь мнѣ его спервоначалу, да тогда и удичай. Я, вание б-діе, одно скажу, какъ впродъ Богомъ, такъ и передъ вами: знать ничего не знаю, и икъ пустыя слова и слушать совѣтъ не хочу: потому мнѣ надо на кого бѣду вса-до свою свалить.

Сиракивали Жилина присяжные люди:

— Такъ ты, парень не бывалъ на баварѣ-то? Съ Дятловымъ въ Разуваѣ не былъ?

— Ништо вы пили тамъ? То-то я гляжу на васъ, анъ у васъ и разуму-то совѣтъ мѣтъ, по Разуваямъ весь его разтрамжирили.

— Али мы изъ-за тебя душу убить хотимъ? присягу на себя ложно взяли?

— Знамо дѣло — ложно, коли клевету говорите.

— Да ты вишь сколько насъ здѣсь, не одинъ человекъ. Вова Марѣну-то помитай всамой десятокъ

поиола, умирать надоть скоро, не захочетъ на старости лѣтъ изъ тебя, парень, души ломать.

— А ты думаешь у меня эдакой-то бороды какъ у Парфена не будетъ? Христопродавничать-то что съ бородой, что безъ бороды — все одно.

— Ты, парень, говори, да не заговаривайся. Шу-стеръ больно сталъ, то-то за шустрость видно тебя и начальство полюбило, каменны палаты для вашего брата построили.

Чѣмъ дальше шло слѣдствіе, тѣмъ все больше на Жилина уликъ открывалось, да не больно епирался онъ на эти улики; на одномъ стоялъ, что всё клевету на него несуть.

Мать Жилина нужно было спросить: правда ли, что онъ дома былъ, когда чуть ли не весь міръ показываетъ, что видѣлъ его съ Дятловымъ въ кабацѣ пьющимъ. Мать Жилина была старуха лѣтъ шестидесяти, худая такая, высокая. Все охала она, да на немочь ссылалась, только глаза ея зорко смотрѣли, изъ подъ опустившагося платка, словно насквозь хотѣли видѣть, узнать какая судьба сыну ея грозитъ. Голосъ у ней сначала совсѣмъ былъ старушечій: дребезжащій, разбитый.

— Дома, родимый, былъ. О-о-хъ! никуда-те не выходилъ.

— И на базарѣ въ среду не былъ?

— Намъ отъ конхъ достатковъ по базарамъ-то шпаться. Ты чай видѣлъ хоромы-то наши. Каки намъ базары! Пустое на него городать; знамо челоуѣкъ онъ у меня молодой, такъ его и забираютъ.

Священникъ на ту перу случился; онъ сталъ уговаривать старуху, и такъ онъ ее уговаривалъ, что будто по книгѣ вычитывалъ: о старости припоминалъ, что вогдѣ скоро съ земной жизнью разставаться пора, а тамъ диаволъ всякія мученія уготовилъ тому, кто неправду говоритъ, огнь вѣчный, жупель мнищій, клещи раскаленные; о рай тоже толковалъ. Ужь очень хорошо выходило. Старуха пуще прежняго вѣдыхала, особенно какъ до жупела да до клещей раскаленных дѣло дошло.

Священникъ кончилъ свои слезопрошибательныя рѣчи.

Нѣту-ти, батюшка, не былъ. Какъ есть не бывалъ, заключила мать Жилина его длинную проповѣдь. Очнувъ ставку и ей приходилось давать съ присяжными людьми. Стали ее уличать, что сына оберегати, душу свою она на старости лѣтъ губить. Мгнута пять: слушала старуха уличенія: все пронзительный становился взглядъ ея, да губы сжимались.

Странная перемѣна совершилась въ старухѣ: по прошествіи этихъ пяти минутъ: ее узнать было нельзя, точно переродилась она. Старуха выпрямилась, голосъ ея приобрѣлъ силу, глаза засверкали. Предо мной стояла мать, у которой кровнаго дѣтеныша отнимали, и рѣшилась она не отдавать его за какую ни на есть цѣну.

— Да что ты все ихъ-то, окаянныхъ, слушаешь? Ништо я крестъ за дѣтища цѣловать не буду? Ништо мукъ убоюсь? Пей мою кровь, коли хошь, не замай его, не людоедъ онъ какой. Ты меня къ алтарю божь-

ему веди, я и тамъ тожъ за него говорить буду. Да глаза мои пущай лопнутъ, окаянныя утробу растерзаютъ, коли солгала что я!

Старуха лгала, но она была мать: передъ этой ложью преклоняются, съ ней никакихъ мукъ не боится, на смерть идутъ.

Жилинъ избралъ себѣ благодѣтельную часть, замирающую во всемъ: къ концу слѣдствія противу него уликъ и доказательствъ много скопилось; совсѣмъ запутался человѣкъ; но долго разбиралъ ихъ судъ и ворѣшилъ: «оставить-де въ подозрѣніи». Только не долго походилъ Жилинъ на свободѣ: не жилось кантонисту въ вольномъ міру, — пошелъ скоро по казанской дорожкѣ.

Медъ былъ возвращенъ хозяину; но увидѣвъ его, не прежнему, какъ ребенокъ, заплакалъ Анкудинъ. Пряхотъ пошло его богатство. Заросла густой травой Анкудинова пасѣка, пчелы гудящими роями не выются надъ ней, неся со всѣхъ сторонъ душистый медъ, да радуя сердце хозяйское работой своей безустанной. Смени воровскія рули мужническое добро.

САДОВОДЪ-ГУЛЯЙ.

Digitized by Google

САДОВОДЪ-ГУЛЯЙ.

Если есть нѣкоторые преступленія, которыя вовсе не поддаются анализу, если въ другихъ по запутанности интриги, по сложности входящихъ мотивовъ и числу участвовавшихъ трудно услѣдить за ядромъ и развитіемъ послѣдующей драмы, — то взаимѣнъ есть и такого рода преступленія, въ которыхъ основная мысль проходитъ почти наглядно черезъ всю послѣдующую цѣпь событій и развязка, какъ заключеніе строгаго логическаго вывода, готовится наглядно. Къ послѣдняго рода преступленіямъ можно отнести преступленіе совершенное Воротиловымъ.

Воротиловъ крестьянинъ села Хвостихи, имѣнья фабричнаго (солдатскія сукна выдѣлывались) арендовавшаго купцомъ Чижовымъ. Во время существованія крепостнаго права (къ послѣднему періоду его относится преступленіе Воротилова) фабричныя имѣнія, арендуемыя посторонними лицами, находились (въ большихъ стѣхъ) въ положеніи гораздо худшемъ, чѣмъ имѣнія,

управляемые самими владельцами. Арендаторы, принимавшіе имѣнья на извѣстные сроки, на правахъ полной собственности, смотрѣли на имѣнья съ чисто «коммерческой» (употребляю здѣсь это слово, предполагая что каждый читатель знаетъ какое значеніе придается ему въ нашемъ «коммерческомъ» мірѣ) точки зрѣнія: я затрачиваю свой капиталъ, срокъ контракта долженъ окончиться тогда-то: въ продолженіе этого періода моя обязанность пріобрѣсти на капиталъ наиболѣе высокій процентъ. О положеніи арендуемаго имѣнія послѣ сдачи арендаторы не имѣли побудительныхъ причинъ заботиться. И вообще гнетъ-то, проистекающій изъ экономическихъ 'разчетовъ, есть самый тяжкій изъ всѣхъ гнетовъ: лицо зависимое превращается въ мертвый товаръ, въ собраніе грошей, рублей, выжать наибольшую часть которыхъ въ интересъ капиталиста. Здѣсь, съ математической точностью, хладнокровно, безъ увлеченій и размаховъ, безъ отдыха и перемѣжекъ высасываются жизненные соки; здѣсь каждая лишняя капля крови прибавляетъ и лишній процентъ къ капиталу, а потому надъ ней дрожать, ее зорко, неутомимо выглядываютъ. Въ нашихъ же фабричныхъ имѣніяхъ тяжесть экономического гнета еще болѣе увеличивалась вслѣдствіе причинъ, проистекающихъ прямо изъ личностей большинства арендаторовъ. Грубые, необразованные, смаклавшіе состояніе всѣми правдами и неправдами, прошедшіе и идущіе черезъ слой грязи и униженія, они свою гадкую жизнь вымещали на крестьянѣхъ: разоряя, они еще безчинствовали.

Къ числу подобныхъ арендаторовъ принадлежалъ Чижевъ. Въ купцы онъ выбрался изъ дворовыхъ обыкновеннымъ путемъ: его выучили грамотѣ, посадили въ контору сначала лицомъ подначальственнымъ, сдѣлали потомъ конторщикомъ, затѣмъ управляющимъ и потомъ уже въ награду долгой и вѣрной службы отпустили на волю. Во время своего конторства и управленія Чижевъ сколотилъ значительный капиталъ и по отпускѣ на волю занялся знакомымъ ему дѣломъ — арендованіемъ суконныхъ фабрикъ, доставлявшихъ по случаю войны громадныя барыши. Скрыга, какъ кощей, жестокій, какъ человекъ, испытавшій на самомъ себѣ многое и воспоминаніемъ вынесшій изъ жизни одну способность — вымещать на другихъ собственное прошедшее, поставившій себѣ цѣлью наживать и наживать, не разбирая средствъ, не внимая ни стонамъ, ни слезамъ, Чижевъ былъ дѣйствительно бичомъ для несчастныхъ фабричныхъ. Жизнь подъ Чижевскимъ управленіемъ хвостищенскимъ фабричнымъ была столь тяжкой, что они не разъ пытались отъ нея избавиться. Однажды Чижевъ сидѣлъ въ кабинетѣ и сводилъ счеты, — изъ глубины темнаго сада раздался выстрѣлъ и пуля просвистала надъ самой головой арендатора; — въ другой разъ фабричный сидѣлъ цѣлый день подъ мостомъ, ожидая обычнаго прохода Чижева, — но покровительствуемый судьбой Чижевъ и на этотъ разъ спасся отъ грозящей ему участи.

Но общая ненависть не исчерпалась въ этихъ двухъ протестаціяхъ: она только затаилась, ждала случая, чтобы еще сильнѣе высказаться.

Къ хвостищенскимъ крестьянамъ принадлежалъ Воротиловъ. Ни рука Чижова, ни тяжелая фабричная работа не могли сломить эту натуру, не могли даже на внѣшность ея положить печать приниженности.

Въ Хвостихѣ прежде фабрики не было, — крестьяне частью пахали землю, частью расходились на заработки по сосѣднимъ мѣстностямъ и преимущественно на двѣ татарскія фабрики, содержимыя вольнонаемнымъ трудомъ. Владѣлецъ Хвостихи въ видахъ увеличенія доходовъ съ имѣнья выстроилъ фабрику и передалъ ее Чижову. Первымъ дѣломъ Чижовъ возвратилъ въ имѣнье всѣхъ оброчныхъ, въ числѣ которыхъ находился и Воротиловъ, бывшій до того ткачемъ на суконной фабрикѣ татарина Бабаева. Бабаевская фабрика той мѣстности, о которой идетъ рѣчь, извѣстная отличнымъ устройствомъ и довольствомъ рабочихъ, вслѣдствіе чего на ней предложеніе рабочей силы всегда превышаетъ спросъ, что однакожь ни разу не дало поводъ Бабаеву понизить заработную плату. Понятно, какъ рѣзокъ долженъ былъ показаться Воротилову переходъ отъ вольнаго житья на бабаевской фабрикѣ къ каторжному на чижовской. Чижовъ не принялъ этого въ расчетъ; напротивъ, на всѣхъ фабричныхъ, работавшихъ у Бабаева, какъ наиболѣе искусныхъ, онъ налегъ даже сильнѣе, чѣмъ на прочихъ. Взявши огромную поставку сукна, Чижовъ ввелъ такое урочное положеніе, что дневной работы человѣка, вознаграждаемой бѣдной «мѣсчиной» и копѣйками, нехватавшими на рубище, съ лихвой бы стало на пару здоровенныхъ ломовыхъ лошадей. Отсюда прямымъ послѣд-

ствиемъ явилось съ одной стороны: воровство, забитость, грубость, страшное истощеніе, пьянство (когда представлялась возможность стащить чтонибудь съ фабрики), попытка преступленіемъ ибавиться отъ тяжелой жизни; съ другой — извѣстнаго рода внушенія, дѣлавшія положеніе дѣлъ съ каждымъ днемъ невыносимѣе. Больше другихъ и постояннѣе «грубіянилъ» Чижову и поставленнымъ отъ него начальственнымъ лицамъ Воротиловъ, больше другихъ на его долю приходилось и «внушеній.» Чижовъ въ этомъ случаѣ дѣйствовалъ подъ вліяніемъ двухъ силъ: во первыхъ — изъ чисто экономическаго расчета, — Воротиловъ имѣлъ что называется «золотыя руки» и Чижову, какъ капиталисту, хотѣлось приурочить къ себѣ эти неподатливыя руки, сдѣлать изъ нихъ неустанно работающую машину, отдѣлить ихъ отъ общаго проявленія жизни, — во вторыхъ изъ нравственнаго, или точнѣе глубоко безнравственнаго побужденія: Чижову хотѣлось сломить Воротилова, какъ личность, выходящую изъ уровня забитыхъ фабричныхъ, какъ представителя недовольства и ропота. Неподатливо смѣлая фигура Воротилова колола глаза стараго «кулака»; воротиловскія, вольныя рѣчи выводили изъ терпѣнія арендатора. Почти съ перваго дня Чижовъ и Воротиловъ возненавидѣли другъ друга, стали готовиться къ упорной борьбѣ и я увѣренъ, что если бы эта борьба окончилась скорымъ и полнымъ торжествомъ Чижова, то она доставила бы ему меньшую радость, чѣмъ можно предполагать съ перваго взгляда. Господство надъ пассивной покорностью, какъ всякое однообразіе, надоѣдливо; слаще встрѣчать въ

забитой средѣ явленіе протестующее: тогда есть по-
крайней мѣрѣ съ кѣмъ бороться, есть возможность
сознавать и радоваться, что вотъ-де какой я могучій че-
ловѣкъ, хоть и выходятъ супротивъ меня, а все я ока-
зываюсь силой, все въ концѣ концовъ ломлю враговъ
моихъ. Это своего рода жизненный импульсъ для де-
спотическихъ натуръ. Подъ дѣйствіемъ подобнаго им-
пульса Чижевъ въ толпѣ фабричныхъ рабочихъ почти
невольно перваго всегда отыскивалъ Воротилова и не
найдя его на мѣстѣ, подъ вліяніемъ злой радости, что
снова можно придратъся, злобствовать надъ человѣкомъ
забывалъ свой скряжническій расчетъ — потерю ра-
бочаго дня.

Мы пропускаемъ здѣсь тотъ длинный рядъ мелкихъ
и крупныхъ угнетеній и придинокъ къ Воротилову, въ
которыхъ сосредоточенно-неугомонно сказывалась дес-
потически-скарредная душа Чижева и подъ вліяніемъ
которыхъ ненависть все глубже и глубже пускала кор-
ни въ сердцѣ Воротилова, скажемъ только одно—поле
битвы на первый разъ осталось за торгашемъ-аренда-
торомъ. Воритиловъ, послѣ четырехъ лѣтъ жизни въ
Хвостихѣ, бѣжалъ. Вслѣдствіе какихъ причинъ онъ
прежде воздерживался отъ этого характернаго прояв-
ленія народнаго протеста?

«Чай тоже живой я человѣкъ, жена есть, дѣти,»
коротко отвѣтилъ Воротиловъ на этотъ вопросъ.

Въ бѣгахъ находился Воротиловъ года полтора, за-
тѣмъ былъ пойманъ и засаженъ въ острогъ, въ остро-
гѣ «опознанъ» своимъ же односельцемъ и выданъ.
Навели справки, показаніе односельца оказалось спра-

ведливымъ и Воротилова препроводили въ мѣсто жительства, къ другу и пріятелю первогильдейскому купцу Феногену Петровичу Чижову.

По возвращеніи Воротилова на родину, началась прежняя тяжолая фабричная жизнь съ чижевскимъ тиранствомъ и насмѣшничествомъ; но полтора года бродяжнической жизни даже для натуръ болѣе апатичныхъ, болѣе способныхъ свыкаться съ горькой участью, чѣмъ воротиловская, даромъ, безслѣдно не проходятъ. Бродяга перелетная птица; въ его скитаньяхъ по бѣлому свѣту, въ постоянствѣ опасностей, въ безподначальственности слагается, крѣпнеть личность. Тѣ условія жизни, съ которыми повидимому мирится человѣкъ, ниразу некрестившійся въ Ивана — Непомнящаго родства, для бродяги положительно становятся невыносимыми. Правда, бродяга терпитъ голодъ, холодъ, жажду, зной, какъ дикій звѣрь скрывается по трущобамъ отъ людскаго глаза, насильственно давить въ себѣ нестерпимый крикъ боли, но тѣмъ не менѣе въ жизни бродяги есть одна сторона, во имя которой люди бросаютъ семьи, разрываютъ связь съ обществомъ, пускаются въ безвѣстно-безпредѣльный путь, полный всевозможныхъ лишеній. Эта сторона заключается въ томъ, что грудь бродяги дышетъ вольнымъ воздухомъ; съ нимъ вездѣ идетъ хоть и отказавшаяся отъ имени и отчества, но все же существующая, незатертая его личность. Этого вольнаго воздуха понабрался во время скитаній довольно и Воротиловъ. До бродяжничества Воротиловъ только грубѣе другихъ фабричныхъ отвѣчалъ Чижову, рѣже просилъ помилованія при вну-

шеніяхъ, да чаще пропивалъ хозяйское добро, но никто не видѣлъ въ немъ мстителя за понесенныя обиды, теперь же съ возвращеніемъ Воротилова на деревнѣ все чаще и чаще стали поговаривать, что Чижову не сдобровать отъ вновь закабаленнаго бродяги. И въ пьяномъ и въ трезвомъ видѣ у Воротилова только и рѣчей было, что нора міру перестать обиды терпѣть, что когда нѣтъ другой расправы на Чижова, такъ свою можно придумать. Разъ нѣсколько подвыпившихъ фабричныхъ собралось въ застольной. Ругали конечно Чижова. Воротиловъ не выдержалъ, съ языка его сорвалось быть можетъ давно затаенная дума:

— Не жить видно, братцы, промежъ васъ моей головѣ! Близо ли, далеко ли, только упысь я его кровью окаянной!

Воротиловскія угрозы конечно не были тайной для Чижова; онѣ мало по малу открывали арендатору глаза, заставляли подумывать какъ бы не нажать великой бѣды съ бродягой. Не предпринимая еще никакихъ мѣръ къ удаленію Воротилова изъ Хвостихи, Чижовъ сталъ плотнѣе запирать ставни, каждый вечеръ производилъ осмотръ дома, наказывалъ караульнымъ возможно чаще перекликаться другъ съ другомъ, даже въ сумерки не выходилъ безъ провожатаго, въ головахъ его кровати появилась двустволка, заряженная жеребьями. Вообще въ воздухѣ стало пахнуть развязкой, скорой встрѣчей лицомъ къ лицу двухъ враговъ, у которыхъ каждая капля крови была пропитана, отравлена ненавистью. Туча была достаточна наэлектризована.

Степень электричества между прочимъ показывало и слѣдующее, повидимому довольно странное обстоятельство, бросавшееся въ глаза такимъ наблюдателямъ, которые не особенно тщательно слѣдили за развитіемъ драмы: недѣли за двѣ до вторичнаго бѣгства, Воротиловъ сталъ избѣгать встрѣчъ съ Чижевымъ, работалъ прилежнѣе, пересталъ мутить міръ своими похвalebными рѣчами; Чижевъ же вовсе не придирался къ нему. Чѣмъ объяснить подобное явленіе? Какой смыслъ заключался въ немъ?

Только что сразившіеся враги отдыхаютъ, приготавлиются къ послѣдней битвѣ, въ короткій промежутокъ имъ оставленный ни тотъ ни другой не произносятъ ни одного слова, не дѣлаютъ ни одного жеста, могущаго оскорбить торжественность готовящейся встрѣчи, ихъ видимое спокойствіе, — напряженное затишье природы передъ страшнымъ, долженствующимъ скоро разразиться громовымъ ударомъ, ихъ отдыхъ — сосредоточіе въ одномъ фокусѣ всей нервной дѣятельности, всѣхъ жизненныхъ отправленій; подобнаго спокойствія и отдыха хватаетъ только на весьма короткое время, иначе въ немъ можно задохнуться, артеріи могутъ лопнуть. Таково было значеніе послѣднихъ спокойныхъ минутъ: Воротиловъ и Чижевъ: они готовились.

Слова вырвавшіяся у Воротилова въ застольной, служили первымъ признакомъ того, что дальше подобное положеніе продолжаться не можетъ. Слова эти были конечно переданы Чижову, они окончательно открыли ему глаза, показали, что долго натягиваемая струна

больше не выдержать. На другой день, послѣ признанія своего въ застойной, Воротиловъ былъ взятъ съ фабрики и засаженъ въ арестантскую, и въ тотъ же день Чижевъ послалъ въ городъ съ нарочнымъ письмомъ къ владѣльцу фабрики, гдѣ прописывалъ всѣ грубѣйшества Воротилова и кроткія мѣры, предпринимаемыя «къ укрощенію столь звѣрообразныхъ и даже, можно сказать, вполне мужицкихъ поступковъ Воротилова.» Письмо это заканчивалось просьбой разрѣшить ему отдать Воротилова «въ солдаты, а еще тѣмъ паче было бы деликатнѣе сослать его на поселеніе, ибо такой злобный человѣкъ, каковъ есть Воротиловъ, можетъ учинить побѣгъ изъ военной службы и пожаромъ или инымъ злодѣяніемъ нанести не малый ущербъ вашему достоянію.»

Воротиловъ не дождался рѣшенія своей участи: онъ выломалъ рѣшетку и вторично бѣжалъ. Вздрогнуло сердце Чижева при полученіи этой вѣсти.

Прошелъ годъ послѣ бѣгства Воротилова изъ Хвостихи; объ немъ не было ни слуху, ни духу, Чижевъ страшно боявшійся сначала, началъ мало по малу успокоиваться и все рѣже и рѣже осматривалъ курки у двустволки. Но врагъ притаился близко, ближе чѣмъ предполагалось.

За недѣлю передъ лѣтнимъ Николай, старикъ Чижевъ поѣхалъ въ городъ за полученіемъ изъ казначейства денегъ двадцати трехъ тысячъ за поставленные сукна. Отпраздновавши въ городѣ новоселье дома, купленного для сына (сынъ у старика былъ человѣкъ тихій и смирный), старикъ вмѣстѣ съ сыномъ

отправились обратно въ Хвостиху. Денегъ съ ними были до тридцати тысячъ, для безопасности (дорога хоть и близкая, но приходилась лѣсомъ) въ повозку положены были пистолетъ, кинжалъ и двустволка. Чижовы ѣхали на своихъ лошадяхъ.

На Николу въ городъ пришло извѣстіе, что Чижовы ограблены и убиты въ Брежинскомъ лѣсу. Дѣло громкое, наряжена была тотчасъ же комиссія, съ непремѣннымъ заказомъ отыскать виновныхъ.

Засѣла комиссія въ Хвостихѣ и стала чинить розыскъ. Тянула она къ дѣлу многихъ, а какъ спрашивала, сейчасъ узнаете:

Показывалъ потомъ при переслѣдованіи крестьянинъ Бирюковъ:

«А взялъ я на себя убійство Чижовыхъ, отъ нестерпимыхъ мукъ, чинимыхъ мнѣ. Кормили меня рыбой соленой, пить не давали, крутили мнѣ руки веревкой, да къ палатному брусу притягивали: Трижды сѣкли меня на допросахъ.»

Справедливость словъ Бирюкова подтвердилось потомъ при изслѣдованіи дѣла.

Розыскъ свой комиссія чинила частью въ избѣ, частью въ банѣ.

Комиссія достигла своей цѣли: недѣли черезъ двѣ, послѣ открытія своихъ дѣйствій, она отапортовала по начальству, что убійцами Чижовыхъ, «по добровольному» сознанию, оказались крестьяне села Хвостихи: Никита Бирюковъ, Дмитрій Савельевъ Струбовъ и Иванъ Панфиловъ безъ прозванья. Только одинъ вопросъ не былъ разъясненъ комиссіею: гдѣ ограб-

ленные деньги? — Спрошенные объ этомъ «преступники» отвѣчали различными небылицами, — водили слѣдователей по гумешникамъ, по лѣсу, заставляли рыть землю, подымать половицы. Неуспѣхъ своихъ розысковъ комиссія приписала конечно упорству убійцъ. Поводомъ къ открытію истины были, по донесенію комиссія, строптивый характеръ Бирюкова и найденная при обыскѣ съ кровяными пятнами рубаха и портки, которыя Бирюковъ приказывалъ женѣ тщательно вымыть для сокрытія слѣдовъ преступленія.

Спрошенные Бирюковъ и жена его: откуда взялись кровавыя пятна? отвѣчали сначала, что по случаю хромоваго праздника Никола, былъ заколотъ баранъ и кровь его попала на одежду, но потомъ оба сознались, что кровь эта принадлежитъ Чижовымъ.

Другіе соучастники были уже выданы Бирюковымъ, всѣ они весьма подробно описали ходъ убійства; конечно въ ихъ словахъ были нѣкоторыя противорѣчія, на примѣръ относительно времени сговора на убійство, мѣста послѣдней сходки, орудій, которыми совершено убійство, количества денегъ, доставшихся на долю каждаго изъ убійцъ, но на эти противорѣчія, какъ не лишающія силы самаго сознанія, не было обращено вниманія и всѣ они были опять отнесены къ неполной раскаянности преступниковъ. Въ своихъ донесеніяхъ комиссія вывела одно весьма важное, обстоятельство: убійца Дмитрій Струбовъ, послѣ принесенной повинной, выпрыгнулъ въ окно (почему-то онъ не былъ скованъ) и побѣжалъ къ пруду топить. Его устигла на самой плотнѣ. Спрошенный объ этомъ впоследствии,

Струбовъ отвѣчалъ почти тѣми же словами, что и Бирюковъ.

Комиссія жила въ Хвостихѣ послѣ признанія убійцы цѣлый мѣсяцъ, но денегъ не находила.

Въ воспоминаньяхъ Хвостищенскихъ крестьянъ долго сохранится этотъ мѣсяцъ. Никто не зналъ, кого завтра призовутъ на судилище, кого потянуть къ допросамъ. Совсѣмъ въ адъ превратилась Хвостиха, въ адъ молчаливый, угрюмый, изъ одного уголка котораго вырывались пронзительные, потрясающіе стоны... Дошли наконецъ эти стоны до того, кто зналъ убійцу.

Нежданно-негаданно явился въ комиссію ткачъ Николай Савельевъ Требуховъ и показалъ:

— Забранные люди, односельцы мои Бирюковъ Никита, Струбовъ Дмитрій и Иванъ Панфиловъ въ убійствѣ и ограбленіи купцовъ Чижевыхъ невиновны и убійцу подлинныхъ не знаютъ, потому въ союзъ съ ними не состояли. Изъ всей вотчины только одинъ я и есть человѣкъ, который грабителей знаетъ, ибо въ избѣ моей до преступленія своего они и скрывались.

— Кто же они? спрашивали Требухова.

— Односелецъ нашъ Федоръ Захарьевъ Воротиловъ да человѣкъ, прозывавшійся мѣщаниномъ, Харлампіемъ Ивановымъ Малышевымъ.»

Стала въ тупикъ комиссія передъ признаніемъ и открытіемъ Требухова, прозрѣло и начальство, что во всемъ этомъ дѣлѣ скрывается что-то неладное, что не могутъ же люди задаромъ принимать на себя тяжкое преступленіе и всѣ послѣдствія его. Прозрѣло и, въ занятъ прежнихъ слѣдователей, послало новыхъ.

Открытіе Требухова бросало новый свѣтъ на преступленіе. Спрошенный вторично, Требуховъ не отказался отъ своихъ словъ, напротивъ еще съ большей ясностью описалъ весь ходъ заговора, описалъ, какъ цѣлый мѣсяцъ, въ верхней свѣтлицѣ, скрывались у него Воротиловъ и Малышевъ, какъ послѣ неуспѣшныхъ подговоровъ его принять непосредственное участіе въ убійствѣ и ограбленіи Чижовыхъ, они отправились вдвоємъ, запасшись напередъ кистенями... Но являлся вопросъ: гдѣ взять лицъ, указываемыхъ Требуховымъ? Навели справки объ Малышевѣ по мѣсту его жительства: оказалось, что дѣйствительно такой человѣкъ въ мѣщанскомъ обществѣ имѣется, но что занимаясь разными промыслами, онъ взялъ годовой билетъ и въ настоящее время находится въ неизвѣстной отлучкѣ. Спросили жену Малышена о мѣстопробываніи мужа, она отвѣтила, что дѣлъ его не знаетъ и куда отлучается онъ никогда ей о томъ не говоритъ.

Во время собиранія справокъ о мѣстопробываніи Малышева и Воротилова въ Хвостиху пріѣхалъ конторщикъ сосѣдняго села Куломзина и заявилъ, подъ присягой, что, бывши по барскимъ дѣламъ въ Москвѣ, онъ встрѣтилъ Воротилова на одномъ изъ постоянныхъ дворовъ и, хотя съ нимъ въ разговоры не входилъ, но въ лицо узналъ его весьма хорошо.

Для отысканія Воротилова въ Москвѣ посланъ былъ опытный полицейскій чиновникъ.

Мы не можемъ удержаться, чтобы не ввести здѣсь разсказъ этого чиновника объ обратномъ пути его изъ Москвы выѣстъ съ Воротиловымъ.

«Вмѣсто команды мнѣ дали полицейскаго солдата, котораго на одинъ щелчокъ Воротилову не хватить. Самъ я тоже человѣкъ рыхлый. Думаю: дѣло плохо—или самаго тебя начальство на цугундеръ потянетъ, что разбойника упустилъ, или онъ тебѣ рецептъ пропишетъ. Какъ тутъ быть? Не попробовать ли лаской дѣла обдѣлать? Сталъ я ублажать Воротилова, ласы съ нимъ разводить, чаи распивать, водкой въ другой разъ подчивать. Вижу: парень поддается: шолковый совсѣмъ сталъ... Однако, какъ стали выѣзжать изъ Москвы, беретъ меня сомнѣніе: убѣжить Воротиловъ. Чтобъ на душѣ хоть немного было легче, велѣлъ я солдату набить на Воротилова наручни и ножныя кандалы. Набили. Воротиловъ мнѣ и говоритъ, сняли бы вы эти браслеты съ меня, не убѣгу я отъ васъ, потому человѣкъ вы обходительный, и губить васъ черезъ себя мнѣ нежелательно.» А я ему смѣхомъ: «вѣрю де, Федоръ Захарычъ, да все какъ то на душѣ покойнѣе; какъ вижу кандалы на тебѣ, думается меньше.» «Ну, говоритъ, это ваше дѣло, какъ знаете, такъ и дѣйствуйте.» Не успѣли мы полстанціи отъ Москвы сдѣлать, поднялась такая мятель, что страсти божіи. Вижу, цѣликомъ, по рыхлому снѣгу ѣдемъ. Говорю ямщику: «не сбились ли мы съ дороги?» а онъ только въ затылкѣ чешетъ: сбились-де... Стали лошади... Ждали мы, ждали; мятельца все пуще задуваетъ, что дѣлать?.. Велѣлъ я ямщику дорогу искать. Будочникъ тоже говоритъ: «я изъ тутошнихъ, улусы всѣ знаю, позволь и ему дорогу отыскивать.» Ну думаю, была не была, лучше

за Воротилова отвѣчать, чѣмъ въ степи замерзнуть: услалъ и солдата. И остались мы съ Воротиловымъ вдвоемъ. Теперь даже, какъ подумаю объ этой минутѣ, такъ не малый страхъ беретъ, а тогдашній и описать невозможно: то въ ознобъ меня бросаетъ, то въ жаръ, потъ изъ-подъ мышки такъ и катится... И шельма же этотъ Воротиловъ! спалъ ли онъ дѣйствительно, какъ всѣ мы вмѣстѣ были или притворялся, только, какъ ушли будочникъ съ ямщикомъ проснулся. «Что, говорить, ваше б-діе, одни знать мы остались.» «Одни, говорю.» «А ну, Алексѣй Алексѣичъ, если мнѣ лынка захочется задать, такъ пожалуй браслеты то и не помогутъ, а коли и помогутъ, такъ не вамъ, а мнѣ.» А самъ все смѣется: «эта, говоритъ, пристяжная-то никакъ лошадь добрая!» Онъ, разбойникъ, смѣется, а у меня отъ его смѣху языкъ прилипъ къ гортани, потому чортъ одинъ разберетъ, что онъ въ умѣ держитъ, треснетъ меня кандалами да и былъ таковъ. «Что, говорить, испужались? Ну да ничего: сказано, что отъ васъ не убѣгу, и не убѣгу, вы это знайте.» И съ этими словами на другой бокъ повернулся и захрапѣлъ ужъ точно. Немного погода ямщикъ пришолъ, дорогу отыскалъ. Съ этой самой минуты пересталъ я бояться Воротилова, вплоть до самаго города безъ кандаловъ онъ со мной ѣхалъ.» «По истинѣ говорю, закончилъ полицейскій чиновникъ свой рассказъ о путешествіи съ Воротиловымъ, много перебивало у меня въ рукахъ всякаго народа, восемнадцать лѣтъ съ ихнимъ братомъ вожусь, а такого случая еще ни разу не выходило.»

Полицейскаго чиновника нельзя было заподозрить въ пристрастіи къ Воротилову.

И такъ, благодаря умѣнью обращаться съ людьми полицейскаго чиновника и крѣпости слова Воротилова, послѣдній былъ доставленъ въ сохранности во вновь составленную комиссію.

Успѣли ли предупредить Воротилова, какимъ образомъ пало на него подозрѣніе въ убійствѣ и ограбленіи Чижовыхъ, или тутъ дѣйствовали какія либо другія причины, неизвѣстно, только Воротиловъ повелъ дѣло на прямикъ.

Воротиловъ ни для оправданія своего преступленія, ни для приданія ему другаго смысла, кромѣ въ немъ заключающагося, не пускался въ юридическія тонкости (научиться которымъ онъ могъ во время своихъ странствованій подъ именемъ Ивана-Непомнящаго родства) и въ діалектику: — въ немъ прежде всего, на первомъ планѣ, проглядывало совершенно опредѣленное сознаніе, порѣшонной собственнымъ судомъ, истинной стоимости преступленія. Пора колебаній и уступокъ для него давно уже прошла, преступленіе приняло точныя, рѣзко очерченныя формы. По всей вѣроятности страхъ приговора и наказанія имѣли значеніе и въ глазахъ Воротилова, — но онъ ни разу не высказалъ его. Большинство преступниковъ при слѣдствіи или стушоваваются, теряются, или стараются взять напускной дерзостью, естественными умѣютъ быть немногіе. Воротиловъ же не унижался и не храбрился: онъ говорилъ, какъ бы отчеканивая каждое слово; нить событія была ясна для него, онъ не те-

рялъ ее изъ виду и не старался, чтобы другіе потеряли.

Такъ началъ свою рѣчь Воротиловъ:

— Напередъ вашимъ благородіямъ говорю, ничего-то вы изъ меня строгостями не подѣлаете, — жимиши подъ Чижевымъ притерпѣлся я къ нимъ довольно. Ласковымъ словомъ меня спрашивайте, тогда можетъ что такое скажу, что на правду походить будетъ, а не то бѣдовъ со мной наживете, хоша какъ Струбовъ топиться я и не побѣгу.

Нова и вразумительна была рѣчь Воротилова, но скорѣе старались убѣдить его, что бояться ему нечего, что какъ бы ни скрывалась, ни уродовалась имъ истина, но другихъ способовъ, кромѣ убѣжденія для открытія употреблено не будетъ, да и быть употреблено не можетъ, потому что всякія притѣсненія закономъ строго запрещены.

— Бояться то мнѣ и нечего, потому передъ Богомъ кто еще виноватъ будетъ, онъ не понашенски дѣла разбираетъ, а объ судѣ еще впереди рѣчь поведется. Можетъ и недоживемъ до него, — а коли и доживемъ, такъ тогда и подумаемъ.

Воротилова начали спрашивать объ обстоятельствахъ, предшествовавшихъ и сопровождавшихъ его бѣгство изъ Хвостихи.

— Бѣжалъ я въ другой разъ изъ Хвостихи отъ тѣхъ же нестерпимыхъ обидъ, что и допрежъ того испыталъ отъ Чигова не мало. Обидъ тѣхъ сказывать не буду потому самому, что и знать-то вамъ ихъ не зачѣмъ, да и Чигова старика изъ земли къ отвѣ-

ту не подынешь. Стало, какой толкъ изъ того будетъ, что я, какъ баба глупая, попусту болтать начну?

Напрасно слѣдователи старались доказать Воротилову, что обнаруженіе явственности и мѣры чижевскихъ «обидъ» — какъ обстоятельство уменьшающее значеніе послѣдующихъ фактовъ, можетъ послужить въ его пользу. Воротиловъ оставался глухъ къ этимъ убѣжденіямъ и не передавалъ ни одной «нестерпимой обиды», понесенной имъ отъ Чижова, — помимо его уже старались уяснить подготовительное развитіе преступленія.

— Бѣжалъ я, продолжалъ показывать Воротиловъ, — изъ Хвостихи, какъ теперича помню, подъ субботу и никто въ моемъ побѣгѣ, кроме меня, не виновенъ. Знавши меня, Чижевъ покрайности долженъ бы былъ рѣшотку новую въ арестантской вставить, а то и того пожалѣла скаредная душа. Вынули рѣшотку, вылѣзъ я въ окно и пришолъ прямой дорогой къ ткачу Требухову и пробылъ у него чуть ли не цѣлую ночь; — свѣтать ужъ стало, какъ въ путь я отъ него ушолъ. Злобствовалъ я въ эту ночь не мало, такъ не мало, что можетъ и допрежъ сего дня пришлось бы мнѣ браслеты носить, коли бы на тотъ разъ Миколаха не удержалъ. Болталъ мнѣ все Миколаха: «куда те не легкая теперича понесетъ? Сердцовъ своихъ ты не утолишь, а глаза у него зорки, потому около его дому полбарщины стражей стоитъ. Ступай ты на всѣ на четыре стороны, а я тѣ такую пыдулу отпишу: по щучьему велѣнью явись, дѣло приспѣло.» Внялъ я

миколахинскимъ резонтамъ, подумавши: чтожъ я за него, стараго чорта, душу свою задаромъ буду губить? Насмѣется онъ только надо мной пуще прежняго. Потому порѣшили мы: отписать мнѣ черезъ Малышева цыдулой, что значить лиходѣй мой острастки свои бросилъ и поговорить съ нимъ толкомъ можно, начальство противность имѣть не будетъ.

Спрашивали Воротилова: въ эту ли ночь пришла ему первая мысль свести счеты съ Чижевымъ?

Отвѣчалъ Воротиловъ:

— Задумалъ я это самое не вчера и не нынѣ, и не въ ту даже ночь, когда побѣгъ изъ арестантской учинилъ,—а когда, даже и припомнить до подлинности не могу. Полагаю, что въ то самое время, когда старикъ ужъ очень ласковъ со мной былъ, чуть ли не каждый день пиры да банкеты для меня сочинялъ.

Пошолъ Воротиловъ на всѣ на четыре стороны, съ прежде уже носимымъ именемъ — Иванъ-Непомнящій родства.

— Ходилъ я не мало, а гдѣ спервоначалу пристанище имѣлъ, тоже знать вамъ не зачѣмъ, у добрыхъ людей запишите, такъ безъ имени, безъ прозванія. Прошлявшись довольно, думаю: надоть житье себѣ найти, да объ цыдулѣ справки навѣсть. И пошолъ я прямой дорогой къ другу старому — Малышеву Харлампію. Какой же человѣкъ этотъ самый Малышевъ я вамъ скажу: записанъ онъ былъ въ мѣщанахъ двѣнадцать годовъ, хату свою имѣлъ, жену тоже, на посадѣ торговымъ человѣкомъ считал-

ся. Спервоначалу и отъ меня Харлампій таился, только разъ пошли вмѣстѣ въ баню, стали париться мы. Глядь,—а у пріятеля то рубцы во всю спину. Я смѣхомъ ему и молви: что это, Харлампій Ивановичъ, на спинѣ-то у тебя? Словно ты въ болѣзняхъ какихъ находился, али похоже и на то, что палачевская рука тебя гладила? Въ болѣзняхъ, баить, находился. Я и присталъ къ нему: какъ-де такъ? Онъ на сей разъ мнѣ и открылся, взявши зарокъ съ меня языкъ за зубами держать. Я, баить, самъ изъ бѣглыхъ и рубцы у меня не отъ болѣзни, а палачевской руки, только я, дуракомъ отъ рожденія своего не бывши, въ каторгу не угодилъ.

Исторія Малышевыхъ у насъ не на рѣдкость. Случилось, что ловкіе, бывалые люди, нѣсколько разъ мѣнявшіе свои имена, весьма спокойно проживали цѣлые десятки лѣтъ, вплодь до гробовой доски, въ средѣ принявшихъ ихъ обществъ съ фальшивыми паспортами.

— И стоярѣсовая же голова былъ Харлампій! Всему городу на умъ не приходило, что это за человекъ настоящій. «Я, баить, торговецъ!» А торговецъ какой: все больше по чужимъ амбарамъ да клѣтамъ, ночнымъ промысломъ занимается. Поѣдемъ бывало куда (на своей сторонѣ торговали мы рѣдко) у меня спервоначалу сердце замираетъ: и боязно мнѣ, да и не ладно что-то, а Харлампій только смѣется: со мной, толкуетъ, разрывъ трава есть, шапка невидимка, бояться не-почто... И точно куралесили мы не мало, а отъ судей праведныхъ Богъ миловалъ.

Спрашивали Воротилова: чай не съ пустыми руками на промыселъ ходили? Встрѣчи тоже канія случались?

— Это вѣрно, что не съ пустыми руками промыслять ходили, только отъ грѣха тяжкаго Богъ миловалъ. Я бы теперича все сказалъ, потому миѣ все едино: въ отвѣтъ стою. Да и Харлампій на счетъ чужаго добра лють былъ, а на счетъ чего другаго бережливъ: чего, говорить, понапрасну грѣхъ на душу брать, коли такъ обойтись можно.

Харлампіемъ Малышевымъ не ограничивалось городское знакомство Воротилова.

Продолжалъ Воротиловъ:

— Одначе и Харлампій на всему дѣлу не настоящій еще вожакъ былъ. Головой у насъ почитался — Матвѣй Митричь Роговъ, «куриный баринъ» онъ прозывается. Это самый и есть заправскій каштанъ: нюхалъ вездѣ, по судамъ тожъ таскался и товаръ нашъ принималъ, — хоша воровать съ нами и не ходилъ: это, говорить, не моего чину дѣло, — миѣ воровать не приходится.» У Матвѣя Митрича я въ кучерахъ тоже проживалъ, билетъ такой миѣ выправилъ: графа Задунайскаго дворовый человѣкъ.

Покончивъ съ характеристикой Малышева и «куринаго барина», Воротиловъ сталъ въ одну минуту какъ-то особенно серьезенъ, сосредоточенъ.

— Почитай что за мѣсяцъ до Микола-лѣтняго поштой письмо отъ Миколахи пришло, чтобъ-де явился я по уговору. Про Чижова старика отъ меня Малышевъ довольно въ точности все зналъ, — потому, по-

лагая что отъ него пожива не малая будетъ, идти со мной въ скорости согласился. Собравшись съ Харлампіемъ въ дорогу, возчика мы наняли до самаго Крутова села, «куриному же барину» сказали, что по близости ѣдемъ. Ъхали мы до Крутова пятеро сутокъ, возчику тутъ расчетъ дали, а сами лѣсомъ до Хвостихи пѣшкомъ пошли. Обождавши въ лѣсу, кночи пришли въ требуховскую избу. Дорогихъ гостей онъ къ себѣ поджидалъ и мѣсто такое имъ на подволкѣ устроилъ, чтобъ отъ людей добрыхъ таяться можно было. Жили мы здѣсь съ Малышевымъ не сутки и не двое, и хоша Николаха толковалъ, что Чижевъ — старикъ острастки свои бросилъ и что на сей разъ трудовъ большихъ съ нимъ не будетъ, — однако на томъ положили мы: не трудить своихъ рукъ задаромъ.

Спрашивали Воротилова: видѣлся ли онъ, во время житія у Требухова, съ своей семьей?

— Своихъ на ту пору я не видалъ, потому знавши, сколь бабы болтать любятъ, отъ того себя удерживалъ.

По слѣдствію дѣйствительно оказалось, что изъ домашнихъ Воротилова никто не зналъ ни о его пребываніи въ Хвостахъ, ни объ его преступленіи. Жена увидалась съ Воротиловымъ въ первый разъ послѣ вторичнаго бѣгства изъ Хвостихи, когда уже онъ былъ во всемъ сознавшійся преступникъ; сначала она жорила его жестоко, вотомъ рыдать на взрыдъ принялась. На женины укоры Вортиловъ тодыко сказалъ: «не твоему разуму дѣло это понять. Самъ я на ре:

бонокъ малый... Пустымъ твоимъ все больше рѣчи» — на женинъ же плачь молчалъ сначала, а потомъ прося увести жену «вашу милость очень утруждаетъ.»

— Передъ Миколой-Лѣтнимъ — на деревнѣ закаликали, что Чижевъ старикъ въ городъ скоро поѣдетъ, сукна ставить, что деньжищъ съ нимъ страсть будетъ и что оттоль въ Хвостиху сына съ собой возметь. Дѣло выходило намъ на руку, — да только то въ сумлѣніе приводило, что двое насъ было (не шолъ Миколаха съ нами) — а ихъ трое съ кучеромъ Фадѣемъ, и при этомъ кистени у насъ одни, а старикъ съ пустыми руками не ѣздитъ. Какъ тутъ справиться? Опять впрочемъ и то подумали: за блакости какія Фадѣю-то за чужое добро свою шею подставлять, нѣшто уже оченно, Чижевъ-то человекъ хорошій? — И порѣшили: кончить дѣло, не терпѣть болѣ. Сказывать что ли, что дальше то было?

Нѣмымъ, напряженнымъ молчаніемъ отвѣчали Воротилову. Утерши потъ, крупными каплями выступавшій на лбу, Воротиловъ продолжалъ:

— Взявши квасу штофъ, хлѣба коровай, да кистени пошли подъ самаго Миколу въ Матрешкинъ врагъ гостей поджидать. Мѣсто выбрали укромъ, въ полугорѣ, песку по ступицу, — пардоновъ проси, али за себя стой, — только не раскачешься. Залегли въ кусты, да квасъ мьенъ: нутро оченно горить. Часть времени прошло, — а можетъ и больше, слышимъ звонить: други значить ѣдутъ. Мы на дорогу вышли. «Чуръ, говоритъ Харлампій, не выдавать Федоръ!» — Молваю: «небось». Какъ поравнялись съ нами Чи-

жовы, первый дѣломъ Харлампій къ лошадей кинулся: «стой!» говоритъ; Фадѣйка не будь дуракъ, соскочивши съ козелъ, въ лѣсъ дралова, — а Харлампій лошадей къ самымъ кустамъ приперъ. Не чуяли Чижовы бѣды: заснули. Только поколь Малышевъ съ лошадьми управлялся, — бросился я къ повозкѣ... Однако фартукъ отстегнуть не могу, — ужь очень руки дрожать. Не долго думавши вскочилъ я на повозный задокъ, да и осадилъ верхъ...

Какъ осадилъ Воротиловъ верхъ тарантаса судите изъ того: кожа фартука, выше своего приклѣпленія къ передку, была какъ ножомъ разорвана пополамъ. Фактъ положительно необыкновенный, доказывающій до какой крайней степени возбужденія и дѣятельности можетъ быть доведенъ организмъ подъ вліяніемъ страсти. На сколько извѣстно, Воротиловъ никогда не отличался особенной, выходящей изъ уровня, физической силой, но то что имъ было сдѣлано около Матрешкина-врага съ повозкой, стало бы на человѣка втрое сильнѣе двужильнаго. Объяснить подобное явленіе можно только тѣмъ могучимъ рычагомъ, который заставляетъ всѣ жизненныя отправленія сосредоточиваться въ одной точкѣ.

— Въ эту самую минуту, надо полагать, Чижовы проснулись, потому завозились въ повозкѣ. Первый, не разбирая кого, Малышевъ истенемъ ударилъ, — соскочивши же съ задка и я къ повозкѣ бросился. И такое мое счастье: на той самой сторонѣ очутился, гдѣ старикъ сидѣлъ. Гляжу: лѣзетъ старый. Тебятю, говорю, другъ сердешный, мнѣ и надоть...

Да какъ рѣзану его по буркаламъ... И сталъ же я потомъ тѣшить свою душеньку!»

Тѣшился видно Озорковъ надъ своимъ врагомъ досыта: рѣдко кому приводилось видѣть столь страшно изуродованный трупъ, какъ былъ изуродованъ трупъ старика Чижова: вся его голова была разможена, лицо представляло какую-то сплошную, безформенную массу синебагроваго цвѣта.

Воротилловъ исчисливъ свои воспоминанія едва могъ отдышаться. Блѣдный, съ порывистымъ дыханіемъ, съ глазами, въ которыхъ свѣтилось почти наслажденіе, что расквитался же наконецъ съ долгомъ, — Воротилловъ и теперь давалъ разумѣть на сколько страшнѣе былъ онъ въ роковую ночь у Матрешкина-врага.

Съ молодымъ Чижовымъ раздѣлялся Малышевъ. Впрочемъ; не имѣя кромѣ грабежа другихъ причинъ, Малышевъ не дѣйствовалъ какъ Озорковъ «себя забывши». Чижова-сына нашли только на другой день къ вечеру. Пролежавши ночь и цѣлый день подъ открытымъ небомъ, онъ не могъ уже быть спасенъ медицинской помощью: два дня лежалъ еще безъ языка и умеръ...

— Покончивши свое дѣло, взяли мы какія ни на есть шкатулки, отетегнули лошадей, да пролѣскомъ въ черноозерскую дачу поехали. Верстъ десять, думаю, отмахали. Видимъ отъ мѣста далече, остановились мы и стали шкатулки разбивать, да добро глядѣть... Однѣхъ бумажекъ чѣтъ ли не цѣлый мѣшокъ набили, серебра съ золотомъ толкъ было не мало, окромя того. ложенъ серебряныхъ дюжина, да два

крестика золотыхъ. Все это убраши, шкатунки въ кусты забросили, а какія были другія бумаги подъ дерево зарыли.

Изъ черноозерскаго лѣса Воротиловъ и Малышевъ, бросивши на произволъ судьбы чижовскихъ лошадей, пѣшкомъ пошли до ближайшаго села и наняли возчика... У жены Малышева была прижита еще до брака съ кѣмъ-то дочь, — Анна Михайлова, выданная въ замужество за мѣщанина Навожина, — городъ Д. гдѣ жили Навожины лежалъ на пути къ мѣстожительству Малышева, — а потому въ немъ то и остановились Малышевъ съ Воротиловымъ. Навожинъ нанималъ отдѣльную хату; самъ онъ во время пріѣзда грабителей былъ въ кратковременной отлучкѣ изъ города — оставалась одна только жена его. По словамъ Воротилова, прибывши въ Д. они сначала два дня пьянствовали, отдавши предварительно деньги на сохраненіе Аннѣ Михайловой, а потомъ приступили къ дѣлежу. Дѣлежъ происходилъ въ банѣ: сколько можно судить по разсказу Воротилова, ему изъ награбленнаго досталось всего тысячъ девять-десять, — стало быть львиную часть захватилъ себѣ Малышевъ. При дѣлежѣ постоянно никто не присутствовалъ, но въ баню не разъ входила Анна Михайлова, и хотя ее высылали вонъ и она осердясь уходила, но потомъ снова возвращалась; по словамъ Воротилова Анна Михайлова знала объ убійствѣ Чижовыхъ въ первый день по пріѣздѣ, ибо напившись пьянымъ, Малышевъ, не остерегаючись, разсказалъ какъ было дѣло и отдалъ ей деньги. На третій день послѣ дѣлежа денегъ пріѣхалъ въ городъ Навожинъ и сталъ

просить (какъ надо предполагать онъ былъ предупрежденъ женой о доставшемся богатствѣ) у Воротилова денегъ на наемъ рекрута, Воротиловъ далъ ему сначала 500 рублей, но Навожинъ присталъ еще неотступнѣе, угрожая въ противномъ случаѣ донести обо всемъ начальству, вслѣдствіе чего Воротиловъ далъ еще 400 рублей. Кромѣ того Малышевъ далъ Навожину на покупку дома или что нибудь подобнаго полторы тысячи... Что за расчетъ былъ Малышеву и Воротилову дѣлать участниками награбленнаго лицъ почти совершенно постороннихъ, — неизвѣстно, но насколько можно было судить изъ словъ Воротилова, они боялись на мѣстѣ жительства Малышева «встрѣчи съ куринымъ бариномъ». Какъ мы увидимъ ниже, Воротилову не удалось избѣжать этой встрѣчи. Такимъ образомъ участками въ преступленіи или, по крайней мѣрѣ, въ послѣдствіяхъ его, являлись прежде всего три лица: жена Малышева, и мужъ и жена Навожины. Первая изъ этихъ трехъ лицъ умерла вскорѣ послѣ спроса ея о мѣстопребываніи мужа, — оставались два послѣднихъ (самъ Малышевъ скрылся неизвѣстно куда). Изъ всѣхъ денегъ, доставшихся на долю Воротилова, при поимкѣ его нашли всего только 624 рубля, остальные были спущены въ короткій промежутокъ времени между убійствомъ и поимкой.

Оговоръ Воротилова Навожиныхъ въ знаніи преступления и въ участіи при дѣлежѣ награбленнаго оказался не напраснымъ: черезъ мѣсяцъ послѣ Николая Навожинъ купилъ себѣ весьма порядочный деревянный домъ, заплативши за него 1,350 рублей, и въ этотъ же промежутокъ поставилъ за себя рекрута.

Такое появленіе денегъ у Навожина, до сихъ поръ считавшагося за человѣка несостоятельнаго, привело въ недоумѣніе многихъ изъ его согражданъ, — но на всѣ ихъ вопросы объ этомъ предметѣ онъ старался отдѣлываться шуткой, увѣряя, что имъ открытъ кладъ. При обыскѣ у Навожиныхъ найдено четыре серебряныхъ ложки съ вензелями Ф. Ч.; на ребенкѣ Навожиныхъ, недавно родившемся, надѣтъ былъ золотой крестикъ, по словамъ Воротилова подаренный имъ Навожину при дѣлѣжѣ и совершенно схожій съ однимъ изъ найденныхъ въ шкатулкѣ Чижевыхъ.

Итакъ къ преступленію пригруппировались еще новыя личности.

Навожина была типъ обыденной, начинающей заплывать жиромъ мѣщанки; она приняла участіе въ послѣдствіяхъ преступленія во первыхъ невольно, потому что главнымъ дѣйствующимъ лицомъ являлся человѣкъ болѣе или менѣе ей близкій, мужъ ея матери, а во вторыхъ, главнѣе, потому, что положительно не понимала ни отвѣтственности, ждущей ее, ни предосудительности своего поведенія. Къ совершившемуся факту она относилась совершенно безсознательно: если въ ней и дѣйствовали какія нибудь внутреннія пружины, то скорѣе всего на первомъ планѣ стояло простое любопытство. Положеніе Навожиной нельзя было драматизировать даже весьма понятной для каждого борьбой между чувствомъ къ Малышеву и опасностью (о другихъ причинахъ и побужденіяхъ мы даже и не упоминаемъ), собственно для нея предстоящей; прежде чѣмъ присоединиться къ Малышеву и Озоркову, она не

испытала на себѣ никакихъ симптомовъ внутренней работы. Драматизмъ подобныхъ личностей, какъ Навожины, втиснутыхъ въ дѣла, выходящія изъ уровня обыкновенныхъ, заключается прежде всего въ тупости: они плывутъ по теченію, не зная сами, куда приведетъ оно ихъ, не стараясь ни задерживать его, ни способствовать ему. Лишонныя возможности отдавать себѣ отчетъ въ буднично-мелкихъ явленіяхъ, изъ которыхъ слагается ихъ жизнь, Навожины точно такъ же безучастно и безотчетно относятся къ явленіямъ, носящимъ другой характеръ; вопросъ: «что дѣлать?» какъ проявленіе самостоятельности, оцѣнки, для нихъ не существуетъ. Нравственныхъ началъ, которые служили бы исходной точкой для дальнѣйшихъ дѣйствій, Навожины не имѣютъ, или, лучше сказать, ихъ нравственные начала представляютъ какую-то странную, безочертательную массу: къ злу и добру они относятся равно апатично, равно неразсчитливо. Строго смотрѣть на дѣйствія Навожиныхъ, какъ бы повидимому ни были возмутительны эти дѣйствія, положительно невозможно: ихъ оправданіе въ полной, окончательной безличности характера; слова «преступленіе», «злодѣяніе», столь обычные въ уголовномъ кодексѣ, не вяжутся съ Навожиными; Навожины только индифферентные зрители «преступленія», «злодѣянія», не придающіе ему никакихъ красокъ, ни черныхъ, ни свѣтлыхъ, не препятствующіе и не способствующіе преступленію. У Навожиныхъ все дѣлается «съ глупу».

Страхъ послѣдствій отъ косвеннаго участія въ преступленіи Воротилова и Малышева обнаружился въ На-

вожиной тогда, когда ее уже «пріобшили» къ дѣлу. Во все время производства слѣдствія Навожина была самое жалкое, беззащитное существо; ея и безъ того небогатый запасъ мыслительныхъ способностей утратился окончательно; она не была въ состояніи ни со-
знаться, ни защитить себя, она только путала, сбивала себя на каждомъ шагу; ложь ея показаній была такъ нехитро скомбинирована, что разбивалась при первомъ къ ней прикосновеніи. Спрошенная о Малышевѣ и объ Воротиловѣ, прежде чѣмъ произнесено было слово объ ихъ преступленіи, она отреклась не только отъ знакомства со вторымъ, но даже отъ знакомства съ первымъ; когда же ей сказали, что не могла же она не знать мужа своей матери, она залилась слезами и взяла назадъ свое отреченіе, какъ относительно Малышева, такъ и относительно Воротилова. Та же исторія повторилась и о времени послѣдняго свиданія Навожиной съ Воротиловымъ и Малышевымъ; Навожина показала, что она видѣла убійцъ Чижова въ послѣдній разъ года два тому назадъ. Конечно, не требовалось никакихъ усилій, чтобы сбить Навожину и съ этого пункта. Отъ присутствія при дѣлежѣ денегъ, отъ знанія убійства Чижовыхъ, Навожина отказалась подъ страшными клятвами; спутываемая же и здѣсь на каждомъ шагу своими противорѣчіями, Навожина покончила тѣмъ, что она слова не скажетъ, покуда не будетъ присутствовать при ея спросѣ мужъ.

— Да что вы ко мнѣ, глупой бабѣ, пристали? плача говорила Навожина: — никакихъ дѣловъ я вашихъ не знаю, мужиковъ объ нихъ спрашивайте, не шла я

съ ними на убивство. Съ толку меня горькую совѣтъ сбили. Мало ли что они тамъ надѣлали, стало за нихъ мнѣ въ отвѣтъ идти что ли? Единаго слова не услышите отъ меня вы, поколь Ивана Ильича (мужа) со мной не будетъ.

Навожиной и Воротилову дали очныя ставки; при живомъ свидѣлѣ она еще больше растерялась.

Спрашивалъ ее Воротиловъ:

— Такъ ты, Анна Михайловна, толкуешь, что тебѣ и во духахъ-то не было, какъ мы съ Харлампіемъ въ банѣ у васъ промежъ себя чижовскія деньги дѣлили?

— Извѣстно... я... ты... клевету несешь... лихой ты... человекъ.

— А дай-ка я тебя хоть объ этомъ спрошу: откодь ты крестъ золотой взяла, что на Илюшу свою надѣла?

Навожина молчала и плакала.

— Видно забыла? Такъ я тѣ скажу: въ баню ты пришла, спервоначалу мы деньги считали при тебѣ, а послѣ того за белендрысы чижовскіе принялись. Я взявши одинъ крестъ да тебѣ подарилъ. Такъ ли дѣло то было?

Навожина продолжала утирать рукавомъ слезы и молчала.

— И это видно клевета моя. Ну такъ я тѣ и слово-то припомню, что въ тѣ поры говорилъ. Я тѣ сказалъ: «хоча ты въ кумовья меня не звала, однако я твоей обиды не паятствую, неси ты Илюшу свое-го сюда». Ты пошла, да принесла его, а я крестъ

надѣлъ. Какъ у васъ тамъ сосѣдку-то зовутъ: Гусиха что ль? При мнѣ чай ей ты хвалилась, что какой-то такой я тебѣ крестъ хорошій для Илюши подарилъ.

Въ концѣ концовъ Навожина должна была сознаться, что она и крестъ золотой отъ Воротилова получила, и сосѣдкѣ имъ хвалилась, и въ баню входила, когда были въ ней Воротиловъ съ вотчимомъ, только прибавила: не замѣтила, были ли на полкѣ въ это время деньги и вообще никакихъ денегъ она не видала и объ нихъ слыхомъ не слыхала.

Воротиловъ только съ сожалѣніемъ улыбался на отреканья Навожиной.

— Прямая ты баба, волосъ-то у тебя только длинень, — сказалъ Озорковъ, — хоть бы путемъ врада ты, а то сама понять не можешь, что болтаешь... Ты мнѣ вотъ что скажи: отъ зеленого сундука-то у кого ключъ бываетъ?

— Извѣстно у меня.

— А куда мы деньги-то схоронили, какъ къ вамъ въ гости пріѣхали?

По прежнему только плачемъ отвѣчала Навожина.

— То-то и оно... Говорить-то тебѣ на мои слова нечего... Чай ты же деньги-то у Харлампія приняла, да въ сундукъ спрятала, спросимши, отколь мы ихъ взяли. Еще тутъ-тѣ Харлампій сказалъ, не суй свой языкъ куда не спрашиваютъ, а вечеромъ какъ зѣньки-то свои винищемъ налилъ, такъ самъ же все выложилъ: мы-де купцовъ богатыхъ, Чижовыхъ, на тотъ свѣтъ спровадили.

Опять слезы и слезы...

Говорю, Навожина была самымъ жалкимъ, самымъ беззащитнымъ лицомъ при слѣдствіи.

Пришла очередь Навожина.

Принимая участіе въ преступленіи Малышева и Воротилова, Навожинъ дѣйствовалъ подъ вліяніемъ двухъ причинъ: съ одной стороны ему грозила рекрутчина, съ другой, задаромъ, т. е. не употребляя труда, онъ приобреталъ домъ и изъ пролетарія-мѣщанина превращался въ собственника. Но и Навожинъ, повидимому уже болѣе опытный чѣмъ жена его, не сдѣлалъ ни шага, чтобы, пользуясь плодами преступленія, выгородить себя отъ послѣдствій. Было бы опять идеализаціей, еслибы мы сказали, что Навожинъ дѣйствовалъ такимъ образомъ вслѣдствіе тяготы надъ собой преступленія, вслѣдствіе того, что деньги крови жгли ему руки: напротивъ равнодушіе къ своей судьбѣ, намъ кажется, крылось въ тѣхъ же причинахъ, которыя заставили Навожина такъ охотно согласиться на участіе въ преступленіи Малышева и Воротилова.

При слѣдствіи, когда опасность была слишкомъ близка, слишкомъ рельефно выступала впередъ, Навожинъ струсилъ. Человѣкъ, повидимому твердо рѣшившійся на самоубійство, иногда отнимаетъ отъ лаба дуло пистолета: прежняя жизнь горька, а осторожная еще хуже. Навожинъ предварительнымъ поведеніемъ своимъ: покупкой дома, наймомъ рекрута, болтовней, далъ противъ себя при слѣдствіи очень сильное орудіе: онъ загородилъ себѣ путь къ спасенію, какъ и жена. Навожинъ думалъ выиграть ложью; но и эта, сшитая на живую нитку ложь, обращалась тотчасъ же

противъ него. Свои показанія Навожинъ начиналъ сперва бойко, потомъ дойдя до какой нибудь положительной, рѣжущей глаза нелѣпицы, разомъ останавливался, измѣнялся въ лицѣ, разводилъ руками и болталъ, заикаясь, дѣтски-несвязную чепуху: совсѣмъ, значить, потерялся человѣкъ. Навожинъ выдумывалъ сначала различныя способы, посредствомъ которыхъ онъ пріобрѣлъ деньги, но въ концѣ концовъ сознался, что получилъ ихъ отъ Малышева. Это былъ первый результатъ его неудачной защиты.

Въ пріемѣ денегъ отъ Воротилова, Навожинъ сначала положительно отказался, надо было и имъ дать очныя ставки. Встрѣтившись съ Навожинымъ лицомъ къ лицу, Воротиловъ не удержался отъ напоминанья его угрозъ.

— Вотъ, Иванъ Ильичъ, ты все въ судъ-то собирался меня тащить, — я и безъ тебя попался, анъ и ты не уберегся.

— Изъ-за васъ, каторжныхъ, муки претерпѣваю.

— Можетъ изъ-за насъ, а можетъ бокомъ и изъ-за себя: любви и тебѣ были денежки.

— Какія у тебя, мужика, деньги, отродясь ты ихъ и не видывалъ.

— Знамо деньги-то не мои, торговлей не занимался... Чижевскіе, сказываютъ, они были, только бродъ-то ты изъ моихъ рукъ.

— Что ты, пустой человѣкъ, городишь!

— Я-то пушай пустей, да и ты вѣдь не изъ аховскихъ. Нешто, разбогатѣвши на каторжныя деньги, умато прибавилось. Ну, ты съ нимъ и живи. Только ты

ниѣ вотъ на это отвѣтъ дай: не давалъ я тебѣ чижевскихъ денегъ?

— Сказано не давалъ.

— А если я тѣ свидѣтеля приведу.

Навожинъ молчалъ.

— Что видно, парень, языкъ-то прикусилъ? Тотъ дошлый... Такъ хочъ свидѣтеля представляю?

Измѣнясь въ лицѣ, Навожинъ бормоталъ что-то.

— Чай плотникъ-то Микита живой человѣкъ, своими глазыньками онъ видѣлъ какъ я-тѣ сторублевую...

Навожинъ не далъ Воротилову окончить обличенье: блѣдный, съ посинѣвшими губами онъ бросился къ обличителю и схватилъ его за горло. Никто не могъ ни предвидѣть, ни предупредить подобнаго исхода.

— Чортъ!... Окаянный!... пронзительно-дикий голосомъ закричалъ Навожинъ, сжимая горло Воротилова.

Въ этой вспышкѣ исчерпался весь запасъ силъ Навожина, казалось все его чувство самосохраненія. Прошло нѣсколько мгновеній, какъ упавъ на колѣни Навожинъ, признавался, что бралъ деньги и у Малышева и у Воротилова, что зналъ объ убійствѣ ими Чижевыхъ, и что если не донесъ объ этомъ, то только подъ смертными угрозами убійцъ.

Воротиловъ, нисколько не потерявшійся отъ внезапнаго нападенія Навожина, молча слушалъ его исповѣдь и только когда дѣло дошло до угрозъ сказалъ:

— Ишъ ты! Стоить объ-те руки марать.

Не такъ велъ себя при слѣдствіи куринный баринъ.

Роговъ сталъ лицомъ прикосновеннымъ къ дѣлу

Воротилова и Малышева по слѣдующему случаю: раздѣливъ между собою доставшіяся деньги, убійцы Чижовыхъ отправились въ городъ здѣсь З. Воротиловъ загулялъ, во время загула гдѣ-то побуянилъ и попался въ полицію. Воротиловъ былъ снабжонъ фальшивымъ паспортомъ. Нѣкоторые полицейскіе чиновники въ распознаваніи достоинства паспортовъ приобрѣли удивительный навыкъ; стало быть Воротиловъ, какъ человѣкъ уже знающій и порядки полицейскіе и зоркіе глаза служителей благочинія и благоустройства, могъ понять, что дѣло выходило скверное, что предстояло въ близкой перспективѣ пребываніе въ острогѣ. Чтобы выпутаться изъ бѣды, Воротиловъ прибѣгнулъ за помощью и совѣтомъ уже хорошо извѣстнаго ему по своей должности на хожденіе по недобрымъ дѣламъ Рогова. Роговъ взялся устроить дѣло къ обоюдному удовольствію Воротилова и полиціи, заявивъ притомъ, что для самаго устройства нужны деньги; на такое предложеніе Воротиловъ, какъ человѣкъ внезапно разбогатѣвшій, разомъ согласился дать 300 рублей. Подобная щедрость, само-собою разумѣется, наведя куриного барина на мысль: откуда явилось у Воротилова столько денегъ и нельзя ли попользоваться отъ него суммою болѣе значительной. Исходя изъ этой мысли, Роговъ высказалъ Воротилову, что трехъ сотъ рублей мало, что хлопоты требуютъ по крайней мѣрѣ 1000 рублей. Воротиловъ смекнулъ, что сдѣлалъ промахъ, сталъ торговаться. Порѣшили на 700 рублей серебромъ. Взявши деньги, такъ сказать, заручившись, куриный баринъ *conditio sine qua non* своихъ хлопотъ потребовалъ от-

крытія источника добытыхъ денегъ. Воротиловъ сначала думалъ отдѣлаться отъ своего ходатая разными выдумками, но того на этотъ счетъ было ипровести очень трудно, а потому долженъ былъ открыть свою тайну. За сохраненіе тайны куриный баринъ потребовалъ и взялъ съ Воротилова еще тысячу рублей. Миссію свою куриный баринъ выполнилъ весьма удовлетворительно: черезъ недѣлю Воротиловъ былъ освобожденъ изъ кутузки. Сколько и кто получилъ изъ чижевскихъ денегъ знаетъ только досконально куриный баринъ.

Куриному барину было лѣтъ тридцать шесть, тридцать восемь; служилъ онъ сначала въ военной, въ какомъ-то кавалерійскомъ полку, въ послѣднее же время состоялъ въ отставкѣ. Изъ себя куриный баринъ былъ джентельменъ вида довольно приличнаго (такихъ физіономій и фигуръ пропасть всегда является къ ярмаркамъ и къ выборамъ въ каждый губернской городъ): широкое нѣсколько одутловатое лицо, большіе глаза, мясистый носъ и отсутствіе на лицѣ мысли. Куриный баринъ носилъ длинные усы и фуражку съ краснымъ околышемъ, говорилъ громко, съ нѣкоторымъ апломбомъ, сознаніемъ своего достоинства. Характерное прозваніе свое Роговъ получилъ не вслѣдствіе какихъ либо присущихъ ему нравственныхъ данныхъ, но просто потому, что любилъ очень куръ, держалъ ихъ у себя очень много, и за одну попался подъ судъ: любимаго его курица залетѣла на барскій дворъ другаго помѣщика, тотъ за освобожденіе ее потребовалъ денегъ; Роговъ долженъ былъ выплатить требуемую сумму, но въ отищеніе при первомъ же свиданіи отколо-

тить своего сосѣда. Сосѣдъ подалъ исковое и началось дѣло. Вся нравственная сторона Рогова состояла въ томъ, что онъ былъ плутъ большой руки и обладалъ нестерпимымъ гоноромъ.

Повидимому весьма трудно примирить послѣднее качество куриного барина съ его главной професіей: пристанодержательствомъ и пріемомъ краденаго; но онъ примирялъ и то и другое тѣмъ, что не ходилъ воровать самъ лично, а указывалъ только гдѣ, можно лучше украсть, и давалъ средства скрыть украденое. Гоноръ вещь удивительно растяжимая. Куриный баринъ обдѣлывалъ свои дѣла очень хитро, покрайней мѣрѣ на столько хитро, что будучи подъ судомъ по нѣсколькимъ дѣламъ, онъ не попался въ острогъ.

Куриный баринъ, содравши и съ Малышева довольно значительную сумму, постарался, конечно, по возможности замаскировать свою связь съ убійцами Чижовыхъ. Очень хорошо понимая, что преступленіе Воротилова и Малышева можетъ открыться, и всѣ, какъ главные преступники, такъ и прикосновенныя лица, должны будутъ подвергнуться тяжелой отвѣтственности, куриный баринъ велъ всѣ переговоры съ глазу на глазъ, такъ что Воротиловъ (Малышева не спрашивали, онъ исчезъ неизвѣстно куда) въ подтвержденіе справедливости факта не могъ опереться ни на одно фундаментальное доказательство.

Самый приступъ куриного барина къ слѣдствію не походилъ на приступы всѣхъ спрашиваемыхъ лицъ.

Такъ началъ свою рѣчь куриный баринъ:

— Честь имѣю рекомендоваться, отставной штабс-ротмистръ Матвѣй Дмитріевичъ Роговъ.

Наклоненіемъ головы отвѣчали, что это уже извѣстно.

— Я удивляюсь, гг. слѣдователи, гордо сказалъ затѣмъ куриный баринъ, бросая въ сторону фуражку и запуская руки въ карманы, — съ какой стати вы меня потребовали сюда? Я не мѣщанишка какой нибудь, не стракулистъ. Я дворянинъ. Если вамъ угодно было получить свѣдѣнія отъ меня, то вы могли пожаловать ко мнѣ на домъ, или по крайней мѣрѣ прислать ко мнѣ вопросные пункты.

Куриному барину объяснили что ѣхать къ нему на домъ не имѣли достаточныхъ причинъ, что онъ, какъ и другіе, прикосновенное къ дѣлу лицо.

Подобный отвѣтъ поднялъ весь гоноръ куриного бурина.

— Покорнѣйше прошу васъ, господа, составить объ этомъ протоколъ: я чувствую себя до глубины души обиженнымъ вашимъ подозрѣніемъ. Вы забыли, что я, какъ благородный человѣкъ, какъ дворянинъ, не могъ находиться въ связи съ какими-то разбойниками, что объ этомъ не позволяетъ думать мнѣ ни мое рожденіе, ни мой чинъ... Слушая оговоры подобныхъ мерзавцевъ, какъ Воротиловъ, вы кладете пятно на общество, къ которому я имѣю честь принадлежать.

Заявивъ куриному барину неумѣстность ни его благороднаго негодованія, ни его эпитетовъ, предложили отвѣчать точнѣе на составленные вопросные пункты. Остановленный такимъ образомъ, куриный баринъ

принялся писать. — Когда дѣло дошло до вопроса: «былъ ли подѣ судомъ и за что именно?» — то куриный баринъ не выдержалъ и снова сталъ упражняться въ краснорѣчіи, объясняя что виной его частой подсудности служить людская неблагодарность и злоба враговъ. Отъ своихъ отношеній къ Малышеву и Воротилову куриный баринъ не отказался, говоря, что перваго онъ зналъ потому, что самъ проживаетъ къ З. почти постоянно и покупалъ у него разнаго рода вещи, втораго же потому, что подѣ именемъ двороваго человѣка графа Задунайскаго нанималъ его въ кучера; но что объ убійствѣ Чижовыхъ отъ нихъ ровно ничего не слыхалъ, что если онъ, штабсъ-ротмистръ Роговъ, навѣщалъ Воротилова раза два въ части, то единственно потому, что жалѣлъ его, какъ человѣка очень трудолюбиваго и до сихъ поръ въ его глазахъ ничѣмъ не замазаннаго; вслѣдствіе этой причины онъ даже обѣщалъ Воротилову попросить за него городничаго, но за различными своими хлопотами забылъ объ обѣщаніи: Воротилова выпустили изъ части вовсе не по его настоянію, а просто потому, что считали заключеніе его достаточнымъ наказаніемъ за произведенное буйство, такъ какъ Воротиловъ снабженный (повидимому, покрайней мѣрѣ) узаконеннымъ видомъ, былъ посаженъ не за имѣніе у себя фальшиваго вида, а именно за буйство. Куриный баринъ прибавилъ, что всѣ свѣдѣнія объ освобожденіи Воротилова онъ получилъ уже послѣ, не помнить отъ кого; что онъ самъ Воротилова никогда не снабжалъ фальшивымъ билетомъ; что это, какъ и весь оговоръ, есть только гнусная клевета, ложность ко-

торой онъ готовъ засвидѣтельствовать торжественной клятвой передъ алтаремъ Бога всевидяшаго.

Вслѣдствіе разнорѣчивыхъ показаній и куриному барину слѣдовало дать съ Воротиловымъ очную ставку. Воротиловъ встрѣтилъ Рогова съ поклономъ; Роговъ, подъ вліяніемъ благороднаго негодованія, не кивнулъ ему головой.

— Ты что это на меня, разбойникъ, вздумалъ тамъ нести?

— А ты, Матвѣй Митричъ, не очень носъ-то задирай, я вѣдь не твой Андрюшка, подъ надъ нимъ ломайся.

— Ты убійца и смѣешь такъ позорить благороднаго человѣка!

— А хоша бъ я и убивство учинилъ, такъ суди меня Богъ, да добрые люди, а не ты, Матвѣй Митричъ, потому самъ ты изъ таковскихъ? Что бариномъ-то прозываешься, такъ развѣ барамъ велятъ воровъ у себя держать, да чужимъ добромъ промышлять.

— О, Боже мой, что я принужденъ выслушивать! Господа! умоляю васъ велите замолчать сему злодѣю.

— Что мнѣ молчать-то. Коли я въ своемъ грѣхѣ повинился, такъ чего жъ тебя-то мнѣ укрывать, не больно сродни приходишься. Чижевскими денежками вмѣстѣ пользовались, такъ вмѣстѣ и въ отвѣтъ стоять должны.

— Какими это я отъ тебя деньгами пользовался? Стану я руки марать.

— Видно маралъ, коли бралъ.

— Безстыжій! Взгляни ты на Бога: небесный громъ разразить тебя на семь же мѣстѣ.

— Я-то взгляну, а ты вотъ, пожалуй, и нѣтъ. Согласенъ ли ты подѣ присягу идти, что въ кутузкѣ денегъ отъ меня не бралъ и объ Чижовыхъ купцахъ отъ меня це слыхалъ?

— Безъ присяги должны вѣрить моему благородному слову.

— Заладилъ одно: я-ста благородный! Держи карманъ шире, повѣрять! Зачѣмъ же ты ко мнѣ въ кутузку ходилъ?

— Изъ сожалѣнья къ тебѣ же, злодѣю.

— Ишь ты, жалостливый какой сталъ, денежки то пронюхавши! Чтожъ те очень подмывало жалѣть то меня?

— Я ужъ объяснилъ объ этомъ довольно гг. слѣдователямъ: ты жилъ у меня въ кучерахъ, попался въ часть и умолялъ меня попросить, чтобъ тебѣ, дѣры не задали. Развѣ я могъ предвидѣть, что моей добротой пользуется такой ужасный злодѣй, какимъ ты уже былъ въ то время.

— Мастеръ же ты, Матвѣй Митричъ, турусы-то на колесахъ подпускать! Прямой каштанъ!

— Да что ты все говоришь! Развѣ тебѣ, разбойнику, противъ меня можетъ кто вѣрить? Ты представь свидѣтелей, которые могли бы видѣть, что я настолько унижилъ и себя и свое званіе, что бралъ съ тебя деньги.

Воротиловъ задумался.

— Чай не дуракъ ты, не Навожинъ, чтобъ эдакія дѣла при свидѣтеляхъ вершать. Съ глазу на глазъ я ихъ тебѣ передавалъ, съ глаза ну глазъ и объ Чижовыхъ говорилъ.

— А знаешь ли ты, что за недоказанную клевету тебя на площади до смерти засѣкутъ?

— Прытокъ больно.

Очная ставка между Воротиловымъ и куринымъ бариномъ такъ ничѣмъ и не покончилась: первый не могъ сбить послѣдняго ни съ одного пункта, только по старымъ дѣламъ ему удалось нѣсколько запутать Рогова.

Спросили и представителей З—скаго благоустройства и благочинія объ Воротиловѣ и участіи принимаемомъ въ его судьбѣ куринымъ бариномъ; тѣ тоже дали отвѣтъ во всемъ схожій съ отвѣтомъ Рогова.

Одинъ вопросъ между прочимъ оставался нерѣшеннымъ: при дѣлежѣ на долю Воротилову, насколько можно было догадаться, досталось покрайней мѣрѣ тысячъ десять рублей серебромъ, при поимкѣ же оказалось въ наличности всего нѣсколько сотъ: спрашивается куда же дѣвались остальные деньги (помимо отданныхъ куриному барину и Навожину) въ такой короткий срокъ?

Отвѣчалъ на это Воротиловъ:

— Куда? Знамо куда таковскія деньги идутъ. Подъ да спроси по Волгѣ, чуть ли не отъ Хвалыня самаго, какую гульбу задавалъ Воротиловъ Федоръ. Куда ни приду, вся деревня лоскомъ ложится: по имени и от-

честву величаютъ, пѣсни орутъ, что бабы, что мужики всѣ пьяны. Пришолъ я въ Юрасово: садъ-де фруктовый снять желаю. Ладно, снялъ, задатку пятьдесятъ цѣлкахей вынулъ... И ужъ что твой кабакъ, сталъ эвототъ самый садъ; прута живаго въ немъ не осталось — всякій къ тебѣ въ гости валить, а ты кажному радъ. Одного рому то ведро, то два, а то и больше на день выходило, водкой хошь мойся, запрету не было.

Воротиловъ не хвастался: веселье шло по всему поволожью, гдѣ только ни пролегалъ его путь. Въ мѣстностяхъ болѣе продолжительныхъ остановокъ Воротиловъ былъ извѣстенъ подъ прозваніемъ «Садоводъ-Гуляй.» Догадывался ли кто изъ поволжанъ что за человекъ былъ «Садоводъ-Гуляй», откуда взялось богатство у него — неизвѣстно, только каждый встрѣчный и поперечный старался понагрѣть около него руки: пили вмѣстѣ, брали безъ отдачи въ заемъ, при случаѣ, кому вздумается, воровали. Разгулъ воротиловскій, какъ вы могли видѣть, воплотился въ самой безобразной формѣ. Къ пьянству Воротиловъ прибавлялъ дебошъ, сносилъ цѣлыя хаты, мѣшавшія его ходу, на бабахъ и дѣвкахъ въ телѣгѣ по деревнѣ разѣзжалъ... Но объ другой формѣ кутежа не могло быть и рѣчи: не надо забывать, что это гулялъ упившійся местью и богатствомъ, изъ желѣзныхъ тисковъ вырвавшійся фабричный рабочій.

Не безъ удовольствія передавая объ разгулѣ своемъ, разъ прибавилъ Воротиловъ:

— Погулялъ же я на чижевскія денежки! Кабы зналъ Финогенъ Петровичъ для кого бережетъ свою казну, не сталъ бы, чай, сдыхать надъ ней... Оттого ему, старому, и спасибо, что не задаромъ покрайности въ каторгу идти.

ИЗЪ НЕПОДАТЛИВЫХЪ.

ИЗЪ НЕПОДАТЛИВЫХЪ.

Щукинскій былъ не высокаго роста, съ красивымъ, чрезвычайно подвижнымъ лицомъ. Глаза были очень хороши у Щукинскаго: умные, сиѣлые, взглянувъ въ которые сразу поймешь, что этотъ человекъ никому и никогда спуску не давалъ, что на ногу наступить ему опасно. Лобъ у Щукинскаго гладкій, открытый: мозговой лобъ. Вообще всѣ черты лица далеко не изъ дюжинныхъ. Щукинскому не больше двадцати восьми, девяти лѣтъ.

Щукинскій—слушалъ лекціи въ университетѣ; онъ попалъ въ храмъ наукъ въ самое печальный, темный періодъ университетской жизни, когда формалисты и педагоги блистательно завершали начатое дѣло, когда вся университетская дѣятельность могла измѣряться только скандалами, оргіями и даромъ погибавшими молодыми силами. Попавшись въ уличной исторіи съ полиціей, Щукинскій былъ изгнанъ изъ университета, возвратился на родину и поступилъ на служ-

бу. Служебная карьера Щукинскаго продолжалась тоже не долго; онъ не могъ выдержать безцеремоннаго обращенія «власть имѣющихъ», сгрубилъ въ чемъ-то начальству и былъ уволенъ.

Въ первый разъ Щукинскій попался въ острогъ по подозрѣнiю въ поджогахъ. Надо вамъ замѣтить, что Щукинскій былъ постоянно на дурномъ счету у мѣстной полиціи; причина тому заключалась въ томъ, что Щукинскій съ какой-то особенной любовью, съ азартомъ занимался изученіемъ права и быта полицейскихъ чиновъ, начиная отъ будочника до полицмейстера, и заполучивъ какой нибудь скандалезный фактъ ихъ дѣятельности, доводилъ о чемъ до свѣдѣнія почтеннѣйшей публики. Острый, какъ бритва, языкъ Щукинскаго, былъ постояннымъ бѣльмомъ на полицейскомъ глазу.

Въ городѣ начались пожары; неизвѣстно были то поджоги или случайное сцѣпленіе обстоятельствъ, только каждый день, въ продолженіи полуторы недѣли, городъ горѣлъ въ двухъ, трехъ мѣстахъ. Въ виду серьезной опасности, зловѣщаго ропота народа, и нахлобучекъ начальства, полиція потеряла голову, металась изъ стороны въ сторону, хватала встрѣчнаго и поперѣчнаго и еще болѣе усиливала общее безпокойство и неурядицу. Надъ Щукинскимъ, какъ надъ человѣкомъ «права безпокойнаго и притомъ немѣщимъ опредѣленныхъ занятій» — почти надъ первымъ обрушилась полицейская дѣятельность: онъ былъ заарестованъ и безъ всякихъ доказательствъ въ его виновности отправленъ въ острогъ.

Не смотря на всѣ протесты, просьбы Щукинскаго, его держали въ острогѣ года три. Не надо долго распространяться, сколько въ эти годы униженія, неволи и страданій въ душѣ Щукинскаго, скопилось ненависти и злобы къ виновникамъ заключенія.

Дѣло Щукинскаго приближалось къ концу; какъ ни въ чемъ не виновный, онъ подлежалъ освобожденію.

Въ это время назначили въ губернію новаго администратора; какъ человѣкъ, считающій благолѣпіе выше всего, новый администраторъ всѣ свои способности и труды устремилъ на устройство театра и бульвара.

Начальническія заботы увѣнчались успѣхомъ: бульваръ былъ открытъ и съ открытіемъ его, вся губернская публика, чтобы показать, какъ умѣетъ пользоваться начальническими заботами, бросилась въ променады. Съ утра до поздней ночи бульваръ зрѣлъ на себѣ весь городской букетъ. Къ числу самыхъ неутомимыхъ утапывателей его принадлежалъ полицеймейстеръ съ своей семьей.

Говорю, въ это время дѣло Щукинскаго приближалось къ концу; надо же было ему не выдержать и выпустить изъ острожныхъ стѣнъ ядовитую эпиграмму на скверъ и на променадствующихъ. Городишка до дна своей тины возмущился эпиграммой; пошла такая кутерьма, что упаси Боже; цѣлый мѣсяцъ только и было рѣчи, что о стихахъ.

«Кто дерзкій осмѣлился нарушить мой покой?» вопрошала тина и скрежетала зубами. Всѣ мелкія, гадкія страстишки всплыли наружу, пошли дознанія, розыски.

Шла въ мѣшкѣ не утайшь; не утайлось и имя автора стиховъ; послѣ всѣхъ розысковъ голоса тины слились во едино и общимъ хоромъ авторомъ сатиры назвали Щукинскаго.

Самая тяжеловѣсная часть сатиры прилась на долю полицеймейстера, его семьи и вообще полиціи, а потому больше всѣхъ взбѣшоннымъ сатирой оказался полицеймейстеръ; одного намека на стихи было достаточно что бы довести его до пѣны у рта, до бѣшенства. Злоба полицеймейстера къ виновнику ненавистной сатиры не осталась, конечно, въ области безпечальнаго созерцанія, но перешла на болѣе дѣйствительную почву: гадить врагу такъ, чтобы тотъ помнилъ съ кѣмъ имѣетъ дѣло, съ кѣмъ осмѣлился разговоры вести.

При существующихъ порядкахъ подъ рукой полицеймейстера есть много средствъ, чтобы до конца отравить и безъ того уже отравленную жизнь острожного; полицеймейстеръ непосредственный начальникъ острога; острожнымъ жалобамъ даютъ ходъ съ большою осторожностью и почти всегда въ проигрышѣ остаются жалующіеся. Отъ полицеймейстера дана была острожному смотрителю подробная инструкція, какиимъ образомъ, не давая отдыха, преслѣдовать Щукинскаго. Смотритель, конечно, исполнилъ волю начальства: всевозможныя придирки, мелкія и крупныя дразги, преслѣдованія посыпались на голову Щукинскаго. Щукинскій очень хорошо зналъ, гдѣ скрывается источникъ всѣхъ этихъ мерзостей; жаль только, что полицеймейстеръ не зналъ, что вести игру съ личностями, подобными Щукинскому, не совсѣмъ безопасно.

Однажды къ губернаторскому дому вихремъ пронеслась пара полицеймейстерскихъ вмятокъ. На дрожкахъ сидѣлъ полицеймейстеръ, закрывъ лицо воротникомъ шинели. Скинувъ шинель въ передней, полицеймейстеръ бѣгомъ взбѣжалъ въ пріемную и только остановился здѣсь. Дежурный квартальный, взглянувъ на начальническое лицо, на своемъ собственномъ изобразилъ ужасъ и удивленіе. Да и не мудрено было: физіономія полицеймейстера была страшно обозображена: за синне-багровымъ пятномъ не видно было глаза; щека пополнѣла втрое.

Полицеймейстера позвали къ губернатору и этотъ, увидавъ метаморфозу, пришелъ въ такое же удивленіе, какъ и квартальный.

— Что съ вами?

— Оскорбленъ ваше-пр-во. Защитите.

— Кѣмъ? За что?

— Арестантомъ Щукинскимъ.

— За что же?

— Не могу знать.

— Да не былъ ли онъ сердитъ на васъ?

— За что ему на меня сердиться. Другой отецъ для дѣтей того не дѣлаетъ что я дѣлаю, — въ каждую нужду ихъ вхожу.

Въ этомъ тонѣ долго распространялся полицеймейстеръ.

Дѣло, ниѣвшее въ результатѣ столь печальныя послѣдствія для физіономіи полицеймейстера, было очень коротко.

Полицеймейстеръ пріѣхалъ въ острогъ для обычна-

го осмотра его и вошелъ въ камеру, гдѣ содержался Щукинскій. Щукинскій приблизился къ нему.

— Г. полицмейстеръ! сказалъ Щукинскій нѣсколько измѣнившимся голосомъ. Позвольте наконецъ мнѣ спросить васъ, какъ человекъ человека, а не какъ осторожный полицмейстера: скоро ли кончатся ваши преслѣдованія?

Передъ полицмейстеромъ стоялъ врагъ, котораго онъ ненавидѣлъ всѣми силами своей души; врагъ этотъ принадлежалъ къ числу осторожныхъ, т. е. къ числу людей, надъ которыми полицмейстеръ привыкъ безнаказанно властвовать; сцена происходила въ присутствіи зрителей, которымъ слѣдовало показывать себя. Понятно при такихъ условіяхъ, сколько бѣшенства закипѣло въ груди полицмейстера; отуманенный этимъ бѣшенствомъ онъ не замѣтилъ ни особенности въ вибраціи голоса Щукинскаго, ни судорожно сжатыхъ губъ, ни злобщаго блесна глазъ. Осторожные были подogaдливѣе,—всѣ они притаили дыханье, въ головѣ каждого мелькнулъ вопросъ: «что то будетъ? а будетъ что-то?»

— Мальчишка! смѣешь ты со мной говорить такъ!

— Г. полицмейстеръ! Не горячитесь, а отвѣчайте на мой вопросъ: будетъ ли конецъ вашимъ преслѣдованіямъ? точно рубя каждое слово переспросилъ Щукинскій.

— Негодай! ты забылъ кто я!

— Нѣтъ. Помню. Ты!.....

По всей вѣроятности въ этотъ моментъ и въ головѣ полицмейстера мелькнулъ вопросъ: «ахъ, ни-

какъ черезъ край хватилъ!» потому что лицо у Щукинскаго сдѣлалось очень страшнымъ; да ужъ поздно было. Щукинскій недоговорилъ своей мысли...

— Трахъ!—раздалась пощечина.

Щукинскій нервно, лихорадочно засмѣялся надъ посрамленнымъ врагомъ.

— Знай же теперь, кто ты!

Такъ происходила вся исторія. Въ это время, повторяю, дѣло Щукинскаго приближалось къ концу: измученному казематной атмосферой ему снова приводилось вздохнуть на свободѣ. Приводилось, да не привелось: началось новое слѣдствіе, со всей его длиннѣйшей процедурой, началась новая ломка этой страстной натуры.

Впрочемъ, послѣднее преступленіе было не такого рода, чтобы за него слѣдовало снимать голову съ виновнаго; да къ тому же губернатора перевели въ другую губернію, а за нимъ потянулся и его кліентъ полицеймейстеръ; стало быть на вѣсы слѣпой богини не клалось особенныхъ тяжестей при сужденіи виновности Щукинскаго. Послѣ долгаго заключенія въ острогъ, Щукинскаго присудили наконецъ: по поджогамъ освободить, по послѣднему же дѣлу заключить на столько-то въ смиренный домъ.

Щукинскій со дня поступленія въ острогъ сдѣдался однимъ изъ самыхъ замѣтныхъ острожныхъ авторитетовъ; послѣдняя исторія возвысила его еще болѣе въ глазахъ осторожнаго міра.

Между осторожнымъ и новымъ заключеніемъ въ смиренный домъ, Щукинскому позволили вздохнуть

нѣсколько вольнымъ воздухомъ: на свободу выпустили, отдавши подъ полицейскій надзоръ. Въ этотъ короткій періодъ свободы я увидалъ впервые Щукинскаго и вотъ при какихъ, не совсѣмъ обыкновенныхъ обстоятельствахъ.

Въ городѣ проживалъ довольно богатый купецъ, имѣвшій москательную лавку, по фамиліи Носовъ, человекъ молодой, лѣтъ двадцати пяти. Въ іюлѣ 18.., пронеслась по городу молва, что Носовъ исчезъ не извѣстно куда; рядомъ съ фамиліей Носова помнилась почему то фамилія Щукинскаго. Народная молва все росла и росла, стали говорить, что Носовъ убитъ и что убійца его Щукинскій. Зная любовь обитателей провинціальныхъ городовъ къ сплетнямъ, я не обращалъ особаго вниманія на возникшую молву, но на этотъ разъ, покрайней мѣрѣ, въ первомъ предположеніи, молва не ошиблась. Домашніе Носова, напрасно прождавъ его дня два, дали знать объ его изчезновеніи въ полицію. Розыскивать стали. Наконецъ двѣ какія то старушки, пошедъ за грибами въ рошу, находящуюся верстахъ въ двухъ отъ города, набрали на трупъ Носова. Дали знать въ полицію, сдѣлали осмотръ трупу и нашли въ немъ глубоко застѣвшую пулю. Явно, что кромѣ «воли Божіей» еще чья нибудь рука приблизила часъ смертный. Въ карманѣ Носова остались нетронутыми деньги, часы, на пальцахъ кольца. Явно, что не съ цѣлю грабежа убитъ былъ Носовъ.

Молва положительно назвала Щукинскаго убійцей. Носова «подняли» съ мѣста убійства, привезли

въ городъ, въ домъ его и не знаю съ какой цѣлью, оставили на дворѣ. Народъ шолъ толпами смотрѣть на убитаго. Я, въ качествѣ зрителя, не отсталъ отъ другихъ.

— Ведутъ, ведутъ! раздалось въ толпѣ, и безъ всякаго приказа она дала широкую дорогу.

— Кого ведутъ? спросилъ я.

— Убійцу.

Я бросился въ передніе ряды. Щукинскій быстро шелъ къ трупу, сопровождаемый полицейскими солдатами. Затаявъ дыханье, толпа смотрѣла на Щукинскаго во всѣ свои тысячу глазъ, но Щукинскій не смутился отъ этого пожирающаго любопытства: онъ шелъ поднимъ голову, — смѣлость, да дерзость въ глазахъ его свѣтилась.

— Вотъ онъ! Смотри!

— Убійца!

— Звѣрь окаянный!

— Каторжный!

— Сгубилъ душу!

Глухой, угрожающій ропотъ раздавался позади Щукинскаго, но и этотъ ропотъ такъ же мало дѣйствовалъ на него.

Щукинскій подошелъ къ столу, гдѣ лежалъ убитый. Около трупа стояли съ одной стороны полицейскій чиновникъ, съ другой вдова убитаго.

Толпа впиалась глазами въ Щукинскаго: что будетъ ждала.

Подошедъ къ трупу, Щукинскій поклонился полицейскому чиновнику, вдовѣ убитаго и потомъ,

какъ ни въ темъ не бывало, облокотился на столъ, гдѣ лежалъ трупъ.

Полицейскій чиновникъ рассчитывалъ произвести впечатлѣнiе на Щукинскаго видомъ убитаго. Это иногда удается съ слабыми, религіозно-настроенными натурами, но Щукинскій былъ не изъ слабыхъ.

— Что вамъ угодно? ровнымъ, звучнымъ голосомъ спросилъ Щукинскій полицейскаго чиновника.

— Вы узнаете этого человѣка?

Полицейскій чиновникъ откинулъ простыню, прикрывавшую трупъ. Мертвецъ взглянулъ прямо въ лицо Щукинскаго, но у того ни одна жилка не дрогнула; не сморгнулъ даже.

Въ толпѣ слышно было какъ муха пролетить.

— Еще бы не узнать. Это купецъ Носовъ. Я съ нимъ былъ знакомъ.

Простой отвѣтъ Щукинскаго смутилъ полицейскаго чиновника: онъ ждалъ покрайней мѣрѣ фразъ, но и фразъ не было.

— И васъ... нисколько не трогаетъ... это зрѣлище?

— Нельзя сказать, что бы нисколько, но столько же, сколько и другихъ. Очень печальное зрѣлище.

Прошло нѣсколько секундъ молчанія: полицейскій чиновникъ не зналъ что говорить.

— Я васъ прошу, г. Щукинскій, положить вашу руку на грудь убитаго. Вотъ такъ, ближе къ ранѣ.

— Что это такое значитъ? Вы стало быть подозреваете меня въ убійствѣ? Такъ ужъ не судъ ли Божій вы хотите устроить? Впрочемъ, чтожъ? извольте: воля

начальства для меня всегда священна, съ глубочайшей ироніей проговорилъ Щукинскій и положилъ руку на голую грудь мертвеца.

Не скрою: минута была полна драматизма. Затанувъ дыханье народъ ждалъ, что изъ широко зіявшей раны выступитъ ручьемъ алая, неповинная кровь и впрядъ этимъ нѣмымъ голосомъ неба падетъ убійца на колѣни и исповѣдуетъ свое страшное дѣло.

Что было въ это время въ душѣ Щукинскаго? Незнаю; но только наружно онъ былъ удивительно спокоенъ, — мнѣ казалось, что порой по его плотно сжатымъ губамъ пробѣгала вызывающе-презрительная улыбка, какъ будто говорилъ онъ той улыбкой кому то: «ну чтожъ? Карай меня, если можешь?»

Прошло нѣсколько минутъ, — Щукинскій держалъ руку надъ самой раной, — алая кровь не выступала изъ нея, подозрѣваемый не былъ изобличенъ Божьимъ судомъ.

— Довольно, или еще прикажете продолжать? рѣзко прервалъ Щукинскій гробовое молчаніе.

— Довольно.

Толпа заколыхалась; она была недовольна: въ ожиданіяхъ ошиблась.

— Итакъ судъ Божій меня оправдываетъ. Выше его, какъ говорятъ, нѣтъ ничего на свѣтѣ, стало быть я могу быть свободнымъ?

— Нѣтъ, Щукинскій, судъ Божій не изобличилъ васъ, но въ душѣ своей я твердо убѣжденъ, что вы, вы убійца Носова, сказалъ полицейскій чиновникъ.

— Ну, еще вашего убѣжденія не достаточно; что-

бы быть заподозрѣннымъ, факты требуются, а фактъ на лицо: судъ Божій меня оправдавшій.

У трупа стояла молодая женщина: вдова уби-
таго.

— Вспомните, Щукинскій, что мы васъ у себя принимали, — сказала она, рыдая.

Щукинскій, снявъ перчатку, сталъ разглаживать усы.

— Миѣ кажется, что я на столько порядоченъ, что могу быть принять въ каждомъ домѣ. Что же это за особенная честь у васъ то быть? Да и, наконецъ, къ чему это ведетъ?

— И вы не пожалѣли его?

— А—а! И вы туда же. Увѣщавать меня хотите? Смотрите, это довольно трудновато. Во всякомъ случаѣ я не буду на столько любезенъ, чтобы, изъ угожденія вамъ, принять на себя преступленіе.

— Вы его убили! Вы!

Щукинскій отвернулся отъ рыдающей женщины.

— Однакожъ, г. частный приставъ, пора прекратить всѣ эти сцены; вѣдь это не на театральныхъ подмосткахъ. Если вы меня подозреваете серьезно, въ такомъ случаѣ производите формальное слѣдствіе, если нѣтъ, отпустите меня. Эффектовъ довольно. Вы привели человѣка какъ убійцу; передъ цѣлой толпой заставили его класть руку на трупъ, ждали суда Божія, не подумавъ, что этотъ человѣкъ можетъ быть и невиннымъ, что своими дѣйствіями вы безчестите его, что даже, формально оправданный, онъ загрязненъ въ глазахъ общества. Такъ не дѣлають. Или

вы думаете, что со мной, какъ съ осторожнымъ, церемониться не слѣдуетъ?

Такія рѣчи, какъ видно, были не по нутру полицейскому чиновнику.

— Ну, довольно; если я привелъ васъ сюда, такъ имѣлъ на это право. Отведите г. Щукинскаго въ полицію; я сейчасъ приѣду туда.

— Я готовъ; мнѣ не въ первые по мытарствамъ путешествовать: мало жилъ, да много видѣлъ.

Огромная толпа народа сопровождала Щукинскаго вплоть до полиціи; въ ней по прежнему слышались проклятія и ругательства, но по прежнему Щукинскій былъ хладнокровенъ и только изрѣдка судорожно крутилъ свои маленькіе усики, да хмурилъ тонкія брови.

А инстинктъ толпы едва ли обманулъ ее на этотъ разъ; дѣло было до крайности подозрительное. У Носова жила въ горничныхъ любовница Щукинскаго. Я ее потомъ видѣлъ. Когда Щукинскаго посадили во второй разъ въ острогъ, по убійству Носова, такъ она лежала въ больницѣ.

Стеша была хорошенькая дѣвушка, лѣтъ двадцати двухъ. Богъ знаетъ, желалъ ли Носовъ отбить Стешу у Щукинскаго, да та не соглашалась оставить своего любовника, или вслѣдствіе какихъ нибудь домашнихъ дразгъ, только Носовъ разъ прибилъ Стешу. Та передала объ этомъ Щукинскому...

Прошло недѣли полторы со времени этой исторіи; Носовъ забылъ о ней, а Стеша по прежнему оставалась у него горничной, Щукинскій же по прежнему

му навѣщалъ ее. Однажды Носовъ сидѣлъ у себя въ лавкѣ, въ которой, кромѣ его да прикащика, мальчика лѣтъ двѣнадцати, больше никого не было. Въ лавку взошелъ Щукинскій и поговорилъ о чемъ-то очень тихо съ Носовымъ. Послѣ этого они оба неизвѣстно куда ушли; Носовъ сказалъ мальчику, что онъ возвратится часа черезъ три.

Что говорилъ Щукинскій Носову осталось тайной. Больше Носовъ домой не возвращался; черезъ три дня былъ найденъ его трупъ.

Что происходило въ сосновомъ бору, знаетъ только онъ, но молчить на людскіе спросы.

Напрасно, рыдаючи, припадала молодая вдова на мураву, по которой дымясь струилась мужнина кровь, рыданьямъ ея не было отвѣта, голубое небо такъ же роскошно, безстрастно смотрѣло на нее, какъ въ тотъ самый часъ, когда надъ погибшимъ мужемъ разыгрывался послѣдній актъ драмы.

Щукинскаго видѣли вмѣстѣ съ Носовымъ, по выходѣ ихъ изъ лавки, на двухъ, трехъ, разныхъ пунктахъ города. Это была сильнѣйшая (въ началѣ слѣдствія) противъ него улика.

Но Щукинскій былъ уменъ, онъ зналъ, гдѣ можно и гдѣ нельзя было запереться.

— Вѣдь вы вызвали Носова изъ лавки?

— Я отъ этого не отказываюсь, — отвѣчалъ Щукинскій.

— За чѣмъ вы это сдѣлали?

— Мнѣ попался на улицѣ совершенно незнакомый человекъ (впрочемъ, въ лицо я его узналъ бы и те-

перъ) и спросилъ меня: «не знаю ли я Носова?» я отвѣчалъ утвердительно; тогда этотъ человѣкъ попросилъ меня вызвать Носова изъ лавки, что я и исполнилъ, не думая, что такая жалкая услуга повлечетъ за собой подобныя послѣдствія.

— Но это пустая отговорка. Всѣ заподозрѣнные ссылаются на неизвѣстныхъ людей. Общія фразы.

— Очень жалѣю, что для доставленія вамъ удовольствія не могу пріискать другой, болѣе исключительной причины. Это будетъ въ ущербъ правдѣ, а въ правдѣ-то и заключается мое оправданіе.

— Вызвавши Носова изъ лавки, вы тотчасъ отстали отъ него?

— Нисколько. Незнакомецъ хотѣлъ ждать насъ на углу Вознесенской улицы, за Дружининскимъ пустыремъ; туда я и проводилъ Носова, тамъ же я и отсталъ отъ него.

Спросили свидѣтелей; всѣ они видѣли Носова съ Щукинскимъ до Дружининскаго пустыря, дальше свидѣтелей не нашлось. Дружининскій пустырь лежалъ на перепутыи къ сосновому бору, въ которомъ найденъ трупъ Носова.

Щукинскій не скрывалъ своей связи съ Стешей, подтвердилъ даже, что она жаловалась ему на побои.

До сихъ поръ всѣ улики были противъ Щукинскаго: неопредѣленность ссылки на неизвѣстнаго человѣка, вызовъ Носова изъ лавки, путь, по которому шли они, связь съ Стешей, побои. Теперь же Щукинскій сталъ представлять факты его оправдывающіе: Носовъ былъ вызванъ изъ лавки въ одинадцать ча-

совъ, разстояніе до лѣсу было не менѣе двухъ съ половиной верстъ, чтобы пройти туда и обратно требовалось довольно времени, но въ первомъ часу Щукинскаго видѣли на совершенно противоположномъ концѣ города: онъ заходилъ въ одно изъ присутственныхъ мѣстъ. Всѣ чиновники подтвердили это и говорили, что они не замѣтили въ Щукинскимъ ни малѣйшей перемѣны; онъ по обыкновенію смѣялся, рассказывалъ какой-то анекдотъ. Какъ могъ Щукинскій въ такое короткое время, если онъ убилъ Носова, прямо послѣ вызова изъ лавки, попасть на противоположный конецъ города? Проѣхать на лошади? Опять свидѣтели видѣли его идущаго неторопливо пѣшкомъ, на нѣсколькихъ пунктахъ.

— Вы, господа, стараетесь на сколько можно натянуть обстоятельства меня уличающія, но забываете собрать меня оправдывающія. Позвольте мнѣ помочь въ этомъ вамъ: односторонность, недостатокъ слѣдствія, сказалъ Щукинскій.

Не согласиться съ этимъ нельзя было.

— Вы навѣрное очень хорошо замѣтили въ какомъ видѣ былъ поднять трупъ Носова?

— Отвѣчали утвердительно.

— Очень жалѣю, что меня въ это время тамъ не было; но это все равно. Я долженъ быть вамъ, г. частный приставъ, очень благодаренъ за желаніе изобличить меня посредствомъ суда Божія. Онъ мнѣ принесъ большую пользу. Я пристально вглядывался въ трупъ, клалъ на него свою руку и замѣтилъ, что трупъ былъ совершенно свѣжъ, не издавалъ ни ма-

лѣйшаго запаха, нервы и мускулы сохранили свою упругость, словомъ въ немъ не было ни одного изъ признаковъ разложенія. Не правда-ли?

Члены комиссіи и съ этимъ согласились.

— Вы, господа, положили, что я убилъ Носова, по выходѣ изъ лавки, и потомъ, совершивъ убійство, немедленно возвратился въ городъ. Такъ. Прошло три дня, послѣ предположеннаго вами убійства, трупъ Носова лежалъ во все это время въ лѣсу, вы знаете, какая была жарынь въ эти дни, знаете, что шолъ и дождикъ. Скажите же, пожалуйста: есть-ли возможность сохранитья трупу такъ хорошо, какъ онъ сохранился? Я самъ слушалъ медицину и знаю, что разложеніе и очень сильное, должно начаться, — отъ чего же его не было? Бабьими баснями факты при слѣдствіяхъ не объясняются. Явно, что убійство Носова было совершено не тотчасъ, какъ я его вызвалъ, но гораздо спустя послѣ того, всего вѣроятно въ тотъ самый день, когда трупъ былъ найденъ. Это мое предположеніе, но я основываю его на физическихъ данныхъ. Гдѣ же былъ во все это время Носовъ? Куда онъ исчезалъ? Освѣтили ли вы эти обстоятельства, могущія повернуть дѣло не въ ту сторону, куда вы хотите повернуть его? Если я принималъ какое нибудь участіе въ убійствѣ Носова, такъ я не могъ оставаться дома въ продолженіи этихъ трехъ дней, а я расскажу вамъ шагъ за шагомъ, что дѣлалъ въ это время и подтверждаю справедливость моихъ словъ свидѣтелями.

Стали собирать свѣдѣнія, что дѣлалъ въ эти три

дня Щукинскій и почти всѣ его показанія подтвердились; отлучки изъ дому были, но весьма кратковременныя.

Дѣло, повидимому столь ясное сначала, все болѣе запутывалось. Правда, открывались новыя улики противъ Щукинскаго, но Щукинскій былъ не изъ такихъ, чтобы позволить опутать себя; по мѣрѣ открывавшихся уликъ, его обвиняющихъ, у Щукинскаго являлись факты его оправдывающіе; оправдывая себя, онъ пускалъ въ ходъ все: логику, насмѣшку, знаніе, способность группировать факты и т. п.

Слѣдствіе надъ Щукинскимъ производила цѣлая коммиссія; онъ былъ противъ нея одинъ, но и одинъ онъ положительно сбивалъ всѣхъ съ толку: сегодня слѣдователямъ казалось, что Щукинскій запутался совсѣмъ, что ему предстоитъ одинъ только выходъ изъ темнаго лабиринта — признаніе въ убійствѣ, на-завтра же дѣло принимало другой оборотъ, Щукинскій завязывалъ снова ожесточенную борьбу и выходилъ изъ нее сильнѣе, чѣмъ прежде.

Уликъ противъ Щукинскаго скопилось довольно, но столько же было и обстоятельствъ его оправдывающихъ. Странно только одно, что каждый изъ слѣдователей (я ихъ зналъ всѣхъ, между ними были люди въ высшей степени добросовѣстные, не предубѣжденные), отдавая всю справедливосъ мастерству защиты Щукинскаго, цѣня обстоятельства его оправдывающія, вынесъ полное убѣжденіе, что убилъ Носова все-таки Щукинскій.

Впослѣдствіи (это было года черезъ полтора по-

слѣ убійства Носова), когда мнѣ привелось самому имѣть столкновеніе съ Щукинскимъ, быть въ нихъ дѣйствующимъ лицомъ, я встрѣтился разъ съ нимъ въ корридорѣ одного изъ судилищъ, куда Щукинскаго вызывали изъ острога для какихъ-то объясненій. Въ то время въ обществѣ только и было толковъ, что о гласномъ судопроизводствѣ; вѣсть о преобразованіи достигла конечно и острога.

— Что, Дмитрій Ивановичъ, полученъ уставъ гласнаго судопроизводства? спросилъ меня Щукинскій.

— Полученъ.

— Когда же онъ приведется въ исполненіе?

— Ну объ этомъ я знаю столько же, сколько и вы: сирѣчь — ничего. А зачѣмъ это вамъ?

— Истопили меня совсѣмъ, таскаючи по этимъ проклятымъ расправамъ — жили всѣ вытянули; полтора года опять сижу и не вижу конца моему дѣлу. Вѣдь выписка еще въ судѣ не готова, а вы знаете сколько другихъ мытарствъ осталось. При гласномъ судѣ хоть мучить не будутъ. Знаете ли, что я хочу сдѣлать?

— Не знаю.

— Я хочу подать прошеніе, чтобы меня въ видѣ опыта судили гласнымъ судомъ; пусть изберутъ присяжныхъ, присоединятъ къ нимъ людей свѣдущихъ въ медицинѣ, назначатъ обвинителя, я самъ буду защищать свое дѣло.

Я сталъ доказывать Щукинскому, что его просьба едва ли будетъ уважена.

— Все-таки попытаюсь.

Щукинскій подавалъ прошеніе о назначеніи надъ нимъ гласнаго суда, но его прошеніе постигла участь, которую я ему предсказывалъ.

Я не знаю, оправдали ли или обвинили бы присяжные Щукинскаго, но зная Щукинскаго, я убѣжденъ въ одномъ, что онъ мастерски защитилъ бы свое дѣло, что изъ него вышелъ бы далеко не дюжинный адвокатъ, и присяжные, подъ вліяніемъ фактовъ кроваваго дѣла и блестящей защиты, выдержали бы долгую пытку прежде, чѣмъ произнести роковое слово.

Меня сильно занимала личность Щукинскаго. Да и трудно было не остановиться передъ ней. Постараюсь нѣсколько освѣтить ее. Это была одна изъ числа тѣхъ богатыхъ натуръ, съ которыми сталкиваться приходится не часто. Правда Щукинскій свернулъ съ дороги; его лучшіе годы прошли въ острогѣ; его будущность можно опредѣлить навѣрняка: онъ закончитъ или каторжной работой или насильственной смертью. Не будучи пророкомъ, въ этомъ ошибиться не возможно. Возвратиться Щукинскому назадъ и начать новую жизнь нельзя, даже безъ присутствія кровавой тѣни стоящей за нимъ: онъ уже не въ состояніи ужиться въ обществѣ, даже еслибъ общество и согласилось на принятіе его. Слишкомъ уже много лѣмки выдержала натура, слишкомъ ужъ долго дышала она осторожнымъ срамомъ. Щукинскій принадлежалъ къ числу тѣхъ

людей, которые не вычеркивают со счетов старыя оскорбленія, но помнят ихъ, мучатся ими, впредь до расплаты. Имъ все равно, кто бы не нанесъ эти оскорбленія: личность ли, или собраніе личностей — общество; первымъ они отдають долгъ, порѣшивъ сумму иска своимъ собственнымъ судомъ, второму они платятъ отрицаніемъ всѣхъ существующихъ условій. Эти люди говорятъ: количество всего имѣющагося устроило жизнь такъ, что она должна кончиться не добромъ, стало быть и все имѣющееся, какъ принимавшее участіе въ развязкѣ, негодно; сознавая свои собственные, хоть и надломанныя силы, они въ своемъ я видятъ начало и конецъ каждаго разрѣшенія; судъ и приговоры другихъ для нихъ не существуютъ. Щукинскій не боялся оцѣнки своихъ дѣйствій; онъ былъ одаренъ какимъ-то до болѣзненности доведеннымъ чутьемъ всѣхъ аномалій современной жизни и имѣлъ въ этомъ самый сильный, самый тяжеловѣсный аргументъ. Его постоянно, лихорадочно раздражало неравенство правъ, обязанностей и возмездія; въ своихъ оправданіяхъ онъ постоянно опирался на кодексъ безобразно-исковерканныхъ попятій, онъ проводилъ параллель и спрашивалъ: что лучше? гдѣ разница? Я не замѣтилъ, чтобы Щукинскій пошелъ дальше этого инстинкта аномалій, но тѣмъ не меньше его нельзя было сбить никакими условно-нравственными теоріями. Мелкія и крупныя невзгоды и дразги жизни съумѣли создать изъ Щукинскаго только врага общества, но за то врага опаснаго. Правда, за Щукинскимъ числится одно только кровавое дѣло; но трудно сказать, на чемъ

и гдѣ останется онъ; для борьбы, какова бы ни была она, у Щукинскаго осталось еще много силъ. Натура въ высшей степени страстная, воспріимчивая, Щукинскій умѣлъ удивительно владѣть собой; отдаваясь впечатлѣніямъ минуты, онъ въ тоже время ломилъ себя такъ, что постороннему глазу нельзя было замѣтить, какъ отражались въ немъ проходящія впечатлѣнія. Теперь уже можно сказать положительно, что насильственная смерть Носова—дѣло Щукинскаго; во время «суда Божія» я безотвязно слѣдилъ за Щукинскимъ, чтобъ уловить, не выдастъ ли онъ себя хоть мимолетнымъ выраженіемъ, но, застигнутый въ распахъ, передъ едва остывшимъ трупомъ, Щукинскій не измѣнилъ себѣ ни однимъ движеніемъ бровей: ровный, на смѣшливый, онъ держалъ себя такъ, какъ будто дѣло шло вовсе не объ немъ, какъ будто не его карта ставилась въ банкъ. Въ столь же трудныхъ положеніяхъ я видалъ людей по видимому болѣе Щукинскаго закаленныхъ въ житейской борьбѣ, но никто изъ нихъ не выдерживалъ такъ мастерски свою роль отъ начала до конца. Съ сиѣлостью, доходящей до дерзости, въ Щукинскомъ мирился расчетъ опасности; онъ, пожалуй, и не бросился бы, подъ наитіемъ минуты, на серьезную опасность съ пустыми руками, но за то, при случаѣ, онъ и не отступилъ бы, еслибъ сама смерть взглянула въ лицо ему; близость опасности, жажда возмездія не парализировала, но напротивъ удваивала, утравивала даже его физическія силы; враги Щукинскаго въ эту минуту понимали, что съ нимъ нельзя шутить; они сами передавали мнѣ, какимъ

страшнымъ тогда являлся онъ. Что Щукинскій обладалъ положительно блестящимъ умомъ, такъ онъ это доказалъ лучше всего во время производства надъ нимъ слѣдствія по убійству Носова; я говорю: онъ приводилъ въ изумленіе слѣдователей своей находчивостью, своей способностью употреблять въ движеніе всѣ пружины, пускать въ ходъ всевозможныя орудія. По своему произволу Щукинскій ослаблялъ значеніе фактовъ, повидимому неопровергаемыхъ, открывалъ въ нихъ другую сторону, освѣщалъ ихъ свѣтомъ, который ему былъ нуженъ; Щукинскаго ни разу не заставляли неприготовленнымъ, его голова работала постоянно и готова была на всякую встрѣчу. Характерность, степень воли Щукинскаго, проявлялась въ его осторожной авторитетности: пріобрѣсти значеніе въ острогѣ, а тѣмъ больше барину, трудноѣ чѣмъ гдѣ бы то ни было, а Щукинскій былъ авторитетомъ. Правда Щукинскій, какъ онъ самъ выразился Чапурина, плевалъ на свое барство, и, быть можетъ, въ этомъ презрѣніи къ барству была и точка опоры его авторитетности, но тѣмъ не меньше дальнѣйшее развитіе его лежало уже въ личномъ характерѣ Щукинскаго. Замѣчательно, что Щукинскій никогда не заискивалъ у осторожныхъ, напротивъ онъ дерзости говорилъ имъ за малѣйшее слово, пришедшее ему не по нраву, лѣзъ въ глаза такимъ страшнымъ личностямъ, каковы были Чапуринъ, Залѣскій, тогда какъ этимъ людямъ ничего не стоило поднять уже намѣтавшуюся въ убійствахъ руку и разбить ему кандалами голову.

Однажды Чапуринъ пустилъ «мыльный пузырь» на

Щукинскаго: въ разговорѣ на убійство смотрителя обвинилъ его; но пузырь весьма скоро разлетѣлся прахомъ. Возиться съ нимъ мнѣ пришлось не долго: черезъ два дня на очной ставкѣ съ Щукинскимъ Чапуринъ взялъ обратно свое обвиненіе.

— За чѣмъ же понапрасну оклеветалъ человѣка? спросилъ я страшнаго убійцу.

— Да ужъ очень тоска разбираетъ, ваше благородіе: все какое ни на есть дѣло.

— Потому дуракъ и скотина, вотъ и несетъ дичь. Развѣ у него въ башкѣ есть мозгъ? очень хладнокровно замѣтилъ Щукинскій, стоявшій тутъ же, рядомъ съ Чапуринымъ.

— Коли чай нѣтъ: тоже живая тварь, смѣясь своимъ тихимъ смѣхомъ, отвѣчалъ Чапуринъ на замѣтку Щукинскаго.

— То-то и есть, что ты, тварь презрѣнная, отъ того въ твоей башкѣ и мозгу не имѣется.

— Вотъ ужъ вы и осерчали, Александра Александровичъ; пошутить съ вами не можно; словно царевна недотрога.

Хороша шутка осторожная: человѣка въ разговорѣ на убійство обвинить.

— Ну да, какъ же на вашего брата не сердчатъ: чести много! Плевать на тебя, на чучело, я хочу.

Чапуринъ опять улыбнулся.

— Эвто вашинска воля, знамо вы баре, а мы мужики-вахлаки.

— Эхъ ты, филинъ безмозглый, скажетъ что!...

Заруби ты это на своемъ поганомъ носу: я и на тебя то плевать хочу, да и на барство то на свое.

Я постарался поскорѣе прекратить этотъ веселенькій разгово́рецъ между двумя вполне интересными субъектами. Впрочемъ ни съ той ни съ другой стороны не было ни малѣйшаго возвышенія голоса, нельзя было и догаться, что это за люди ведутъ между собою бесѣду. Удаляясь вмѣстѣ изъ острожной конторы Щукинскій все старался убѣдить Чапурина, что онъ тварь и что въ его башкѣ не имѣется мозга, на что послѣдній легко подсмѣивался.

Между арестантами еще особеннымъ значеніемъ пользовался Зубастовъ. Надо замѣтить, что почти всѣ просьбы и бумаги, выходившіе въ страшномъ количествѣ изъ острога, принадлежали или Зубастову или Щукинскому. Но и здѣсь Щукинскій имѣлъ огромный перевѣсъ надъ своимъ противникомъ. Зубастовъ былъ наметавшійся практикъ; Щукинскій понималъ, такъ сказать, духъ закона. Зубастовъ грѣшилъ часто противъ логики и старался пополнить свой недостатокъ красотой слога, лирическими изліяніями, Щукинскій никогда не прибѣгалъ къ нимъ, но за то у него одно предложеніе вытекало изъ другаго; онъ умѣлъ группировать факты, придавать имъ извѣстный колоритъ; Зубастовъ приобрѣлъ житейскую опытность по Разуваимъ, Раздѣваимъ, Дерябаямъ, ухажьямъ воровскимъ, острогамъ — у Щукинскаго же взглядъ былъ несравненно шире, онъ выработался подъ другими условіями. Зубастовъ терпѣть немогъ начальство, Щукинскій вдвое, Зубастовъ старался гадить начальству изподтишка, обе-

регая себя, Щукинскій выходилъ противъ начальства прямо и наносилъ ему жесточайшіе афронты. Мнѣ не разъ случалось видѣть и Щукинскаго и Зубастова вмѣстѣ; Зубастовъ всегда относился къ Щукинскому съ полнымъ уваженіемъ, не смотря на огромную разницу лѣтъ (Щукинскій былъ передъ нимъ просто мальчишка). Щукинскій принималъ это уваженіе, не обращая на него никакого вниманія.

Въ острогѣ найдены были фальшивыя деньги; косвеннымъ образомъ и Щукинскій и Зубастовъ были прикосновенны къ этому дѣлу; въ показаніяхъ ихъ выходило разнорѣчіе; надо было тоже давать очную ставку.

— Вы кажется, Александръ Александровичъ, не вѣрно изволили показать, началъ Зубастовъ.

— Ну, ты покажи лучше: не даромъ же ты каштаномъ числишься въ острогѣ.

Зубастовъ повторилъ уже разъ показанное; выслушавъ съ насмѣшливой улыбкой слова Зубастова, Щукинскій подошелъ ко нему.

— Очень жаль Зубастовъ, что я до сихъ поръ ошибался въ тебѣ. Я тебя всегда считалъ хоть и за отъявленнаго плута, но за то и за большаго умника; теперь же я тебѣ скажу одно: отъ старости ли, или отъ чего другаго, только ты крѣпко дурѣешь. Смотри, другой черезъ годокъ, если только вырвешься изъ острога, обратно въ него не попадешь: совсѣмъ дуракомъ станешь.

По слѣ такой прелюдіи, Щукинскій сталъ опровергать слова Зубастова и, несмотря на усиленную, весь-

ма ловкую защиту послѣдняго, заставилъ его таки отказать отъ разъ уже сдѣланнаго показанія.

Словомъ, я не могу припомнить не одного случая, гдѣ бы Щукинскій заискиваніемъ старался упрочить свой «острожный» авторитетъ, напротивъ, до крайности деркимъ подъ часъ обращеніемъ, онъ какъ будто старался уронить его, а между тѣмъ его значеніе съ каждымъ днемъ все росло и росло; разъ сказанное Щукинскимъ становилось для арестантовъ чуть ли не закономъ.

Я боюсь, чтобы меня не заподозрили въ излишнемъ пристрастіи къ личности, исторію которой я рассказываю, въ желаніи идеализировать ее, если я прибавлю къ краткой характеристикѣ ея еще двѣ черты. Щукинскій обладалъ замѣчательной памятью: просидѣвъ нѣсколько лѣтъ въ острогѣ, безъ общенія съ живымъ міромъ, безъ возможности возобновленія разъ уже пріобрѣтеннаго, онъ удивлялъ тѣмъ запасомъ свѣдѣній, что успѣлъ захватить во время краткаго пребыванія своего въ университетѣ и, второе, помимо всего, Щукинскій былъ даже поэтомъ: я читалъ нѣсколько его переводовъ изъ Гейне; право, это были едва ли не лучшіе, не самые близкіе къ подлиннику; горькій, слезами отравленный смѣхъ Гейне, казался у острожскаго вовсе не такъ, какъ сказывается онъ обыкновенно въ безчисленныхъ виршахъ отечественныхъ ломателей безсмертнаго поэта.

Но я не даромъ сказалъ, что Щукинскій былъ одной изъ тѣхъ богатыхъ натуръ, съ которыми приходится встрѣчаться не часто.

Что же заставило надломиться эту жизнь? Отъ чего эти силы должны изсякнуть по каторжнымъ казематамъ? Чего не достаетъ и гдѣ не достаетъ?

Отвѣтъ не за мной.

Помимо «мыльныхъ пузырей» мнѣ пришлось про-
извести надъ Щукинскимъ и настоящее слѣдствіе: дѣло на этотъ разъ было подобное первому т. е. нанесеніе афронта. Впрочемъ, чтобы понять развязку, надо знать исторію ей предшествовавшую, а потому я и начну съ нея.

Щукинского, послѣ суда о поджогахъ и объ оскорбленіи полицеймейстера выпустили изъ острога, съ тѣмъ чтобы въ скоромъ времени засадить снова въ смиренный домъ. Въ короткій промежутокъ свободы совершилось убійство Носова и подготовилось другое дѣло, менѣе трагическое. Щукинскій былъ бѣднякъ;—чтобы прожить время свободы, ему должно было работать (до ремесла мазурика, крупнаго или мелкаго острогъ не могъ уни-
зить Щукинского). Щукинского взялъ для письмоводства одинъ изъ губернаторскихъ чиновниковъ, посланный въ ближайшія отъ города селы, для собранія какихъ-то свѣдѣній. Собралъ—ли чиновникъ свѣдѣнія—неизвѣстно, но что онъ вытанулъ очень много денегъ изъ крестьянъ, такъ это вѣрно. Губернаторскій чиновникъ штука въ губерніи не послѣдняя; на него жаловаться пойдетъ не всякій, потому такой жалобой

начальство обижаться изволить: «я де назначаю и выбираю самъ своихъ чиновниковъ, стало во мнѣ проницательности мало?» Обидно. Подвиги собирателя свѣдѣній навѣрное остались бы покрытыми «миракомъ неизвѣстности», тѣмъ больше, что и совершились то они въ средѣ, изъ которой голоса поднимаются рѣдко, если бы, къ несчастію для себя собиратель не взялъ въ писмоводителя Щукинскаго. Щукинскій видѣлъ всѣ сцены, разыгрывавшіяся на стѣзжихъ квартирахъ: предъ нимъ плакались крестьяне, смиловаться просили, въ убогіе кошелі лѣзли. Не успѣлъ еще собиратель свѣдѣній закончить своей многополезной дѣятельности, — когда съ подробнѣйшимъ прописаніемъ всѣхъ его подвиговъ губернаторъ получилъ длиннѣйшее письмо. Подъ письмомъ находилась подпись Щукинскаго. Губернатора покорило: выводить на свѣжую воду подвиги своихъ кліентовъ, давать имъ огласку — зазорно, не обратить вниманія на заявленіе такого чело-вѣка, каковъ Щукинскій, не совсѣмъ удобно хотя въ письмѣ и отдавалась почтительнѣйшая дань начальнической справедливости, но въ концѣ его тѣмъ не меньше было прибавлено, что буде, противъ чаянія, письмо останется втунѣ, то содержаніе его передается въ мѣста болѣе горнія. Губернаторъ избралъ златую средину: не давая письму огласки, онъ предложилъ собирателю выдти въ отставку, Щукинскаго же приказалъ запрятать немедленно въ смиренный домъ. Последнее приказаніе не привелось въ исполненіе: черезъ недѣлю послѣ того поднять былъ трупъ Носова и Щукинскаго отправили въ тюремный замокъ

а черезъ два мѣсяца родной дядя собирателя назначенъ былъ смотрителемъ того же тюремнаго замка.

И такъ ближайшая причина преслѣдованій Щукинскаго новымъ смотрителемъ была вендетта. Но кромѣ этой мести за кровь, у смотрителя была и своя причина ненавидѣть Щукинскаго: за смотрителемъ водилось очень много блохъ, — обворовывалъ онъ арестантовъ жестоко. Щукинскій зналъ это и, мало того, что не скрывалъ своего знанія, но и открыто высказывалъ, что онъ почище еще постарается услужить дядинкѣ, чѣмъ услужилъ племяннику.

Во имя этихъ двухъ причинъ новый смотритель уже безъ всякихъ внушеній свыше сталъ безотвязно преслѣдовать Щукинскаго, старался гадить ему на каждомъ шагѣ. Другой бы, зная Щукинскаго, побоялся подставлять ему ногу, а если бы и подставляя такъ половчѣе, чтобы тотъ не замѣтилъ, но смотритель пакостилъ напрямки; онъ былъ изъ бурбоновъ косая сажень въ плечахъ, усищи по грудь, стало быть, какъ же ему, богатырю, бояться штафирки.

Случалось, что послѣ придирокъ и пакостей Щукинскому, благопріятели говорили смотрителю.

— Эй, Петръ Борисычъ, остерегайся! Вѣдь звѣря дразнишь.

— Тово, тово, чорта лысаго, стану я бояться. Тово, тово, я его на мѣстѣ пришибу — мокренько останется.

— Припомни, Василья Александровича (полицмейстера).

Отвѣчалъ и на это смотритель:

— Онъ тово и до рыла то моего не достанетъ. Ростомъ, пашенокъ, не вышелъ; мало, тово, я ихъ мелюзги видалъ; въ бараній рогъ щенка согну.

Въ сладкихъ убѣжденіяхъ возможности согнуть Шукинскаго въ бараній рогъ смотритель оставался довольно долго. Должно полагать преслѣдованія не довольно сильно принимали Шукинскаго: глупъ ужъ очень смотритель былъ.

Въ острогѣ содержался богатый помѣщикъ Дегтяревъ — крестьянина на охотѣ убилъ: напился до чертиковъ, вбѣжалъ въ толпу, да перваго встрѣтившагося на мѣстѣ ножомъ и положилъ. Богатый арестантъ кладъ для смотрителя, съ нихъ всегда гонораръ приличный получается. Дегтярева Петръ Борисовичъ доилъ какъ добрую корову; какъ человѣкъ очень смирный (въ трезвомъ видѣ), Дегтяревъ позволялъ себя обирать смотрителю на сколько ему было угодно. Но, черезъ нѣкоторое время послѣ поступленія своего въ острогъ, Дегтяревъ познакомился и сошелся съ Шукинскимъ; со дня этого знакомства любезныя отношенія его со смотрителемъ пошли вверхъ дномъ; за свои услуги Дегтяревъ сталъ требовать отъ смотрителя соотвѣтствующаго количества услугъ... Для воина это было крайне непріятно, въ особенности онъ въ ражъ вошелъ, когда Дегтяревъ отказался брать у него обѣды.

Петръ Борисовичъ, не смотря на отрицную глупость, все же очень хорошо понималъ, въ комъ заключается главная пружина всѣхъ размолвокъ съ Дегтяревымъ, и злоба его на Шукинскаго увеличилось.

Прежде приносили къ Дегтяреву различныя вещи совершенно свободно, никто не заглядывалъ въ нихъ; послѣ же размоковки данъ былъ строжайшій приказъ караулу дѣлать тщательные осмотры. Мѣсяца два прошло и ничего не находилось. Однажды Дегтяревъ почувствовалъ себя нездоровымъ, но въ госпиталь не легъ. Камердинеръ принесъ ему бѣлья. Не будучи въ состояніи самъ отправиться для пріема принесеннаго, Дегтяревъ попросилъ взять на себя эту комиссію Щукинскаго. Тотъ согласился, пошелъ къ осторожнымъ воротамъ и принялъ корзину; во внутреннемъ дворѣ Щукинскаго остановилъ караульный фельдфебель, сталъ дѣлать осмотръ корзины и между бѣльемъ нашелъ бутылку лафита.

Преступленіе.

На другой день я получилъ увѣдомленіе «о нанесеніи тяжкаго оскорбленія» арестантомъ Щукинскимъ смотрителю тюремнаго замка и долженъ былъ производить слѣдствіе.

Прежде всего слѣдовало спросить и освидѣтельствовать смотрителя. Физическій afrontъ смотрителю былъ нанесенъ ужаснѣйшій: будто его по физіономіи кто желѣзнымъ пестомъ съѣздилъ, все лицо разнесло. Нравственная обида подѣйствовала на смотрителя довольно сильно: куража его лишила, присмирѣлъ, опустилсѣ смотритель; человекъ какъ будто сознавать что-то началъ.

Сталъ я спрашивать смотрителя: вслѣдствіе какихъ причинъ нанесенъ былъ afrontъ ему?

— Того, того, и самъ не знаю. Осерчалъ больно,

вѣремъ на меня накинудся и непотребнымъ словомъ меня облаялъ. Вы, тово, и не повѣрите — девять пудовъ одной рукой поднимаю, а тутъ тово такъ на полъ и рухнулъ, какъ молоткомъ ошеломилъ, свѣту Божію не взвидѣлъ».

— Но за что же такимъ образомъ поступилъ съ вами Щукинскій?

— Въ темную комнату запереть я его хотѣлъ, такъ идти не пожелалъ. Вишь онъ тово какой!

— Въ темную комнату, какъ я знаю, сажаютъ арестантовъ за наказаніе, такъ что же сдѣлалъ Щукинскій, чтобы его подвергать наказанію?

— Куралесить, тово больно, отъ него арестанты непослушаніе большое оказываютъ, знать ни кого не хотять, не довольничаютъ всѣмъ.

— Сомнительно, чтобы былъ въ этомъ виноватъ одинъ Щукинскій».

— Онъ, онъ разбойникъ; коноводъ общій. Вы подите-ка его арестанты, какъ бога, тово, слушаются; онъ все и просьбы по начальству пишетъ, беспокоить всѣхъ.

— Отъ чего же и не писать ему, когда его просять? я не вижу въ этомъ достаточной причины наказывать человѣка.

— Опять, тово, и пьянствомъ занимается, остановительно было.

Смотритель вралъ: я зналъ навѣрное, что Щукинскій не бралъ въ ротъ ни капли вина.

Я такъ и не добился отъ смотрителя настоящей причины понесеннаго имъ афронта.

— При новомъ дѣлѣ снова весь городъ загово-

рилъ объ Щукинскомъ; сплетня приняла по обыкновенію громадныя размѣры: говорили прямо, что Щукинскій зарѣзалъ зрителя, а тутъ же кстати припоминали о какомъ-то пріятелѣ Щукинскаго, офицерѣ Самойловѣ, неизвѣстно куда исчезнувшемъ назадъ тому нѣсколько лѣтъ, когда еще Щукинскій былъ на свободѣ. Что первая сплетня доказывала только развитіе сильнаго воображенія у жителей городка — такъ это неоспоримо, что же касается до офицера Самойлова, то я могъ только узнать одно, что это дѣло темное: жилъ былъ человѣкъ и потомъ скрылся неизвѣстно куда, о чемъ и предоставлено вѣдать «суду и волѣ Божіей».

— Щукинскаго привели ко мнѣ подъ строгимъ карауломъ. По обыкновенію онъ былъ очень развязенъ, почти веселъ; мы съ нимъ встрѣтились, какъ старые знакомые. Я зналъ, что съ людьми, подобными Щукинскому, нужно вести дѣла напрямикъ. Прежде всего, чтобы показать довѣріе къ Щукинскому, я сказалъ часовымъ, стоявшимъ по обѣ его стороны съ ружьями, чтобы они вышли въ другую комнату.

— Вы не боитесь остаться со мной съ глазу на глазъ?

— Съ какой стати?

— Вы слѣдователь, а я подсудимый. Вѣдь я какъ говорятъ, звѣрь; человѣка мнѣ ничего не стоитъ зарѣзать, съ горькой, едва замѣтной насмѣшкой, сказалъ Щукинскій.

Нарочно ли, невзначай ли, Щукинскій взялъ со

стола, у котораго мы сидѣли, перочинный ножъ и сталъ играть имъ.

— Мнѣ положительно все равно, чтобы не говорили объ васъ. Я во всякомъ случаѣ самъ знаю васъ настолько, чтобы не бояться. Если вы и захотѣли такъ это могли бы вы съ большимъ удобствомъ привести въ исполненіе и при часовыхъ. Выгоды въ томъ, что будутъ свидѣтели при этомъ, для меня собственно нѣтъ никакой, торжественности же обстановки я терять не могу и нахожу, что лучше дѣло вести какъ можно проще. Да и вообще я завѣрю васъ впередъ, что и послѣ этого слѣдствія мы съ вами разстанемся въ самыхъ мирныхъ отношеніяхъ.

Послѣ разнѣна прелиминарныхъ статей начался формальный допросъ.

— И такъ за начальствомъ числится еще одно оскорбленіе, полученное отъ насъ?

— Вы ошибаетесь, Дмитрій Ивановичъ, въ количествѣ: не одно, а два и едвали послѣдки не удачнѣе Любовцовскаго. Тотъ только зашатался, но устоялъ, а этотъ затылкомъ растворилъ дверь и растянулся въ коридорѣ.

Затѣмъ Щукинскій разсказалъ мнѣ всѣ причины, вызвавшія съ его стороны подобное дѣйствіе, рядъ тѣхъ преслѣдованій, въ которыхъ высказалась вся злоба на него зрителя. Впослѣдствіи я провѣрилъ справедливость показанія Щукинскаго другими фактами и не нашелъ въ нихъ ни одного слова лжи.

Когда Щукинскій кончилъ разсказъ, я напомнилъ ему, что новымъ дѣломъ онъ много повредитъ себѣ,

что во всякомъ случаѣ его прежнія дѣла затянутся теперь на неопредѣленное число лѣтъ, во время которыхъ онъ будетъ постоянно въ неизвѣстности объ исходѣ своей судьбы.

— Все это знаю я, Дмитрій Ивановичъ; знаю я, каково жить въ острогѣ,—что въ этой проклятой неизвѣстности долженъ выносить человѣкъ. Шелъ я къ вамъ по улицѣ и думаю: Господи! еслибъ мнѣ теперь возвратили хоть на годъ свободу, подышать хоть немного дали вольнымъ воздухомъ, такъ тогда пусть бы брали остальную жизнь: чортъ съ ней! Вѣдь вы понять не можете, что значить жить тамъ, гдѣ мы живемъ,—какъ дни-то тянутся. Каторжный хоть ихъ считать можетъ, а мы и того нѣтъ. Встанешь—острогъ, день цѣлый изъ угла въ уголъ, какъ шальной, шляешься, ложишься,—опять тотъ же острогъ, тѣ же заплѣсневшія стѣны, тѣ же люди. Не въ моемъ характерѣ унывать, а въ другой разъ отъ тоски такъ бы башку себѣ на мелкіе куски раздробилъ.

— А дѣло все-таки затянули?

— Да что же мнѣ дѣлать-то было? Ну, поставьте себя на мое мѣсто, развѣ вы того же не сдѣлали бы? Вѣдь меня чуть ли не десятый годъ терзаютъ;—чтожъ, я чурбанъ что ли имъ дался? Пакостить мнѣ опять вздумали; будь я на свободѣ, тогда пускай бы пакостили, меньше въ этомъ подлости было бы, а то связали человѣка по рукамъ и ногамъ, да и харкаютъ ему въ лицо: «у тебя дескать руки-то связаны, такъ намъ бояться нечего». Развѣ это честно?

— Конечно нѣтъ.

— Такъ голову, что ли, мнѣ надо было подставлять: на, дескать, колоти по ней, по проклятой, да потомъ дай еще ручку за твое милостивое расположение поцѣловать. Слуга покорный, не такимъ меня мать родила, да и не такимъ умру знать; казематами-то ничего не подѣлаешь: не трогай меня и я не трону, дѣлай мнѣ хорошее, я тѣмъ же отплачу. А ужь осломъ покорнымъ—атанде, не буду, да и быть не могу, пусть другіе везутъ, коли охота пришла! Ну хоть бы вотъ этотъ старый бурбонъ, зачѣмъ онъ лѣзъ на меня, зачѣмъ гадости мнѣ дѣлалъ? Вѣдь онъ зналъ, что обидѣ я не переносу? Охъ, еще счастливъ онъ, что на ту пору подъ руку мнѣ ничего не попалось, въ глазахъ очень потемнѣло, а то удружилъ бы я ему не такъ!

Прошло нѣсколько минутъ, Щукинскій отдыхался.

— Или жаловаться что ли мнѣ? А кому? Гдѣ судъ и правда? Развѣ у острожнаго есть судъ? Развѣ люди мы? Пожалѣть ништо кто, поплачется,—да чорта ли мнѣ въ этомъ плаканьи? Мнѣ врага моего подавай, поставь лицомъ къ лицу, а не жалости надо; изъ ней я шубу не сошью, прибыли тоже мало. Суда нищи? Доберись-ка до него! Дуракъ, на этомъ старомъ суда не найдешь, тебя же во всемъ обвинять; зачѣмъ не смиренномудрствовалъ? А вѣдь я и такъ нѣлые полгода молчалъ, зная всѣ его гадости. Образуется, думаю, старый. Вы думаете, по чѣму приказанію дѣйствовалъ тогда Чапуринъ въ своемъ оговорѣ на меня? По сталетовскому (фамилія смотрителя), самъ же Ча-

пуринъ мнѣ потошъ признался. Посмотрѣли бы вы, въ какую онъ меня камеру перевелъ, жить совсѣмъ нельзя: холодъ, сырость. Стану ему, говорить, а онъ зубы скалитъ: вишь, говорить, барчукъ какой у насъ въ острогѣ завелся. Такъ вотъ тебѣ на каждомъ шагу и пакостить и пакостить. Мелочи, скажете, все это? да вѣдь эти мелочи-то, какъ иголки, такъ и впиваются; и безъ того у насъ тѣло раздражено, наболѣло все; намъ все больнѣе приходится. Вотъ въ карцеръ хотѣлъ меня запереть, а за что? Что я сдѣлалъ? Ну я принялъ бѣлье, бутылка тамъ нашлась? Да вѣдь онъ лучше насъ съ вами знаетъ, какое пьянство въ острогѣ идетъ, стонъ стоитъ каждый вечеръ. Бѣда что ли какая изъ бутылки лафита приключиться можетъ? Пусть даже и бѣда, такъ развѣ для меня бутылка-то принесена? Всякій бы на моемъ мѣстѣ сдѣлалъ такую услугу Дегтяреву, какую я сдѣлалъ.

— Конечно сдѣлалъ бы.

— Такъ чего же онъ поднялся? Ну ужъ за то и взорвало же меня, когда онъ ко мнѣ въ камеру ввалился, да похабничать сталъ. Думаю себѣ: чего же эта скотина все издѣвается надо мной? Четверо часовыхъ въ это время было около него, но такая злость у меня въ эту пору была, что стой ихъ трижды четыре, такъ и то бы я добрался до него. Только и вижу, что одну его рожу: стоитъ эдакая красная, жирная. Стой же, думаю, пропишу я тебѣ, анафемъ рецептъ! Не забудешь ты меня надолго!.. А вѣдь, чай, точно не забудеть?

Щукинскій засмѣялся.

Я свидѣтельствовалъ карцеръ, куда, по домашнему суду, сажаютъ арестантовъ и куда смотритель думалъ засадить Щукинскаго. Карцеръ состоялъ изъ довольно большой, темной комнаты, окна въ ней не было совсѣмъ, по срединѣ ея какъ-то угодила громадная печь, Богъ вѣсть зачѣмъ служившая: на дворѣ стоялъ конецъ марта, а въ карцерѣ сырость была невыносимая, такъ и обдавало васъ, дышать невозможно. Я взойшолъ въ карцеръ съ фонаремъ: на освѣщенной, совершенно мокрой стѣнѣ копошились мириады мокрицъ и еще какихъ-то отвратительныхъ, тонкогузыхъ, насѣкомыхъ. Ни наръ, ни скамей, ни войлока, ничего въ карцерѣ не полагалось—одни пустыя стѣны.

Арестанты высиживаютъ въ карцерѣ недѣли по двѣ и больше.

Новое дѣло Щукинскаго тянулось довольно долго. Собственно говоря, дѣло-то объ афронтѣ кончилось въ первый же день: Щукинскій сознался, что онъ далъ двѣ плюхи смотрителю, стало быть объ этомъ и разговаривать нечего, но надо было прослѣдить исторію факта, рядъ грязныхъ преслѣдованій смотрителя это и отняло довольно много времени. Кромѣ того, Щукинскій не ограничился однимъ собственнымъ дѣломъ, онъ еще открылъ цѣлую массу смотрительскихъ злоупотребленій; въ нихъ тоже слѣдовало покопаться.

Въ концѣ концовъ Щукинскому удалось таки доканать своего врага: смотрителю велѣли подать въ отставку.

Слѣдствіе приближалось къ концу. Въ одинъ изъ послѣднихъ приходоѡ Шукинскій былъ какъ-то скучнѣе обыкновеннаго: я спросилъ его, какая тому причина. Шукинскій почти обрадовался вопросу.

— Какъ вы думаете, Дмитрій Ивановичъ, чѣмъ покончу я жизнь?

— Право, незнаю, Шукинскій, что и отвѣтить вамъ на это.

— А я знаю. Я нынче не спалъ цѣлую ночь и все думалъ. Много я придумалъ и порѣшилъ, что добромъ я некончу. Есть во мнѣ что-то такое, что покою мнѣ не даетъ, мучаетъ меня. Не жилецъ я на этомъ свѣтѣ; куда ни суньте меня, вездѣ душно мнѣ будетъ, не прилажусь я ни къ чему. Ништо какъ въ каторгу меня ушлютъ, да тамъ палочьями забьютъ, такъ тогда ужъ и разговаривать нечего, а то—ну на свободу я вырвусь? такъ ли меня пустятъ, убѣгу ли я, а все долго не прохожу, опять въ каменный мѣшокъ попаду. Дорогу я не умѣю давать, въ одну ноту тянуть? Злости во мнѣ много, а не злиться какъ? Зачѣмъ мы лишніе, зачѣмъ намъ мѣста нѣтъ?.. Да, тяжело мнѣ было сегодняшній день, какъ припомнилъ я свои годы казематные... Вѣдь двадцать семь лѣтъ мнѣ, жизнь настоящая, дыши грудь! а воздуху-то нѣтъ, мгла такая стоитъ, что страсть! такъ вотъ и давить и давить тебя: псомъ паршивымъ сдохнешь! кто-то говоритъ. Такъ зачѣмъ же родили-то меня? Зачѣмъ не пришибли, когда я щенкомъ былъ? Иди теперь, а куда я пойду, вишь темень какая?..

ЗАБАВЫ И НАСЛАЖДЕНІЯ.

ЗАБАБЫ И НАСЛАЖДЕНІЯ.

На самомъ краю города, въ концѣ базарной площади, стоитъ тяжелое мрачное зданіе, обнесенное высокимъ каменнымъ заборомъ, съ массивными башнями по угламъ: острогъ это. Обходить стороною народъ угрюмое зданіе, только въ базарные дни, когда крестьяне пріѣдутъ продавать хлѣбъ и другіе припасы, видно у воротъ его нѣсколько тощихъ, мизерныхъ лошадемокъ, да толпится небольшая кучка сермягъ и женскихъ шугаевъ: то братья, жены, сыновья, отцы пріѣхали повидаться съ своими кровными, что въ неволѣ изнываютъ, сидючи въ каменномъ зданіи.

Порой выйдетъ изъ острожныхъ воротъ русая борода, съ тупымъ отчаяніемъ подойдетъ она къ кучкѣ сермягъ, дожидających своей очереди, и начнется между ними невеселый разговоръ..

— Што, Парфенъ, видѣлъ штоли свово-то?

— Видѣлъ, православные, видѣлъ: совсѣмъ истомился, соколикъ, хлѣба-пищи не принимаетъ.

— Чаво баить, четвертый годокъ съ Миколы зимняго пошолъ!

— Руки, сказываетъ, на себя наложу, опостылѣлъ мнѣ свѣтъ Божій совсѣмъ.

— Ишь ты! Воли-то, значить, лишился!

— Онамнясь парнишку я къ нему привелъ, Максютку его, такъ инда затрясся весь, увидавши его, словно рѣка, сердечный, залился.

— Родительско сердце!

— Понапрасну загубили парня, что ни на есть былъ у насъ онъ первой человѣкъ; како поштенъ на міру отъ всѣхъ ему было!

— Да ты бы, дядя Парфенъ, на поруку его взялъ.

— Эхъ ты, паренекъ молодой, голова твоя мудреная! Али онъ тебѣ ближе, што ты эвдакое стараніе объ немъ прикладываешь? На поруку? Ты подь къ намъ на дворъ, да посмотри: што есть? Гуню-то — и ту всю содрали.

— Вона, робя, и нашъ Андрюха тожъ третій годъ сидить. Рѣшенъе, бають, скоро выдетъ; знакомый такой человѣкъ въ судѣ у насъ есть, заѣзжалъ нонѣ къ нему: такъ и баить, скоро-могъ рѣшенъе, только, баить, ихнему набольшему надоть дать.

— Мало они съ васъ брали!

— Ненасытная утробы!

— Провалиться бы имъ!

Калякаетъ такъ промежъ себя кучка сермягъ, не веселъ идетъ у нихъ разговоръ; налетѣла на голову каждого изъ нихъ гроза нежданная, негаданная; мало радостей и прежде бывало, а тутъ какъ увели кров-

наго на острожную жизнь, какъ растащили нищенское добро по чужимъ рукамъ, такъ хоть съ бѣлѣ-свѣта совсѣмъ бѣги.

Но сколько ни калякай сермяга у осторожныхъ воротъ, не помочь тебѣ горю! Крѣпки ворота острожные, висятъ на тѣхъ воротахъ запоры тяжелые, стерегутъ ихъ солдатики съ ружьями...

Разъѣзжаются сермяги по домамъ на всѣ на четыре стороны, поклоняется имъ спѣлая рожь до сырой земли наливнымъ своимъ колосомъ, божья вольная птица летитъ къ нимъ на встрѣчу, и пуще горе, какъ вспомнить сермяга кровного своего, что сидитъ теперь въ желѣзныхъ заклепахъ, щемитъ да сосетъ его сердце. А какъ поможешь горю?

Эхъ! благо, пѣгашка подъ рукой, на ней вымѣстишь!

А вонъ и знакомая елка стоитъ, подъ ней жирный цѣловальникъ въ красной рубахѣ зазываетъ добрымъ словомъ дорогихъ гостей.

— Прру!

Порой выйдетъ изъ угрюмага зданія молодуха, сядетъ она у воротъ и начнетъ причитать и голосить на всю площадь, словно по покойникѣ. Чего, чего только не приберетъ она въ своемъ причитаніи!

Причитаетъ молодуха:

«Истомили яснаго соколика, наложили на крѣпки рученьки цѣпи тяжелыя: снесли русы кудерушки съ буйной головушки! Осталася я, безталанная, сиротушкой! Закатился божій свѣтъ изъ моихъ очей.

Охъ и нетути отца родимаго у малыхъ дѣтей. Идетъ, идетъ зима студеная, нарубить дровецъ намъ некому».

Все припоминаетъ молодуха, чуть ли не съ любовью припоминаетъ даже, какъ пьяный бивалъ ее «другъ сердешный», а то теперь «уму-разуму кто поучить?» Долго и терпѣливо слушаетъ молодуху солдатъ часовой, знать тоже вспоминаетъ, какъ и надъ нимъ причитаніе шло, когда гнали на службу, какъ и его молодуха осталася сиротинушкой, только сиротинушкой-то теперь утѣшенной...

Но вдали, на площади показалась знакомая саврасая лошадь: дежурный по карауламъ ѣдетъ. Солдатъ молодцовато выпрямился и брякнулъ ружьемъ.

— Пошла! Чего развопилась! Вишь, ихъ высокоблагородіе ѣдетъ.

Молодуха продолжаетъ причитать.

— Али хочешь, щобъ въ шею тебя! Сказано пошла!

Угроза подѣйствовала: молодуха оставила причитанія.

Порой выйдетъ изъ угрюмаго зданія сгорбленная, древняя старушонка и тоже сядетъ на приворотную скамейку и ужъ такъ-то плачетъ, что и у другихъ вчуужь сердце болитъ за нее.

Толкуетъ около плачущей народъ:

— Вишь какъ убивается, сердешная!

— Горе-то знать не малое!

— Чай по дѣтищѣ родимомъ?

— А то, кромѣ матери-то, ништо кто такъ пла-

четь? Знаю одно материнское сердце настоящее горе чувствуетъ.

Не слышитъ старуха людской жалости: плачетъ.

— Баушка! ты што больно убиваешься?

— Сыночикъ у меня тамъ, родименькій! сыночикъ!

Да, угрюмо зданіе острожное, печальныя сцены разыгрываются у воротъ его....

— Старшой! раздается внутри угрюмага зданія.

— Ч-е-т-ы-р-е-х-ъ солдатъ въ к-о-н-в-о-й!

— Кличь арестантовъ-то! Чтобъ скорѣе поворачивалась. Что ихъ, чертей, дожидаться што ли!

— Куда вести-то?

— Въ палату.

Черезъ нѣсколько минутъ упалъ тяжелый желѣзный запоръ, брякнули цѣпи.

— М-а-р-ш-ъ!

Шесть человѣкъ арестантовъ показалось изъ воротъ. Первымъ дѣломъ каждый изъ арестантовъ усиленно лихорадочно потянулъ въ себя воздухъ да выпрямилъ наболѣвшую грудь.

— Что, встали! Маршъ!

Изъ угрюмага зданія выходятъ только угрюмыя лица; около него раздаются одни только вздохи, причитанія да бряцаніе цѣпей.

Но еще угрюмѣе смотритъ угрюмое зданіе ночью; ни одного огонька не свѣтится въ немъ, только передъ огромнымъ образомъ, что виситъ надъ воротами, тускло теплится въ праздничные дни лампада. Прохожіи, пуше чѣмъ днемъ, старается обойти его.

— С-л-у-ш-а-й! Протяжно звонко раздается въ ночной темнотѣ на одномъ углу угрюмага зданія.

— С-л-у-ш-а-й! Отвѣчаютъ на другомъ.

Берегутъ больше глазу угрюмое зданіе: и день и ночь ходятъ около него солдатики съ ружьями, зорко вглядываясь въ ночную темь, чутко прислушиваясь къ каждому шороху....

«Осторожные» не любятъ сидѣть въ камерахъ; только проливной дождь или трескучій морозъ можетъ загнать ихъ туда. Причина понятна: тюремный дворъ, хоть и обнесенный высокимъ заборомъ, все же даетъ больше воздуха, свѣта, больше возможности взглянуть черезъ рѣшетчатые ворота на людскую толочку; здѣсь чувствуешь, что не окончательно еще порвана связь съ живымъ міромъ, замкнутая одиночность не такъ тяжело ложится на душу. Камерная жизнь начинается собственно послѣ вечерней переключки.

Огромная со сводами комната, до крайности грязная, закоптѣлая, освѣщается нѣсколькими тускло горящими и страшно воняющими ночниками. Копоть, сырость, всевозможные газы сперли воздухъ до невозможности дышать свѣжему человѣку, но «осторожные» мало того, что дышать въ этой атмосферѣ, они даже «забавляются».

Хотите знать нѣкоторые острожные «забавы».

Нынѣ новичка привели, стало быть, потѣха будетъ: нѣчто въ родѣ посвященія въ братство. Иванъ Красновъ, изъ мѣстныхъ мѣщанъ, чуть ли не десятый разъ сидящій въ острогѣ, записной конокрадъ и

писанный красавецъ, председательствуетъ на многочисленномъ митингѣ. Вновь прибывшему идетъ экзамень. Осторожныя, ѣдкия остроты сыплются со всѣхъ сторонъ; простоватый, необглядѣвшійся новичокъ не знаетъ, какъ и отбояриться отъ прозженной компаніи; глупо-печально посматриваетъ онъ на зелено-грязныя лица, его окружающія, еще болѣе глупо-печальная улыбка приподнимаетъ углы его рта въ отвѣтъ на хриплый, натянуто-веселый осторожный хохотъ.

Красновъ билль предложилъ:

— Да что съ нимъ, дурнемъ, балясы-то попусту разводить! «Баушку» ему, олуху, покажемъ!

Билль принять.

— Баушку! баушку! раздалось со всѣхъ сторонъ.

При словѣ «баушка» арестанты, не принадлежащіе къ митингу Краснова, а занимавшіеся своимъ дѣломъ, подняли головы; только двое, что сидѣли на нарахъ въ самомъ дальнемъ углу, не слышали вызова на общую потѣху, — у нихъ была своя, до крайности интересная работа: тонкой стальной иглой одинъ изъ арестантовъ окончательно отдѣлывалъ только что отлитой, оловянный четвертакъ, и поднося его къ ночнику, съ наслажденіемъ любовался на мастерскую отчетливость работы, товарищъ же съ лихорадочнымъ блескомъ въ глазахъ слѣдилъ, притаивъ дыханье, за мастерствомъ работника. Словно свѣтлякъ какой, блескъ предъ ночникомъ незаконорожденный четвертакъ, и думалось «ученику» осторожному о вольномъ житьѣ, о томъ, какъ хорошо тамъ приложить къ дѣлу осторожную науку.

Баушка была ютирована. «Каряга» принялъ новичка въ свои объятія (Каряга всегда употреблялся на подобные случаи, какъ орудіе, какъ ломъ желѣзный, — онъ во всемъ острогѣ слылъ за представителя чудовищной силы), и точно клещами сжалъ въ нихъ бѣдняка.

— Кто подъ низъ?

— Я! Я! раздались голоса желающихъ.

Нѣсколько арестантовъ, скинувъ съ себя верхнюю одежду, разлеглись рядомъ по полу.

Валей, Каряга!

Новичекъ сталъ кричать благимъ матомъ. Веселость арестантовъ увеличилась.

— Огоровь его по вилку-то пустому!

— Заткни ему глотку-то!...

— Нетрожь!

— Ложись, чортовъ сынъ!

Каряга, точно ребенка, поднялъ новичка на воздухъ и потомъ положилъ его на растянувшихся на полу арестантовъ.

— Растянись, анаемское тѣло!

Нѣсколько арестантовъ схватили новичка за ноги; человѣку пошевелинуться нельзя.

— Хлебова! Хлебова!

Егоза подбѣжалъ къ ушатѣ и захватилъ огромный ковшъ воды.

— Растарачивай прорву!

Каряга стиснулъ своими клещами ротъ новичка и заставилъ его раскрыться во всю ширину.

— Наяривай!

Егоза съ обезьянными ужимками, съ непечатными словами, съ крупной солью сталъ лить посвящаемому воду.

— Обрекается рабъ Божій, Акимка-Простота, острожному житью!

— Накачивай!

— Пару больше!

Угощай друга!

Веселье разгорается: первый ковшъ вылить, Егоза побѣждалъ за другимъ.

— Засмаливай!

— Казенна водица, жалѣть нечего!

— Крѣпись, шельмецъ!

— Жинку вспоминай!

Еще и еще ковшъ влить въ новичка; судорожно начинаетъ онъ вздрагивать и барахтаться, но осторожные крѣпко насѣли на него: потѣха не можетъ кончиться скоро.

Егоза и невѣсть сколько накатилъ въ несчастнаго воды; пытка тогда только порѣшилась, когда стала предстоять серьезная опасность.

— Шабашъ, братцы!

Водяная потѣха покончилась, за ней начался второй актъ «баушки».

— Поцѣлуй бабку въ рыло!...

Но здѣсь слѣдуетъ опустить завѣсу...

Это одна изъ осторожныхъ «забавъ».

Другая.

Вчера былъ обыскъ, неудачно запрятанныя карты

попались въ руки начальства. Но осторожные не унываютъ, они хитры на изобрѣтенія.

На нары усаживается нѣсколько арестантовъ.

— Пушай фантерію!

— Почемъ конь?

— Знамо гривна.

— Тебѣ знамо, какъ купцовъ грабимъ.

— А ты, анафема, въ чужи дѣла не суйся, свои знай. Рыло то сверну.

— Пошли, псы, лаятся!

— Что ихъ аспидовъ слушать. Валяй кругъ Микитка!

Кругъ начертанъ. Каждый изъ арестантовъ запускаетъ руку въ волосы, шарить въ рубашѣ и ментально отыскиваетъ необходимаго для игры звѣря.

Пускаются звѣри на кругъ и напустуемые осторожной солью, учиняютъ ристалище: Премія за той, кто первая достигнетъ очертанья круга.

Третья забава:

— Робя! плюй на нихъ, давай гвоздиться!

— Али тебя мало намеднись гвоздили!

Прытокъ онъ парень, да Васька прыть-то сшибетъ.

— Небось, богомоль, и тебя не поминуть. По тинеграфу, слышь, для вашей милости и плети по-выя изъ Питера прислали.

Билль о «гвожденіи» тоже принять. Отыскали огромный гвоздь, навязали на веревку — и что есть силы дуетъ по рукамъ осторожная братья другъ друга самодѣльнымъ кистенемъ. Пурнуть руки, кровь

просачивается нестерпимая боль вырываетъ у нѣкоторыхъ невольный крикъ... Но есть и такіе, которые глазомъ не моргнувъ выдерживаютъ пытку: за то имъ и награда, за то и въ выигрышѣ они нѣсколько копѣекъ.

А вотъ забава и ученіе: соединеніе пріятнаго съ полезнымъ:

У одного изъ осторожныхъ табакерку нашли. Табакерка съ виду не мудрящая: тавлинка изъ бересты, только дно у ней что-то толсто было; вынули дно, — оно оказалось выдолбленнымъ и въ немъ спрятано двѣ, вырѣзанныя на старыхъ грошахъ фальшивыя печати: одна Казанской градской думы, другая какого-то сельскаго управленія. Новичекъ, у котораго найдена была табакерка, струсилъ, когда повели его къ допросу, и вмѣсто: «знать ничего не знаю, вѣдать ничего не вѣдаю, подкинулъ кто-то изъ злаго умысла», показалъ, что купилъ онъ тѣ печати за рубль серебромъ у татарина Серафетдина Рамазанова, вора отпѣтаго. Потянули Рамазанова къ слѣдствію, тотъ, конечно, и руками и ногами.

— Что ты вѣру даешь ему? Пушай свидѣтеля ведетъ, улику кажетъ. Онъ злой человѣкъ, судить его нужно, мы такихъ дѣловъ знать не знаемъ.

Свидѣтелей противъ Рамазанова, конечно, нельзя было найти, хотя торгъ между имъ и новичкомъ шолъ въ открытую, при цѣлой камерѣ; а потому дѣло для Рамазанова такъ ни чѣмъ и покончилось, но оно не кончилось для новичка покупателя; проучить его слѣдовало, чтобъ товарищей впередъ не выдавалъ, да и

самъ другорядъ безъ толку головой въ петлю не совался.

Зажглись ночники въ арестантскихъ камерахъ и собрался судъ рѣшать: къ какому наказанію новичка приговорить, чтобъ понятно ему было, что неладно шутить съ осторожнымъ товариществомъ.

Послѣ долгихъ споровъ, судьи положили приговоръ: съ доносителемъ «перевозъ» учинить.

Услыхавъ приговоръ суда, новичокъ поблѣднѣлъ отъ страху, мука ему предстояла очень большая; сталъ умолять онъ, чтобъ сжалились надъ нимъ... Но трудно добраться до «осторожнаго» сердца, закалилось оно въ житейскихъ непогодахъ, тиранствъ испытало не мало.

— Пошто же ты, Каряжинька, зѣнками-то хлопаешь, али чинъ свой забылъ? Принимай!

Увидавъ, что Каряга приближается, новичокъ обратился въ бѣгство и залѣзъ подъ нары. Но это только увеличило общую веселость, совсѣмъ стала травля: краснаго звѣря изъ норы нужно добывать. Въ припадкѣ наслажденія, Егоза скакалъ по камерѣ какъ бѣшеный и заливался истерическимъ хохотомъ.

— У-у! Ату его! Ату его! гуломъ неслось по камерѣ.

— Ну, Каряжинька, дѣвствуй!..

Каряга полѣзъ за доносителемъ подъ нары, за нимъ послѣдовало еще человѣка три здоровенныхъ арестанта. Подъ нарами завязалась ожесточенная борьба; но нельзя же вырваться изъ каряжинскихъ клещей: черезъ полминуты или, минуту доноситель былъ извле-

ченъ изъ своего убѣжища и поднять на могучія плечи Каряги.

— Становись, ребя, по кавалерски въ двѣ шеренги, да угощье припасай, чтобъ пріятство иному человѣку больше выходило! командовалъ Егоза.

Почти всѣ арестанты, бывшіе въ камерѣ, стали вить изъ чего попало толстые, точно палочье, жгуты, да завязывалъ въ концы ихъ, кто гривны, кто битки, а кто и просто осколки кирпичей.

— Готово, что ли? раздался командирскій голосъ.

— Ииѣются! Въ довольствѣ находится будетъ! отвѣчали импровизированные лекторы.

— Р-а-в-н-я-й-сь! скомандовалъ Егоза.

По командѣ Егозы всѣ арестанты выстроились въ двѣ шеренги, оставивъ между шеренгами проходъ. Каряга съ доносителемъ на плечахъ дожидался на концѣ шеренги, чтобъ начать торжественное шествіе.

— М-а-р-ш-ъ!

— Тра-та-та! Тра-та-та! Тра-та-та! звонко, отчетливо подражалъ барабанному бою Егоза, и выходило у него ни дать, ни взять точно тотъ барабанный бой, подъ трели котораго вступаютъ «на зеленую улицу».

Надъ доносителемъ началась настоящая экзекуція. Со всего размаху посыпались на него безошадные удары, Каряга же тихо ровно шолъ по шеренгамъ... Кричать сталъ доносчикъ, но ему сначала ротъ зажали, а потомъ и самъ онъ пересталъ. Осторожные не даромъ боятся «перевоза»: спина сдѣлается совѣмъ

черной, какъ трупъ свалить человѣка на нары, водой откачиваютъ.

Вздумалось разъ осторожнымъ «перевозъ» устроить для Чапурина, да неудалось. Попалось Чапурину въ руки полѣно.

— Незамай, говорятъ: башку съ маклака сшибу.

И сдѣлался въ эту минуту Чапуринъ такой страшный, загорѣлись у него глаза такимъ огнемъ, что даже «осторожные» струсили: отступились.

Говорилъ мнѣ одинъ изъ «осторожныхъ»:

— Вѣдь у насъ потѣхъ и не вѣсть сколько: — въ карты играемъ, вино пьемъ, ругаемся. Деньга бы въ карманахъ была, а то хоть птичьяго молока достанемъ. И веселье вдругорядь идетъ у насъ знатное! Намеднясь бродягу привели. Прокурать! За гривенникъ подрядился цѣлую ночь собакой лаять. Привязали его мы къ «парашкѣ», на четверенки парень всталъ, да до бѣла свѣта по собачью и провылъ. Помощникъ (смотрителя) приходилъ: «откуда, спрашиваетъ, собака у васъ взялась», а мы знай только смѣемся: какой молъ у насъ собакѣ быть, знать нечистый поселился. Веселье! Брюшки всѣ надорвали смѣявшись.

Такъ вотъ какъ-съ, въ острогѣ и веселятся и смѣются.

Познакомивъ читателя съ образцами осторожныхъ забавъ я долженъ сказать нѣсколько словъ и объ осторожныхъ наслажденьяхъ. Адъ кромѣшный, пред-

ставляемый нашими острогами, высказывается здѣсь больше чѣмъ въ чемъ либо другомъ. Осторожныя игрища, калѣченье людей, какъ забава, ничто, невиннѣйшее занятіе въ сравненіи съ страшнымъ развратомъ, притаившимся за осторожными стѣнами.

Существованіе осторожнаго разврата—знаютъ, всѣ приходившіе въ болѣе или менѣе близкое отношеніе съ каторжными людьми, но всѣ стараются игнорировать его. Тѣ гуманные люди, что видятъ въ разнообразныхъ системахъ заклеповъ, въ чтеніи душевспасительныхъ книгъ и т. под. глубокохватающихъ мѣрахъ универсальное средство для исправленія человѣчества, что расточаютъ дешевое краснорѣчіе въ описаніяхъ пороковъ, свойственныхъ осторожникамъ и въ пагубномъ дѣйствіи этихъ пороковъ на новобранцевъ,—обходятъ вовсе вопросъ объ осторожныхъ *наслажденіяхъ*, стыдливость и боязнь замарать свои свѣжія перчатки удерживаютъ ихъ отъ прикосновенія (неговорю уже объ анализѣ), къ отвратительной грязи. Но, боже мой, мы хотимъ очистить мѣстность отъ губительныхъ міазмовъ, мы устраиваемъ вентиляціи и въ тоже время, мало того что обходимъ самую страшную помойную яму, изъ которой густымъ столбомъ ежеминутно поднимается ядовитый, всеотравляющій смрадъ, изъ-за того, что нечистоты этой кладки слишкомъ отвратительны, слишкомъ мерзки, изъ-за того, что очистка ея потребуетъ огромной и совершенно новой работы, мы еще своимъ молчаніемъ прикрываемъ ее, стараемся увѣрить себя, что эта яма плодъ нашей фантазіи. Но неужели подбирая соринки, сметать крылошкомъ пыль

съ огромнаго зданья, мы достигнемъ какихъ либо результатовъ, неужели сумма здоровья увеличится?

Не надо быть ни опытнымъ, ни ученымъ физиологомъ, чтобы взглянувши на эти зелено-грязные острожные лица, на эти преждевременно потусѣвшіе глаза, на эти рыхлыя, ослабѣвшія мышцы, чтобы догадаться въ чемъ скрывается одинъ изъ главныхъ источниковъ всего этого, чтобы понять что за болѣзнь разъѣдаетъ эти когда-то здоровенные организмы; но чтобы составить себѣ полное понятіе о видахъ и размѣрѣ гнуснѣйшихъ, самыхъ противуестественныхъ порокахъ, господствующихъ въ острогахъ, надо хорошо познаться съ ихъ внутреннимъ бытомъ. — Для поддержанія острожнаго разврата горючій матеріалъ всегда находится въ изобиліи, есть всѣ благопріятныя для него условія. Укажемъ на нѣкоторыя изъ нихъ.

Длинные -острожные списки преимущественно пополняются людьми съ горячей кровью, людьми, которыхъ именно жгучая-то страстность натуры увлекаетъ часто къ преступленію; въ сравненіи съ другими темпераментами, флегматики составляютъ меньшую цифру преступниковъ, средній возрастъ, въ которомъ совершается число преступленій, можно считать отъ 20 до 40 лѣтъ, т. е. время полнѣйшаго развитія организма, всестороннѣйшаго проявленія всѣхъ его отправленияхъ. Далѣе, въ острогѣ попадаютъ люди, всевозможныхъ отбѣжковъ, всѣхъ степеней нравственности, начиная отъ совершившихъ преступленій подъ вліяніемъ какой-то странной, таинственной силы и кончая Залѣскими и Чапуриными, услаждавшими своими кровавыми подвигами, по-

нятно, что въ такомъ разнообразіи не въ рѣдкость встрѣтить людей, испившихъ въ жизни чашу наслажденій и разврата до дна. Люди эти не признають общихъ нравственныхъ принциповъ, они удовлетворяють желаніямъ и потребностямъ по своеобразной, имъ принадлежащей, ими выработанной логикѣ; люди эти безнравственность и развратъ возвели въ догму, предметъ поклоненія и служенія, къ слову правды они относятся съ презрѣніемъ и смѣхомъ. Стало быть въ примѣрѣ и учителяхъ, обладающихъ притомъ всѣми данными, обуславливающими успѣхъ педагогической дѣятельности, недостатка въ острогахъ никогда не ощущается и не можетъ ощущаться. Затѣмъ. Безконечно-тянушіеся, подавляющіе своимъ мертвящимъ однообразиемъ дни и ночи осторожныхъ, ихъ, для насъ даже непонятная, мучительная тоска больше всего разнообразится передачей другъ другу сказаній о пройденной жизни, объ утраченной свободѣ. Въ этихъ сказаніяхъ на первомъ планѣ почти всегда стоятъ сердечныя привязанности, половыя отношенія. Я слыхалъ объ этихъ разсказахъ и знаю какимъ жгучимъ пафосомъ проникнуты нѣкоторые изъ нихъ, какимъ томительно-страстнымъ увлеченіемъ дышетъ каждое слово разсказа; какія обольстительныя картины изъ своего богатого воспоминаньями прошлаго рисуютъ другъ передъ другомъ эти надломанные, искаленные, но все жъ подчасъ могучіе люди, сходявшіеся на своемъ вѣку съ такими же мускулистыми, страстными женщинами. Наконецъ. Ничто не развиваетъ въ человѣкѣ способности жить въ воображаемой, а не въ дѣй-

ствительной жизни, какъ лишеніе свободы; печальная обстановка, недостатокъ дѣятельности, тяжелыя думы заставляютъ человѣка ежеминутно отрывать отъ безотрадной дѣйствительности и уноситься, въ міръ фантастическихъ образовъ; только въ этомъ мірѣ человѣкъ дышетъ, живетъ, не чувствуетъ на себѣ давленія осторожныхъ стѣнъ. Это средство осторожныхъ людей къ мечтательной жизни, доходитъ часто до болѣзненности, до умопомѣшательства и еще болѣе, подъ влияніемъ осторожныхъ разсказовъ разжигаетъ и безъ того уже горячую кровь...

Понятно, какъ должна дѣйствовать на каждаго человѣка, попавшаго въ острогъ, совокупность всѣхъ этихъ условій: возрастъ, фізіологическія потребности, столкновеніе съ людьми, прожигавшими жизнь до дна, скука, ничѣмъ не сокращаемое однообразіе и эта возбуждающая, страстная передача взаимныхъ воспоминаній; понятно, какіе мучительно-чарующіе образы должны слетать къ изголовьямъ этихъ искалѣченныхъ людей, какую безобразно-страстную форму должна принимать ихъ фантазія и, понятно, больше чѣмъ что нибудь, какой исходъ, при суммѣ всѣхъ этихъ условій, находятъ себѣ страстные порывы этихъ людей, при невозможности удовлетворенія ихъ и при возможности — какимъ грязнымъ цинизмомъ процикнуты они.

Забвенія вопроса объ осторожныхъ «наслажденіяхъ» нельзя оправдать ничѣмъ; даже, вставши на ту точку, что люди, совершившіе тяжкія преступленія, уже не отъ міра сего, отиѣтые, что для нихъ не стоитъ тратить перловъ нашей гуманности. Пусть —

такъ. Но за этими отверженными стоитъ другое, отъ которыхъ жизнь и общество отказались не вполне, которые опять должны принимать въ нихъ дѣятельное участіе. Они-то, благодаря нашей трусости и стыдливости, за что гибнуть, зачѣмъ доходятъ до идиотизма? За что они внесутъ въ жизнь адъ кромѣшный, пережитый ими въ острогѣ?

А между тѣмъ при положеніи дѣлъ *in statu quo*, или при употребленіи палативныхъ, замазывающихъ средствъ, можно поручиться, что едва ли не половина попадающихъ въ острогъ поддадутся вліянію окружающей среды, примутъ участіе во всѣхъ ея прелестяхъ. Если въ борьбѣ, кто чаще всего оказываются устоявшими противу соблазновъ, то это сентанты; фанатизмъ и догма спасаютъ ихъ отъ козней нечистаго...

Преслѣдовать противуестественные пороки, гнѣздящіеся въ нашихъ острогахъ мѣрами взысканій и наказаніями больше чѣмъ бесполезно. Въ острогѣ мѣры устрашенія не ниѣютъ за собой никакой цѣнности; если наказанія оказались вполне безуспѣшными въ отношеніи школьниковъ, то понятно къ какимъ результатамъ приведутъ они въ отношеніи осторожнаго люда: развратъ скроется еще глубже; въ виду преслѣдованія, противуестественное удовлетвореніе чувственности еще больше будетъ губить организмы.

Мнѣ стоитъ указать на нѣкоторые личности (впослѣдствіи читатель познакомится съ ними короче изъ моихъ рассказовъ), предававшіяся противуестественнымъ порокамъ, чтобы читатель могъ изъ одного только этого перечня понять, какъ мало могутъ имѣть зна-

ченія въ отношенія ихъ преслѣдованіе и наказаніе и какъ сильно примѣръ ихъ долженъ дѣйствовать на другихъ. Такъ къ числу этихъ личностей принадлежали: Чапуринъ, Залѣскій, Воротиловъ и др. Притомъ же, преслѣдованіе противуестественныхъ пороковъ, какъ преступленій, бесполезно уже потому, что самое открытіе ихъ путемъ официальнымъ положительно невозможно; если изъ десяти преступленій, совершенныхъ въ острогѣ, семь остаются не открытыми, то понятно съ какими непреоборимыми трудностями должно быть соединено преслѣдованіе и доказательство формальнымъ образомъ уродливыхъ отправленій организма, т. е. преступленій по самому свойству ихъ не обуславливающихся тѣми данными, которыя при изслѣдованіи другихъ преступленій, являются руководящими нитями къ уясненію и открытію истины.

Но острожныя наслажденія не исчерпываются видами одного только противуестественнаго разврата. Острожные, подъ вліяніемъ опять таки все тѣхъ же условій, жадно ловятъ cadaго столкновенія съ женщинами. Случаи эти, конечно, удаются весьма рѣдко; проходятъ иногда цѣлые недѣли, мѣсяцы прежде чѣмъ придется обмануть начальнической глазь. Но острогъ выучиваетъ терпѣнью. Чтобы отвести въ другую сторону надзоръ и подозрѣнія, употребляются такія хитрости, на которыя способны одни только острожные, т. е. люди, у которыхъ всѣ мозговыя способности направлены къ одной цѣли. Чаше всего мѣстомъ свиданья острожныхъ служатъ бани, (которыя обыкновенно бываютъ общія, какъ для мужчинъ, такъ

и для женщинъ); цѣлыми партіями, человѣкъ по десяти, мужчины и женщины сходятся тамъ, — подкупленные арестантскими грошами сторожа игнорируютъ все совершающееся въ баняхъ... Самое пылкое воображеніе едва ли можетъ составить себѣ полное понятіе о тѣхъ безобразныхъ сценахъ, что разыгрываются въ баняхъ; дальше этихъ сценъ адъ кромѣшный идти не можетъ...

Чтобы выяснитъ себѣ характеръ осторожныхъ наслажденій, логику и взглядъ на нихъ участвующихъ, я имѣлъ не рѣдкія бесѣды съ Щукинскимъ (съ лично-стью его вы познакомились), какъ съ однимъ изъ самыхъ выдающихся и характерныхъ представителей осторожной жизни.

Такъ говорилъ однажды Щукинскій:

— Разстоянье, насъ отдѣляющее, повидимому не велико, всего нѣсколько шаговъ, но дѣло въ томъ, что вы прохладаетесь и благодумствуете, а мы сидимъ въ каменномъ мѣшкѣ, — согласитесь, что это весьма важное обстоятельство, что его слѣдуетъ всегда принимать въ уваженіе? Благодаря каменному мѣшку, наша жизнь слагается подъ одними условіями, благодаря свободѣ, ваша—подъ другими. Вѣдь было бы странно, еслибы мы, съ своей каторжной мѣркой подошли къ вамъ и ее стали прилаживать къ вашимъ отношеніямъ, отъ чего же вы то, такъ эгоистично требуете, чтобы вашъ взглядъ подо всѣми градусами широты и долготы былъ непогрѣшимъ. Бывши въ университетѣ, я изъ всего курса какой-то мудреной науки, вынесъ одну только истину, что на землѣ нѣтъ ничего абсолютнаго, что все зависитъ отъ вліянія,

подъ которыми слагается известное понятіе. Вы согласны, что это дѣйствительно истина?

— Пожалуй. Что же дальше-то?

— А вотъ что, если это истина, такъ и примѣняйте ее вездѣ. Нравственная щепетильность, стыдливость тоже понятія не прирожденныя, а условныя. Вамъ при барыняхъ стыдно разстегнуть жилетъ, а вотъ подъ тропиками-то и кавалеры и дамы променады совершаютъ совсѣмъ въ натурѣ и въ конфузъ отъ того не приходятъ. Отъ чего бы это такъ? Да, полагаю, что раствореніе воздуха мозги нѣсколько иначе у людей повертываетъ. Между нами, острожными, и вами, людьми свободными, лежитъ такой же океанъ, какъ между тропиками и старымъ свѣтомъ...

— Но не забудьте, что мы росли и слагались съ вами подъ одними, общими условіями и сходство... Сходство, къ бѣдѣ насъ острожныхъ, между вами и нами одно: всѣ мы люди, у всѣхъ у насъ одинаковыя отправления. Вамъ, учтившимся до сыта, хорошо толковать, но посидѣли бы вы на нашемъ мѣстѣ, такъ заплѣли бы другую нѣсню. Тѣло и кровь не свой братъ,—ихъ душеспасительными размышленіями не накормишь они требуютъ другой, болѣе осязательной пищи.

— Да развѣ это пища? развѣ дѣло всегда въ одномъ только стыдѣ? Вы, какъ слушавшій лекціи медицины, знаете очень хорошо сами, къ какимъ страшнымъ послѣдствіямъ ведетъ неестественное отправление органическихъ потребностей.

— Знаю-съ и вотъ что на это скажу: люди съ го-

лоду иногда ѣдятъ всякую пададь, глину, изъ подобныхъ же себѣ биштексы готовятъ. Въ числѣ ѣдаковъ по всей вѣроятности бываютъ знающіе, къ какимъ послѣдствіямъ ведетъ подобнаго рода пища, да ѣдятъ же, да ходи какъ ѣдятъ, за ушами только трещить. Опять таки вы не мы, мы не вы. Вамъ хорошо громить нашъ грязный цинизмъ, наши противуестественные пороки. Вамъ зачѣмъ быть грязными? Васъ не жмутъ какъ ужа вилами; вы можете развратничать вдоволь при хорошей обстановкѣ, не боясь помѣхи; намъ же некогда думать объ обстановкѣ и послѣдствіяхъ, мы воры; мы каждую минуту должны озираться по сторонамъ, стоять на чеку, иначе быть жестокой встрепкѣ, а она не вкусна и для насъ...

Щукинскій остановился, я не забѣгалъ впередъ съ вопросомъ.

— Помню, продолжалъ Щукинскій, назадъ тому съ полгода меня перевели въ «пересылочный». Тамъ, вы знаете, мужчины и женщины въ отдѣлѣ зданіи содержатся; тамъ же удавалось мнѣ съ пріятелемъ забираться въ женскія камеры.

Разсказать вамъ все что творили мы, тамъ — вы, пожалуй, не повѣрите... И не забудьте, что въ камерѣ сидѣло до восемнадцати женщинъ всякаго сорта, отъ «публичныхъ» до самыхъ неприступныхъ раскольницъ. Если бы кто со стороны видѣлъ, что совершалось въ этой камерѣ, тотъ сразу бы понялъ, на сколько стыдливость составляетъ прирожденное качество женщины, на сколько сильна она оказывается, когда другіе толоса въ трубы начинаютъ трубить. По вашему все

это отвратительно, цинично, а по нашему, по осторожному, это такъ и слѣдуетъ. У насъ, значить, воздухъ другой, тропики-съ; потому на всякія штуки-и люты мы очень. Да и то сказать: острогъ то съ прекрасной Елладой сходствіе тоже имѣетъ? Правда-съ, граціи въ насъ осторожныхъ по меньше, — а въ чемъ другомъ, такъ мы и похлеще грековъ будемъ и имъ носъ утремъ; насчетъ фортелей разныхъ, куда имъ передъ нашимъ братомъ осторожнымъ... Завели они тамъ разныя елевзинскія таинства, такъ для чего-жъ и намъ отъ нихъ отставать? Мы народъ тоже хитрый.

— Ну, понесъ!... Съ вами объ дѣлѣ толкуютъ, а вы насчетъ лубковъ, кажется, пробѣжать желаете...

— Хорошо; онныя отложимъ до другаго раза. Давайте же толковать о дѣлѣ. Я не знаю, къ какимъ заключеніямъ вы придете касательно пути, выбраннаго мною относительно удовлетворенія моихъ естественныхъ потребностей, но во всякомъ случаѣ не забудьте же принять во вниманіе слѣдующія обстоятельства: во 1-хъ мнѣ двадцать восемь лѣтъ; во 2-хъ я не давалъ никакихъ обѣтовъ; въ 3-хъ пятый годъ сижу въ этомъ мѣстѣ и въ 4-хъ я осторожный. Да-съ, я осторожный. Видите ли еще какая разница между вами и нами: у васъ за добродѣтели медалями награждаютъ, а у насъ взлупкой...

— Но вѣдь и вашъ же способъ вознагражденія за добродѣтели тоже, какъ сложившійся подъ извѣстными условіями, можетъ измѣниться при измѣненіи условій; самыя же условія измѣняются отъ усилій тѣхъ, кого жизнь, такъ или иначе, втиснула сюда.

— Видите ли что: ваши нервы страдаютъ, когда музыкынты фальшивятъ; мы тоже, хоть и не тонкими, а все же нервами одарены. И горе тому музыканту, кто въ нашемъ острожномъ хорѣ въ тактъ не возьметъ! мы его выучимъ или плясать по своей дудкѣ, или...

У Щукинскаго глаза разгорѣлись...

— Впрочемъ, что же: или?... У кого же изъ насъ осторожныхъ придетъ охота о добродѣтеляхъ проповѣдывать? Ништо въ качествѣ миссіонеровъ вы насъ сюда присылаете?

СОКРАТЪ ПРЕМУДРЫЙ.

СОКРАТЪ ПРЕМУДРЫЙ.

Въ городахъ есть особый типъ личностей, обязанный своимъ происхожденіемъ и развитіемъ чиновному началу; онъ выросъ въ атмосферѣ нашихъ судовъ, правленій, палатъ. Люди этаго типа кажется и на Божій то свѣтъ явились за канцелярскимъ столомъ; за нимъ же присуждено имъ встрѣтить первые дни молодости и гнуть спины до тѣхъ поръ, пока кормилица-служба не откажется отъ своего дѣтища. Исторія этаго типа недолга, воспоминанія разнообразны: отецъ былъ такой же, какъ сынъ, испытанъ бѣднякъ, вмѣсто лохмотьевъ безформенныхъ, облеченный въ форменный вицъ-мундиръ, работавшій, при случаѣ пившій и, умирая, оставившій въ наслѣдство сыну пріятную перспективу — идти по проторенной дорогѣ. Единственная возможность труда этаго типа — служба; она даетъ средства: при случаѣ — напиться пьянымъ, всегда голодать, но съ голоду, пожалуй, и не умереть; требуетъ же отъ дѣтища не много: двѣ-

надцати часовой работы въ сутки, въ помѣщеніяхъ хуже острожныхъ.

Выгнанные изъ службы «ихъ благородія» переносятъ свою полезную дѣятельность въ Разуваи, Дерябы, Гуляи, гдѣ жмутся день и ночь, чаще всего получая подзатыльники, но иногда и стаканы зелена вина. Такая карьера начинается обыкновенно лѣтъ подъ сорокъ и продолжается до глубокой старости, если только въ одинъ прекрасный день, около той же самой Дерябы, не найдутъ похолодѣвшій трупъ оюйцы, распотрошеннаго не свезутъ на полицейской лошади и не скинутъ съ крѣпкимъ словомъ въ наскоро вырытую могилу.

«Ихъ благородія» женятся и посягаютъ. Семьищи у нихъ, какъ на зло, всегда бываютъ преогромныя. Чѣмъ кормятся эти семьи — Богъ вѣсть. Ручаться можно только за одно: часть дѣтей достигнетъ зрѣлаго возраста, мужское поколѣніе пополнить убыль изгнанныхъ отцевъ и сдѣлается тоже «ихъ благородіями», женское — отчасти воспроизведетъ въ свѣтъ новыя расы «ихъ благородій», отчасти возьметъ желтые билеты и приставетъ къ «гуляющимъ». Случается такъ, что «ихъ благородія», въ качествѣ чина, при исполненіи своихъ обязанностей, встрѣчаются лицомъ къ лицу съ своими сестрами, или дочерьми, за дебоши приведенными изъ «веселыхъ пріютовъ». Я бывалъ при такихъ оценкахъ: ничего, ругаются иногда.

Зачѣмъ родятся «ихъ благородія»? Вопросъ до крайности интересный, но къ веселымъ мыслямъ едва ли приходящій.

Каждому слѣдовательно приходится часто имѣть дѣло

съ «ихъ благородіи», потому большинство прошеній, кляузъ, фальшивыя респисокъ, паспортовъ, — ихъ руиъ дѣла; народъ на это дошлый, хлѣбъ насущный въ томъ ихъ скрывается.

Мнѣ въ особенности памятенъ одинъ изъ ихъ благородій, нѣкто Сократъ Васильевичъ Сперанскій; его знаетъ старъ и младъ. Если васъ когда нибудь судьба занесетъ въ нашу глушь, то навѣрное и вы познакомитесь съ Сократомъ Премудрымъ (такъ прозвали Сперанскаго). Въ первый же день вашего пріѣзда подойдетъ къ вамъ господинъ лѣтъ за пятьдесятъ, небритый, съ дерзко-плутоватою фізіономіей, въ странномъ костюмѣ, но непременно съ знакомъ благородства на околышѣ и, съ достоинствомъ отсалютовавъ вамъ, скажетъ:

— Ограбленному своими богатыми родственниками, съ поноровкою губернскаго начальства, титулярному совѣтнику Сократу Васильевичу Сперанскому, милостыньку Христа-ради, великодушный незнакомецъ, учинить соблаговолите!

Это самый и есть Сократъ Премудрый.

Я сказалъ, что Сократъ Премудрый одѣвался странно. Частію по нищетѣ своей, частію и изъ желанія шокировать тонкія нервы губернскаго начальства, Премудрый изъ своего убогаго гардероба строитъ удивительныя вещи: напр. вы можете его встрѣтить иной разъ въ истасканномъ, двадцатыхъ годовъ, вице-мундирѣ съ фалдочками, въ крестьянской рубахѣ, портахъ, лаптяхъ, и домотопной трехъ-уголкѣ; въ другой разъ достанетъ казганнишко рваный-прерванный, сапоги

такіе же, надѣнетъ ихъ на палку, да босикомъ по улицамъ городка и шествуетъ. Въ костюмѣ Сократа Премудраго было одно только постоянство—знакъ благородства: чтобы ни надѣлъ Сократъ, а ужъ непремѣнно на немъ или фуражка съ кокардою, или трехуголка...

— Дабы вѣдала вся тварь земная, что есть я благородный человекъ!

Чѣмъ фантастичнѣе былъ костюмъ на Сократѣ Премудромъ, тѣмъ онъ больше любилъ показывать себя въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ по преимуществу пребываетъ квинтъ-эссенція губернской администраціи: около губернскаго дома, присутственныхъ мѣстъ. Если, не смотря на странность костюма, представители начальства не обращаютъ вниманія на Сократа, такъ онъ канты жалобные начнетъ тянуть.

Губернское начальство крѣпко серчало на Сократа Премудраго. Да и какъ не серчать? Бывало у ихъ превосходительства гости на балконѣ соберутся: барышники, барыни, лвы губернскіе; благодумствуютъ, чаи распиваютъ, пріятными разговорами занимаются; сами ихъ превосходительство счастье и радость вокругъ себя льютъ,— а тутъ откуда ни возьмется въ своемъ невыразимомъ одѣяніи Сократъ Премудрый, встанетъ передъ балкономъ и начнетъ:

— Прекрасныя дамы и кавалеры! Снизойдите со высотъ своего величія и удостойте милостынею злостнаго, во грѣхахъ погибающаго титулярнаго совѣтника Сократа Васильевича Сперанскаго, ограбленнаго своими

богатыми родственниками, съ поноровкою здѣшняго губернскаго начальства!

Ну и въ ражъ придетъ губернское начальство, отдастъ тотчасъ же приказъ строгій, явятся архаровцы и повлекутъ раба Божія Сократа Премудраго въ кутузку, а рабъ Божій на всю улицу ревѣть начнетъ:

— Прекрасныя дамы и кавалеры! Призываю во свидѣтельство васъ, какъ слуги тьмы Сократа Сперанскаго въ преисподнюю влекутъ!

Скандалъ. Губернское начальство ажитировано.

Продержать Сократа Премудраго въ кутузкѣ дня три, четыре, а иногда и больше, но онъ не унываетъ: на счетъ заушенья и пощѣканціи пройтись нельзя, челоуѣкъ благородный—выпустить же когда нибудь. Выпустить. Сократъ Премудрый и старается гдѣ нибудь въ публикѣ поймать ихъ п—ство, да прямо въ ноги и бухнетъ.

— Отецъ всѣхъ злосчастныхъ! Прими благодареніе и отъ Сократа Сперанскаго за то, что покормилъ его гладнаго и далъ кровъ ему, неимѣющему гдѣ главу свою преклонить.

Новый скандалъ.

Но на этомъ Сократъ Премудрый не остановится. Пойдетъ въ чертоги губернаторскіе. Если приказъ отданъ, не пускать его предъ свѣтлыя очи, такъ онъ ляжетъ на полу да и ни съ смѣста, его выносить, а онъ кричать, его въ шею бить, а онъ еще пуще кричать. Пройметъ наконецъ высокаго сановника, выйдетъ тотъ, спроситъ Сократа Премудраго, что ему нужно:

— Къ твоей неизрѣченной мудрости и справедливости прибѣгаю! скажетъ Сократъ и бумагу подастъ.

— Это что?

— Нижайшее прошеніе раба твоего.

— О чемъ?

— О нанесеніи тяжкаго оскорбленія титулярному совѣтнику Сократу Васильевичу Сперанскому, по приказанію дѣйствительнаго статскаго совѣтника (имя рекъ губернатора) въ присутствіи благородныхъ свидѣтелей такихъ то (имя рекъ присутствующихъ на балконѣ), 29 мая сего года.

Ну, начальство и еще больше вскипятить (потому, развѣ подобаеъ шутить съ начальствомъ?) и опять мукамъ предастъ Премудраго.

Услыхалъ Сократъ Премудрый, что въ Н. нѣкія, значительнаго ранга особы изволили прибыть. Отправился Премудрый въ Н. по образу пѣшаго хожденія, съ жалобой на губернское начальство, настигъ онъ гдѣ-то особъ, палъ предъ ними на колѣни, и прошеніе подавъ; одна изъ особъ приняла прошеніе, передала кому слѣдуетъ и, не сказавъ ни слова просителю, продолжала, купно съ другой особой, шествовать дальше. Не успѣли особы десяти шаговъ сдѣлать, какъ Премудрый, приподнявшись съ колѣнъ, возопіялъ глаголомъ великимъ:

— Не надейтесь на князи людскіе!

Подхватили снова архаровцы Сократа Премудраго и повлекли, — на этотъ разъ въ острогъ, гдѣ и продержали мѣсяца два, но опять таки безъ дальнѣйшихъ послѣдствій: то есть переслали его по этапу въ мѣ-

сто жительства, въ нашъ же городъ на утѣшеніе губернскаго начальства.

Говорилъ послѣ того Премудрый:

— Распрекраснѣйшую прогулку учинилъ, почетный караулъ даже былъ назначенъ, чтобъ мою особу оберегать и лелѣять.

Въ нашъ городокъ тоже одна особа вздумала завернуть. Около губернаторскаго крыльца толпилось человѣкъ тридцать народа: крестьяне, салопницы, отставные солдаты. Впереди всѣхъ, въ величественной позѣ, стоялъ Сократъ въ трехъ-угольной шляпѣ. Показалась карета, подъѣхала къ крыльцу и высокая особа не успѣла еще ногу на землю поставить, какъ предъ ней, на одномъ колѣнѣ, стоялъ уже Сократъ Премудрый и, совершенно на тотъ манеръ, какъ въ старину раздуженные кавалеры подавали букеты и мадригалы дамамъ своего сердца, вручилъ прошеніе. Высокая особа приняла прошеніе и скрылась въ губернаторскихъ апартаментахъ.

— Что это вы дѣлаете, Сократъ Васильевичъ? спросилъ я Премудраго.

— Реверансъ, его —ству.

Исторія Сократа Премудраго и вся недолга, хоть ему и было далеко за пятьдесятъ лѣтъ. Прежде Премудрый служилъ гдѣ-то и растратилъ сто рублей ассигнаціями казенныхъ денегъ, за что былъ исключенъ изъ службы и отданъ подъ судъ. Вотъ ужъ двадцатый годъ тянется дѣло Сократа, на службу его не принимаютъ, содержанія никакого не даютъ.

И сталъ на старости лѣтъ шутить народнымъ Со-

кратъ Премудрый. Гаерствуетъ передъ почтенѣйшей публикой, да начальство губернскае злитъ: первое занятіе ему иногда хлѣбъ даетъ, вторымъ же онъ сердце свое срываетъ.

Впрочемъ, на томъ основаніи, что съ теченіемъ времени все пріѣдается, и губернскае начальство стало нѣсколько хладнокровнѣе смотрѣть на голодныя выходы Премудраго, но прежде онъ былъ для начальства положительно *bête noir*. Чего не дѣлали губернскаѣ власти, чтобъ только доѣхать Сократа! Трудно повѣрить, но, это фактъ: Сократа семь разъ водили въ губернскае правленіе, чтобъ освидѣтельствовать его умственные способности, четыре раза, найдя его сумасшедшимъ, отправляли въ желтый домъ на испытаніе и четыре раза выпускали его оттуда на всѣ четыре сторонушки. И ужъ чудилъ же Сократъ Премудрый при освидѣтельствovanіи! Соберутся губернскаѣ чины въ раззолоченныхъ мундирахъ, разсядутся важно въ курульскихъ креслахъ и хлопаютъ глазами.

Приведутъ бывало въ присутствіе Сократа Премудраго, понесетъ онъ сначала ерунду ужаснѣйшую: какъ съ ангелами бесѣдовалъ, подъ морскими водами ходилъ, съ женой домоваго водку пилъ; — сумасшедшій да и только! А потомъ, какъ станетъ присутствующихъ въ глаза кастить, такъ и не сумасшедшимъ Сократъ оказывается. Въ провинціяхъ, извѣстно, гласность развита до послѣднихъ степеней, особенно на счетъ амуровъ, тамъ ужъ и не думай секретно въ амуръ сыграть, на другой же день въ трубу про твою преступную игру протрубятъ, что, конечно, все-таки

не мѣшаетъ гражданамъ и гражданкамъ игру свою продолжать. Такъ вотъ Сократъ Премудрый и начнетъ все вычислять: какъ предсѣдатель съ кумой своей съякшался, какъ инспекторъ врачебной управы отъ смотрителя больничныхъ заведеній осетрами и всякими живностями пользуется, какъ милая совѣтница съ предводителемъ въ ближайшихъ конвесахъ пребываетъ... Словомъ, всю подноготную выкопаетъ, а потомъ опять за ерунду свою примется. Сумасшедшій, значить, Сократъ, отпратить его на испытанье! Пытають, пытаются Сократа, а въ итогѣ все-таки окажется: «хоша затмѣніе умственныхъ способностей и замѣчается въ титулярномъ совѣтникѣ Сократѣ Васильевѣ Сперанскомъ, но вообще организмъ его и всѣ отправления его въ здоровомъ состояніи пребываютъ.»

Продержавъ мѣсяца четыре, пять, выпустятъ снова Сократа Премудраго изъ сумасшедшаго дома и снова пойдетъ онъ изъ себя комедь ломать, публику потѣшать, да начальство злить.

Кромѣ сорванія сердца, Сократъ Премудрый имѣлъ и другую цѣль, зливши начальство. Я разъ какъ-то спросилъ его объ этомъ предметѣ.

— Нельзя же-съ; ресурсъ всегда въ томъ имѣю свой. Вотъ недавно на квартиркѣ казенной удостоился посидѣть цѣлую недѣлю: весьма вкусныя блюда подавали, подаваніе было большое и общество тоже собралось хорошее; одного вотъ съ эдакой харей приволокли, квартальный расквасилъ, ночь на пролетъ благими матомъ проревѣлъ. Весьма презрядная квартирка!.. А сегодняшній день я у нихъ пр—ва былъ,

милостиво такъ изволили принять: наше, говорятъ, вамъ наиболѣе, что изволите рѣдко къ намъ въ гости захаживать?

— Зачѣмъ это къ въ нему то залетѣли?

— Прошеніе подавалъ.

— Какого сорта?

— А чтобъ милость они мнѣ свою оказали: въ острогъ приказали бы посадить меня, потому что главу свою не знаю гдѣ преклонить и мамонъ мой непотребный пищи не мало требуетъ.

— Что же онъ вамъ сказалъ на это?

— Ахъ! любезность превеликую: въ шею, говоритъ, друга моего Сократа Сперанскаго гоните, потому надоѣлъ онъ мнѣ, окаянный, хуже горькой рѣдки?

— И выгнали?

— Съ отиѣннымъ торжествомъ: все больше по этому мѣсту колотили.

Зимой очень туго приходилось Сократу Премудрому: уголь надо имѣть, тепло, въ сапогахъ потреба: въ одномъ вице-мундирѣ, да въ крестьянскихъ порткахъ не прощеголяешь на двадцати пяти градусномъ морозѣ. Лѣтомъ жизненные потребности удовлетворялись гораздо проще: наплететь лесъ Премудрый, удъ на пятакъ купить, краюху хлѣба приобрѣтеть и отправится... Спросишь: куда онъ идетъ?

Я въ пустыню удаляюсь

Отъ прекрасныхъ здѣшнихъ мѣстъ!

Запоетъ отвѣтомъ Премудрый.

— Дачу себѣ нанялъ, вблизи природы пребывать желаю и какъ зрите *omnia mea tuncum porto*.

— Да вѣдь утреники-то холодные?

— Помилуйте: благораствореніе воадусей, сводъ небесъ—кровь, рыба сама въ горшокъ прыгаетъ, божественная гармонія повсюду разлита. Комары только нарушаютъ ее, уваженія къ рангу капитанскому не оказываютъ, чкаютъ мою особу на проналюю. Милости просимъ въ жилище пустытника!

И превращается такимъ образомъ Сократъ Премудрый въ ермита уединеннаго на какомъ нибудь Раа-стрижномъ Затонѣ, что на Волгѣ, до тѣхъ поръ, пока его хлѣбный запасъ не истощится; потомъ снова въ весяхъ и градѣхъ появится.

По зимамъ Сократъ Премудрый занимался больше шутовствомъ: ермитомъ быть неудобно.

Подошолъ однажды я къ толпѣ, и вотъ что увидѣлъ: на тротуарномъ столбѣ сидитъ Сократъ Премудрый и съ кривляньями тычетъ палкой въ снѣгъ; на дворѣ морозъ градусовъ въ двадцать, а старику отъ усиленной работы жарко, шапку онъ съ себя сбросилъ, сѣдые волосы пристають къ вспотѣвшему лбу; оботрется только старикъ и опять съ кривляньями все тычетъ и тычетъ палкой въ снѣгъ.

Толпа ржетъ.

— Что это вы дѣлаете, Сократъ Васильевичъ?

— А вотъ сюда забрелъ (Премудрый указалъ на аристократическое жилище, находившееся напротивъ, въ окна котораго смотрѣло нѣсколько смѣющихся мужскихъ и женскихъ физіомій), такъ господинъ Горталовъ рекъ мнѣ: чѣмъ бы шаться тебѣ, Сократъ по пустому, ты бы снѣгъ на улицѣ толкалъ.

А я ему въ отвѣтъ глаголю: что ми даши за сіе? Порѣшилъ: за часъ работы — пятиалтынный... Милостивые государи! часы имѣеть кто изъ васъ? полагаю, что срокъ моей службы окончиться долженъ.

Гитару гдѣ-то досталъ Сократъ Премудрый и сталъ ею зарабатывать себѣ деньгу: минезингера изъ себя представлять. Накроетъ сѣдую голову свою трехуголкой, привяжетъ къ гитарѣ мочало, надѣнетъ ее черезъ плечо и идетъ по гостинному двору. Рядовичи рады: потѣха будетъ!

Жилъ былъ у бабушки сѣренькій козликъ!..

Подплясывая да строя разные рожи, визгливо-старческимъ голосомъ, съ присвистомъ закалываетъ Сократъ. Молодцы потѣшаются: кто грошъ кинетъ, кто и пятакъ.

Въ сивиллу также превращался Сократъ Премудрый. Кто-то подарилъ ему Соломона съ гадательными кругачи: «хочешь познать таинства судьбы своей, сказано въ предисловіи, брось на кругъ сей яченое зерно». Съ этимъ Соломономъ Сократъ совершалъ странствія свои мѣсяца два, до тѣхъ поръ, пока гаданье не утратило прелесть новизны, а съ тѣмъ вѣстѣ и не изсякъ источникъ довольно значительныхъ доходовъ.

Вообще въ выборѣ средствъ въ жизни—Сократъ Премудрый былъ весьма изобрѣтателенъ. Голь на выдумки хитра, а особенно голь благородная, изъ службы выгнанная. Здоровыхъ рукъ у ней нѣтъ, способности къ другому, пошимо чернильнаго, труду

тоже, потому мозговая система ея жилился, да и родить минезингера какого нибудь, сивиллу...

Пилъ Сократъ Премудрый не часто, что крайне удивительно, потому что люди его профессіи (покрайней мѣрѣ на сколько я ихъ знаю) на томъ стоятъ, чтобъ гдѣ нибудь хоть шкаликъ какой паршивый Христомъ-Богомъ вымолить и по капелькѣ въ свое изнеможенное тѣло пропустить. И странное дѣло! люди эти дня по два часто голодаютъ, а ужь выпить они найдутъ себѣ и, къ вечеру, или у кабака свалятся, или благодѣтельная рука городского подберетъ ихъ въ полицейскую сибирку и сброситъ подъ нары. Сократъ Премудрый обыкновенно не искалъ назойливо выпивки, не употреблялъ на то всей силы своей воли, во когда у него «загоралось», тогда, не смотря на препятствія, онъ уже удовлетворялъ своему непреодолимому желанію; средства для того раздѣлялись у Сократа на ординарныя и экстраординарныя; первыя состояли въ простомъ попрошайствѣ, вторыя въ нахрапѣ: зайдетъ Премудрый въ кабакъ, выслѣдитъ, какъ коршунъ, добычу, что двое пьяныхъ слишкомъ разлюбезничались между собою, а предъ ними полные стаканы стоятъ, ну, безъ дальнѣйшихъ разговоровъ заполучить Сократъ тѣ стаканы въ свое владѣніе и подлившіе собственники ихъ глазомъ еще моргнуть не успѣютъ, какъ живительная влага уже переходила въ сократовскую утробу.

Ухъ, какъ били въ иной разъ за эту штуку старика, воровски выпизваго чужое вино!... Не приведи Господи! Но лицу все больше...

Но и старикъ, если было надъ кѣмъ, тоже тѣшился, да еще какъ тѣшился-то! Жена у Сократа была женщина молодая и почти что красавица (удивительно, какъ пошла она за стараго, выгнаннаго изъ службы чиновника, шутовствомъ промышлявшаго свой хлѣбъ), такъ своимъ «тѣшеньемъ» онъ ее сначала въ чахотку, а потомъ въ гробъ загналъ.

Помню, я былъ разъ въ одной изъ полицейскихъ частей (до поступленія еще въ слѣдователи); къ частному приставу прибѣжалъ дежурный солдатъ и объявилъ, что недалеко отъ части трупъ найденъ: виѣстѣ съ приставомъ и я отправился на указанное мѣсто. Полиція находилась въ глуши, на самомъ концѣ города, около нея рѣчка протекала, а дальше шолъ пустырь, заканчивающійся мазанками, въ которыхъ жала городская нищета. Былъ часъ двѣнадцатый свѣтлой, весенней ночи; на лугу, вся облитая мѣсячнымъ свѣтомъ, лежала полуобнаженная, съ растрепанными волосами женщина, около нея валялись клочья платья, шали.... Мы сначала думали, что лежащая женщина мертвая: дыханья ея со всѣмъ не слышать; позванію доктору удалось ее привести въ чувство.

Полумертвая женщина была жена Сократа Премудраго.

Дѣло было такъ. Жена Сократа Премудраго не жила въ послѣднее время съ мужемъ; заподозрѣнная имъ въ невѣрности, она переносила страшныя мученья, не-въ-терпѣжь стало бѣдной, она и ушла къ матери. Сократъ сначала преслѣдовалъ жену самыми возмутительно-гнусными прошеніями и клеветами, по-

томъ, не удовлетворившись этимъ, сталъ искать встрѣчи съ ней, чего и достигнулъ... О характеръ встрѣчи—судите по послѣдствіямъ.

Избивъ до полусмерти жену, Сократъ куда-то скрылся и не являлся въ городъ недѣли три. Впрочемъ, было ли за чѣмъ скрываться?

Черезъ годъ послѣ этого происшествія жена Сократа умерла. Тяжело достался бѣдной женщинѣ послѣдній годъ ея жизни, тяжелѣй даже, чѣмъ предшествовавшіе. Сократъ же и въ гробу не оставлялъ ее, онъ и мертвую кастилъ на сколько силъ хватало у злаго, старческаго языка. Погибшая молодая жизнь закончилась оскверненнымъ гробомъ...

Сократъ Сперанскій былъ повить и вскорилень чернилами, потому страсть у него была — писать. Писалъ Сократъ много, до того много, что присутственнымъ мѣстамъ воспрещено было наконецъ принимать отъ него прошенія; глубочайшіе карманы его были набиты, до невозможности больше набиваться, всевозможными проявленіями дѣятельности его плодовитаго пера. Впрочемъ, посторонніе мало обращались къ нему. Причина тому была не недостатокъ приказной опытности у Сократа, онъ ею могъ похвалиться передъ другими, законникъ тоже былъ не малый, но шутовство ему мѣшало. Народъ, затянутый въ суды и расправы и не имѣющій *каштана* изъ своего брата, ищетъ въ ходакахъ солидности, своего рода шикъ: ходака можно напонтъ до отвалу, ходокъ можетъ въ грязь свалиться, ходоку можно рыло расквасить, и самъ онъ съ удобствомъ можетъ совер-

*

шить ту же операцію надъ другими, но все это не должно мѣшать его приказно-забуддыжному величію. Ходоку слѣдуетъ имѣть снаровку, какъ поджечь, статейку подпустить, наврать, похвастаться... Сократъ не обладалъ этой снаровкой, потому и не считался въ числѣ тѣхъ грязныхъ, небритыхъ, провонявшихъ запахомъ кабака и другихъ пакостей дѣльцовъ, которыми въ каждой Дерябѣ первый стаканъ и почетъ, до полученія здоровенной подзатрещины отъ руки подпившаго и выведеннаго изъ терпѣнія приказными закорючками кліента.

Я говорю: отъ Сократа Премудраго воспрещено было принимать прошенія; онѣ возвращались «съ надписью», что его, конечно, какъ артиста, до страсти любившаго свое искусство, печалило не мало; разъ онъ ко мнѣ пришолъ.

— Съ просьбой я къ вамъ.

Я просилъ его объяснить въ чемъ дѣло.

— Не знаете ли вы, какъ писать къ англійской королевѣ?

Меня конечно не мало удивилъ подобный вопросъ.

— То есть, это какъ писать къ англійской королевѣ?

— Да вотъ адреса я къ ней не знаю, а безъ адреса письмо не дойдетъ.

— За чѣмъ же вамъ ея адресъ?

— Прошеніе ей хочу написать, жаловаться на всѣхъ. Чтобы она хоть вошла въ мое положеніе; здѣсь отъ меня и прошеній не принимаютъ.

Я написалъ Сократу: е. в. королевѣ Великобританской Викторіи, въ Вестминстеръ.

Какъ слѣдователь, я вскорѣ послѣ поступленія моего на эту должность познакомился съ Сократомъ Сперанскимъ. Наши официальные столкновения возникли вслѣдствіе одного изъ тѣхъ, многочисленныхъ на Руси, дѣлъ, которыя въ состояніи каждаго хладнокровнаго человѣка вывести порой изъ терпѣнія: это дѣла между ближайшими родственниками. Возникновеніе подобнаго рода дѣлъ обусловливается съ одной стороны—безобразіемъ семейныхъ отношеній, съ другой неопредѣлительностію кодекса. Не смотря на поразительную многообъемность, въ нашемъ гражданскомъ законодательствѣ нѣтъ ничего точнаго, опредѣленнаго. Это по истинѣ мечъ обоюдоострый.

Сократъ Премудрый въ послѣднее время жилъ вмѣстѣ съ своей тещей, съ матерью той несчастной женщины, которую онъ тиранилъ всю жизнь, причиною ранней смерти которой былъ онъ. Вамъ страннымъ покажутся подобнаго рода сожителства, подобная забывчивость? Вы захотите, зная ея общность не для однихъ только Сократовъ Премудрыхъ, объяснить ее чѣмъ нибудь, пожалуй еще добродѣтельными свойствами русской натуры. Не трудитесь: всѣ объясненія будутъ ошибочны, потому что причинъ этихъ, до крайности наивныхъ отношеній, кажется, вовсе и не существуетъ (вопреки извѣстной аксіомы), а они приходятъ такъ, чортъ знаетъ откуда, съ вѣтру. Давлю, деспотствую, а завтра, не знаю съ какой стати, Тита Милосерднаго изъ себя являю; сегодня горло

готовы перекусать другъ другу, а завтра въ любви объясняются, чтобъ въ скоромъ времени опять приняться за совершеніе операціи перекусыванья; сегодня дочь забью до смерти, а назавтра съ родителями въ сожителствѣ буду состоять... Все это явленія однородныя, неудобнообъяснимыя и во всякомъ случаѣ изъ добродѣтелей не вытекающія.

Теща Сократа Премудраго была роду благороднаго: вдова коллежскаго ассессора, и имѣла три слабости: первая—быть пьяницей, вторая—быть сплетницей, а третья—быть такой вздорнѣйшей бабой, какую трудно отыскать даже между представительницами нашего прекраснаго пола, какъ извѣстно во всѣхъ рангахъ вздорными бабами весьма изобилующаго. Какова должна быть жизнь подъ кровлей, вмѣщавшей двухъ подобныхъ индивидуумовъ, какъ Сократъ Премудрый и госпожа Фомина (теща Сократа), вы можете представить себѣ: это былъ какой-то вертепъ ежедневной брани, гаму и тому подобныхъ дѣйствій. Въ вертепъ этотъ попали къ несчастью малолѣтнія дѣти Сократа Премудраго и, своимъ присутствіемъ въ немъ, дали возможность подняться большому еще количеству грязи и мерзостей.

Какому-то доброму человѣку пришла въ голову счастливая мысль спасти дѣтей Сперанскаго отъ голодной смерти и выхлопотать въ пользу ихъ впредь до совершеннолѣтія ежемѣсячное пособіе—шесть рублей серебромъ (маловато разщедрились, ну да, все лучше). Начальство, зная крайне безпокойный нравъ Сперанскаго, обойдя его, избрало опекуншей дѣ-

тей Фомину (справки, значить, добросовѣстно наводятся, объ малолѣтнихъ заботятся), которой и передало израсходованіе шестирублеваго пособия.

.... И пошли изъ-за этихъ денегъ пуще прежняго ссоры, драки; между Сократомъ и его тещей рѣшался важный вопросъ: кто въ правѣ проживать дѣтскія деньги? Учись молодое, подрастающее поколѣніе!

Семейный кавардакъ достигъ своей апогеи въ то время, какъ я поступилъ въ слѣдователи: пили и дрались обѣ стороны каждый день. Въ одно прекрасное утро госпожа Фомина пересилила Сократа и вытолкала его въ шею изъ своей мазанки. Премудрый былъ не изъ тѣхъ людей, чтобы оставить безъ дальнѣйшихъ послѣдствій подобный афронтъ; онъ восхотѣлъ отомстить тещѣ и средства къ тому нашелъ въ обыкновенномъ орудіи каждаго приказнаго: въ перѣ. Дня черезъ три, послѣ изгнанія, въ полицію было подано заявленіе, гдѣ Сократъ, описывая всю ядовитость своей тещи, обвинялъ ее въ похищенія у него многочисленныхъ вещей и требовалъ наистрожайшаго обыска: «дабы симъ обыскомъ правосудіе могло уличить преступную грабительницу одинокаго и постоянно въ болѣзняхъ пребывающаго старца и, казнивъ ее, вѣнкомъ увѣнчать гонимую и терзаемую добродѣтель».

Полиція, какъ быстрое орудіе правосудія, безъ дальнѣйшихъ развѣдываній, вняла словамъ Сократа Премудраго и произвела у тещи его обыскъ, по которому подъ тешиной кроватью найдены были старые, негодные къ употребленію, штаны Премудраго.

Поличное... Обвиненіе подтверждается уликой, преступница лицо благороднаго происхожденія, стало-быть и разговаривать нечего: слѣдствіе долженъ производить слѣдватель.

При обыскѣ госпожа Фомина учинила, конечно, дебошъ: передъ особой квартальнаго надзирателя она выкинула нѣкую пакость, не совсѣмъ удобную для выраженія ея въ печатномъ словѣ, за что представитель порядка наплевалъ ей въ лицо. Впрочемъ, дальше воюющія стороны не пошли, только Сократъ Премудрый сильно напиралъ на это обстоятельство въ своихъ безчисленныхъ прошеніяхъ и доносахъ: «не устыдилась даже сія непотребная женщина, у края гроба стоящая, опозорить ликъ квартальнаго надзирателя, защитника всѣхъ слабыхъ и угнетенныхъ», взывалъ Премудрый.

Теща не осталась въ долгу у Сократа. На другой день послѣ обыска и съ ея стороны тоже было подано объявленіе, гдѣ, между прочимъ, прописывалось, что вотъ она такая-де добродѣтельная жепщина, постоянно помышляющая о загробной жизни, пригрѣла на груди своей коварнаго змія, титулярнаго совѣтника Сократа Васильева Сперанскаго, который, вмѣсто благодарности, не только оплатилъ ей гнусной клеветой, въ похищеніи якобы вещей, никогда въ существованіи не пребывавшихъ, но даже самъ, свершивъ преступленіе — грабежъ такого-то имущества — скрылся неизвѣстно куда отъ преслѣдованія законовъ. Въ концѣ концовъ и здѣсь тоже было: розыскать коварнаго змія и грабителя, произвести у него обыскъ, отобрать по-

хищенное и самого его немедленно ввергнуть въ темницу.

Подобныхъ дѣлъ тысяча... Пожалѣйте же, господа, слѣдователей, «обязанныхъ» производить ихъ, да, кстати, ужъ пожалѣйте и общество порождающее такіа дѣла тысячами!

Начавшееся о штанахъ и о прочемъ дѣло, дало, конечно, обильнѣйшую пищу обѣимъ сторонамъ. Про Сократа Премудраго, разумѣется, нечего и говорить: онъ отдался дѣлу всей душой, теща его, какъ баба непромахъ, тоже нашла себѣ ходока, не уступавшаго Сократу въ премудрости — Засѣкина нѣкоего, одного изъ первыхъ посѣтителей «безпардоннаго» питейнаго дома. Враги фарсили другъ передъ другомъ своей приказной ловкостью: клевета, брань, законы, грязь, похабства,—все наружу! гробъ безвремени погибшей женщины не былъ тоже пощаженъ въ этой мерзостной «забавѣ».

Для меня дѣло Сократа съ тещей стало чѣмъ-то въ родѣ кошмара; почти каждый день являлись обѣ тяжущіяся стороны и начинали бомбардировать и кастить другъ друга. Прошенія, ябеды, объявленія, дополненія сыпались неудержимымъ каскадомъ; голова отъ нихъ кругомъ шла. Сократъ Премудрый сталъ даже рѣже удаляться въ пустыню «отъ прекрасныхъ здѣшнихъ мѣстъ», хотя лѣто въ тотъ годъ стояло весьма жаркое и рыба клевала отмѣнно хорошо; теща пропивала съ своимъ ходокомъ Засѣкинымъ послѣднія дѣтскія крохи. Разобрать въ невообразимой путаницѣ, кто былъ правъ, кто виноватъ, и былъ ли кто

правъ и виновать, было, конечно, выше человѣческаго разума...

Въ послѣдній разъ я встрѣтилъ Сократа Премудраго на базарѣ, въ веселой компаніи: охотника въ рекруты сдавали, такъ потѣшался добрый молодецъ, запродавши въ кабалу себя. Пострѣчавшаяся со мной процессія была довольно многочисленна: аріерградъ ея составляли сдатчики, глазъ неспускавшіе съ наемщика, центръ—будущій «слуга царскій», въ аванградѣ же съ гармоникой отличался Сократъ Премудрый. На Премудромъ былъ тотъ же, историческій, вице-мундиръ съ фалдочками, какіе то страннаго вида штаны въ клѣтку, не достигавшіе колѣнъ, на ногахъ онъ не имѣлъ ни сапогъ, ни лаптей: босикомъ. Старичина валялъ въ присядку и, вертась какъ флюгеръ, вскидывалъ порой удивительно-высоко свои голыя ноги.

Какъ была я молода,

Тогда была рѣзва:

. . . . .

— Уважай, стракулистъ! отвѣчалъ ему охотникъ, бросая трешникъ, подхваченный Сократомъ на лету съ удивительной ловкостью.

На дворѣ припекъ стоялъ страшный; весь мокре-хонекъ былъ старикъ, отъ своихъ фокусовъ но ничего: распѣвалъ голосисто, особенно тѣ мѣста пѣсни, гдѣ похабщины было много...

ЛЮБОВНЫЯ ДѢЛА.

ЛЮБОВНЫЯ ДѢЛА.

«Ваше Превосходительство! Внемлите слезному прошенію всѣхъ мужей, громогласно взывающихъ къ высокой особѣ Вашего Превосходительства! Водворите радостный миръ въ нѣдрахъ семействъ, дотолѣ наслаждавшихся небеснымъ блаженствомъ! Утрите благодѣтельной десницей Вашей слезы, толико обильно льющіяся изъ очей опозоренныхъ супруговъ! Предайте неумолимой карѣ законовъ адскаго обольстителя неопытныхъ женщинъ, вышеупомянутаго Губернскаго Секретаря Наумова! Изгоните изъ среды мирныхъ гражданъ сего хитраго, аки змій, со-
вратителя невинныхъ созданій! Сердце Вашего Превосходительства отверсто стономъ злосчастныхъ,—преклоните же и на сей разъ ухо свое къ стону сему!»

Ерунда эта (съ малой частью которой мы знакомимъ читателя) въ простомъ переводѣ означала: губернский секретарь Наумовъ плѣнилъ супругу мѣщанина Воробьева, и за то получилъ отъ нея самоваръ;

супругъ Воробьевой, крайне взволнованный похищеніемъ, какъ сердца супруга, такъ и самовара, явился къ обольстителю, былъ битъ, самъ билъ, но не получилъ ни самовара, ни супруга... Вслѣдствіе сего и была подана вышепрописанная ламентация....

Впрочемъ, прежде чѣмъ приступить къ подробному сказанію о семъ происшествіи, дѣлаю небольшое, приличное случаю отступленіе.

Во время моей практики мнѣ приходилось разбирать много дѣлъ, относящихся до обоюднаго сожитія супруговъ, и надо сказать правду: это были самыя грязныя, и въ то же время самыя скучныя дѣла. «Судящіеся» не женировались ни передъ собой, ни передо мной,—семейныя дразги и дѣла по части амура на наготу выводили, скрежета зубовнаго, пламени глазъ и тому подобныхъ, несомнѣнныхъ, по увѣренію писателей высокихъ романовъ, признаковъ ревности, поруганной любви et caetera между судящимися супругами не замѣчалось, а все больше на счетъ жесточайшей руготни, похабностей да попрековъ прѣзжались.

Помню, безсрочно-отпускной фельдфебель прошеніе подалъ, что вотъ-де, между прочимъ его законная супруга въ невѣрности пребываетъ. Я вызвалъ обѣ тяжущіяся стороны. Супругъ старался доказать, что его дражайшая половина въ повиновеніи ему не стоитъ.

— Я, Ваше Б-діе, дома цѣлый мѣсяцъ не жилъ, намаялся на чужой сторонѣ, пріѣхалъ къ ней, приласкаться захотѣлъ, а она, словно фря какая. Ей вотъ

надо всѣ косы вытеребить, такъ она будетъ знать, кто господинъ ей есть.

— Да ты што все за косы! и такъ по твоей милости не много ихъ осталось, всѣ вытеребилъ. Зѣнки то свои поганые нальешь, такъ чай и непомнишь, какъ меня объ стѣну башкой колотишь. Теперь ужъ я умна стала, руки то обшибаю, такъ ты и лѣзешь начальство своими глупостями беспокоить.

— Изволите видѣть, Ваше Б-діе, какая есть она у меня, проклятая баба! У Вашего Б-дія спуска мнѣ не даетъ, а дома ехидъ настоящий, только и льстится, что къ Андрюшкѣ, мнѣ же одинажды даже усъ вытеребила, отъ превеликаго сраму на улицу не могъ показаться, мальчишки задразнили: «кавалеръ, кричать, усы то, знать, на войнѣ съ туркой оставилъ».

— А тебѣ озырю записному спуску давать? Да и што ты мнѣ все Андрюшкой Дудкинскимъ глаза то мозолишь? А ништо не помнишь, што ты мнѣ намеднишь сказалъ?

— Што я тебѣ сказалъ?

— То-то, што! Я, Дмитрій Ивановичъ, денегъ у него на хлѣбъ спросила, а онъ говоритъ: черта тебѣ лысаго намѣсто денегъ! Сама, говоритъ, ихъ выручай, хоть подъ заборъ ложись... Онъ мнѣ даже такое велѣніе прописалъ.

— Какое это велѣніе?

— А такъ и прописано было: что я хочу, то и дѣлаю, хотя десятокъ цѣлый въ день любовниковъ къ себѣ наведу, а онъ не указъ мнѣ.

Я полюбопытствовалъ познакомиться съ новымъ родомъ записи и спросилъ, гдѣ она?

— Разъ подмазался ко мнѣ, я ему и отдай: ништо у бабъ то умъ есть?

Супругъ не отказался отъ записи, напротивъ, онъ отстаивалъ сильно свое право на нее.

— Што жъ, што я тебѣ ведѣніе написалъ? Тогда написалъ, а теперь не моги и думать! Мой приказъ сполный; на то ты моя жена есть.

Надо вообще удивляться наивности всѣхъ начинавшихъ дѣла по части невѣрностей. Собственно говоря, толку изъ нихъ быть не могло, доказать фактически, особенно при канцелярскомъ судопроизводствѣ, невѣрность обвиняемой или обвиняемаго почти нѣтъ никакихъ средствъ. Впрочемъ, и начинавшіе дѣла не хлопотали много о доказательствахъ, предположенной цѣли у нихъ не было,—спросишь:

— Чего же ты хочешь?

— Чтобъ по закону, значить, жила, потому безъ закону какъ жить можно?

— Да развѣ можно заставить жить по закону, когда она не хочетъ? Ты чѣмъ судиться-то обращай-ка съ ней получше, такъ она тебѣ и будетъ настоящей женой.

— Это тои-сь не бить ее?

— Да, между прочимъ, и не бить.

— Эвтого нельзя, Ваше Б-діе, съ нею теперича житья нѣтъ, а тогда и совсѣмъ заподонить, потому таковская баба, добромъ не выручишь.

— Что жъ слѣдствіемъ то сдѣлаешь?

— Ужъ помогите, Ваше Б-діе, что Богъ, то и вы. Мы завсегда къ начальству идемъ, ужъ очень баба дурить; какъ есть всѣ ребятишки разные.

— Да, другъ любезный, запретить дѣлать такіе дѣла развѣ можно?

— Ужъ помогите.

Подите и дѣлайте что знаете, водворяйте миръ и тишину въ нѣдрахъ семейныхъ, производите слѣдствія, исписывайте кипы бумагъ...

Вызовешь свидѣтеля, скажешь:

— Тебя вотъ свидѣтелемъ выставили. Парфенъ Чикмаревъ жену въ невѣрности обвиняетъ, такъ ты дескать, знаешь?...

— А, прахомъ пропадай они и съ дѣлами то ихними! Отъ работы только отрываютъ. Чай такіа дѣла не въ явь творятся, дверь то на крюкъ запираютъ. Вотъ я ему пойду да въ шею то накладу, такъ онъ знать и будетъ, какъ меня въ свидѣтели выставятъ.

Большая часть свидѣтелей въ такомъ тонѣ отвѣчаютъ.

Впрочемъ, надо замѣтить, что всѣ дѣла по части несоблюденія супружескихъ заповѣдѣй возникали больше между горожанами. Крестьяне и вообще то не большіе охотники вести ближайшее знакомство съ чиновными особами, а тѣмъ больше не любятъ выводить они за кругъ міра «ложей своихъ поруганіе.» Склонность горожанъ къ подобнаго рода дѣламъ можно объяснить тѣмъ, что они народъ болѣе цивилизованный, къ нимъ сливается вся грязь современ-

ной «образованности» безъ возможности стока ея; многіе изъ «горожанъ» воспитываются на романахъ, въ родѣ: «возьми въ руки пиштолетикъ, прострѣли ты грудь мою», сливки общества, квинтъ-эссенція его находится въ ближайшемъ съ ними соприкосновеніи; пріятнымъ манерамъ есть отъ кого позаимствоваться: съ высшимъ халуйствомъ во ежедневныхъ столкновеніяхъ пребываютъ. Разъ супруга обличала супруга своего въ нелюбезномъ съ ней обращеніи.

Говорила супруга:

— Истиранилъ ты меня, аспидъ, всю: кровь выпилъ, корявое твое рыло! На томъ свѣтѣ мѣста тебѣ не будетъ.

Брякнулъ супругъ преужаснѣйшимъ басомъ въ отвѣтъ супругѣ:

— Помилуйте, сударыня, я ли васъ до страсти не обожалъ.

Потомъ страстный обожатель оказался человѣкомъ весьма практическимъ: какъ *conditio sine qua non* примиренія и забвенія всего прошлаго, онъ требовалъ съ супруги новаго сюртука и сапогъ, супруга шла только на сюртукъ.

Таковъ общій характеръ «любовныхъ дѣлъ» которыя являются чуть ли не каждый день; впрочемъ вы короче ознакомитесь съ ихъ типомъ, когда я расскажу вамъ всѣ подробности, возникшія изъ ламентации мѣщанина, онъ же портнаго цѣха мастеръ, Воробьева.

Главныхъ персонажей въ ламентации три: оскорбленный супругъ, адскій обольститель «невинныхъ созданий» — Губернскій Секретарь Наумовъ и жертва его

прельщений; яблоко раздора: супружеское ложе, поруганное злодѣемъ, а паче самоваръ, полученный имъ отъ обольщенной.

Всѣхъ замѣтнѣе въ этой жизненной комедіи личность обольстителя. Наумовъ это типъ (конечно не высшихъ сферъ; тамъ виѣшность почище) провинціального Ловеласа, — ему года двадцать три и состоитъ онъ въ качествѣ литератора при губернскомъ правленіи; одѣвается онъ съ особенной шикарностью. Черную гриву свою Наумовъ мажетъ до показанія источниковъ съ оной. Съ немалой для себя опасностью Наумовъ носитъ признаки эспаньелки и усовъ. Физиономія Наумова вообще одна изъ тѣхъ глупо-фатальныхъ рожъ, которыя встрѣчаются у франтовъ всѣхъ полетовъ и барынямъ очень нравятся. Наумовъ и радъ и не радъ былъ поданному на него прошенію, — радъ потому, что онъ и прежде слылъ между своей братіей опаснѣйшимъ сердцеѣдомъ, что крайне льстило его самолюбію, прошеніе же утверждало за нимъ пріятное реноме, не радъ же потому, что непосредственное начальство о подвигахъ его могло узнать и неприятностей ему надѣлать, ибо всякое начальство цѣломудренно есть и разврата въ подчиненныхъ не поощряетъ.

Обольщенная Наумовымъ жертва была дочь бѣдныхъ, но благородныхъ родителей и даже воспитывалась въ одномъ изъ закрытыхъ заведеній, — судьбѣ только не угодно было, чтобы Софья Ивановна украсила своей особой домашній очагъ какого нибудь мѣстнаго чиновника, она бросила ее въ объятія презрѣн

наго «портняжки». Время конечно изгладило изъ Софьи Ивановны много граціозныхъ линій, наложенныхъ благородствомъ рожденія и воспитанія, но что она дама благородная и воспитанная, тому доказательствомъ были ея жалобы на нервы.

Говорила Софья Ивановна, когда супругъ уличалъ ее въ близкихъ конесансахъ съ Наумовымъ:

— Ахъ, Боже мой, онъ всѣ нервы мои разстроилъ! Вы Дмитрій Ивановичъ, какъ человѣкъ образованный, можете понять, какъ непріятно благородной дамѣ слушать эдакія непристойности.

Неблагородный Воробьевъ такъ отвѣчалъ своей благородной супругѣ:

— А ты зачѣмъ творишь непристойности-то! Ты думаешь я незнаю, что Панька-то не мой, а Наумовскій, — у него и зѣнки то его, разбойничьи!

— Ахъ отстаньте, прошу васъ.

Благороднымъ движеніемъ головы Софья Ивановна выразила свое негодованіе на мужнины неблагопристойности.

Грація Софьи Ивановны однако не дѣйствуетъ на супруга:

— Вотъ тебѣ барское то рыло на сторону надо свернуть!

Я останавливаю, хоть на весьма короткое время дальнѣйшее проявленіе ража, напоминаніемъ мѣста.

Воробьевъ былъ плюгавенкій человѣкъ, до крайности не казистый и весь провонявшій мастерской. Любить его въ самомъ дѣлѣ было трудно, даже и не такой благовоспитанной дамѣ съ нервами, какова

была Софья Ивановна. Въ своихъ показаніяхъ Воробьевъ постоянно ссылается на обильный источникъ въ немъ обожимаго элемента.

Вообще дѣло разобрать было трудно, поставить вопросъ прямо нельзя.

Спрашивалъ я Воробьева:

— Ты чего ищешь-то?

— Оскорбленіе ужь очень поносное.

— То-есть, что вотъ драка-то у васъ вышла?

— Драка-что-съ? Мало-ли люди дерутся и я охулки на руку не положилъ, даромъ что они въ губернскомъ управленіи служатъ.

— Стало быть ты желаешь, чтобы Наумовъ былъ преданъ суду за связь съ твоей женой?

— Это вѣрно-съ. Потому, ктожь ихнему баловству потакать будетъ? И ее мерзкую проучить надоть.

— И жить ты съ ней больше не желаешь?

— Для чего же не жить-съ? Хоша мнѣ весьма прискорбно ненатуральности ихъ видѣть, всежь отъ того ихъ не убудетъ. И притомъ передъ алтаремъ Божиимъ мы съ ними вѣнчаны...

За тѣмъ со стороны оскорбленнаго супруга послѣдовало совершенно неожиданный переходъ.

— Я воленъ свою вещь требовать: самоваръ на мои денежки купленъ, за него двадцать два рубля я отдалъ, потому не хозяинъ я развѣ его?

— Ну, а на мировую ты согласенъ?

— Я и допрежь того Ивана Семеныча завсегда уважалъ? потому платье — они у меня заказывали и хо-

ша промежъ насъ такіа непріятности вышли, однакоія на ихъ сердцахъ не имѣлъ.

Прежде всего я послалъ новѣстку о явкѣ къ слѣдствію Воробьевой.

Впрочемъ вамъ надо разсказать поподробнѣе изъ за чего началось дѣло, впослѣдствіи изъ обоюднo подаваемыхъ жалобъ, раздувшееся въ громадныя размѣры.

Наумовъ жилъ у Воробьева въ качествѣ нахлѣбника (у Воробьева былъ свой домъ и довольно большая мастерская онъ былъ одинъ изъ самыхъ зажиточныхъ ремесленниковъ) и, какъ надо съ достовѣрностью полагать, въ этотъ самый періодъ плѣнилъ сердце его супруги; супругъ, какъ онъ мнѣ и самъ говорилъ, давно примѣчалъ близкія ихъ отношенія, чему доказательствомъ служилъ и сынишка Панька, весьма лицомъ близкій къ чиновному Ловеласу, но оставлялъ втунѣ свои наблюденія и выводы. Наумовъ съѣхалъ съ квартиры и ревность въ Воробьевѣ пробудилась, Впрочемъ въ размѣрахъ столь незначительныхъ, что онъ ходилъ въ новое жилище обольстителя и проигрывалъ цѣлыя ночи напролетъ въ карты, — въ ступококу. Супруга Воробьева тоже навѣщала своего любовника, частью одна, частью купно съ супругомъ. Такого рода отношенія навѣрное удержались бы на долго, еслибы въ мирную группу яблокомъ раздора не упалъ самоваръ. Наумовъ, по истощенію финансовъ, свой самоваръ заложилъ; Воробьева, какъ существо любящее, рѣшилась пожертвовать собственнымъ благополучіемъ для удовольствія любовника и въ от-

сутствіе супруга, взявъ самоваръ, отправилась съ нимъ къ Наумову. Воробьевъ, возвратившись домой и заиѣтивъ отсутствіе самовара и жены, тотчасъ догадался, гдѣ они пребываютъ и отправился на квартиру Наумова. Здѣсь онъ засталъ картину идиллическаго свойства. Супруга его кушала чай съ своимъ любовникомъ. Немного тратя словъ, Воробьевъ схвативъ самоваръ и думалъ удалится во свояси, приглашая къ тому же и супруга, но Наумавъ, оскорбленный такимъ самоуправствомъ въ его квартирѣ, сталъ самоваръ отнимать. Вслѣдствіе чего произошла драка, имѣвшая въ итогѣ: въ 1-хъ лишеніе изъ головы Наумова нѣсколькихъ, весьма роскошныхъ локоновъ; во 2-хъ постановку подъ глаза Воробьева жесточайшаго фонаря и въ 3-хъ подачу Воробьевымъ слезной петиціи о похищеніи самовара и объ изгнаніи дерзкаго оболъстителя изъ среды мирныхъ гражданъ. Вѣрнѣе, всего послѣдняго въ результатѣ не оказалось бы, дѣло покончилось бы домашнимъ образомъ, если бы самоваръ, какъ трофей, не остался въ рукахъ оболъстителя.

Жена Воробьева, послѣ драки, къ мужу идти тотчасъ же не рѣшилась, потому знала о готовящейся ей расправѣ и удалилась къ матери. Супругъ скорбя о потерѣ самовара и жены и желая выместить сердце свое, пошелъ на другой день мимо квартиры жениной матери и пустилъ камнемъ въ окошко, но во время бѣгства былъ устигнутъ и битъ женинымъ братомъ. Въ новой дракѣ принимала дѣятельное участіе и нервная дама, вытеребившая не малое количество волосъ изъ оловы супруга и сама потерпѣвшая довольный афронтъ.

Подано было прошеніе со стороны супруги, гдѣ прописывалось строгое соблюденіе ею супружескихъ заповѣдей и невѣдомо за что повсюду преслѣдующее ее тиранство мужа; разбитіе окна представлено было, какъ явное покушеніе, черезъ какое-то неизвѣстное орудіе, на совершеніе супругомъ убійства, — о вытеребленномъ же изъ главы супруга вискѣ конечно умалчивалось.

На повѣстку явилась къ слѣдствію Воробьева. Это была еще молодая, недурная собой особа, съ той манерностью, по которой всегда отличишь благородную кость: грація имѣлась.

Послѣ первыхъ привѣтствій, я объяснилъ Воробьевой въ чемъ заключается жалоба, поданная на нее супругомъ: «въ любовной де связи съ Губернскимъ Секретаремъ Наумовымъ и въ якобы тайномъ похищеніи самовара.»

Первая часть обвиненія не особенно сильно подѣйствовала на Воробьеву.

— Помилуйте, это все напрасно, онъ клевететь на меня. Конечно я не такъ воспитана, чтобъ мнѣ быть за какимъ нибудь портняжкой и Иванъ Семеновъ, какъ благородный кавалеръ, мнѣ весьма пріятенъ, но я завсегда оставалась вѣрна моей клятвѣ, сказала Воробьева.

— А что вы скажете на счетъ самовара?

— Это еще больше меня поражаетъ: можетъ ли дама съ моимъ воспитаніемъ идти на столь гнусное дѣло?

— Однако самоваръ оказывается у Наумова?

— Чтожъ такое? Я имѣла нужду въ деньгахъ и заложила самоваръ Иванъ Семенычу. Притомъ же мой супругъ самъ покушался лишить меня жизни.

— И при этомъ покушеніи вы ему вырвали цѣлый високъ?

— А за...

Но не кончивъ начатаго, Софья Ивановна повернула въ другую сторону.

— Кто это вамъ такія ужаси на меня наговорилъ? Это все напрасно. Одинъ Богъ знаетъ мою невинность. Онъ защититъ меня! У нынѣшнихъ людей нѣтъ сердца.

Софья Ивановна сначала взглянула на меня какимъ то особеннымъ, злодѣйски-кокетливымъ манерцомъ, потомъ постаралась заплакать, что послѣ нѣкоторыхъ усилій и привела въ исполненіе. Давъ ей время успокоиться, я сталъ проводить ту мысль, что всѣмъ судящимся лучше всего не доводить распрю до настоящаго суда. Софья Ивановна сначала и слышать не хотѣла о примиреніи, потомъ мало по малу поддалась на мое предложеніе—слѣдовало поставить супруговъ очи на очи.

Встрѣча супруговъ нисколько не выходила изъ общаго уровня встрѣчъ обыкновенныхъ, какъ будто между ними ничего не было; только язвительностью они старались перещеголять одинъ другаго.

— Мое вамъ почтеніе, Софья Ивановна!

— Мое вамъ почтеніе, Петръ Борисычъ!

Пауза.

— Очень вамъ благодарны, Софья Ивановна!

— Не за что-сь. Не за что? Не угодно ли вамъ взглянуть, сколько у меня волосъ на головѣ осталось. Своими ручками ихъ выдрали.

— Сами бы меньше безчинствовали.

Темпъ перемѣняется.

— Чтожъ тѣ стервѣ спуску давать, коли ты къ полюбовникамъ станешь шлаться?

— Фи, что это вы говорите!

— Ты и въ дѣвкахъ-то такая была. Только слава, что барышня! Помнишь чай, какую я тебя замужъ взялъ?

Я пріостановилъ обнаруженіе супружескихъ тайнъ, какъ до дѣла не имѣвшихъ отношенія, и старался свести пренія на главную цѣль встрѣчи: обоюдного прекращенія поданныхъ жалобъ.

— Я съ моимъ удовольствіемъ, потому всегда весьма любилъ Софью Ивановну, во время ихъ болѣзни даже, какъ нянька, за ними ухаживалъ.

— А вы? спросилъ я Софью Ивановну.

— Я ни въ чемъ не виновна противъ Петра Борисыча, имъ только угодно было эдакія непристойности на меня возводить.

— А зачѣмъ ты у него на колѣнкахъ-то сидѣла?

— По вашему изъ эдакихъ пустяшныхъ дѣловъ подозрѣвать меня можно въ чемъ.

— А Панька-то чей?

— Да что ты, мерзавецъ, все съ Панькой-то ко мнѣ лѣзешь, не знай еще, что и Машка-то отъ тебя принесетъ!

Опять съ моей стороны новыя усилія къ ушירו-

творенію страстей, опять по умиротвореніи, супруги изъявили желаніе тихо и безмятежно проводить остатки дней своихъ.

— Только вы, Дмитрій Ивановичъ, запретъ ей положите, чтобъ она съ Ванькой своимъ больше не видѣлась.

— Чтожъ такое для меня Иванъ Семенычъ? Что онъ деликатный мужчина.

— Деликатъ! Подъ вся улица знаетъ, какой онъ для тебя деликатъ!

— Это вы только одни имъ меня завсегда попрекаете.

— Да вотъ, чтобъ она нонѣ же мой самоваръ принесла.

Такое простое требованіе со стороны начинавшаго успокоивается супруга вызвало у Софьи Ивановны очень не граціозное движеніе: кукишъ, поднесенный къ самому носу супруга.

— На-ка, выкуси! Онъ такой же твой, какъ и мой!

Роковой самоваръ явился на сцену и прахомъ пошли всѣ увѣренія супруговъ во взаимной любви: снова пошли ругань и подпреки Паньками, не соблюденнымъ дѣвствомъ, Машками, тиранствами и т. п. Объ уступкахъ ни та, ни другая сторона и слышать не хотѣла: самоваръ точно перлъ какой безцѣнный былъ.

— Нѣтъ, ужъ какъ вамъ угодно, а съ ней ничего добромъ не подѣлаешь. Какъ законъ разберетъ,

такъ и будетъ, сказалъ супругъ, заканчивая длинную сцену.

— И мнѣ защита отъ твоего тиранства тоже въ законѣ будетъ. Разбойничать по улицамъ вашему брату, портняжкамъ, не приказываютъ, отвѣтила супруга.

— Такъ не хотите мировой жалобы прекратить?

— Какъ ужъ судъ прикажетъ. Я до царя пойду, чтобъ ее паскудную въ рабочій домъ посадили.

— Самъ, чортъ курносый, не попади туда прежде! Я тоже дорогу къ царю найду: добрые люди покажутъ.

— Съ деликатомъ чай своимъ вмѣстѣ пойдешь?

— Ты съ Машкой не пойдѣ!

Опять таже исторія. Останавливать, напоминать, что при слѣдствіяхъ ругаться неслѣдуетъ бесполезно, — напоминовеніе удерживаетъ только на минуту, — все-то почти слѣдствіе состоитъ изъ сплошной руготни.

Да, какое же можетъ быть тутъ слѣдствіе? спросить иной читатель, не совсѣмъ знакомый съ нашими мудреными порядками.

А такое же: о любовной-де связи супруги моей съ нечестнымъ обольстителемъ, объ уварованномъ, чрезъ тайное похищеніе, самоварѣ и о жестокихъ, нанесенныхъ мнѣ побойствахъ — это съ одной стороны; о намѣреніи лишить меня жизни черезъ выбитіе неизвѣстнымъ орудіемъ окна — это съ другой.

Явился по повѣсткѣ и Наумовъ. Какъ особа чиновная, стало быть знающая нѣсколько наши многообъемистые законы, Наумовъ очень хорошо понималъ, что, «по суду» никакихъ для него печальныхъ

послѣдствій быть не можетъ. Послѣ предъявленія Наумову существа жалобы, онъ началъ оправдываться, но такимъ образомъ, что если записывать, что онъ говорилъ, то выходило оправданіе, — если же слушать — то: «да, дескать, мы изъ таковскихъ, спуску ихному брату давать не любимъ.»

— Чтожъ, Дмитрій Ивановичъ, онъ меня на мѣстѣ преступленія поймалъ? спросилъ двухмысленно улыбаясь ловеласъ.

— Нѣтъ, онъ этого не показываетъ.

— Чѣмъ же онъ докажетъ свое обвиненіе? Явно, что оно ложное. Развѣ я когда нибудь рѣшусь на столь ужасный грѣхъ, какъ обольщеніе замужней женщины!

За этимъ послѣдовало новая улыбка коварства со стороны ловеласа, въ переводѣ означавшая: «дурни, дескать, эти мужья! Станемъ мы, молодцы, женамъ ихъ въ зубы смотрѣть!»

Впрочемъ, Наумовъ согласился очень скоро покончить (начальства побаивался!) дѣло съ Воробьевымъ мировой.

— Да, еслибъ и подлинно я былъ въ связи съ его женой, такъ развѣ я такой сволочи не найду! Много ихъ шляется, ииѣ и такъ отъ нихъ отбою нѣтъ.

— Только одно изъ первыхъ условій прекращенія дѣла — возвращеніе самовара.

Правленскій демонизмъ разомъ стушевался.

— Это что же-съ? Значить, я безъ самовара

останусь? Ну ужъ нѣтъ-съ! Пускай своимъ порядкомъ дѣло дальше идетъ, а я самовара не отдаю.

— Да вѣдь онъ не вашъ?

— Онъ въ закладѣ у меня. Я собственныхъ денегъ за него шесть рублей серебромъ Софѣ Ивановнѣ отдалъ. Вотъ, не угодно ли и росписку къ дѣлу приобщить.

Наумовъ явно, что вралъ: росписку онъ получилъ только для выгораженія себя, но доказать это было не возможно: Воробьева сама подписала ее.

Мужу и любовнику давалась очная ставка. Встрѣча самая мирная.

— Вы на меня прошеніе изволили подать, Петръ Борисычъ? первый началъ разговоръ Наумовъ.

— Да-съ.

— Яко-бы я нахожусь въ любовной связи съ вашей женой?

— Грѣха таить нечего: ваши амуры половина города знаетъ, — вонъ намедни Языковъ меня вами въ Думѣ попрекнулъ.

— Языковъ-то пускай болтаетъ, — только вы-то чѣмъ докажете? Ништо на самомъ мѣстѣ вы поймали меня со своей женой.

— Чай отъ Паньки-то не отопретесь, вѣдь ваше дѣтище, глупо улыбаясь, доказывалъ Воробьевъ существованіе связи.

— Что жъ у него на лбу надпись что ли есть, что онъ мой, на глупую улыбку еще глупѣйшей отвѣчалъ Наумовъ.

— Да миѣ сама Софья Ивановна сказывала, что грѣшила съ вами?

— Когда же это было? Я что-то не припомню?

— А въ позапрошломъ году, когда она умирать собиралась. Такъ-и-такъ говорить, смерть моя приходитъ, покаяніе я тебѣ приношу: грѣшила я съ Иванъ Семенычемъ. — Ты, говорить, прости меня, поминовѣніе помоей душенькѣ подай, чтобъ не мучилась на томъ свѣтѣ. Плакала даже, говоримши такіа слова.

— Вольно же ей врать-то было!

— Когда врать. Чай смертный часъ!

— Чтоже вы тогда прошеніе на меня не подавали?

— Потому тогда вы безчинства со мной не дѣлали. Смирнехонько жили. А теперъ вишь что затѣяли. Нешто спускать вамъ? Самоваръ то до сей поры у васъ.

При словѣ «самоваръ» въ голосѣ Воробьева слышались болѣе угрожающія ноты, съ жирныхъ губъ довелася при томъ же словѣ исчезла улыбка.

— А развѣ я Софѣ Ивановнѣ щепками отдавалъ?

— Это какъ-съ?

— А также-съ. Я уже предъявилъ г. слѣдователю росписку Софьи Ивановны, что самоваръ въ закладъ у меня за шесть рублей находится.

Лицо Воробьева выразило полнѣйшее недоумѣніе при этомъ новомъ и неожиданномъ для него оборотѣ дѣла.

— Ну ужъ этому не бывать! Эвто вранье при

себѣ оставьте? Съ женой моею живете, меня избili да еще кровью моею владѣть хотите. Что это за порядки? Видно у васъ и Бога-то совсѣмъ нѣтъ, только что прозываетесь благородными.

— Конечно, благородный, не вашъ братъ.

— Только бляху-то ко лбу прилѣпили, а стало у васъ и душонки-то совсѣмъ нѣтъ.

— Г. слѣдователь! прошу васъ заслушать эти слова. Въ присутствіи вашемъ мнѣ мѣщанинъ Воробьевъ оскорбленіе тяжкое наносить. Какъ дворянинъ, я не могу терпѣть этого и прошу составить протоколъ.

Сцена пошла *crescendo*.....

Слѣдствіе тянется другую недѣлю: вся семейная мерзость выплываетъ наружу, «судящіеся» не церемонятся, такъ комыями грязи и хлещутъ другъ друга въ лицо: прописывается, какъ пьяный Воробьевъ побойства чинилъ надъ женой, наровя все въ грудь да по причинному мѣсту, потому-де что жена въ это время беременна была, приобщаются къ дѣлу клоки волосъ, лѣтѣвшіе съ головъ Наумова и Воробьева во время битвы, — Машку Фокинскую на сцену тянутъ; Воробьева дѣлаетъ тонкіе намеки на счетъ молоденькой сестры своей, являются чиновные свидѣтели, принимающіе присягу за полштофъ водки... Дѣти, жаль, очень малы, а то навѣрное и ихъ бы потянули на мерзостное позорище.

Промозглый смрадъ съ каждымъ днемъ становится все мерзѣе и мерзѣе.

Оставалось переспросить еще половину свидѣтелей. Я приходилъ въ отчаяніе. Но въ одинъ пре-

красный день вовсе неожиданно являются ко мнѣ Наумовъ, Воробьевъ и его супруга. Отъ первыхъ двухъ нѣсколько букетцемъ припахивало. Я спросилъ, въ чемъ искать причину ихъ прихода.

— Да вотъ дѣло-то прекратить желаемъ. Ужь мы и прошеніе такое изготовили.

— Миритесь, значить?

— Въ согласіи жить желаемъ.

— А самоваръ?

— Ужь грѣхъ пополамъ, только Иванъ Семенычъ штофчикъ мушкетери поставилъ. Богъ съ нимъ со всѣмъ! Оно конечно обидно, очень достаточно Иванъ Семенычъ мнѣ непріятностей принесли и Софья Ивановна тоже, да ничего-съ, до старости заживетъ.

Опять дурацкая улыбка появилась на всѣхъ губахъ. Софья Ивановна даже прыснутъ изволили.

Первый шагъ къ неожиданной для меня развязкѣ сдѣлалъ Наумовъ. Дошло до правленскаго ловеласа - свѣдѣніе, что ближайшее начальство вѣдаетъ, какіе есть люди развратные подъ десницею его и какъ, вмѣсто дѣлъ добродѣтельныхъ, съ истиннаго пути невинныхъ женщинъ совращаютъ; а потому вышелъ такой приказъ отъ цѣломудреннаго начальства: буде онъ, Наумовъ, покаяніе не принесетъ, у оскорбленнаго имъ супруга прошенія не испроситъ, отъ пагубныхъ замашекъ клятвенно не отрѣчется, то — посадить его на низшій окладъ и впредь имѣть на замѣчаніи. Приказъ подѣйствовалъ: грѣхъ взять былъ по поламъ, роковой самоваръ возвращенъ собственнику, а радостный миръ

водворенъ въ нѣдрахъ семействъ, дотолѣ наслаждавшихся блаженствомъ.

Мои официальные отношенія къ дѣйствующимъ лицамъ закончились, виѣстъ съ представленіемъ дѣла въ надлежащую инстанцію. Не разъ послѣ того я встрѣчалъ Воробьева съ супругой; какъ подобаетъ гражданамъ — миръ царствовалъ на лицахъ ихъ, въ блаженномъ спокойствіи пребывали; встрѣчалъ я Воробьева съ Наумовымъ, Наумова съ Софьей Ивановной, и тоже спокойствіе и умиротвореніе царили надъ главами ихъ.

Мѣсяцевъ черезъ пять пришелъ я въ губернское правленіе, тамъ съ Наумовымъ столкнулся.

— Ну, какъ поживаете? спросилъ и его.

— Ничего-съ.

— А Воробьевы?

— Я другой мѣсяцъ у нихъ не бываю.

— Что такъ?

— Да надоѣла она мнѣ очень, опять къ дѣвченокѣ одной приревновала, браниться стала, я ее въ шею и вытолкалъ. Плевать я на нее хочу, у меня лучше найдется. Мужъ, тоже лѣзетъ съ Панькой, вишь давай на прокормъ ему.

— Софѣ-то Ивановнѣ, я полагаю, печально, что вы оставили ее?

— Какъ бы не печально! У нихъ Знаменскій квартирантомъ сталъ, ужъ меня въ кумовья звалъ. Вѣдь онѣ что-съ? — суки!

Наумовъ улыбнулся, весьма довольный своимъ милымъ сравненіемъ.

— Много у меня было «любовныхъ дѣлъ». Всѣ на одинъ манеръ, разница только въ подробностяхъ: отъ одного мастерской воняетъ, отъ другаго тончайшими ароматами — одно на самоварѣ все сосредоточено, въ другомъ объ самоварѣ заботы не имѣютъ, потому дѣйствующія лица въ достаточнымъ количествѣ земными благами надѣлены. Основной же нравственный букетъ вездѣ одинаковъ: пошлость и пошлость...

ШАМУТЕВЪ.

ШАМШЪЕВЪ.

Въ углу, образуемомъ Чикмасовскимъ лѣсомъ и рѣкой Кубарью, безпорядочно раскинулась не знакомая съ новѣйшими планами и фасадами татарская деревня Мурзаево. Какъ видно изъ историческихъ актовъ, Мурзаево принадлежитъ къ древнѣйшимъ поселеніямъ нашей мѣстности: грамотой Алексѣя Михайловича пожалованы были жившимъ въ ней татарскимъ мурзамъ (отсюда и самое названіе деревни) земли, лѣсныя и бортяныя угодья; — объ этихъ земляхъ мурзаевцы съ 1798 года ведутъ безконечный искъ, воплотившійся въ дѣло ужасающихъ размѣровъ, питавшее нѣсколько чиновныхъ генерацій и извѣстное по всѣмъ инстанціямъ, по коимъ во время своей многолѣтней жизни проходило оно, подъ характернымъ названіемъ «Галіаеъ-дѣло.»

Мурзаевцы на далекое разстояніе приобрѣли незавидную извѣстность, какъ отъявленнѣйшіе конокрады. Страсть къ грабежу прежнихъ степняковъ пра-

родителей размѣнялась въ мурзаевцахъ только на мелкую монету: и въ настоящее время для мурзаевца каждая деревня, каждый отдѣльный хуторъ — непріятельская земля. Азанча мурзаевскій чаще взбирается на вышку мечети наблюдать, нѣтъ ли за мурзаевцемъ погони, не ѣдутъ ли съ толпой понятыхъ и обыскныхъ людей незваные, чиновные гости, чѣмъ заунывно-звонкимъ голосомъ, далеко раздающимся по пустыннымъ окрестностямъ, призывать правовѣрныхъ къ обычной молитвѣ. Какъ дика страна, гдѣ раскинулось Мурзаево, — такъ дики и нравы его обитателей. Вокругъ Мурзаева, на сколько глазъ можетъ обнять не затканное лѣсомъ пространство, нѣтъ ни одного поселка, ни одного людского жилья; въ самомъ Мурзаевѣ проѣзжіи рѣдко встрѣтятъ человѣка, только стаи злѣйшихъ собаки съ громкимъ лаемъ проводятъ его отъ одного конца деревни до другого; остановка не привлечетъ здѣсь праздную, болтливую толпу любопытныхъ, — проѣзжіи подмѣтятъ только нѣсколько безпокойно-враждебныхъ взглядовъ, отъ которыхъ становится не совсѣмъ легко на душѣ. Впрочемъ, Мурзаево рѣдко и видитъ на своихъ кривыхъ закоулкахъ постороннія лица: оно пріютилось въ сторонѣ отъ большихъ дорогъ, да и проѣзжіе соглашались лучше сдѣлать нѣсколько лишнихъ верстъ (особенно если дѣло къ ночи), чѣмъ держать путь черезъ Мурзаево. Мурзаевскія женщины извѣстны по всей окрестности самымъ строгимъ прудеризмомъ: посторонній глазъ никогда не видалъ лица ихъ. Лѣтомъ пробыть въ Мурзаевѣ нѣсколько часовъ тяжело, чувствуешь на себѣ давленіе враждеб-

ной атмосферы, а зимой такъ и того хуже: нависшую въ морозномъ воздухѣ тишь прерываетъ только вой волковъ, стаями рыскающихъ вокругъ Мурзаева, да отвѣтный на него, еще болѣе тянущій за душу, вой собакъ, чующихъ близость заклятыхъ враговъ. Подъ вліяніемъ этого невыносимо-гнуснаго концерта, сложившейся въ народѣ извѣстности о подвигахъ мурзаевцевъ, угрюмыхъ лицъ и безпокойныхъ взглядовъ, воображеніе начинаетъ болѣзненно работать и представлять картины все болѣе и болѣе не веселаго содержанія, отъ которыхъ не можетъ отвязаться въ продолженіи безконечно-тянущейся зимней ночи.

Почти каждый мурзаевецъ имѣетъ въ наружности свой рѣзко характерный отпечатокъ. Опасный промыселъ, жизнь полная тревоженій, замкнутость, окружающая глушь создали изъ мурзаевцевъ крѣпкихъ людей. Въ мурзаевцахъ нѣтъ, той приниженности, распушенной апатіи, что отличаетъ ихъ сосѣдей — мордву, чувашей, отчасти и русскихъ. Типъ мурзаевца ближе всѣхъ подходитъ къ типу волка; общность положенія и промысла, одного между двуногими, другаго между четвероногими обуславливаетъ это сходство — мурзаевецъ выглядитъ, разъ, закаленнымъ крупнымъ воромъ, а во-вторыхъ, господиномъ, котораго обижать не слѣдуетъ, который при случаѣ постоять за себя съумѣетъ.

Въ особенности мурзаевецъ выходитъ изъ общаго фона разнохарактерной толпы на деревенскихъ ярмаркахъ и базарахъ; сермяга, подмѣтившая взглядъ мурзаевца, устремленный на «скотинку», начинаетъ

безпокойно жаться, думать какъ бы поскорѣе, по добру по здорову, убраться домой...

Мурзаевцы — это страшная язва, божья кара для девевенскаго міра. Лошадь — все богатство крестьянина, его поилица и кормилица: лишеніе лошади, особенно въ страдную, работающую пору, ставитъ крестьянина въ безвыходное положеніе. Мурзаевецъ не задается никакими соображеніями, онъ крадетъ и уводитъ все, что можетъ украсть и увести, все, что плохо бережется и запирается. Свой промыселъ, конокрадство, мурзаевцы возвели почти что въ науку, систематизировали его: масса скучившихся избъ расположена такимъ образомъ, что покраденное, попавшее на одинъ дворъ, черезъ нѣсколько мгновеній переходитъ на дворъ избы, стоящей въ противоположномъ концѣ, и оттуда прямой дорогой препровождается въ лѣсъ или въ поле; въ Чикмасовскомъ лѣсу устроены такіе пріюты, до которыхъ добраться человеку, не совсѣмъ знакомому съ трущобой, положительно невозможно; мурзаевскіе притоны и ухозя, способствующіе неизмѣнно быстрому переходу покраденнаго, тянутся на далекія пространства и теряются въ глубинѣ степей; по мурзаевскимъ кривымъ закоулкамъ нѣтъ ничего легче, какъ улепетывать отъ погони; улепетывающему открыть входъ въ каждую избу, въ каждый дворъ, задними ходами которыхъ онъ тотчасъ же скрывается изъ виду преслѣдующихъ; опасность, угрожающая одному мурзаевцу, поднимаетъ на ноги всю деревню, дѣлается общимъ достояніемъ: на сколько возможно каждый старается принести посиль-

ную пользу. Рука мурзаевцевъ въ воровскомъ промыслѣ наметана удивительно.

Впрочемъ, мурзаевцу и нельзя быть не ловкимъ; въ ловкости и смѣлкѣ его единственное спасеніе. Говорю: мурзаевцы у всѣхъ окружающихъ какъ бѣльмо на глазу, ихъ ненавидятъ хуже чертей, слово «мурзаевецъ» обратилось въ брань, это славнѣе тѣмъ воръ, варнакъ, каторжникъ. Выведенный изъ терпѣнія подвигами мурзаевцевъ, — окружающій міръ сермягъ лихорадочно-напряженно ждетъ только удобнаго случая, чтобъ высказать свою глубоко-затаенную, долго накипавшую злобу. Много льется мужицкихъ слезъ, много горькой доли прибавляется къ ихъ житію, благодаря воровскимъ подвигамъ мурзаевцевъ, но за то горе и мурзаевцу, по неосторожности или неловкости попавшемуся въ руки враговъ: напередъ можно сказать — не жить ему на свѣтѣ; все припомнится ему. Мурзаевскія обиды влекутъ за собой кровавое, часто утонченное жестокое возмездіе со стороны обиженныхъ. Мурзаевца не представляютъ по начальству, не поведутъ въ судъ. На мурзаевца точутся зубы долгіе годы; куски хлѣба, отнимаемые имъ у нищихъ, возбуждаютъ чудовищный аппетитъ, ждать тутъ нечего: на чистомъ полѣ, тамъ же гдѣ совершено преступленіе или устигнуть преступникъ, учреждается не признаваемый законами, но тѣмъ не менѣе безъапелляціонно приговаривающій самосудъ. Приговоръ этого страшнаго судилища придавленныхъ и истящихъ извѣстенъ мурзаевцу, его мало того что убьютъ, надъ нимъ сначала еще натѣшатся. Говорю: долго накоплавшаяся

сконцентрировавшаяся несправедливость — грозно проявляет себя при расплатѣ, она глуха къ мольбамъ. Если Кубарь-рѣка въ половодье несетъ разбухшій, посинѣвшій трупъ мимо Мурзаева и если изъ мутныхъ волнъ порой покажется бритая голова — то это значитъ, что сосѣдъ мститъ грабителю за обиды.

Мурзаевцы тоже не ходятъ заявлять о гибели своихъ братій, въ глухомъ молчаніи замираютъ совершившіяся драмы, никто изъ постороннихъ не ведетъ счета сложившимъ на воровскомъ промыслѣ свои удалыя головы. «Безъ вѣсти пропавшіе» есть почти въ каждой семьѣ мурзаевцевъ, хотя многіе изъ этихъ «безъ вѣсти пропавшихъ» давно уже покоятся на родномъ кладбищѣ и ихъ могилы для живыхъ, если и служатъ урокомъ, но только для слѣдующаго правила: воруи, но не попадайся.

Опасности не удерживаютъ мурзаевцевъ отъ ихъ промысла. Напротивъ, между мурзаевцами и окружающимъ ихъ міромъ идетъ постоянная, разжигающая круговая порука: выведенное изъ терпѣнья крестьянство «тѣшится» и убиваетъ пойманныхъ мурзаевцевъ, мурзаевцы воруютъ и въ раззоръ раззоряютъ крестьянство, а при случаѣ тоже не дешево расплачиваются жизнью. Словомъ, въ молчаливо залегшемъ вокругъ Мурзаева черноземѣ, совершается каждочасно упорно ожесточенная борьба, изъ которой до насъ только рѣдко, рѣдко донесется пронзительно-страшный, подавленный стонъ.

Постоянство опасностей, жизнь всегда на сторожѣ, выковываютъ изъ среды мурзаевцевъ уже не мелко-трусливыхъ ворешекъ, готовыхъ на плутню, на мизерный обманъ, но сильныхъ, выносливыхъ грабителей, избытокъ жизненныхъ соковъ которыхъ могъ бы далеко не бесполезно оросить и улучшить окружающую почву.

Что же за условія, подъ которыми слагались мурзаевцы и живутъ до настоящаго времени.

Ихъ много... Остановимся, да и то мимоходомъ, только на нѣкоторыхъ. Мурзаевцы, по прямой, нисходящей линіи происходятъ отъ тѣхъ узкоглазыхъ степняковъ, чьи наѣзды навсегда останутся намъ памяты. Раса шла здѣсь цѣликомъ, не принимая въ себя чуждыхъ элементовъ,—условія же времени имѣли, какъ я сказалъ, и здѣсь только одно послѣдствіе: размѣнъ крупной монеты на болѣе мелкую, орда преобразовалась въ Мурзаево, грабители-властелины въ грабителей-конокрадовъ. Съ кровью переходили къ мурзаевцамъ отцовскія преданія, цивилизація шла мимо, ненарокомъ даже не задѣвая Мурзаево и его сосѣдей, даже больше—она явилась въ отношеніи ихъ только своей изгарью, поддонками. Цѣлыя столѣтія прошли, какъ мурзаевцы засѣли въ углу Кубарь-рѣки и Чикмасовскихъ лѣсовъ и, засѣвъ, замкнулись въ самихъ себѣ, въ міръ отцевъ и дѣдовъ перешедшихъ понятій о нравственности, собственности, правѣ и судѣ—лучъ свѣта не проникъ еще въ эту, особнякомъ, ревниво скучившуюся, массу... Если современнаго мурзаевца переселить за пятьсотъ лѣтъ тому назадъ, то онъ, я увѣ-

ренъ, не почувствовалъ бы себя въ неловкомъ положеніи и тотчасъ вошелъ бы въ общее теченіе тогдашней жизни, также сталъ бы драться, грабить, жечь и славословить пророка.

Залегшій вокругъ Мурзаева сермяжный міръ, не имѣлъ въ себѣ данныхъ, чтобы произвести благотворное вліяніе на міросозерцаніе дикихъ степняковъ; онъ самъ стоялъ на низшей степени нравственного и экономического развитія; его собственный кодексъ состоялъ изъ приниженности и покорности, его взглядъ на собственность и право заключался въ отрицаньи права и собственности. Собственное участіе мурзаевцевъ въ новомъ строѣ жизни ограничивалось соприкосновеніемъ или съ тѣмъ только, что составляло самую темную, самую печальную сторону этой жизни, какъ напр. наѣзды повершителѣй «Голіафа», или съ тѣмъ, что по отсутствію и ничтожности благодѣтельныхъ результатовъ, могло казаться въ глазахъ мурзаевцевъ только тяжкимъ, ничѣмъ не вознаградимымъ бременемъ. Для разрѣшенія вопросовъ, предлагаемыхъ новой жизнію, для поставленія себя въ нормальныя отношенія къ ней, мурзаевцы не могли прибѣгать ни къ какимъ теоретическимъ выкладкамъ, ни къ какимъ тонкимъ соображеніемъ, они видѣли только ближайшіе къ нимъ факты и, исходя изъ этихъ фактовъ и переданныхъ имъ преданій, все подводили къ одному, имъ близкому, знаменателю. Правда, на глазахъ мурзаевцевъ ихъ кровные наказывались плетью, ссылались въ Сибирь, пополняли убыль въ каторжныхъ, но во всемъ этомъ мурзаевецъ видѣлъ только необходимое послѣдствіе боръ-

бы съ окружающимъ міромъ, временное торжество враговъ; подобнаго рода примѣры не подрывали его убѣжденій относительно глубокой безнравственности совершаемыхъ имъ подвиговъ; воровской принципъ — въ глазахъ мурзаевца — оставался по прежнему святъ и ненарушимъ. Охраняемый цикломъ своихъ вѣрованій и преданій, при страдальческомъ положеніи однихъ, при грубо-эгоистическихъ, нечистыхъ поповодовеніяхъ другихъ, въ мозгу мурзаевца не зарождалась мысль о примиреніи съ требованіями новой жизни. Исходя изъ предвзятыхъ понятій, мурзаевецъ во всемъ видѣлъ торжество сильнаго. Уже по своей мусколезности онъ не могъ примкнуть къ жалкому міру своихъ сосѣдей, — Мордвы, Чувашей... Роль, разыгрываемая этими вырождающимися, хилыми инородцами, была совсѣмъ не по плечу для порывистой дѣятельности степняка...

Стремленіе къ дѣятельности мурзаевцевъ — не размѣнялось на промысловую работу. Орда засѣла вдали отъ центральныхъ пунктовъ заводской промышленности, только сохой и косулей добываетъ себѣ кусокъ хлѣба окружающій Мурзаево міръ. На всѣхъ фабрикахъ Татары считаются самыми ловкими, смѣтливими рабочими, но около Мурзаева на разстояніе двухсотъ верстъ не было ни одной фабрики; стало быть промысловая дѣятельность не могла притянуть въ себѣ степныя силы.

Не притягивала къ себѣ эти силы, — и землѣдѣльческая культура; земля, въ образѣ безконечнаго иска, воплотившагося въ «Голіаевъ-дѣло», только вытягива-

ла эти силы, заставляла ихъ еще больше, еще настойчивѣе прибѣгать къ воровскимъ подвигамъ. Всепоглощающіе повершители этого дѣла не были знакомы съ процессомъ насыщенія; удовлетвореніе только разжигало ихъ аппетитъ...

Мурзаевцамъ до сихъ поръ чаще всего приходилось имѣть дѣло съ тѣми продуктами нашей цивилизации, что являлись въ лицѣ Трушковыхъ, Чабукowychъ и проч. Понятно, что при характерѣ дѣятельности послѣднихъ, стремленія мурзаевцевъ и ихъ подвиги могли только принимать все болѣе и болѣе широкіе размѣры. Для Чабукowychъ въ мурзаевцахъ былъ вѣчный, неизсякаемый источникъ доходовъ,—для мурзаевцевъ въ Чубукowychъ—неизмѣнный покровъ и защита.

Шамшѣвы (къ фамиліи которыхъ принадлежало дѣйствующее лицо—Ибрагимъ Шамшѣвъ) были родовитыми конокрадами изъ мурзаевцевъ: отецъ Ибрагима сосланъ въ Сибирь на поселеніе, дядя и старшій братъ числятся въ безъ вѣсти пропавшихъ, — одна изъ этихъ незавидныхъ частей по всей вѣроятности, рано или поздно, выпадетъ и на долю Ибрагима. Учиться конокрадству Ибрагимъ началъ съ малыхъ лѣтъ; его воспоминанія ограничиваются приводомъ краденыхъ лошадей, обысками, утеками; воровать же самостоятельно Ибрагимъ началъ съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ сталъ помнить себя, т. е. весьма давно. До сихъ поръ, благодаря ловкости, а также отчасти и счастью, Ибрагиму все сходило съ рукъ, правда, разъ онъ былъ устигнуть мордвой деревни Бурманги, но подоспѣвшіе

кстати односельцы выручили его пзъ страшной бѣды и онъ отдѣлался одними только побоями.— Два раза Шамшѣвъ попадался въ острогъ (въ городѣ, значить, прикладывалъ свое искусство къ дѣлу), но оба раза его выпускали на свободу, по неимѣнію достаточныхъ доказательствъ. «Брагиника» пользовался извѣстностью далеко по окрестностямъ; на базарѣ ему въ одиночку было показываться не совѣмъ удобно (особенно въ мѣстахъ сосредоточія выпивки): крестьянство ждало только случая, чтобы придраться къ нему и, впредь до окончательной расплаты, хоть жесточайшимъ образомъ отдубасить его. Вслѣдствіе своей извѣстности, Ибрагимъ долженъ былъ постоянно переносить свою дѣятельность въ мѣста болѣе отдаленныя отъ Мурзаева; съ прибытіемъ такого гостя нельзя было поздравить туземцевъ: они скоро начинали чувствовать его присутствіе.

Говору: Шамшѣвъ занимался конокрадствомъ давно, привычка у него обратилась въ страсть: подиѣтивъ жертву, онъ переносилъ лишенія, скрывался въ трущобахъ и, въ большей части случаевъ, достигалъ таки своей цѣли. Въ своихъ воровскихъ подвигахъ онъ являлся прежде всего диллетантомъ, самоуслаждающимъ подвигомъ.

Въ послѣдній разъ воровство не сошло Шамшѣву даромъ съ рукъ, — его устигли.

Дѣло было такъ: изъ-за Волги прискакалъ хозяинъ постоялаго двора, крестьянинъ Трубцовъ, и заявилъ, что въ прошедшую ночь, черезъ разломъ забора, увели у него лучшую кобылу и что подозрѣніе онъ имѣетъ

на прибывшаго наканунѣ и ночевавшаго татарина. По его словамъ, Трубцовъ проснулся далеко еще до пѣтуховъ и увидавъ, что собака задушена, что нѣтъ ни татарина, ни кобылы, бросился самъ по дорогѣ, ведущей къ городу (городъ отъ постоялаго двора находится на разстояніи 30 верстъ), а работника послалъ въ противоположную сторону. Верстъ за восемь — Трубцову попался обозъ и возчики объявили, что встрѣтили татарина на парѣ лошадей (одна совершенно походила, по описанію возчиковъ, на уведенную), ичавшатося по направленію къ городу. Подобныя же свѣдѣнія доставили Трубцову и другіе, встрѣтившіеся съ нимъ, прохожіе и проѣзжіе. Въ половинѣ пути слѣдъ Шамшѣва исчезъ, только по не совсѣмъ яснымъ свѣдѣніямъ, собираемымъ по окружнымъ деревнямъ, можно было догадаться, что похититель старается сбить съ толку ожидаемую погоню, «замѣтаетъ» свой слѣдъ. Верстахъ въ десяти отъ города слѣдъ исчезъ окончательно (впослѣдствіи оказалось, что Шамшѣвъ — это былъ онъ — цѣлиной пробрался на Волгу и уже рѣкой, дѣло зимой было, прибылъ въ городъ). Почти потерявъ надежду выручить похищенное, Трубцовъ явился въ городъ и заявилъ о случившемся. Въ каждомъ городѣ есть нѣсколько личностей, специальность которыхъ — притомодержательство, переводъ и храненіе краденаго. Къ числу такихъ личностей принадлежалъ татаринъ же «Бахрѣйка». Первымъ дѣломъ по заявленіи Трубцова было бросится къ «Бахрѣйкѣ». Успѣли придти только что во время. Шамшѣвъ шолъ къ воротамъ отворять ихъ, пара запряженныхъ въ обшени

лошадей (въ коню кобыла Трубцова) стояли совсѣмъ готовыми къ пути, подъ длиннымъ навѣсомъ постоялаго двора. Увидавъ полицейскихъ солдатъ, толпу понятыхъ и между ними Трубцова — Шамшѣвъ разомъ смекнулъ, что дѣло плохо, что пришли за нимъ. Быстро оглянувшись во всѣ стороны и увидавъ, что бѣжать некуда, что сила и ловкость не выручатъ, Шамшѣвъ въ одинъ моментъ преобразился въ мертвецки пьянаго Привели Ибрагима, а онъ ни рукой, ни ногой, борючись только что-то по татарски.

Допросъ производить было невозможно, стали осматривать сани Шамшѣва и нашли въ нихъ топоръ, цѣпъ, ломъ и арканъ (любимыя орудія конокрадовъ): стали осматривать самого Шамшѣва и въ широкомъ поясѣ его нашли изрѣзанныя и изломанные части церковныхъ вещей — чаши, верхнихъ досокъ евангелія, потира и т. д.

Черезъ два дня отъ одной сельской церкви, за Волгой, было подано объявленіе объ взломѣ ея неизвестными людьми и о похищеніи изъ нея денегъ, разнаго рода вещей и окладовъ съ образовъ...

На другой день привели Шамшѣва къ допросу.

Шамшѣву лѣтъ сорокъ. Въ наружности и фигурѣ Шамшѣва рѣзко удержались всѣ характерныя черты монгольскаго типа: средняго роста, кряжистый, широкоплечій, съ сильно развитыми скулами, съ узкопрорѣзанными глазами, приспособленными къ чертовски дальнимъ разстояніямъ, съ угрюмо нависшими черными бровями, Шамшѣвъ смотрѣлъ и воромъ настоящимъ и, надо правду сказать, лихимъ наѣздникомъ. Какъ

степная, поджарая лошадь, Шамшѣвъ былъ одна изъ тѣхъ мускульных натуръ, которыхъ вырабатываютъ глухія, непроглядныя ночи, наѣзды, схватки, утеки и прочія принадлежности опаснаго ремесла и которыхъ ни по чемъ всевозможныя физическія лишенія. Въ глухомъ мѣстѣ встрѣча съ подобными людьми не совсѣмъ безопасна. Судя по давности занятія воровскимъ промысломъ, по двукратному пребыванію въ острогахъ, можно было бы ожидать, что при допросѣ Шамшѣвъ будетъ очень ловко вывертываться, — но вышло напротивъ: ни остроги, ни промыселъ не создали изъ Шамшѣва ни оратора, ни практика юриста. Это былъ дикарь, цѣликомъ взятый изъ непроходимой глуши, непереваживающій никакихъ тонкостей діалектики; устлгнутый, онъ только отгрызался, какъ волкъ. Видно было, что Шамшѣву, какъ юридическому лицу, было совсѣмъ не по себѣ, что давать отвѣты составляетъ для него страшный трудъ, что онъ чувствуетъ себя въ положеніи рыбы, вытащенной изъ воды. Опасность, предстоящая впереди Шамшѣву, вслѣдствіе захвата на постояломъ дворѣ «Бахрѣйки», была, конечно, во сто кратъ меньшая, чѣмъ та, которой онъ подвергался ежедневно въ продолженіи нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, но можно быть увѣрену, что Шамшѣвъ съ удовольствіемъ согласился бы промѣнять новую встрѣчу съ бурмангинской мордвой на полчаса допроса: тамъ онъ созиавалъ себя въ родной стихіи, — съ нимъ имѣлись цѣпъ, топоръ, выносливый конь, тамъ онъ могъ работать, — разсчитывать на силу, ловкость; въ ночной свалкѣ съ врагами, не смотря на грозную

участь, онъ дышалъ свободѣе. Стѣны канцеляріи, юридическіе обряды налегали на чистокровнаго конокрада сильнѣе, чѣмъ толпа разъяренныхъ враговъ.

Но отвѣчать слѣдовало. Чтобы отдѣлаться скорѣе, Шамшѣевъ коротко и ясно поставилъ вопросъ: пришелъ въ городъ пѣшкомъ, въ первомъ кабакѣ напился пьянымъ, потерялъ сознаніе и спрашивать потому его больше не о чѣмъ. По своего рода характерности отвѣтовъ мы выпишемъ нѣкоторые изъ нихъ. (Оговариваюсь: Шамшѣевъ говорилъ ломано-русскимъ языкомъ, — сознавая себя не въ силахъ держаться подлинника, мы не будемъ и стараться поддѣлаться подъ него.)

Шамшѣевъ давалъ отвѣты больше односложные. Спрашивали его: откуда онъ взялъ пару лошадей, захваченныхъ на постояломъ дворѣ Бахрѣя?

— Какихъ лошадей? Сказалъ, что пѣшкомъ въ городъ пришло.

— Чьи же лошади, что у Бахрѣя въ поднавѣсѣ стояли?

— Можетъ и его: коль у Бахрѣйки стояли, такъ Бахрѣйку и спрашивай.

Дальше Шамшѣевъ относительно пары лошадей, на которыхъ явился въ городъ, не пошло: не его лошади — и конечно. Бахрѣй сталъ уличать, Бахрѣю отвѣчалъ, что ему, какъ вору настоящему, вѣры давать не слѣдуетъ.

Явился на очередь другой вопросъ: о церковныхъ вещахъ, найденныхъ въ поясѣ.

Шамшѣевъ удивленнымъ даже представился: какъ

де меня о томъ спрашиваютъ, о чемъ я и слыхомъ не слыхалъ!

— Да вѣдь у тебя онѣ въ поясъ найдены, а поясъ на тебѣ былъ, какъ же безъ твоего вѣдома они туда попали?

— А я почему знаю. Можетъ самъ же ты по злости туда ихъ подсунулъ. Я пьяный былъ человекъ, а съ пьянымъ, что хочешь, то и дѣлай.

— Обыскъ былъ при понятыхъ, подсунуть нельзя.

— Опять я не знаю. Тебѣ сказано: ты ихъ подсунулъ, — стало такъ и пиши.

Отрѣзалъ значить и этотъ пунктъ.

Но отъ ночевки на постояломъ дворѣ Трубцова Шамшѣву отказаться было нельзя: тамъ находилось три совершенно постороннихъ свидѣтеля.

— У Трубцова на постояломъ дворѣ былъ?

— Былъ.

— Зачѣмъ такъ далеко заѣхалъ отъ своей стороны?

— Шара-бара покупалъ.

— Гдѣ же деньги для торговли?

— Деньги?.. Обронилъ.

— На какой же ты лошади къ Трубцову пріѣхалъ?

— На своей.

— Гдѣ же она теперь?

— Сдохла.

— Какъ такъ?

— Такъ же. Ничто не знаешь, какъ лошадидохнуть? Загорѣлась, да и сдохла.

— Въ какомъ мѣстѣ?

- Ментъ Ерыклой и Кудмевикъ.
- Ты долженъ мѣсто указать, гдѣ она пала.
- Мѣста не найду.
- По какой причинѣ?
- По той причинѣ, что ее теперь вояки съѣли.
- А шлею?
- И шлею съѣли.
- А сани?
- И... сани я продалъ, на себѣ повезъ.
- Кому?
- Мужичу встрѣчному, — а кто онъ такой, не справлялся.

- За сколько продалъ?
- За цѣлковый.
- Деньги гдѣ?
- Пропилъ.

Больше отъ Шамшѣева ничего не добились. Говорю — онъ былъ плохой ораторъ и юристъ.

Такъ заключилъ Шамшѣевъ свои характерные отвѣты:

— Ты много меня не спрашивай, ничего больше не скажу. Коли виноватъ я, такъ въ острогъ посылай.

Шамшѣевъ попалъ, конечно, и на этотъ разъ въ острогъ. Когда мулла сталъ переводить ему постановленіе о заключеніи въ тюремномъ замкѣ, такъ Шамшѣевъ будто нѣсколько повеселѣлъ.

Впрочемъ, и въ острогѣ Шамшѣевъ держалъ себя все тѣмъ же степнымъ дикаремъ: онъ не якшался ни съ русскими, ни съ татарами. Сосредоточенный въ самомъ себѣ, Шамшѣевъ вѣчно ходилъ одинокій, поодаль отъ

другихъ, — его, какъ и Акима-Ходока (смотри ниже) больше другихъ душили стѣны острожня, больше другихъ подмывало на волю. У Шамшѣва только нервы были закалениѣе, чѣмъ у Ходока, да цѣль иная: Ходокъ удовлетворялся степниной безпредѣльной, просторомъ безконечнымъ, жаждалъ свободы для нея самой; для Шамшѣва же свобода была понятна только въ связи съ разбойнически-воровской жизнью, съ темными ночами, съ волчьими приѣмами.

Шамшѣву необходимо было напряженное состояніе, лихорадочное ожиданіе опасности, переходы отъ удачи къ полнѣйшему фіаско. Для Шамшѣва быть свободнымъ значило: скрываясь по глубокимъ оврагамъ, по темнымъ лѣсамъ, затаивъ дыханье да крѣпко стиснувъ рукоять топора, выглядывать намѣченную добычу.

Шамшѣевъ жилъ въ эти минуты...

НЕПОМНЯЩЕ РОДСТВА.

НЕПОМНЯЩЕ РОДСТВА.

Сидѣли въ острожной камерѣ, подъ № 8, «непомнящіе родства.» Счетомъ ихъ было двое: Акимъ, по прозванію Ходокъ, и Чудило, безъ всякаго христіанскаго имени. Попались они на гумнѣ: солдаты, квартировавшіе въ деревнѣ Буравкахъ, спящими ихъ накрыли. Ходокъ и Чудило были (по крайней мѣрѣ въ минуту захвата) бродяги исправскіе, не голодающая голь: костюмы ихъ состояли изъ ситцевыхъ рубахъ, плисовыхъ штановъ, чукъ довольно тонкаго сукна и высокихъ сапоговъ съ нанускомъ, — съ виду, словомъ, зажиточные мѣщане. Въ карманахъ у каждаго изъ бродягъ имѣлось цѣлковыхъ по пяти денегъ, да въ онучахъ бумажками завернуто цѣлковыхъ по сорока. Ходокъ и Чудило отдались въ солдатскія руки безъ всякаго сопротивленія, хотя около нихъ и лежало по здоровенному кистеню; — полагать должно, что въ этомъ случаѣ ихъ одолѣла не трусость, а простой расчетъ: народу на гумно ввали- соль много, съ разными дреколѣями, — что тутъ подѣ-

лаешь? бока намнутъ, а себя не спасешь. Зачѣмъ попали Ходокъ и Чудило на гумно, и именно въ деревнѣ Буравкахъ, — путь-ли въ другое мѣсто черезъ Буравки лежалъ, или затѣвали они что въ этой мѣстности, — о томъ кромѣ ихъ же, Ходока и Чудилы, никто доподлинно не зналъ, а они, какъ настоящіе бродяги, объ этомъ любопытномъ предметѣ больше помалчивали, или остроуміемъ отдѣлывались.

Впрочемъ, прежде, чѣмъ подробнѣе рассказывать о Ходокѣ и Чудилѣ, дѣлаю отступленіе.

Надо замѣтить, что слѣдователю едва ли приходится имѣть дѣло съ людьми нрава болѣе не унывающего, пожалуй, болѣе веселаго, чѣмъ «съ непомнящими родства» вообще. Правда, путь каждаго бродяги — тернистый путь (отъ хорошей жизни бѣгать не зачѣмъ, не приходится); есть много вѣроятій думать, что причины, заставившія бродягу отказаться отъ общества, — были уважительными причинами, что судьба, олицетворенная въ общественныхъ условіяхъ, относилась къ нему не весьма милостиво, — все это такъ, какъ правда и то, что бродягѣ, въ дни его безцѣльнаго скитальничества, покуда не попадетъ онъ въ острогъ или не пристроится болѣе удобно къ какому нибудь «притонодержателю», — случается голодать по цѣлымъ днямъ, переносить всевозможныя атмосферическія перемѣны, имѣя кровомъ «высокій сводъ небесъ», представлять изъ себя весьма незавидное подобіе звѣря, на котораго ежеминутно готовы усыкнуть представители благоустройства и благочинія; по тѣмъ не менѣе, повторю, слѣдователю рѣдко приходится

имѣть дѣло съ людьми болѣе не унывающими, чѣмъ бродяги, а если и приходится, то какъ съ исключеніями. Конечно, иногда въ черезъ-чуръ смѣлыхъ отвѣтахъ бродяги, въ его бойкихъ движеніяхъ можно подмѣтить напускъ, своего рода куражество, похвальбу, но и подъ этимъ куражомъ много своего, такого, что говоритъ, что имѣющийся передъ вами «непомнящій родства» — парень не промахъ, виды выдавшій, а потому ни отъ какихъ дальнѣйшихъ видовъ въ смятеніе не приходящій. У инаго «непомнящаго родства» во всемъ такъ и сквозитъ славный, подзуживающій задоръ. Чиновное великолѣпіе и юридическая процедура не особенно смущаютъ бродягу, мысль о возможности столкновенія съ ними настолько буднична, обыденна для него, что онъ имѣетъ время къ ней достаточно попривыкнуть; напротивъ, мы знаемъ нѣкоторые случаи, гдѣ бродяги своимъ задорнымъ поведеніемъ смущали чиновное великолѣпіе.

Однажды представитель благоустройства вздумалъ «припугнуть» бродягу, крѣпкимъ словомъ обозвалъ. Дѣло въ присутствіи происходило, заподучилъ бродяга въ свои руки кресло, да и молвилъ сердито:

— Не трожь, сами съ усами!

Представитель и смутился.

Другой «непомнящій родства» такъ-тише обошелся; кричалъ на него очень представитель за то, что тайны происхожденія своего не открываетъ, — въ бараній рогъ обѣщался согнуть. «Непомнящій родства» сначала все смирнехонько слушалъ, а потомъ:

— Слыхалъ, говорить, я, что такіа мудреныя книги у насъ есть, кои законами именуются, и что кни-

ги тѣ и для нашего брата, бродягъ бездомовныхъ, силу свою имѣють. Слыхалъ я также и то, что въ законахъ сихъ, — именно въ XV томѣ, статья 171 речетъ нижеслѣдующее: «вообще въ продолженіе всего допроса стараться приводить обвиняемаго къ признанію болѣе кротостью и увѣщаніемъ, нежели строгостью. Обвиняемымъ отнюдь не чинить пристрастныхъ допросовъ, истязаній и жестокостей; но стараться обнаружить истину черезъ тщательный разспросъ и внимательное наблюдение и соображеніе связи словъ и дѣйствій подсудимаго» (говорилъ «непомнящій родства» безъ запинки, точно по книгѣ вычитывалъ). Въ противность сему вышереченному, вашеска высокоблагородіе, вы изволите допросъ мнѣ чинить, а потому, хотя показывалъ я спервоначалу, что въ грамотѣ не свѣдущъ, однакожь показывалъ то неправильно, въ чемъ съ чистосердечіемъ и винюсь: инокъ меня безвѣстный малую толику читать и писать научилъ, и теперича я самолично желаю показанія свои зарукоприкладствовать.»

Сталъ «непомнящій родства» самолично показанія свои зарукоприкладствовать, да въ нихъ и прописалъ какими словами непотребными его представитель благоустройства ругалъ, какимъ мукамъ грозился предать, — а на тотъ грѣхъ, къ вящему несчастію представителя, свидѣтели случились; «непомнящій родства» — всѣхъ ихъ въ рукоприкладство и вклеилъ: что не клевету-де я на ихъ высокоблагородіе осмѣлюсь нести, на то и свидѣтелей выставляю, кои, полагать должно, при крестномъ цѣлованіи показать всю правду истинную не откажутся.

Такимъ образомъ и этотъ смутилъ представителя.

Бывали и многіе другіе примѣры, подобные двумъ прописаннымъ.

Причинъ бойкости, которая не даетъ наступить на ногу и съ которой большинство «непомнящихъ родства» держитъ себя передъ официальнымъ и вообще признаннымъ міромъ — нѣсколько. Постараемся указать на нѣкоторые.

Во-первыхъ:

«Непомнящій родства» привыкъ жить «своимъ умомъ», и притомъ умомъ, который находится постоянно въ напряженно-дѣятельномъ состояніи. Надѣяться бродягѣ, кромѣ себя, положительно больше не на кого и дремать некогда. Чтобы избѣжать скверной и ежеминутной возможности попасть въ острогъ, бродяга держитъ всю свою мозговую дѣятельность насторожѣ, на чіку. Желудочныя потребности бродяги такъ же сильны (если еще не сильнѣе, благодаря скитаньямъ и воздусьямъ), — а между тѣмъ способовъ удовлетворенія этихъ потребностей очень мало: пути къ работѣ бродягѣ «всѣ заказаны»; если же и извѣстенъ притонъ, гдѣ безпашпортными не гнушаются, то разъ, надо еще добратся до него, а во-вторыхъ, часто они бываютъ настолько полны бездомовно-голоднымъ людомъ божіимъ, что въ приѣмѣ новыхъ членовъ не представляется надобности; въ третьихъ-же, между хозяевами этихъ пріютовъ (и въ большей даже части) встрѣчаются жесточайшіе кулаки. Находясь подъ дѣйствіемъ двухъ силъ: надзора, глаза котораго слѣдуетъ отвести, сдѣлать такъ, чтобы онъ и видѣлъ, да ничего не

видалъ, и слышалъ, да ничего не слыхалъ (что, какъ съ достовѣрностью извѣстно, до дней сихъ приобрѣтается при помощи опредѣленныхъ и часто весьма солидныхъ гонимыхъ), и желанія вознаградить себя за капиталъ затрачиваемый: на бродягу въ видѣ его содержанія, на вышеозначенный надзоръ, въ видѣ гарантіи держать при себѣ «непомнящаго родства» и за постоянный рискъ, которому, не смотря на приношенія, все-таки подвергается капиталъ и владѣлецъ его со стороны непредвидѣнныхъ обстоятельствъ, — пристанодержатели часто такимъ манеромъ жмутъ сокъ изъ попавшаго къ нимъ въ лапы «непомнящаго родства», что ему, бросившему одну законную каторгу, остается только бросить и другую — незаконную, и снова идти въ безцѣльный, широко-раскинувшійся путь. Чтобы прокормиться на этомъ широкомъ пути, представляющемъ всѣ удобства для «умертвѣя» съ голоду, бродяга долженъ вынанивать въ себѣ разбитную сноровку въ распознаваніи людей; бродяга долженъ чутьемъ слышать, гдѣ можно взять лаской, гдѣ силой, а гдѣ и честнымъ трудомъ. Первая ошибка его заканчивается обыкновеннымъ финаломъ: острогомъ.

Все это: постоянство опасностей, удовлетвореніе желудочныхъ и другихъ потребностей, невозможность найти поддержку въ обществѣ, поставленномъ такъ или иначе во враждебныя отношенія, — приучаетъ «непомнящаго родства» жить своими силами, своей личностью, не стуживаться при первомъ, выходящемъ изъ общаго уровня, случаѣ. Дѣйствительно, при допросахъ иной «непомнящій родства» такую рачью раз-

ведетъ, что слушать любо, и смотритъ такъ бойко, словно говоритъ: хоть и въ отвѣтъ-де стою, а все-жъ тебя, милаго друга, не испужаюсь, потому виды виды-валъ всякіе, а вотъ ты-ка, судья мой праведный, пойми—правду-ли я тебѣ говорю, или, только надъ твоей милостью насмѣхаючись, небылицы въ лицахъ тебѣ развожу.

И точно другаго разомъ не раскусишь.

— Раскаяніе, — говоритъ, — восчувствовалъ, въ грѣхахъ содѣланныхъ каючись, жизнь свою открытъ желаю.

— Изъ какихъ-такихъ?

— Изъ роду дворянскаго. Прозываюсь Колонтаевъ, по имени Александръ, по отчеству звали Петровичемъ.

Вглядываясь ближе, «непомнящій родства», пожалуй, смотритъ и дворяниномъ (важность даже нѣкоторая имѣется), а, пожалуй, и недворяниномъ.

— Изъ какой губерніи?

— Изъ губерніи Тульской, села-же Вихляева, отчины родительницы моей.

— Какая причина бѣгства?

— Причина бѣгства изъ дому родительницы столь ужасная, что теперича показать ее не могу. Батюшку сюда призовите, дабы онъ могъ божественнымъ словомъ утѣшенія раскаяніе мое поддержать, — бальзамъ сладостный въ душу мою нечестивую пролить.

Призывается батюшка, льется изъ устъ его обильнымъ потокомъ бальзамъ въ нечестивую душу. Солидно внимаетъ ему «непомнящій родства», только порой

глубокіе вздохи, признакъ возчувствованнаго раскаянія, прерываютъ слова утѣшенія... Потокъ бальзама кончился, вслѣдъ за нимъ потокомъ полилась рѣчь дворянина Тульской губерніи. Разсказъ полонъ всѣми данными, чтобы составить изъ него потрясающую мелодраму: тутъ и любовь, и убійство, и жестокосердіе родителей, и невѣрность подруги жизни, и коварство друга, ее плѣниваго... словомъ: все, что вамъ угодно.

Особенная-же характерность сего разсказа слѣдующая: навели справки и оказалось, что въ Тульской губерніи не только о дворянинѣ Колонтаевѣ, съ его кровавой исторіей, но и объ ижѣни-то Вихляевомъ слыхомъ не слыжали.

— Какъ-же это такъ? — спросишь дворянина Тульской губерніи.

Дворянинъ смѣется.

— Эхъ, вашеско-благородіе, охота вѣрить-то вамъ нашему брату. Знамо: слова живого не скажемъ, потому такая наша линія.

— Изъ какихъ-же, значить?

— Изъ такихъ-же, какъ и всѣ: родила меня мать бѣличка въ сосновомъ бору и, окрестивши въ ключевой водѣ, прочь пошла, на колодѣ меня оставивши, — а потому кто такой я — самъ того до подлинности не знаю. Полагаю, что божій.

И опять дворянинъ лукаво смѣется, такъ лукаво, что-будто говоритъ: «поди-ка, хитрый человѣкъ, раскуси меня, что за птица мудреная я есть?»

Во-вторыхъ:

«Непомнящій родства» знаетъ жизнь, людей, а отсюда опять: никакая новость положенія его не пугаетъ, онъ съумѣетъ войти въ тонъ ея. Свое знаніе бродяга почерпаетъ изъ столкновенія съ личностями, хотя и темными, нерѣдко разъ десять мѣнявшими свое имя и отчество, разъ десять отрекавшимися отъ всевозможныхъ обществъ, для міра оффиціального нерѣдко такъ и оставшимися «таинственными незнакомцами», но тѣмъ не менѣе личностями крайне «интересными», и интересными не вслѣдствіе своей таинственности, но вслѣдствіе того историческаго развитія жизни, тѣхъ фактовъ, которые вынудили принять эту таинственность. Да и прежде полнѣйшаго отреченія, выразившагося въ принятіи характернаго титула «непомнящаго родства», почти каждый бродяга самъ по себѣ окунался достаточно въ глубь того или другаго проявленія соціальной жизни; стало быть и прежде, до момента отреченія, почти каждый бродяга имѣлъ возможность изъ столкновеній и передрагъ воспринять достаточный запасъ жизненной опытности.

Бродяги-диллетанты, въ чистѣйшемъ значеніи этого слова, такъ сказать, въ идеалѣ, почти не существуютъ. Правда, между «непомнящими родства» встрѣчаются личности, къ которымъ какъ нельзя больше идетъ половица «какъ волка не корми, а онъ все въ лѣсъ смотреть», которыя, при сравнительныхъ удобствахъ жизни, съ первой вскрывшейся рѣчкой, съ первымъ лопнувшимъ пучкомъ на деревѣ, съ первымъ подсиѣжникомъ, показавшимся на неоттаявшей еще вполнѣ землѣ, только и думаютъ о томъ, чтобы задать стрекача;

но и для этих безустанных странников, неутомимых непосѣдовъ, вѣрныхъ искателей неподходящей подѣ общую, признанную мѣрку воли — первый толчокъ даетъ всегда обратная сторона жизненной медали:

— Не въ ногу, значитъ, пришлось!

И идетъ «непомнящій родства» отыскивать, гдѣ эта «растаковская воля запропастилась». Если бы не было этого толчка, если бы жизнь недостаточно ломала будущего дилетанта бродяжничества, его неопредѣленные, безформенныя стремленія вырваться на просторъ улеглись-бы сами собою, броженіе въ концѣ концовъ имѣло-бы результатомъ то, что жизнь втянула бы его въ себя, заставила нести, если не съ покорностью, то по крайней мѣрѣ безъ особенной протестаціи, гражданскія и инныя обязанности: *).

Итакъ, мы въ правѣ предполагать, что каждый бродяга, прежде чѣмъ окрестился «непомнящимъ род-

---

*) Какой же страстный, жгучій характеръ приобретаетъ потомъ, послѣ перваго искуса, стремленіе къ бродяжничеству, показываетъ слѣдующее: на казенныхъ сибирскихъ заводахъ работаютъ ссыльные, арендаторы этихъ заводовъ попадаютъ иногда люди весьма хорошіе, заботящіеся о благосостояніи рабочихъ; у такихъ арендаторовъ ссыльные зиму и осень работаютъ отлично; но съ первыми-же приближеніемъ весны они сами настоятельно требуютъ, чтобы усилили надзоръ за ними, чтобы ихъ заковали въ кандалы, — иначе они уйдутъ; предупреждая о своемъ бѣгствѣ, ссыльные говорятъ, что имъ не найти лучшаго житія, что бѣжавъ, они принесутъ только вредъ себѣ, что рано или поздно ихъ или изловятъ и усугубятъ и безъ того уже горькую участь, или на дорогѣ они сломаютъ свои кости; но при этомъ прибавляютъ, что они не въ состояніи заглушить, противодействовать тому голосу, что безустанно зоветъ ихъ вновь приобщиться къ вольному міру, вновь извѣдать безначальную жизнь.

ства», на самомъ себѣ достаточно узналъ жизнь и приобрѣлъ немалую долю опытности и умѣнья держать себя при случаѣ, не обезличиваясь при столкновѣніяхъ.

Бродячая жизнь, какъ сказано выше, еще болѣе увеличиваетъ въ челоѣкѣ это знаніе жизни и людей: на своемъ безпредѣльномъ пути «непомнящій родства» сталкивается съ такими-же проходимцами, какъ и онъ, — стало-быть круговой, взаимный дѣлежъ между ними запасовъ знанія является первымъ послѣдствіемъ каждаго столкновѣнія. Если прошедшее большинства «непомнящихъ родства» «покрыто мракомъ неизвѣстности» для міра официальнаго, то нельзя предполагать, что мракъ этотъ не разсѣивается для своего же брата, безпашпортнаго; здѣсь дѣло обоюдное: если есть что рассказать одному, то и другому передъ рассказчикомъ въ долгу оставаться не изъ за-чего. А что между бродягами встрѣчаются личности едва ли не самыя интересныя (то есть такія, которыхъ слѣдуетъ послушать, отъ которыхъ можно чѣмъ позаимствоваться), то это фактъ несомнѣнный.

Помню, въ арестантской ротѣ случилось встрѣтиться мимоходомъ съ Иваномъ «непомнящимъ родства». Прошедшее Ивана было не извѣстно, но по наружнымъ признакамъ, по манерѣ говорить, по нѣкоторымъ словамъ, то и дѣло вырывавшимся у него и указывавшимъ на извѣстную степень образованія, — можно было держать пари сто противъ одного и не проиграть, что жизнь готовила этого челоѣка вовсе не къ той роли, которую онъ вынужденъ разыгрывать,

что общество, населяющее арестантскую роту, не его общество, что онъ здѣсь чуждый, богъ знаетъ какими судьбами заброшенный пришлецъ. Тонкія черты лица Ивана, небольшія руки, особенная непринужденность, далекая и отъ хвастливой заносчивости арестантовъ, уже прошедшихъ огонь и воду и мѣдныя трубы, и отъ забитой, угрюмой робости арестантовъ, только что перешагнувшихъ черезъ острожную черту, — наконецъ всѣ тѣ штрихи и оттѣнки, которые впадаютъ на чело-вѣка извѣстной средой, извѣстнымъ положеніемъ въ обществѣ, — говорили, что сѣрый армякъ — одежда вовсе непривычная для Ивана, что онъ и еще недавно нашивалъ другую, болѣе ему сподручную. Арестанты очень хорошо понимали, что Иванъ не ихъ поля ягода и звали его — «барчукомъ». Обо всемъ, что касалось общихъ предметовъ, «Барчукъ» разговаривалъ охотно и очень умно, объ себѣ-же лично онъ упорно молчалъ, или всякое поползновеніе проникнуть въ его тайну останавливалъ на первомъ шагу.

Говорилъ онъ:

— Зачѣмъ вамъ это? Удовлетворить любопытству? Пожалуй, я былъ-бы не прочь, если-бы это не имѣло для меня печальныхъ послѣдствій. Я не боюсь, чтобы вы выдали меня, но дѣло въ томъ, что есть такія прошедшія, которыя при воспоминаніи составляютъ мученье для воспоминающаго.

«Барчукъ», выйдѣвши положенный терминъ, ушелъ въ Сибирь. Эта загадочная личность оставила по себѣ хорошее дѣло въ арестантской ротѣ: человекъ патнадцать арестантовъ, выученныхъ имъ грамотѣ.

Смотритель арестантской роты такъ вспоминалъ о «Барчука.»

— Нечего сказать, грѣшенъ я передъ Богомъ, не любилъ этого Барчука. И за что-бы, кажись? Арестантъ онъ былъ не озорной, на работахъ не лѣнивый. Поди! думается мнѣ все: онъ арестантовъ смущаетъ, къ неповиновенію начальству направлять ихъ нарочить. Извѣстно: въ тихомъ омутѣ черти водятся. Потому ужъ очень онъ важно держалъ себя, точно и не вѣсть что, не бродяга — сволочь. Начнетъ свои туры на колесахъ подпускать, — только уши развѣшай, да слушай: фря-де заморская у насъ появилась. Учительшко — дерьмо!

Помню другого «непомнящаго родства». Содержался онъ въ острогѣ, какъ пересланный изъ другой, болѣе дальней губерніи. Это былъ совсѣмъ юноша, голосъ у него даже не установился. Въ острогѣ эго звали «мамзелью». Мамзель, не смотря на всѣ убѣжденія, не хотѣлъ открыть своего настоящаго происхожденія: не помню ничего, да и баста. Въ неизвѣстности прошло болѣе полугода. Мамзели выходило скорое рѣшеніе: участь обыкновенная, — если не военная служба, то тридцать розогъ и ссылка въ Сибирь на поселеніе; — но онъ предупредилъ наказаніе, открывши свое происхожденіе. Мамзель оказался сыномъ уѣзднаго стряпчаго и бѣжалъ изъ отцовскаго дома съ цѣлью узнать, въ дѣйствительности, какъ живетъ народъ вообще и отдѣльные члены его по острогамъ въ особенности. Показаніе Мамзели по наведеннымъ справкамъ подтвердилось, — по-

крайней мѣрѣ не было ни одной данной чтобы искать причины бѣгства Мамзели въ прежде совершенномъ преступленіи, въ самодурствѣ родителей и въ другихъ какихъ-либо, кромѣ указываемыхъ самимъ бродягой, причинахъ. Замѣчательно, что Мамзель не получилъ почти никакого образованія (беру это слово въ смыслѣ дипломиномъ) — это былъ социальный самородокъ...

Повторяю: для міра признаннаго прошедшее большинства бродягъ покрыто непроницаемой тайной (Мамзели на рѣдкость), но эта таинственность не такъ ревниво охраняется для своего же брата, беспаспортнаго. Встрѣчи проходимцевъ не остаются, конечно, безъ взаимодѣйствія: недостатокъ знанія и опытности одного пополняется избыткомъ другого; односторонность сталкивается съ болѣе широкими взглядами. Каждый бродяга и ученикъ и учитель въ одно и тоже время. Бродяжничество — это обширная школа, въ которой, правда, педагогическіе курсы нравственности часто не всѣмъ подходятъ подъ условныя понятія, выработанныя обществомъ, но изъ которой люди въ большинствѣ выходятъ такого сорта, что въ карманъ за словомъ не лѣзутъ и ни въ какихъ, подчасъ весьма незавидныхъ положеніяхъ, неловкости не ощущаютъ, а если и ощущаютъ, то всегда умѣютъ скрыть ее, сдѣлать ее не замѣтной для посторонняго наблюдателя.

Похваляются «непомяшіе родства»:

— Мы-ста изъ таковскихъ: хоша съ барами праниковъ писаныхъ и не кушаемъ, а все жъ при случаѣ въ грязь рыломъ не шлепнемся. Что бродяги

«въ грязь рылою не плеши!»; ушиботъ весьма ловко справиться со воиннымъ поприженіемъ, разыграть всякую роль, — понимашеть следующее: поради тому дѣтъ восемь матерая тишина города О. нуно съ уѣздомъ, населеннымъ вселомную «нотемизми въ древности преславенныхъ нуней», была до дна возмущена необыкновеннымъ происшествіемъ: прибытіемъ сына графа П. Графъ свалился какъ съ неба: пріѣхалъ въ го-
стиницу, оповѣстилъ кого слѣдуетъ, что онъ такой-то — баста. На предлагаемые вопросы о причинахъ прибытія онъ отвѣчалъ, что обязался страшной клятвой хранить ненарушимо эту тайну, — при чемъ тонко намекалъ, что клятва дана имъ предъ кѣмъ-то очень высокимъ, и малѣйшія поползновенія проникнуть въ его тайну могутъ имѣть гибельныя послѣдствія для проникающихъ. Вздумавшій мірокъ терялся въ догадкахъ, онъ былъ ошеломленъ; чтобы удовлетво-
рить пожиравшему любопытству, граждане и гражданки прибѣгли къ разнообразѣйшимъ умозаключеніямъ и въ концѣ концовъ порѣшили, что графъ былъ сосланъ за какое-то необычайно важное политическое преступленіе и въ городѣ С. остановился только временно, въ ожиданіи дальнѣйшихъ инструкцій и почотнаго кон-
воя, для препровожденія его куда слѣдуетъ. Продуктъ умозаключенія передавался съ уха на ухо. Между тѣмъ, куда шли догадки, графъ успѣлъ обворозжить собой все сердце; его положительно носили на рукахъ, не давали отдыха ни днемъ ни ночью. Приглашенія такъ и сыпались на графа: давались обиды, пикники, вечера. Весь уѣздъ съ ума сходилъ, — самые заскорузлые

сиди, разсертированно по дальним деревенским угламъ, тронулся съ нагрѣтыхъ мѣсть своихъ и потянулся въ городъ, чтобы только излѣзнуть на граа; прекрасная половина челоуѣческаго рода особенно увлеклась граомъ, — его слово сдѣлалось святымъ, закономъ, не допускавшимъ критики; чиновный людъ, ех offiцiо обязанный слѣдить за спокойствiемъ гражданъ, чуть-ли не больше другихъ бѣгалъ и лебезилъ передъ граомъ. Графъ жила, плѣнилъ и благодушествовалъ въ городѣ С. около мѣсяца. Но всему бываетъ конецъ: молва о похажденiяхъ граа достигла до «губернiи» (городъ С. — городъ убадный, хотя по многолюдству и богатству не уступающiй губернскому). Догадывае-ли были губернскiя свѣтила, или на нихъ нашолъ свѣтлый промежутокъ, редъ вдохновенiя, только отъ нихъ наряженъ былъ чиновникъ съ непремѣнной обязанностью досконально узнать, что за личность вновь явившiйся графъ П. и, если потребуется, замолучить его. Графъ П. былъ прямо съ балу пригласионъ къ прибывшему чиновнику и чрезъ полчаса открылся, что онъ не больше не меньше, какъ «непонищiй родства.»

Ахнули только мирные граждане, узрѣвъ такой неожиданный и столь зазорный для нихъ пассажъ: «родить-же Богъ дураковъ, да все жъ не такихъ какими мы имѣемъ счастье быть!»

Конечно, «случай, случившiйся» съ граомъ П., нарѣдкость, но положительно мельзя ручаться, чтобы онъ еще разъ не повторился на нашей, столь достаточно утучненной всякими курьезами почвѣ, по кра й-

ной міръ я, исполни чувствующій, что «въ настоящее время, когда прогрессъ ест саетега», не поругуеъ за неустореніе его. Въ подобныхъ курьозахъ конечно привести въ изумленіе странная наивность (чтобы не сказать болѣе) общества, но съ другой стороны нельзя не отдать должной справедливости той забубенной, ухарской, на всѣхъ нарусахъ заляющей смѣлости, съ которой «непомнящее родства» и личности имъ подобныя берутъ и разыгрываютъ самыя разнахарактерныя роли.

Нечего сказать — остроумный народъ.

Помню еще одну личность, тоже прежде искусившуюся въ званіи «непомнящаго родства», а потомъ явившуюся въ образѣ «блаженнаго». Въ народѣ его звали «Дядя-домой». Странное прозваніе его произошло отъ того, что блаженный часто не говорилъ ни съ кѣмъ по цѣлымъ мѣсяцамъ, исключая словъ «дядя, домой». На «Дядю-домой» чуть-ли не икоился цѣлый городъ; получить ленту изъ огромнаго лука, навязаннаго на его палку, заканчивавшуюся большимъ золотымъ крестомъ, считалось величайшей благодѣтельностью; на его посѣщенія смотрѣли, какъ на особую милость неба. Нѣкоторые въ своемъ почтеніи къ «Дядѣ-домой» доходили до безобразнѣйшихъ нелѣпностей: мыльная вода, которой обмывался «Дядя-домой», хранилась и пиалась, какъ святая. Впрочемъ, исторія развитія этого блаженнаго, путь по которому шолъ онъ, многіе факты его жизни, наконецъ самая его личность, умѣвшая, помимо суетѣрія, покорять другихъ чисто изъ присущихъ ей самой данныхъ — настолько выходятъ

изъ уровня обыденности, что я оставляю за собой право посвящать ей несколько отдѣльных страницъ; — теперь же, если я и упомяну объ ней, то для того, чтобы показать, у нашихъ единичныхъ и искусныхъ педагоговъ приходится брать уроки «непониманія ролевого», чтобы показать, насколько есть дѣланныхъ, чтобы «исполняющихъ ролевого» черезъ обоюдное взаимодействие бѣло смотрѣть на каждое великолѣпіе.

Въ третьихъ:

Бродяга «не пугается» приходитъ въ столкновение съ оффиціальнымъ міромъ между прочимъ и потому, что ему и пугаться не, собственно говоря, особенно нечего. Я не говорю, чтобы бродягу не ждала отвѣтственность, но дѣло въ томъ, что эта отвѣтственность, въ сравненіи съ другими степенями наказанія и при суммѣ тѣхъ социальныхъ условий, которыя главнымъ образомъ вліяютъ на развитіе и поддержаніе бродяжничества, — не можетъ считаться особенно тяжелой. Такъ по крайнѣй мѣрѣ смотритъ на нее большинство бродягъ. Каждый бродяга очень хорошо знаетъ, что ему рано или поздно не избѣжать общаго рѣшенія, если только на пути къ этому рѣшенію его не постигнетъ что-либо горшее. При томъ, если въ скитальческое братство иногда поступаютъ люди изъ-за того только, что жизнь слишкомъ не радостно смотреть въ глаза имъ, слишкомъ не скупится на крупные и мелкіе удары, что не представляется законной возможности повернуть ее на другую колею, — то, съ другой стороны, сюда же идутъ и люди,

прошедшее которыхъ омрачено преступленіемъ, стало быть для которыхъ послѣдствія бродяжничества есть только изъ двухъ золъ меньшее. Что между бродягами есть люди совершившіе «тяжкія преступленія» — это тоже фактъ несомнѣнный, только чаще всего кровавое сказаніе замираетъ вмѣстѣ съ отреченіемъ чловѣка отъ имени и отчества.

Въ острогѣ содержался «непомнящій родства»; онъ подговорилъ караульнаго солдата передать письмо женщинѣ, содержащейся въ рабочемъ домѣ, тоже изъ бродягъ—Татьянѣ, безъ отчества. Одолѣла ли солдата ревность къ службѣ и къ неукоснительному исполненію своихъ обязанностей, или не поладилъ онъ относительно гонорара за комиссію, только, вмѣсто передачи письма по назначенію, онъ вручилъ его «по начальству». Это было любовно-угрожающее посланіе, не чуждое нѣкоторой книжности въ оборотахъ, но весьма характерное по содержанію.

Дѣло въ томъ: «непомнящій-родства», какъ видно, коротко зналъ Татьяну-бродягу (ихъ поймали вмѣстѣ, только одна, за состоявшимся рѣшеніемъ, попала уже въ рабочій домъ, — дѣло же другого тянулось и онъ оставался въ тюремномъ замкѣ); ихъ крѣпкими узами связала общность пережитыхъ когда-то воспоминаній. Судя по содержанію письма, поводъ къ нему подала Татьяна своей измѣной и связью съ однимъ изъ сторожей рабочаго дома.

Писалъ между прочимъ «непомнящій-родства» къ Татьянѣ-бродягѣ:

«Забыла ты, знать, стерва, что невѣнчанные по

вѣнчались мы съ тобою подъ ракитовымъ кустомъ и что былъ у насъ одинъ супротивникъ-лиходѣй, супругомъ вашимъ законнымъ прозвѣвавшійся. Не перестанешь ты у меня съ негоднымъ баловаться, такъ скажу тебѣ одно и запомни ты слово мое крѣпкое: не жалѣючи губилъ допрежь себя я, не жалѣючи и теперь сдѣйствую, только и вы ужъ, сударка моя, гнѣваться не извольте. Не надъ однимъ мной потѣшаться палачовской рукѣ, а и тебя я предамъ лютымъ казнямъ, на кобылѣ ты припомнишь, какъ любилъ тебя полюбовничекъ твой вѣрный. И не думай ты, паскудная, средствомъ какимъ отъ доли со мной единой отдѣлаться: темна была весенняя ноченька, да звѣздочка одна на небѣ свѣтила; свѣтила она и видѣла, какъ лиходѣя своего мы спать укладывали. Такой-же я и нонѣ, какой и тогда былъ, хотя и не милъ тебѣ, измѣнница, становлюсь. Пожалѣй-же ты, Вѣрушка, допрежь всего себя, успокой ты сердце мое тоскующее; не мало оно горестей отъ разлуки съ тобою перечувствовало; отпиши, что дурацкія слова на тебя пустые люди несутъ.»

Мы выписали только часть и то весьма незначительную письма; въ подлинникѣ оно занимало гораздо болѣе мѣста и было полно темными намеками на какое-то кровавое дѣло, въ которомъ и писавшій и долженствующій получить письмо принимали живѣйшее участіе. Ни именъ (кроме одного раза, когда «непомятій родства» называетъ бродягу Вѣрушкой), ни обозначенія мѣстности, гдѣ разыгрывалась и подготавливалась совершившаяся драма,—въ письмѣ не было.

О письмѣ спросилъ «непоминащаго родства»; онъ, конечно далъ весьма категорическій отвѣтъ: знать ничего не знаю, вѣдать ничего не вѣдаю, писемъ никогда не писалъ, солдату ихъ не отдавалъ, а если тотъ и показываетъ что, — то или со злости, или у начальства выслужиться желаетъ. На вопросъ знали-ли «непоминащій родства» прежде Татьяну, полученъ былъ уже разъ данный имъ отвѣтъ: сошлись случайно, передъ самой поимкой, въ лѣсу, и держали вмѣстѣ путь до перваго только города, куда Татьяна просила указать дорогу; до сей-же поры бродяжничали врозь и любовной сязан никогда между собой не имѣли.

Съ такимъ-же удовлетворительнымъ результатомъ былъ произведенъ спросъ и Татьянѣ: и тамъ и здѣсь въ итогѣ полученъ нуль.

А между тѣмъ, тѣ темныя намеки на совершившуюся въ жизни безнашпортныхъ какую-то драму имѣли за собой данныя, чтобы видѣть въ нихъ больше, чѣмъ произведеніе досужей фантазіи. Уже неговоря о томъ, что «непоминащій родства» и Татьяна бродяжничали вмѣстѣ (показанію о соединеніи передъ поимкой трудно придать вѣроятность), но кромѣ того, одна изъ арестантокъ рабочаго дома показала, что Татьяна и прежде получала отъ какого-то бродяги острожнаго письма; другія-же подтвердили, что между Татьяной и унтеръ-офицеромъ замѣчали любовныя шашни, ибо на работахъ онъ старался уходить съ Татьяной далѣе отъ другихъ въ скрытыя мѣста.»

Что-же это за дикодѣй-супротивникъ, помѣхой,

ставшій между невиннаго повѣтовавшимся и уложен-
 ный ими въ темную весеннюю ночь? Гдѣ росъ тотъ
 ракитовъ кустъ, что былъ свидѣтелемъ сноты и быть
 можетъ преступленія? За какую вину хотѣлъ предать
 «непомнящій родства» свою любовницу лютымъ каз-
 нямъ? Въ чемъ заключалась непосредственная роль
 главныхъ дѣйствующихъ лицъ совершившейся дра-
 мы? — Увы, эти вопросы такъ и остались безотвѣт-
 ными; по всей вѣроятности «непомнящіе родства» въ
 могилу унесутъ съ собою крѣпкой связью соединив-
 шую ихъ тайну. По всей землѣ русской много за-
 легло скрыхъ костей бездомныхъ скитальцевъ, а съ
 ними залегла и печальная повѣсть о кровавыхъ дѣ-
 лахъ и пережитыхъ страданияхъ, что гнали «непомня-
 щихъ родства» безъустайно, изъ конца въ конецъ,
 во всю ширь неласковой для нихъ родины...

Кстати о женщинахъ-бродягахъ, содержащихся
 въ рабочемъ домѣ. Я не могу пройти здѣсь молча-
 ніемъ одной замѣчательной личности. Звали ее «Нѣ-
 мая»; было ей съ небольшимъ лѣтъ тридцать, изъ
 себя такая видная, съ строгими чертами лица. Звали
 ее Нѣмой потому, что со времени юности, какъ въ
 рабочемъ домѣ, такъ и въ островѣ, почти въ продол-
 женіи цѣлаго года она ни съ кѣмъ не сказала ни
 слова: цѣлый день молча работаетъ, или сидитъ въ
 дальномъ углу наръ. Ни по одному наружному при-
 знаку нельзя было догадаться, что за существо Нѣ-
 мая, откуда являлась она, что довело ее до бродяжни-
 чества и до рабочаго дома. Съ теченіемъ времени къ
 поведенію Нѣмой достаточно привыкли, на нее пере-

стали обращать вниманіе. Срокъ содержанія Нѣмой въ рабочемъ домѣ приближался къ концу, всего оставалось мѣсяца два, — но вдругъ эта непонятная личность заявила о своемъ существованіи кровавымъ происшествіемъ: огромными ногтями она наговала зарѣзала зрителя, — прямо въ сердце, такъ что тотъ и недохнулъ. Во время слѣдствія Нѣмая заговорила, — но отвѣты ея были коротки и ясны; на вопросы о прежней жизни:

— Ничего не помню.

— За что зарѣзала зрителя?

— Стало такъ нужно было, потому и зарѣзала.

Больше ничего не могли добиться отъ Нѣмой, она снова замкнулась сама въ себя.

Спросъ другихъ лицъ не пролилъ свѣта на психическую сторону этого дѣла. Зритель былъ, правда, изъ стариковъ строптивыхъ, — но не особенно-злыхъ; съ арестантами обращался, какъ обращается большинство нашихъ зрителей — больше безалаберно, чѣмъ систематично-жестоко; видимо, враждебныхъ отношеній между нимъ и Нѣмой не существовало, — по крайней мѣрѣ такія отношенія ни разу не всплывали наружу; за безумную Нѣмую никто не считалъ, да и въ глазахъ ея свѣтилась сознательная твердость. Словомъ, никто не могъ предугадать и объяснить подготовку совершившагося.

Судъ приговорилъ Нѣмую къ тяжкому наказанію: къ плетямъ и ссылкѣ въ каторжную работу. Передъ самымъ наказаніемъ Нѣмая (снова заговорившая) изъяснила одно только желаніе, чтобы ей дали новое

платье и чистое бѣлье; люди, бывшіе при казни, передавали, что Нѣмая выдержала ее съ какими-то необыкновеннымъ терпѣніемъ.

Вообще «странные» люди вырабатываются нашей жизнью, до того странные, что нѣтъ возможности отнестись къ большинству вопросовъ, неизменно являющихся при столкновеніяхъ съ этими людьми. Предъ вами выходящій изъ уровня фактъ, совершенный однимъ изъ этихъ «странныхъ» людей; гадательно, пожалуй, вы можете придти къ известнаго рода заключеніямъ, болѣе или менѣе близкимъ къ истинѣ, но только болѣе или менѣе; а за тѣмъ остается еще неразрѣшенною цѣлая серія вопросовъ, возникающихъ какъ принадлежность каждаго анализа, каждаго послѣдовательно-логическаго развитія мысли. Человѣкъ сдѣлалъ то-то и то-то, его дѣятельность проявилась такимъ-то и такимъ-то путемъ—это фактъ; на основаніи известнаго рода данныхъ (какихъ-бы-то ни было, это все равно) вы можете составить себѣ понятіе объ «общихъ» причинахъ происхожденія факта; но этимъ вся суть, глубина его не истеривается, остается еще сторона чисто индивидуальная: степень вліянія разнообразныхъ причинъ на развитіе личности въ ту или другую сторону, заставлявшихъ начала, выработанныя обществомъ въ данный моментъ, отражаться подъ угломъ той или другой величины. Нѣмая убила зрителя... Конечно она дѣйствовала вслѣдствіе какихъ-либо причинъ: быть можетъ притѣсненій, ревности, ненависти, религіознаго мистицизма, словомъ — пятихъ или десятыхъ; но это не объясненіе совершившагося,

это только попытка, и быть может весьма неудачная, къ объясненію. Нѣмая съ какимъ-то непостижимымъ кокетствомъ встрѣчаетъ страшную казнь — казнь, приводившую въ ужасъ самые желѣзные организмы? — Было-ли это проявленіе глубочайшей ненависти, такъ глубоко пустившей корни, что человекъ въ состояніи заглушить въ себѣ страхъ предстоящихъ истязаній? Или, совершая убійство подъ вліяніемъ религіознаго мистицизма, Нѣмая подъ тѣмъ-же вліяніемъ хотѣла своимъ нечеловѣческимъ терпѣніемъ еще болѣе освятить, возвысить собственныя страданія? Или — если въ глазахъ убійцы убійство было только послѣдствіемъ, приговоромъ собственнаго самосуда, то хотѣла ли она терпѣніемъ закрѣпить передъ лицомъ общества свое право на этотъ приговоръ, убѣдить себя и другихъ въ его справедливости? Опять таки: то или другое, либо пятое, либо десятое... Но и за тѣмъ еще остается цѣлый рядъ темныхъ вопросовъ, приблизительно формулирующихся такъ: почему сумма внутренней жизни высказалась въ Нѣмой не въ той формѣ, въ какой высказывается она у другихъ?

Конечно, въ разрѣшеніи всѣхъ этихъ вопросовъ больше всѣхъ могла бы помочь Нѣмая, — но у ней одинъ отвѣтъ: глубокое молчаніе.

Вообще не словоохотливы люди, выбившіеся изъ обычной, предначертанной колеи. Почему это?....

Впрочемъ, и то сказать, какая польза въ откровенности? Самое большое — нѣсколько словъ участія; а что значать и они передъ разбившейся въ конецъ

жизнью, передъ тѣмъ міромъ страданій, что переживаетъ человѣкъ?

Но возвратимся къ «непомнящимъ родства» и къ причинамъ.

Говорю, бродяга «не пужаясь» держитъ себя передъ официальнымъ міромъ потому, что ему и пужаться-то особенно нечего. Что довело человѣка до бродяжничества: бѣжалъ-ли онъ отъ строгости наказанья за совершенное преступленіе, или по другимъ причинамъ, во всякомъ случаѣ мало между ними столь откровенныхъ, что рѣшаются «учинить чистосердечное признаніе» (въ послѣднее время бродяги изъ крѣпостныхъ стали чаще являться на свои мѣста, впрочемъ, и то далеко не всѣ), сами бродяги крестятъ такихъ — дурнями. Ссылка въ Сибирь не такъ страшна для бродяги, какъ можетъ казаться она для другого: во-первыхъ потому, что между скитаньемъ здѣсь, внутри Россіи, и скитаньемъ въ Сибири не заключается большой разницы: тотъ-же голодъ, тотъ-же холодъ, одни данныя умереть въ трущобѣ, тѣ же остроги, словомъ — все та-же внѣшняя обстановка, даже въ Сибири, пожалуй, еще лучшая, потому что тамъ представляется какая ни на есть, но все-же надежда снова войти въ составъ людей, существованіе которыхъ признается закономъ, быть членомъ общества, тогда какъ этой надежды нѣтъ и не можетъ быть внутри Россіи, гдѣ у «непомнящаго родства» имѣется въ виду одинъ только пріютъ, въ которомъ, не озираясь во всѣ стороны, онъ можетъ наконецъ дать роздыхъ своимъ на-

мозоленымъ долгимъ путемъ ногамъ. — острогъ... Правда, бывали случаи, когда воспользовались чужимъ паспортомъ, а съ нимъ ищешь и известнымъ положеніемъ, бродяги сидели въ средѣ мирныхъ гражданъ и проживали долгіе годы никѣмъ не узнаваемые, никѣмъ даже не подозрѣваемые, но эта уворованная, такъ сказать, жизнь тоже не представляетъ особенныхъ радостей: вѣчно на сторожѣ, вѣчно съ боязнью, что вотъ-вотъ все съ такими трудностями добытое сейчасъ рухнетъ прахомъ отъ непредвидѣннаго глупаго случая; бродяга, окрестившійся чужимъ именемъ, становясь признаннымъ членомъ общества, не перестаетъ быть все тѣмъ-же «непомнящимъ родства», настороживающимъ уши при каждомъ малѣйшемъ шорохѣ, приготовляющимъ въ каждомъ встрѣчномъ найти кровнаго недруга.

Въ городѣ А. четыре года служилъ при полиціи «непомнящій родства» — успѣвшій обжениться и приобрести репутацію отличнаго полицейскаго дѣльца. Никто, конечно, и не подозрѣвалъ въ ловкомъ полицейскомъ прежняго безпаспортнаго проходимца; но разъ на его несчастіе привели въ полицію другого, только что пойманнаго бродягу. Новый костюмъ, новое положеніе не обманули опытный глазъ приведеннаго, — онъ съ перваго-же разу узналъ стараго товарища своихъ скитаній. Богъ вѣсть подъ какимъ вліяніемъ: удивленія ли, — вслѣдствіе котораго «съ языка сорвалось», — или гораздо хуже — зависти («устроился-де человекъ да еще какъ, въ начальство попалъ, а я все въ прежнемъ чинѣ состою; дай-же напакошу») — только вновь

пойманный, къ небольшому изумлению всѣхъ, обратился къ служившему въ полициѣ съ такимъ привѣтомъ:

— Степка-другъ! Здорово!

Неприготовленный, ничего не ожидавшій господинъ страшно смѣшался отъ такого привѣтствія; — онъ сталъ отплевываться и отрекаться отъ своего знакомаго, — а тотъ навязчиво, не отставая, лезъ къ нему.

— Ишь, зачуфырился, братъ, какъ въ начальство-то попалъ. Залетѣла ворона въ барскія хоромы, такъ и старыхъ пріятелей забылъ. Николашку брательника не припомнишь? Что буркулы-то вытаращилъ на меня — узоры нешто на мнѣ росписаны? Не бось такой же все, какъ виѣстѣ воровать съ тобой ходили; помнишь чай у Парфена пару лошадей увели? Забылъ... Погляжу я на тебя, какая память-то у тебя дѣвичья нонѣ стала... Никита Савичъ кланяться тебѣ приказилъ, въ гости я къ нему подъ Иванъ-постный заходилъ, — такъ и молвилъ, коли Степку увидишь, кланяйся ему отъ меня... И Никиту Савича захлеснуло? Эхъ, ваша милость, кушать-то вы видно изволите очень хорошо, потому и не памятливы стали.

Блѣдный, съ почернѣвшими губами стоялъ квартальный передъ своимъ неумолимымъ обличителемъ, безсвязно бормоча что-то въ отвѣтъ на язвительныя напоминанія стараго товарища.

— Хочешь, я тѣ такую штуку скажу, на которую ты и словъ-то не слышишь? все лезъ мучитель. — А? Какой такой рубецъ на правомъ плечѣ у тебя? Скинь-ка мундиръ, — покажь всѣмъ... Виѣстѣ чай насъ

съ тобой въ Ключахъ-то угощали... Молчовъ, перенекъ? То-то...

На послѣднее обвиненіе увѣчаемый не нищелъ въ себѣ даже и безсвязныхъ словъ; оно окончательно подрѣзало его...

Свидѣтели этой сцены тутъ-же поняли, что дѣло не совсѣмъ ладное. Точно: по произведенному слѣдствію оказалось, что обличенный шолъ такимъ путемъ: поступилъ въ кантонисты, отсюда въ военные писаря, отсюда—въ «наемнишіе родства» и отсюда уже, найдя (по его словамъ) на дорогѣ документы отставнаго поручика Терентія Зайцева, опредѣлился при А-ской городской полиціи. При допросахъ обвиненный говорилъ, что въ дни своего самозванства онъ былъ гораздо большимъ мученикомъ, чѣмъ въ дни своего бродяжничества, что онъ ни днемъ, ни ночью не могъ прогнать отъ себя мысли о возможности разрушенія добытаго, что подъ вліяніемъ этой мысли онъ не разъ готовъ былъ бросить чужое имя, снова пуститься въ горемычное странствованіе, на голодъ и холодъ, что его удерживали только жена да дѣти, и что онъ, пожалуй, радъ, что совершившееся совершилось:

— По крайности одинъ конецъ.

Не знаю какъ другіе, но я вѣрю, что назвавшійся поручикомъ Зайцевымъ не лгалъ въ своихъ показаніяхъ. Для человѣка, поставленнаго въ подобное положеніе, не можетъ быть и рѣчи о слабомъ намекѣ на счастье: его каждая минута отравляется неотступно стоящимъ передъ нимъ грознымъ призракомъ и суицида отравы возвышается въ прямой пропорціи къ стремле-

нѣтъ заглядѣть прошлое, нѣ нрѣпости связей пройденныхъ между нимъ и принявшей его жизнью, — нѣ силъ привычки, нѣ мысли жить, прожитыхъ подъ новыми условіями, словомъ же всему, что заставляетъ человѣка пускать глубокія корни въ добытое мѣсто, не быть безучастнымъ свидѣтелемъ проходящихъ мимо явленій. Для такого человѣка жизнь и общество только источникъ страданій, — онъ долженъ бороться противъ каждаго поволенія къ сближенію; — иначе узелъ только затянется нрѣпче и больше крови вытечетъ, когда придется рвать этотъ узелъ. Балансируя между страхомъ и вадендой, самозванецъ ежеминутно долженъ готовиться снова пасть въ бѣдну, изъ которой съ такими условіями удалось выбраться и которая ему, уснѣвшему уже сродниться съ окружающимъ, понять преимущества новой жизни, провести параллель между ней и прошедшимъ, должна казаться еще бездоннѣе, еще страшнѣе...

По неволѣ не будешь спать цѣлыя ночи...

Назвавшійся поручикомъ Зайцевымъ былъ приговоренъ къ прогнанію свозъ строй, причемъ его самозванство зачислилось какъ «увеличивающее мѣру взысканія» обстоятельство. Судъ обыкновенно неумолимъ въ такихъ дѣлахъ: какая-бы рѣзкая черта не проходила между настоящимъ и прошедшимъ обвиненнаго, какимъ-бы гуманнымъ колоритомъ не отсвѣчивалась его послѣдующая дѣятельность — это все равно: затрутса всѣ черты, забудется все хорошее, — въ виду будетъ ннѣться только «возстановленіе права» — этого божества, удовлетворяющагося только многочисленны-

ми жертвами. Безстрастно-холодный, насквозь проникнутый предвзятыми, по мѣркѣ пригнанными понятіями, судъ даже сочтетъ приговариваемаго облагодѣтельствованнымъ своимъ приговоромъ: очистили-де отъ всякія скверны.

Я указалъ первую причину, почему бродяги не боятся наказанья,—вторая-же причина та, что они съ удобствомъ могутъ отдѣлаться отъ пріятной перспективы попасть въ Сибирь, весьма простымъ способомъ: бѣгствомъ или съ дороги, или изъ острога, или съ мѣста поселенія. Говорятъ-же острожные люди:

— Лиха-бы бѣда въ Сибирь перевалиться, — а тамъ что вѣтеръ въ полѣ: всѣ дорожки — ска-тертью.

Что это не пустая похвальба острожныхъ, то могутъ подтвердить знакомые съ Сибирью, — ибо они знаютъ сколько ея рудники, заводы, остроги, поселки высылаютъ ежегодно новыхъ скитальцевъ, — и знакомые съ процедурой нашихъ судовъ, ибо они знаютъ, какъ не рѣдко приходится снова вершить участь людей, о прошедшемъ которыхъ можно догадаться по одному признаку—клейму, наложенному рукой палача.

Четвертая причина, отчего «непомнящіе родства» характерно держать себя съ официальномъ міромъ,—лежитъ въ ихъ личныхъ свойствахъ. Бродяжничество, какъ «общая форма», даетъ выводы противоположные получаемымъ при столкновеніяхъ съ «непомнящими родства», какъ отдѣльными личностями. Каждая форма протестаціи должна имѣть свое значеніе, тѣмъ болѣе должна имѣть значеніе такая общая форма, какъ

бродяжничество. Какъ продуктъ исторической жизни, бродяжничество указываетъ на недостатокъ въ обществѣ активнаго мужества. Свидѣтельствуя съ одной стороны, что обществу не приходились подѣлать раба его быта, бродяжничество, съ другой стороны, говорить за непосильность и неуѣдливость того-же общества къ положительной работѣ. Но не таково значеніе бродяжничества для отдѣльныхъ личностей.

Я говорю, отличительный образъ въ поведеніи «непоминающихъ родства» съ официальнымъ и вообще признаннымъ міромъ зависитъ отъ ихъ личной характеристики. Жизнь не красна для многихъ, но самые горячайшіе пасынки ея, хоть съ ругательствами и проклятіями, но все-же несутъ тяжелую обузу, вплоть до того дня, когда судьба-мачиха смиляется и не прихлопнетъ ихъ окончательно; они въ этомъ случаѣ руководствуются весьма простымъ выводомъ: «отъ доли не уйдешь; если ей пріятно хлестать меня, такъ пускай ужъ потѣшается дома, тутъ покрайности на людяхъ и смерть красна.» Въ подобномъ выводѣ много достойной всякихъ похвалъ покорности, но вмѣстѣ съ тѣмъ, сказать правду, много и трусливой забитости. «Непоминающій родства» рассуждаетъ иначе: испробовавъ невозможность (безъ предварительной пробы никто не бѣгаетъ) отвести отъ себя хлестанье средствомъ, подходящимъ подѣлать требованія законности, и увидавъ всю тщету усилій, онъ бѣжитъ въ безвѣстную даль, полную всевозможными лишеніями, чаще всего съ дѣтски-несбыточной мечтой (въ которую весьма плохо и самому-то вѣрится) устроить жизнь при от-

существом данныхъ, согнавшихъ съ родного попелища, и съ надеждой погибнуть гдѣ-нибудь въ трущобѣ. — «Хоть сгину, а не поддамся!» — думаетъ «непомнящій родства». Подобное отреченіе, подобный актъ — ужъ одинъ показываетъ, что человѣкъ крѣпко надѣется на себя, что его нервы достаточно закалены, что онъ при условіяхъ, противоположныхъ вынудившимъ его сдѣлать отчаянную попытку, могъ бы быть здоровеннымъ дѣятелемъ на жизненномъ поприщѣ.

Насколько бывали уважительны причины, заставлявшія человѣка пріобщаться къ бездомовному братству «непомнящихъ родства», и насколько въ устраненіи ихъ мало можетъ помочь одиночная энергія, показываетъ нижеслѣдующее.

Привели бродягу лѣтъ двадцати восьми, или тридцати. При поимкѣ онъ показалъ себя «непомнящимъ родства», — при формальномъ же слѣдствіи съ перваго слова открылъ свое настоящее имя и происхожденіе. — «Петръ Никитинъ Митьковъ, господъ Нулевыхъ дворовый человѣкъ.»

— Какая причина бѣгства?

— Извѣстно, не красное житѣе.

— Господинъ дурной человѣкъ?

— Господинъ ничего-бы, лапотъ—творитъ, что другіе скажутъ; а у господина сестрица есть, дѣва старая, такъ отъ нея я больше бѣжалъ. Забрала она въ домъ власть и мутитъ съ этой властью, что ея душенькѣ угодно.

— Что такъ?

— А вотъ что: дворяне господа наши — богатѣй-

шіе, рабовъ счетовъ четыре души, это то-ись: я, мать у меня тоже есть, да сестренка съ братишкомъ. Всѣ мы во дворѣ жили, въ городѣ (потому баринъ нашъ въ палатѣ служилъ), и житье наше хуже нищихъ послѣднихъ было. Желательно барышнѣ нашей очень замужъ выдти, да кто ее, дѣву старую, съ рожей карявой возьметъ? Гдѣ такой дуракъ уродился? Доселева не выискался, потому и злости у ней, что у ехиды добраго. Всякое твое слово не по ней, бѣжитъ къ барину: братецъ миленькій отъ грубіяства ихнева житья мнѣ нѣтъ. Въ гробъ, видишь ли, скоро ее уложимъ. А тотъ, чѣмъ-бы дѣло путемъ разобрать, глаза свои только выпучить. Пристанетъ она къ нему: проучи, да проучи. И столь пристанетъ, что надоѣстъ: отъ чего, скажетъ, и не проучить, избаловались когда совѣмъ. И ужъ училъ-же онъ меня въ другорядъ знатно; раза по три зарядить на недѣли въ полицію водилъ. Терпѣлъ я, потому думаю, уймутся, страхъ Господень узнаютъ. Куда-те! не изъ таковскихъ! Можетъ въ ту-пору я однакожъ и не бѣжалъ-бы, — да сестренка разъ имъ что-то не по ндраву сдѣлала: «разложи ты, говорить Агашку и выпори.» Всталъ я, какъ пень; говорю: «воля ваша господская надо мной, что угодно дѣлайте, только кровнаго своего терзать мнѣ не можно, — единая утроба насъ съ Агашкой на свѣтъ родила». Они мнѣ: «Пори, хуже будетъ!» — а я все одно: «кровь моя, не могу». За такое послушаніе принялся за меня Семенъ Ивановичъ. Въ безчувствіе я даже пришолъ и какъ есть въ безобразіи, вырвавшись, прямой дорогой къ начальству побѣжалъ. Такъ и такъ,

говорю, защитите. — «Хорошо» — молвилъ... И даль защиту: въ полицію отослалъ, двѣ недѣли въ кутузкѣ я высидѣлъ, — а оттоль къ господамъ во дворъ отправили. Встрѣтили они меня ласково, по имени и отчеству: «узнаете, говорятъ, теперича, Петръ Никитчъ, кузькину мать.» Злость меня великая взяла: это, говорю, старуха-то на двое сказала, да взявши въ ночь ту-же и бѣжалъ.

Не одно только отжившее крѣпостное право, въ тѣсномъ его значеніи, пополняло ряды «непомнящихъ родства», не одинъ только господскій норовъ заставлялъ людей покидать семьи и общества. Проявленіе кабалы разнообразно до безконечности, только ярые оптимисты могутъ не замѣчать этого.

Въ «пересылочномъ» сидѣла бродяга, Манька-Кочкарница прозывавшаяся. Стихъ откровенности однажды на нее нашелъ.

— Изъ каковскихъ я — не скажу, — а отъ кого бѣжала повѣдаю.

— Только чуръ не морочить.

— Чего морочить то, развѣ прибыль? Домъ у насъ былъ богатый, только я не по двору пришлась.

— Что жъ такое?

— Да свекоръ-сластенка проходу не давалъ: вишь не побрезгуй имъ, старымъ чертомъ. А я на ту пору молода, да глупа: мужу на его пакости стала жаловаться. Увидавши мою неласковость, старый чертъ тоже пошелъ сынку въ уши дуть. Итакъ важно дулъ, что мнѣ житья въ домѣ не стало: поѣдомъ-ѣдять. Терпѣла, терпѣла я ихъ тиранство, да и плюнула: пушай

буду птахой вольной, чѣмъ на эдакой каторгѣ жить... Полетала то птаха, только недолго.

— А назадъ бы вернулась?

— Это къ нимъ-то? Къ лиходѣямъ-то? Руки на себя наложу...

Что-же это въ самомъ дѣлѣ за участь «непомнящаго родства?» Какъ опредѣлить его положеніе?

Правду сказать—положеніе и участь горькія. Человѣкъ — животное по преимуществу общественное. «Что такое я?» вопросъ весьма простой, каждому съ удобствомъ могущій придти въ голову. Я каторжный, я мѣщанинъ, чиновникъ, литераторъ, — словомъ, съ моимъ я связано опредѣленное, законченное въ извѣстномъ пространствѣ и времени положеніе, обуславливающее тѣ или другія, если не права, то покрайней мѣрѣ обязанности; только вопросъ этотъ не возможенъ въ своемъ разрѣшеніи для «непомнящаго родства», — хотя возможность сложиться ему и здѣсь такая-же, какъ и для остальныхъ головъ. «Что такое я?» спрашиваетъ себя «непомнящій родства?» Да, Богъ знаетъ, что такое — «непомнящій родства», и только; живой мертвецъ, разорвавшій съ міромъ всѣ связи, отказавшійся отъ ненавистнаго имени, напоминающаго только ненавистное прошлое, вѣчно-перелетная птица, не имѣющая возможности хоть на минуту вздохнуть свободно, не озираясь во всѣ стороны, томительно не чувствуя за собой зорко слѣдящаго глаза; блѣдно-синеватый огонь, что въ темную ночь безпокойно пробѣгаетъ по топкому болоту... Каждый человѣкъ—врагъ бродяги. Какъ бы не наболѣла душа «непомнящаго родства»

(а въ томъ-то и бѣда, что и у «непомнящаго родства» душа есть) въ безконечномъ страствованіи, какъ бы назойливо не звалъ его (не рожденного въ самомъ дѣлѣ въ сосновомъ бору, не крещенаго въ дождевой водѣ) внутренней голосъ туда, гдѣ живетъ людъ Божій, гдѣ смѣхъ и говоръ раздаются, гдѣ горе и радость переживаются вмѣстѣ, гдѣ есть трудъ, заботы, цѣль опредѣленнаго существованія,—бродяга долженъ глушить въ себѣ этотъ неустанный, безжалостный голосъ. Проклятія бродяги должны замерѣть въ тѣхъ безпредѣльныхъ степнинахъ и лѣсахъ, что изо дня въ день, безцѣльно мѣрятся онъ, его жгучія, выстраданныя слезы должны падать на безотвѣтную почву. Въ виду «непомнящаго родства» пролегаетъ широкая дорога, по сторонамъ той дороги лежатъ города, села и деревни, тамъ хоть въ могилахъ-то, на погостахъ, нѣтъ никому отказу; гдѣ же застигнуть его, общественнаго отверженца, часть смертный, не знаетъ онъ; одно долженъ вѣдать бродяга, что никто не подслушаетъ его послѣдняго вздоха, ничья родная рука не закроетъ его потухающихъ очей. Только небо будетъ свидѣтелемъ, какъ умиралъ онъ, общественный отверженецъ, да быть можетъ, почуявъ запахъ мертвечины, сбѣгутся его же братья — голодные волки... Таково предопредѣленіе бродяги: иди и иди! иди голодный, изнеможенный, усталый, иди подъ осеннимъ дождемъ, подъ іюньскимъ припекомъ, подъ зимнимъ буруномъ, глуши свои страданія, слезы и проклятія только иди, да стерегись людскаго глаза...

Много условій требуется, чтобы выработать бро-

дажничество въ общее типичное явленіе. А что для нашей жизни оно и есть такое явленіе, то это фактъ, который едва ли кто будетъ опровергать и, замѣчательно, что этотъ фактъ принадлежитъ однимъ только русскимъ—если изъ другихъ народностей попадаютъ «непоминашіе родства», то какъ крайнее исключеніе. Татары, Черемисы, Вотяки, Чуваши и проч. почти никогда не бѣгаютъ; единственная вещь—военная служба, и то въ весьма рѣдкихъ случаяхъ, заставляетъ ихъ примыкать къ многострадальному братству «непоминащихъ родства». Въ бродяжничествѣ сказался свой, національный оттѣнокъ. Многіе думаютъ искать причинъ бродяжничества исключительно въ крѣпостномъ правѣ, но это не вѣрно. Правда, крѣпостное право доставляло обильный, никогда не оскудѣвшій матеріалъ для бродяжничества: барскія усадьбы, фабрики, застольныя и переднія пополняли постоянно, въ замѣнъ убылыхъ, въ ряды «непоминащихъ родства», но тѣмъ не менѣе корней бродяжничества надо искать глубже, они залегли въ русскую жизнь изстари, въ давнія времена, когда не существовало еще крестьянскаго прикрѣпленія. Изъ десяти самыхъ старыхъ челобитенъ восемь по крайнѣй мѣрѣ оканчиваются скорбною угрозою челобитчиковъ—«брести розно»—въ этомъ челобитчики видѣли единственную возможность—и достигнуть желаннаго и въ случаѣ не достиженія, избавится отъ неблагопріятныхъ условій, напиравшихъ на нихъ на старыхъ мѣстахъ. Въ какой мѣрѣ приводилась въ исполненіе эта скорбная угроза укажутъ вамъ всѣ историческіе акты: отъ литовскихъ погромовъ, отъ татарскихъ набѣговъ, отъ

приказныхъ притѣсненій, отъ религіозныхъ преслѣдованій, отъ воеводъ и бояръ народъ бѣжалъ тысячами и въ глубинѣ темныхъ лѣсовъ Сѣвера, въ безконечныхъ степнинахъ украинъ искалъ новыхъ поселковъ; громадныя шайки, державшія въ страхѣ цѣлый край, пополнились преимущественно этими горемычно-бездомными искателями новой жизни; цѣлые города, селы и деревни поднимались разомъ съ своихъ мѣстъ и, какъ пчелы изъ раззоренаго улья, разлетались въ разныя стороны, разносили свое горе по всему лицу неласковой родины... Съ теченіемъ времени, съ измѣненіемъ условій, при которыхъ слагалась жизнь, должна была, конечно, видоизмѣниться и самая форма протеста; но его суть, его типичный характеръ въ лицѣ «непомянувшихъ родства» — дошли и до нашихъ дней; всѣ эти Чудилы, Ходоки, Иваны «непомянушіе родства», Таньки-Придорожныи, Маньки-Кочкарницы и проч по прямой, нисходящей линіи происходятъ отъ тѣхъ, кого горькая доля цѣлыми массами выгоняла изъ родныхъ мѣстъ, отъ тѣхъ, кто впервые вздумали и привели въ исполненіе свою скорбную угрозу «врозь брести.» Послѣдующее бродяжничество есть только мелкая монета прежняго, болѣе крупнаго явленія, но и на ней мы можемъ прослѣдить всѣ тѣ отбѣжки, всѣ тѣ краски, которыя такъ рѣзко бросались въ старой нашей жизни.

Въ бродяжничествѣ, какъ въ исторической, стародавней формѣ, выразилось пассивное, рядомъ тяжелыхъ годинъ и испытаній выработанное мужество народа, какая-то тоскливая, страдальческая неуѣдомость

его въ созданіи такихъ формъ быта, отъ которыхъ не зачѣмъ и не куда было бы бѣжать. На бродяжничество же мы можемъ указать, какъ на доказательство живучей способности народа — въ сознаніи неблагоприятныхъ условій для развитія, постоянно сохранившагося стремленія къ протестаціи и отсутствія данныхъ для перехода отъ отрицательнаго сознанія къ положительной работѣ. Правда, требовалось много мужества для тѣхъ массъ, что поднявшись съ родныхъ непелищъ пускались въ безконечное странствованіе, не останавливаясь предъ перспективой ожидавшихъ ихъ лишеній и страданій, но еще болѣе потребовалось бы мужества и умѣнья, чтобы остаться на старыхъ мѣстахъ и вмѣсто, чуть ли не даромъ перенесенныхъ страданій и лишеній, измѣнить жизнь на столько, чтобы каждая личность могла съ удобствомъ приладиться къ ней. А этихъ-то качествъ: активнаго мужества и умѣнья и не было въ массахъ...

Итакъ, бродяжничество перешло къ намъ преемственно отъ стародавнихъ временъ, только массовое «брести розно» измельчало, выродилось, явилось въ формѣ одиночныхъ «непомнящихъ родства.» Когда же окончательно это явленіе сдѣлается историческимъ достояніемъ?

Ну, на это пускай отвѣчаютъ другіе, а мы возвратимся къ давно оставленнымъ нами бродягамъ Ходоку и Чудилѣ.

Говорю: судя по наружнымъ признакамъ, дѣла Ходока и Чудилы были въ блестящемъ положеніи: въ одеждѣ ихъ проглядывалъ своего рода шикъ; въ кар-

манахъ ихъ имѣлось по нѣскольну десятковъ цѣлковыхъ денегъ. Какъ Ходокъ, такъ и Чудила были еще народъ весьма молодой: первый лѣтъ двадцати пяти-шести; второй — за тридцать съ небольшимъ. (Вообще замѣчу: большая часть бродягъ попадаетъ между 25 и 40 годами возраста, что и понятно, — юность много надѣется: не смотря на тяжесть давленія, она рассчитываетъ преодолѣть его, избытокъ крови въ ней парализируетъ впечатлѣнія, оставляемые неблагоприятными условіями; старость-же притупляетъ чувство боли, къ нему привыкають, корни пускаются слишкомъ глубоко, запасъ силъ, потребныхъ на дальнюю дорогу, истрачивается; достигнуть же дней наститыхъ въ самомъ бродяжниществѣ нѣтъ возможности: острогъ, поселеніе и преждевременная смерть страшно опустошаютъ ряды «непомнящихъ родства».) Какъ Ходокъ, такъ и Чудило смотрѣли бойко, людьми бывалыми, привыкшими къ жизненнымъ передрагамъ, — такими людьми, у которыхъ на лбу написано: «съ насъ-де взятки-то гладки!» По наружности они рѣзко отличались другъ отъ друга: Ходокъ блондинъ, съ сѣрыми глазами, съ лицомъ скорѣе симпатичнымъ, особенно когда отбрасывалось нѣсколько напускное куражество. Губы и улыбка были славныя у Ходока: онъ улыбался тихо, мягко. Вообще лицо Ходока показывало, что онъ принадлежалъ къ числу впечатлительныхъ и до-вѣрчивѣйшихъ натуръ, способныхъ болѣе къ мечтательной, чѣмъ къ дѣйствительной жизни. Черты лица Чудилы были вырѣзаны гораздо отчетливѣе и грубѣе; у Чудилы быстро пробѣгавшіе отъ одного пред-

мета къ другому, небольшіе глаза свѣтились какимъ-то холодно-сдержаннымъ блескомъ, идущимъ въ разрѣзъ съ его веселостью. Если Ходокъ обладалъ хорошими губами и улыбкой, то не менѣе хороший лбомъ обладалъ его товарищъ—гладкимъ, почти четырехугольнымъ. Благопріятное положеніе дѣлъ Ходока и Чудилы, какъ видно, продолжалось за послѣднее время довольно долго: часто бродяги попадаютъ до того истощенные, что едва ноги двигаютъ: у Чудилы же, сквозь загаръ, даже румянецъ пробивался.

Сверхъ денегъ, въ карманахъ у обѣихъ бродягъ нашли паспорта, выданные отъ какихъ-то не существующихъ на земномъ шарѣ волостныхъ правленій. Впрочемъ, рука, мастерившая тѣ паспорта, была не изъ совсѣмъ дошлыхъ; полагать должно, что Чудилѣ и Ходоку вручены были эти виды наскоро, впредь до обмѣна ихъ лучшими.

Хотя въ паспортахъ и были въ точности прописаны имена и отчества ихъ владѣльцевъ, но владѣльцы, Ходокъ и Чудила, заявили съ перваго-же слова, что паспорта имъ вовсе не принадлежать, что на дорогѣ имъ вручилъ ихъ какой-то неизвѣстный человекъ, для передачи тоже какой-то «благородной маскѣ», съ которой они должны были встрѣтиться на мосту въ городѣ Н., — что сами они есть ни больше, ни меньше, какъ бродяги, «родства непомнящіе». — Не смотря на различіе наружностей Ходока и Чудилы, «судіи праведные» отъѣхали отъ нихъ съ весьма небольшимъ. Отвѣты Ходока и Чудилы отличались больше игривостью и остроуміемъ, чѣмъ правдой. Добываніе изъ

нихъ «свѣдѣній для дѣла потребныхъ» — являло трудности непреоборимыя.

Спрашивали, напримѣръ, Ходока — изъ какихъ онъ мѣстъ?

— Я-то? — съ немалой удалью въ голосѣ переспросилъ Ходокъ.

— Да.

— Издалече.

— Однако-жъ?

— Изъ города Египта, нѣмецкой націи.

Загнувъ такую штуку, Ходокъ бойко взглянулъ на спрашивавшаго:

«Ну-ка, дескать, коли прытокъ, поди розыщи изъ какихъ я мѣстъ?» Онъ видимо любовался своимъ отвѣтомъ: «важно, дескать, хватилъ, — другой семь лѣтъ думаетъ, да не выдумаетъ».

— Зачѣмъ-же въ наши-то мѣста изъ такой дали попалъ?

— Надобность обрѣталъ.

— Какая-же такая надобность?

— По крмерціи занятія имѣю.

— Чѣмъ торгуешь?

— Буйнымъ вѣтромъ въ чистомъ полѣ. Волю, изволите видѣть, ваше б—діе, все ловлю, да въ руки она мнѣ, растаковская, не дается. Скользка ужъ очень, что твоя налимъ-рыба.

— Гдѣ же ты имя-то христіанское получилъ?

— Полагать должно, что при крещеньи, только-что по тогдашнему измальству своему ни попа, ни отца крестнаго въ лицо не припомню.

— А жилъ до сихъ поръ?

— Гдѣ день, а гдѣ ночь, сидѣть я куда не окочъ.
Все-то я-тѣ мѣрилъ бы, да мѣрилъ.

— Какъ-же люди-то тѣ прозываются, у которыхъ ты останавливался?

— Люди-то?... Добрый человѣкъ.

— Имена чай есть?

— Не нашъ братъ, прохвостъ-безымянникъ. Только именъ я ихнихъ не спрашивалъ, потому не зачѣмъ, а коль учну за нихъ молиться, такъ поминаю: добрый человѣкъ, дай тебѣ Боже на томъ свѣтѣ по-пасть въ самую, что ни на есть райскую серединку.

— Деньги-то откуда явились?

— Фортуна вышла.

— Не съ неба чай свалились?

— Зачѣмъ съ неба, что имъ тамъ дѣлать. Это вотъ какъ, ваше б-діе, было: шолъ я путемъ-дорогой, вижу подъ пнемъ лежитъ свѣтлякъ,—а я, будь паренекъ не дуракъ, тронулъ его палкой. Глядь — деньги. Сталъ я въ этомъ мѣстѣ шарить — копаться, и вышарилъ полсотни цѣлкачей. Еще старецъ-знахаръ со мной въ ту пору повстрѣчался. Такъ и такъ, говорю, дѣдушка, чудныя дѣла творятся, по дорогамъ деньги валяются. А онъ мнѣ въ отвѣтъ: глупый ты, значить, человѣкъ, это тебѣ кладъ въ руки давался, только не ушѣлъ ты за него взяться. И выучилъ онъ меня слову такому, что каждый кладъ беретъ. Теперѣча, коли что найду, такъ, не бось, съ цѣлкачами прочь не уйду.

— А кистень-то зачѣмъ при тебѣ?

— Кистень-то? Какъ безъ кистеня прожить можно?

Отъ глазу дурного онымъ естество свое оберегаемъ. Народъ мы смирный, каждому съ превеликимъ почтеніемъ дорогу даемъ. Только другой ужъ очень озорковатъ бываетъ, нашему брату шею набиваетъ: ты му — шапку долой, — а онъ тѣ въ рыло, да въ усь. Ну и скажешь ему: не балуйся, милый человѣкъ, самъ я парень не трусь, и кистень покажешь: не съ пустыми руками и мы-де путь держимъ. Другой и смиляется.

— А если не смиляется?

— Ну... плюнешь въ его зенки безстыжіе, да и пойдешь прочь.

Всѣ отвѣты Ходока были одного сорта, то есть темна вода въ облацѣхъ. Точно такъ-же, какъ и изъ отвѣтовъ, невозможно было догадаться и изъ другихъ наружныхъ признаковъ, чѣмъ былъ Ходокъ до поступленія въ то братство великое, что окрещенное Иванами «непомнящими родства», Степанами-Бездомовниками, Чудилами-Мучениками, Агафьями-Придорожницами, — изъ конца въ конца иѣритъ «Раесею-матушку», что наполняетъ ея остроги, суды и расправы. Выгнало-ли Ходока на большую дорогу нестерпимое барское тиранство, и разъ отвѣдавши воздуха вольнаго, не захотѣлось ему воспользоваться свободой, данной манифестомъ? Заключалась-ли главная сила въ вольностяхъ посадскихъ? Въ отцовской-ли рукѣ, что бываетъ въ иной разъ не легче всякаго тиранства и всякихъ вольностей? Бѣжалъ-ли Ходокъ, оберегая себя отъ каторжнаго житія, что ждало его за содѣланное преступленіе, или ужъ очень опротивѣла ему нелюбая жена,

вѣчное ея плаканье, горькіе попреки? Или замотался и забездѣльничалъ, да убоился на глаза показаться, кому отчетомъ обязанъ?...

Не знаю, не мало есть «первоначальныхъ» причинъ, подъ давленіемъ которыхъ не живетъ человѣку въ хатѣ родной и бѣжить онъ изъ нея не оглядываясь.

Если отъ Ходока «судіи праведные» отѣхали съ нулемъ, то столь-же небольшой запасъ положительныхъ свѣдѣній доставилъ имъ и Чудила: тоже больше на счетъ остроумія проѣзжался. Впрочемъ, у Чудилы остались нѣкоторые признаки, намекавшіе на его дѣйствительное прошедшее: такъ своего рода казенная молодцоватость, не успѣвшая окончательно сгладиться отъ безначально-вольнаго житія, слѣды шинирutenовъ, оставшіеся на спинѣ, частое, съ особой интонаціей выкрикиванье: «ваше благородіе!» и т. д.

Спрашивали Чудилу объ этихъ признакахъ.

Отвѣчалъ Чудила:

— Это, ваше благородіе, оттого произошло, что со мной единожды солдатикъ бѣглый въ лѣсу повстрѣчался, — тоже Иванъ безъ отечества. Одного поля ягоды, перелетная птица, куда не повернись, все по дорогѣ: тамъ пусто, а тамъ ничего; совсѣмъ камрадъ выходить. Поговоривши толкомъ, пошли мы виѣстѣ, братьями поназвавшись: онъ Иванъ, я Степанъ, отчество собака съѣла. Солдатикъ былъ парень дошлый, науку нашу придорожную произвелъ отменно, всякіе закоулы въ умѣ своемъ держалъ. «Пойдемъ» — это солдатикъ-то мнѣ, ваше б-діе, говоритъ — «Чудила-Мученикъ къ знакомому купцу, что нашимъ братомъ

безпашпортиымъ не брезгаетъ, поработаемъ у него зимушку студемую, а по веснѣ съ божьей птицей на Хвалынъ-море махнемъ, въ Гуляй-городъ, тамъ нашего брата, молодцовъ заѣзжихъ, видимо-не-видимо и живутъ важнецкимъ манеромъ: въ кабакахъ, харчевняхъ подъ образами первое мѣсто — почотъ, дѣвками прудъ пруди, а саломъ обжирайся.» Пошли мы, ваше б-діе, къ купцу знакомому, къ Сидору Кузьмичу, а можетъ къ Кузьмѣ Сидорычу, а можетъ и не такъ и не эдакъ, потому Богъ памяствомъ меня обидѣлъ. «Такъ и такъ, говоримъ, въ гости къ вашему степенству пришли, не побрезгуйте, хотя казна наша не величка, все-жъ въ въ долгу за хлѣбъ-за соль не останемся, потому не бѣлоручки.» А онъ, купецъ-то именитый, какъ вылучить на насъ зѣнки, да зявкнетъ: «Пошто мнѣ васъ, окаянныхъ? Не такой я теперича есть человекъ, чтобы съ подлыми людьми якшаться. Я, говоритъ, по началству васъ, варнаковъ, предоставляю!» Видимъ: дерьмо дѣло, подобру-поздорову улепетывать надо. Повелъ меня брательникъ къ другому купцу. Этотъ ласковымъ манеромъ обошелся: «Странники, говоритъ, мои милые, чувствіемъ моимъ я очень доволенъ васъ видѣть, — только что начальство нонѣ очень строгое, — обижать изволить за вашу братію, цѣну несуразную ломить; посему гости мои дорогіе, вотъ вамъ Богъ, а вотъ порогъ, убирайтесь отколѣ пришли, хотя къ лѣшему на носъ.» Не солоно похлѣбавши, пошли прочь и отъ этого. «Ну, говоритъ брательникъ, туда ихъ всѣхъ матерей, кланяться не пошто, шею себѣ свернешь, а дѣловъ не подѣлаешь, — свои у меня есть палаты, ма-

ширь туда! сыты не будемъ, съ голоду не помремъ.» Поѣхали наши ребята въ палаты росписныя. Это, ваше б-діе, Чуваши смолу сидѣли, землянку себѣ смастерили, — да вишь потомъ бросили, потому-де что нашего брата очень много погуливать стало. Въ этой самой палатѣ и сидѣли мы цѣлу зиму, поджидаячи весну, — тутъ-же я и артикуламъ изучился. Потому ужь очень одурь беретъ: носу казать не смѣй, шуба боярская очень тяжела, да по снѣжку и услѣдять тебя, друга любезнаго, а работы много: всталъ ранехонько, умылся, одѣлся, на честныя иконы перекрестился, да на другой бокъ и перевалился. Я и говорю брательнику: «учи меня науки солдатской, все-жъ по крайности въ трудахъ пребывать будешь». «Ладно», говоритъ брательникъ, и сталъ учить, что твой — ротный, другорядъ даже въ зубы дастъ: «не перечь, говорить, потому я начальство.»

— Плохое, значить, житье зимой, когда за солдатство принялся?

— Точно такъ, ваше б-діе! молодцовато брякнулъ Чудила, потомъ спохватился: — Вишь я поихнему, по солдатскому, выкрикивать умѣю.

Спрашивали Чудилу о весьма интересномъ предметѣ: о средствахъ продовольствія и о способахъ ихъ добыванія.

Отвѣчалъ на это Чудила притчей:

— Книжки я прежде читалъ и вычиталъ такую рацею: жилъ въ старые годы старецъ нѣкій благочестивый да воевода озорной. Прощтрафился что-ли передъ воеводой старецъ, по другой-ли какой причинѣ, —

только что разгнѣвался воевода на старца и говорить въ гнѣвъ своимъ слугамъ: «Возьмите, слуги мои вѣрные, старца сего непотребнаго подъ бѣлыя руки и тащите его въ столь пустыню безлюдную, гдѣ звѣрь даже лютый не живетъ. Пушай тамъ отъ глада и хлада смерть ему приключится, дабы зналъ онъ и вѣдалъ напредки, что воевода я есть и воеводскому слову моему поперечить не слѣдъ». Повели старца въ пустыню безлюдную, песками горячими занесенную. Однако старецъ ничего, ухмыляется себѣ въ бороду. «Вы, говорить, слуги, стерегите меня крѣпче, потому неровенъ часъ, хотя бѣжать не бѣгу, однакожь приключится что можетъ». Раставивши часовыхъ, приказъ имъ дали: человѣкъ-ли къ старцу пойдетъ, звѣрь-ли лютый, птица ли перелетная, всѣхъ — смерти передавать. Стоять солдатики день, стоятъ два, а можетъ и мѣсяцъ цѣлый, — только приказъ на крѣпко исполняютъ, всякую животину смерти предають. Прошло долго-ли, коротко-ли, того я не знаю, потому тамъ не былъ; только вспомнилъ воевода про старца: «а что, говорить, старецъ мой подѣлываетъ? Чай и въ духахъ его не осталось? Принесите по крайности мнѣ старцовы кости, дабы зрѣть и могъ супротивника — грубіяна моего». Пошли слуги за старцовыми костями, — глядь — ажъ не вѣрится, съ нами крестная сила! Самъ старецъ имъ на встрѣчу, канты распѣваетъ и большущій кусокъ жареной маханины въ рукахъ держать. «Откушать, говорить, не желаете-ли, потому вамъ путь не близокъ былъ, а говядина съ пылу-горяча, первѣйшій сортъ». Тѣ, испу-

жавшись — къ воеводѣ: «такъ и такъ, молю, ваша милость, хотя голову на плаху, а живехонекъ старецъ и маханину въ рукахъ держать». Разгнѣвался воевода пуще прежняго: «коли такъ, говоритъ, такъ рубить имъ головы!» Отрубили этимъ головы, другихъ послали. Та-жъ линія и этимъ вышла, третьихъ — та жъ линія. «Что, говоритъ воевода, это за притча такая? Семь-ка я самъ пойду». Пошолъ... Только что воевода въ пустыню ногой — глядь старецъ навстрѣчу катитъ, — жирный такой, самъ усы вытираетъ: «я-де съ банкета сейчасъ!» Воевода такъ и руками всплеснулъ: «ты, говоритъ, такой-сякой, материнъ сынъ, какъ-такъ?» А старикъ ему со всякимъ отъ себя почтеньемъ въ отвѣтъ: «не вели меня казнить-пытать, а вели слово молвить». Взмиловался воевода: «Говори, говоритъ, безъ грубiянства только говори, — а то, говоритъ, тою-же минутой съ жизнью расширяйся, голову на плаху». Старецъ такое слово и повелъ: «хотя, говоритъ, ты въ смерти и въ животѣ моемъ воленъ, однако и на вашего брата смотрѣть не подобаетъ. Потому, какой толкъ изъ того выйдетъ? Бога со-всѣмъ забудете, озорничать только станете. Сказать опять и то: для потѣхи твоей шею подставлять не годится, потому какая ни-на-есть, а все-жъ шея, отъ Бога дана и уберегать ее слѣдуетъ. Ну, такъ слушай-же, воеводская твоя милость, рѣчь мою дальше. За супротивленіе за мое, да за понеречество ты лютой смерти предать меня велѣлъ, однако, полагать надо, забылъ ты видно, что и надъ тобой власть великая есть. Ты скажешь: моей милости такъ угодно,—

однако твоя милость и подождать можетъ, потому мнѣ это самое не по вкусу пришлось. Такъ вотъ этому самому начальству, что и надъ тобой верхъ взяло, попереченье мое по сердцу пришлось. Заказалъ ты слугамъ меня гладу предать, чтобъ ни единъ человекъ, ни звѣрь ко мнѣ не подходилъ, а начальство-то сказало: «человѣкъ сей угоденъ мнѣ есть и дѣло свое заправлялъ ладно, — потому хотя воевода приказъ отдалъ черезъ гладъ умертвию его предать, однако, враны мои черныя, выбирайте вы ночи темныя, расправляйте вы крылья свои крѣпкія, летите вы къ старцу въ пустыню, несите ему всякихъ явствій и питей, и такимъ манеромъ службу служите, чтобъ слуги воеводскіе зрѣть васъ не могли, а старецъ въ довольствіи пребывалъ». Поэтому самому приказу прилетали ко мнѣ враны черныя, носили ко мнѣ явствій и питей великое множество, черезъ то самое живъ я остался и надъ милостью твоей посмѣлся въ волю». Услыхавши воевода такія рѣчи, хотя полагать должно не больно по нутру онѣ были, однако видѣть онъ, что съ старцомъ ничего не подѣлаешь, потому за нимъ стоитъ сила великая, и говоритъ ему: «быть такъ, даю тебѣ грубіяну пардонъ, живи только смирнехонько».

Такъ прикладывалъ Чудила свою притчу къ «непомятымъ родства».

— Тождь и нашъ братъ не отъ вольной воли въ лѣсахъ темныхъ спасается, не отъ сладкаго житія по оврагамъ галокъ лезитъ. Растопырявай нармакъ шире! Говить-то насъ въ шую доля наша окаянская, а подъ

бока толкаетъ нужда заплатаная. Съ звѣрьми-то не больно въ сласть жить, человѣкъ къ человѣку льнетъ, только въ другорядъ ничего не подѣлаешь, окромѣ стрекоча задать. А коли человѣкъ въ бѣгахъ состоитъ, такъ онъ и погибать долженъ?.. А Богъ то на что? А люди-то добрые?

— Да вѣдь не всѣ добрые?

— Что толковать: не безъ грѣха. Въ другорядъ наскочишь на такого пострѣла, что онъ, чѣмъ-бы пріютъ дать тебѣ сирому, пакость сдѣлать норовитъ. Ну, ужъ тутъ и самъ не плошай, ухо держи востро. Учи дурня уму-разуму, чтобы зналъ онъ и вѣдалъ, что супротивъ вора бѣглаго идти тоже бываетъ не ладно.

— Причту тоже скажемъ, ну и разжалобимъ.

Чудила принялъ невиннѣйшую физиономію, къ которой не шли только заискрившіеся при послѣднихъ словахъ глаза, и съ улыбкой отвѣчалъ:

— Въ чемъ-же ученье-то состоитъ?

Чудила и Ходокъ оба были отправлены въ тюремный замокъ.

Во время осторожнаго пребыванія рѣзко обозначились характерныя свойства обоихъ бродягъ. Чудила прежде всего былъ своего рода практикъ жизни, и, какъ практикъ, онъ почти что съ перваго дня пребыванія въ острогъ вошелъ въ общую колею, — поставился обставиться съ возможно-большими удобствами (на сколько, конечно, удобство мирится съ острогомъ).. Въ острогѣ, какъ и въ міру, удобства приобрѣтаются деньгами, — средства-же для добыванія денегъ быва-

ютъ двоякія: законныя и незаконныя. Первыя состоятъ въ фабрикаціи фальшивыхъ билетовъ, въ картахъ и т. д.; вторыя въ производствѣ такихъ издѣлій, выдѣлка которыхъ не требуетъ «смертоносныхъ» орудій (*). Подлинно неизвѣстно, участвовалъ-ли Чудила въ незаконномъ добываніи денегъ (хотя, судя по его уму и выгодамъ, представлявшимся отъ такого добыванія, съ немалой достовѣрностью полагать можно), но за то тотчасъ, по поступленіи въ острогъ, онъ пристроился къ другому арестанту, мастерившему изъ рыбьей чешуи и волоса разнообразнѣйшія штуки; научился его искусству и вскорѣ явился опаснымъ соперникомъ своего учителя. Этой работою и мелочной внутренней торговлей, перепродажей и куплей, Чу-

(*) Къ слову замѣтить: каждое почти орудіе можетъ превратиться въ смертоносное; если человѣкъ задумалъ совершить преступленіе, такъ за орудіемъ онъ не постоитъ; голову можно разбить полѣномъ, кирпичомъ, благо только созрѣла-бы преступная мысль, — исполненіе-же ея не удержитъ недостатокъ топора или ножа. Стало-быть, не допуская въ острогахъ присутствія «смертоносныхъ» орудій, необходимыхъ для каждаго труда, не очень-то связываютъ руки желающимъ совершить преступленіе (не говоря уже о ловкости осторожныхъ контрабандистовъ, за начальственными глазами добывающихъ себѣ все необходимое). Но подобное недопущеніе (законное) орудій, а съ ними и работы по выбору и способностямъ, имѣетъ на заключенныхъ пагубное вліяніе: съ одной стороны оно усугубляетъ тяжесть заключенія, съ другой даетъ могущественное средство къ заразѣ людей неопытныхъ, новичковъ всѣмъ ядовитыми міазмами, переполняющими осторожную атмосферу; благодаря отчасти бездѣйствію (въ соединеніи съ другими причинами), люди никогда не искушавшіеся въ воровствѣ, по выходѣ изъ острога, дѣлались завзатыми ворами; незнавшіе, что такое «скрыть слѣды преступленія», при вторичномъ совершеніи его, разводили такой антимоній, въ которомъ самъ чортъ не доберетъ до истины; ужасавшіеся отъ одной мысли о дѣтвотпреступленіи продавали затѣмъ присягу за нѣсколько копѣекъ; не слышавшіе о существованіи онанизма и т. под. предавались въ острогѣ гнуснѣйшему разврату.

дила нашла возможность добывать себѣ порядочную для арестанта деньгу. Степень постоянного процвѣтанія финансовыхъ обстоятельствъ Чудилы — указывалась его костюмомъ, ни разу не терявшимъ своей свѣжести, и тѣмъ апломбомъ, что носить съ собой каждый смертный, ощущающій въ карманѣ присутствіе презрѣннаго метала. Положеніе, въ которое поставилъ себя Чудило въ острогѣ, было изъ хорошихъ, какъ по отношенію къ придерживающимъ власть, такъ и по отношенію къ ходящимъ подъ властью: обѣ стороны видѣли въ немъ человека умнаго, на ногу себѣ наступать не позволяющаго, а потому по своему уважали его. Правда, подвергали наказаніямъ не меньше другихъ, пожалуй даже больше, и Чудилу, но зато, когда требовался голосъ отъ осторожнаго люда, то этотъ голосъ чаще другихъ принадлежалъ Чудилѣ, и начальство соглашалось, что, не смотря на притчи и прибаутки, переполнявшія разговорный языкъ Чудилы, вопросъ имъ поставляемый выражался всегда крайне опредѣленно, а результаты его выводовъ отличались строгой послѣдовательностью и возможностью примѣненія.

На наружности Чудилы острогъ не оставлялъ положительно никакого вліянія, — смотря на этого веселаго господина, можно было подумать, что жизнь и не вѣсть какъ широко улыбается ему, что надъ нимъ нисколько не тяготятъ тѣ же осторожныя стѣны, что не разъ сламывали самые крѣпкіе, закаленные организмы.

Говору: Чудило былъ постоянно веселъ и, благо-

даря этой веселости, первое знакомство съ нимъ оставляло послѣ себя впечатлѣніе, какъ каждая встрѣча съ наидобродушнѣйшимъ въ мірѣ человѣкомъ, у котораго «что на языкѣ, то и на умѣ;» — но не такимъ оставалось впечатлѣніе отъ послѣдующихъ встрѣчъ. Добродушіе, шутки и откровенность служили Чудилѣ не больше какъ только маской, на самомъ же дѣлѣ это была одна изъ самыхъ холодно-выдержанныхъ, скрытыхъ натуръ. Чудило принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые, какъ преступники, отличаются неумолимой, какой-то методической жестокостью. То правда, что людей подобнаго сорта и понудить-то на преступленіе, какъ на все выходящее изъ уровня обыденности, очень трудно, но за то разъ вынужденные, они не останавливаются, во имя своихъ расчетовъ, передъ исполненіемъ; враждебное столкновеніе съ ними поопаснѣе, чѣмъ съ людьми способными на экзальтацію; въ ихъ ударахъ нѣтъ ширины размаха, но за то удивительная точность: прежде чѣмъ вступить въ послѣдній бой съ своимъ врагомъ, они его выслѣдятъ, изучатъ, узнаютъ всѣ слабыя мѣста. Какъ «шутники», Чудилы такъ и остаются шутниками при самыхъ кровавыхъ возмездіяхъ, — они никогда не утрачиваютъ способности шутки и смѣха.

Къ противоположному лагерю принадлежалъ товарищъ Чудилы — Ходокъ. Надо было встрѣтиться весьма многимъ уважительнымъ причинамъ, чтобы свести вмѣстѣ обоихъ бродягъ, заставить ихъ идти по одной дорогѣ. Чудило былъ тупъ на принятіе новыхъ впе-

чатлѣннѣй, Ходокъ подчинялся имъ всецѣло и скоро: первый ни на іоту не измѣнился въ острогѣ, неволя повидимому не гнула его; напротивъ, разъухабистости Ходока, подсказывавшей ему остроумныя вещи въ родѣ «уроженца города Египта, нѣмецкой націи,» и сложившейся подъ вліяніемъ вольнаго житія и послѣднихъ благопріятныхъ обстоятельствъ (за которыя ручались найденныя деньги) хватило не надолго: — острогъ давилъ его желѣзными клещами. Не больше какъ черезъ мѣсяцъ трудно было узнать въ зеленомъ, осунувшемся арестантѣ, въ каждой чертѣ лица котораго, въ помутившихся глазахъ, сквозило глубочайшее униженіе, прежняго удалого бродягу, «торговавшаго буйнымъ вѣтромъ въ чистомъ полѣ.» Вѣчно одинокій, ничѣмъ не занятой, Ходокъ цѣлые дни бродилъ по острожному двору, да смотрѣлъ черезъ рѣшетчатыя ворота на пролегавшую дорогу. Что думалось, мерещилось Ходоку во время этихъ безцѣльныхъ прогулокъ, какая мысль неотступно преслѣдовала его, догадаться не трудно: Ходокъ былъ человѣкъ воли, острожный воздухъ сушилъ его грудь, онъ могъ дышать только при другихъ условіяхъ, при другой обстановкѣ. Острогъ и могила имѣли почти-что одно значеніе для Ходока. Отъ шутокъ Чудилы, отъ его веселой беззаботности часто отдавало холодомъ, — въ нихъ не имѣлось искренности, они только ширмой служили для отвода глазъ посторонняго наблюдателя; — напротивъ, стоило только взглянуть на Ходока, слѣдить какъ видимо хилѣлъ, чахнулъ онъ, чтобы понять, что это человѣкъ непосредственнаго чувства, лихорадочныхъ параксиз-

мовъ, — человѣкъ, въ которомъ по самому свойству его натуры неблагопріятныя явленія жизни отдаются болѣзненнѣе, чѣмъ въ какомъ-либо другомъ. Уголовныя преступленія, совершаемыя подъ вліяніемъ и дѣйствіемъ страсти и увлеченья, чаще всего принадлежать людямъ съ данными Ходока: они не умѣютъ и не могутъ обходить пропасть, не могутъ выжидать, — приливы крови мѣшаютъ имъ провѣрить совершающееся. Совершенное же преступленіе болѣзненно отдается въ такихъ людяхъ, — справедливость собственного суда-выразившагося въ фактъ преступления, для нихъ непогрѣшима только въ минуту совершенія преступления и въ ближайшее отъ него время, вслѣдъ же за тѣмъ начинается мучительная провѣрка совершившагося. Какъ-бы далеко повидимому не зашолъ Ходокъ, какой-бы длинный перечень преступленій не стоялъ за Ходокомъ, но для него есть всегда минута возврата, только надо умѣть подслѣдить ее, воспользоваться ей. На самомъ-дѣлѣ это натуры мягкія—только требуется и мягкое прикосновеніе къ нимъ. Чудилу влекла къ «непомнящимъ родства» экономическая сторона бродяжничества: «настоящее скверно, какъ не поддѣлывайся къ нему, какъ не вытягивайся, но изъ него ничего порядочнаго не поддѣлаешь» — потому Чудило и бросился въ бродяжничество, какъ представлявшее больше шансовъ на успѣхъ, на выходъ. Правда, ан этотъ разъ соображенія обманули:—Чудило прямо съ гумна попалъ въ острогъ, но суть въ томъ, что острогомъ дѣло не кончается: вновь принятое имя, — прикрываетъ собой воспоминанія прошедшаго, случай-

но найденное или при удачныхъ обстоятельствахъ насильственно захваченное, формальное право на чужое званіе, а съ нимъ и на всѣ присущіе ему данные, даетъ возможность устроиться въ будущемъ. Чудилы не вѣкъ остаются Чудилами, не всегда заканчиваютъ свой тернистый путь острогомъ, рудниками или смертью въ лѣсной трущобѣ; не рѣдко, благодаря умѣпью и сноровкѣ попадать въ тонъ окружающей среды, они пристраиваются «въ благоустроенномъ обществѣ» въ качествѣ мирныхъ гражданъ, живутъ здѣсь многіе годы, плодятся и умираютъ (не всѣхъ постигаетъ участь пазвавшагося Зайцевымъ). И для самыхъ близкихъ остается неизвѣстнымъ, что тотъ-же самый мирный гражданинъ, величаемый по имени и отчеству, долгое время былъ придорожнымъ молодцомъ Чудилой, отъ котораго пугливо сторонились добрые люди, за которыхъ быть можетъ числится не одно кровавое воспоминаніе. Для Чудилы всегда есть возможность отстать отъ бродяжничества, — онъ не приростаетъ къ нему. Представился удобный случай и Чудило поканчиваетъ съ старымъ житьемъ всѣ счоты. Изъ Чудилъ формируются (при благопріятныхъ, конечно, условіяхъ) не бродяги, но люди дѣловые. Не такова судьба Ходока и подобныхъ ему: они не способны приладиться къ казенному паденью жизни. — Толчокъ, заставляющій ихъ пристать къ много-страдальному братству «непомнящихъ родства», не заключается въ одномъ только семейномъ деспотизмѣ, бѣдности, преступленіи и т. под., но лежитъ гораздо глубже; ближайшія, осязательныя для посторонняго причины приводятъ толь-

ко въ дѣйствіе давнишне-непреоборимое желанье пожить «на собственной волѣ» со всѣми атрибутами ея: боромъ темнымъ, степниной безпредѣльной, съ странствованіями, опасностями, съ полнѣйшей безначальностью, съ полнѣйшимъ отсутствіемъ всякихъ справокъ и паспортовъ словомъ, при полнѣйшимъ отрицаніи всѣхъ условій современной жизни. Представленіе воли у Ходоковъ является чѣмъ-то безформенно-жгучимъ. Для нихъ бродяжничество — не переходная ступень, не средство для достиженія цѣли, но сама по себѣ цѣль,—само въ себѣ заключающее средство удовлетворенія. Разъ вкушивши воли, Ходоки не пристають уже къ общей жизни:—опасности и лишенія, какъ неразрывные спутники бродяжничества, не застилаютъ въ ихъ воспоминаніяхъ любовной стороны «непомнящихъ родства», во имя которой они мѣряли изъ конца въ конецъ «матушку-Рассеюшку.» Ходокамъ не загородить дорогу ни уничтоженіе крѣпостного права, ни смягченіе семейныхъ отношеній, ни уменьшеніе поборовъ, ни сокращеніе сроковъ военной службы;—чтобы «вполнѣ» придержать ихъ, требуется гораздо большее. Скитальческая жизнь Ходоковъ обыкновенно добромъ не заканчивается: не жильцы они на божьемъ свѣтѣ и не крестомъ осѣняются ихъ безвѣстныя, одинокія могилы...

Ходокъ былъ извѣстенъ по всему острогу голосомъ,— не только осторожный людъ, само начальство заслушивалось его...

Съ пробитіемъ вечерней зари начинается полная осторожная жизнь: освѣщенные тускло-красноватымъ

пламенемъ ночника, въ его сирадной копоти копошатся осторожные люди за своей работой: визжить подпиллокъ на вновь заготовленной фальшивой печати, хлопаютъ засаленныя карты по здоровеннымъ, распухшимъ носамъ, долбится гдѣ-то камень самодѣльнымъ ломомъ... Матершиничье, смѣхъ, грудной кашель, храпъ — гуломъ стоитъ въ «осторожной» атмосферѣ. У всѣхъ есть дѣло, всѣ заняты своей работой, только одинъ Ходокъ не пристаётъ къ общему круговороту: безцѣльно бродитъ онъ изъ угла въ уголъ, отъ одной нары къ другой... Надоѣсть-ли ходить бродягѣ, тоска-ли очень возьметъ, только въ иной разъ достанетъ онъ изъ секретнаго мѣста балалайку и начнетъ свою любимую:

Сиротка, ты сироточка, сиротинушка горькая,
Сиротинушка ты горькая, горемычная!

Запой ты, сиротка, съ горя пѣсенку.

«Хорошо вамъ, братцы, пѣть — вы пообѣдали,

А я сиротка, легъ не ужинавши,

Легъ не ужинавши, встаю не завтракавши,

У меня-ли, сироты, нѣтъ ни хлѣба, ни соли,

Одна корочка-засушенка, и то лѣтошняя...»

Тихо, едва слышно льются сначала звуки пѣсни, словно Ходоку жаль расстаться съ ними, словно больно передать ему вслухъ свою настрадавшуюся въ каторжномъ житѣ душу... Но растеть, съ словами пѣсни, наплывъ чувствъ бродяги, а вмѣстѣ съ ними растеть и масса металлически-чистыхъ звуковъ: все, что пережилъ Ходокъ въ немногіе свѣтлые дни своей вольной жизни, все, что выстрадалъ онъ въ осторожныхъ стѣнахъ, къ чему неудержимо рвется онъ изъ этихъ

стѣнъ, — несбыточные надежды, мучительная тоска по волѣ, — все выливается, сказывается въ заунывныхъ звукахъ...

«Воспородила меня, сироту, родна матушка,
Воспоила, вскормила меня Волга-матушка,
Воспитала меня легка лодочка ветляненка,
Возлелѣли меня няньки-мамки, волны быстрыя,
Возростила меня чужа дальняя сторона Астраханская;
Я со этой со сторонушки на разбой пошолъ...»

И чѣмъ задушевнѣе, серебристѣе льется пѣсня бродяги, тѣмъ все замѣтнѣе поддается ея вліянію окружающее: не раздаются глухо по корридору мѣрные шаги часоваго, не слышно звяка вскидываемаго имъ ружья: подъ чарующіе звуки пѣсни далеко унеслась и его душа отъ казенной обстановки... Подъ тѣже чары и въ камерѣ смолкаютъ гулъ, хохотъ, матершинчье; какимъ-то неуловимо-мягкимъ лучомъ освѣщаются блѣдныя, изнеможенные лица. Благодаря пѣснѣ Ходока, хорошія минуты переживаютъ осторожные люди: свинцовымъ гнетомъ не давятъ ихъ угрюмыя стѣны, забылась опозоренная, разбитая жизнь, грознымъ призракомъ не стоитъ предъ ними страшное будущее, и для нихъ остались одни только выстраданные звуки, и всей наболѣвшей грудью упиваются они ими...

НЕМНОГІЕ ИЗЪ УБЫЛЫХЪ.

НЕМНОГІЕ ИЗЪ УБЫЛЫХЪ.

Торная дорога легла около острожныхъ воротъ, всякаго званія люди идутъ по ней; часто падаетъ тяжолый запоръ и неустанно угрюмые своды принимаютъ новыхъ гостей...

Усталыхъ, искалѣченныхъ прибываетъ житейская волна къ острожному порогу. Печальную исповѣдь неправды, беззаконія, униженія, страданія, неудачъ, кровавыхъ расплатъ, пороковъ, слезъ и проклятій приносятъ они съ собой подъ гостепріимный кровъ. Есть чего послушать у каждаго, есть надъ чѣмъ задуматься, но угрюмые своды ревниво берегутъ схороненныя подъ ними тайны: пройдетъ срокъ, распахнутся снова острожные ворота, выстроются и потянутся отъ нихъ подъ барабанный бой старые жильцы, тѣснясь и спѣша займутъ нажитыя мѣста новые люди и отъ убылыхъ съ ихъ беглыми воспоминаніями, съ ихъ страстными порывами и пережитыми драмами, въ грудъ острожного

хлама останется только безграмотная отиѣтка: такой-то прибылъ и убылъ тогда-то.

Мнѣ привелось выхватить только нѣсколько именъ изъ груды острожнаго хлама; подведемъ же въ концѣ нашихъ разсказовъ общій итогъ этимъ именамъ.

Всѣ эти Чудицы, Щукинскіе, Ходоки, Воротиловы, Маньки-Кочкарницы, Каряги, Трушковы, до послѣдняго дня пребыванія своего «на слободѣ», такъ или иначе, бились съ жизнью «изъ-за мѣста» изъ-за доли «ихнева счастья». Прежде, чѣмъ распахнуться предъ ними острожнымъ воротамъ, Худицы, Шамшѣевы, Воротиловы и проч. не оставались безучастными зрителями совершающихся передрагъ, не состояли въ спискѣ пассивныхъ выносителей жизненныхъ тяготъ. Люди эти не глохли молча по нашимъ трущобамъ, не давали знать о своемъ существованіи однимъ только безпомощнымъ плаканьемъ на мачиху-судьбу, но благодаря присущимъ имъ даннымъ, благодаря избытку изуродованныхъ силъ заявляли о себѣ обществу инымъ путемъ. На ихъ нерадостную долю выпало: явиться живыми представителями, воплощателями самыхъ насущныхъ, самыхъ кровныхъ, самыхъ трудно разрѣшимыхъ социальныхъ вопросовъ, собрать въ себѣ зло, вытекающее прямымъ слѣдствіемъ несостоятельной постановки этихъ вопросовъ, заставить общество страшно дорогой цѣной расплачиваться за свою глухоту, за свой индифферентизмъ къ этимъ вопросамъ, за свою неумѣлость въ разрѣшеніи ихъ.

Прежде чѣмъ сложить кости въ острожной могилѣ, люди эти, какъ принимавшіе непосредственное уча-

стie въ жизненной ломкѣ, имѣли за собой длинную исторію, смыслъ каждой страницы которой формулируется такъ: мы гибнемъ, гибнемъ сами и губимъ другихъ; куда бы не шли мы — повсюду горе и слезы слѣдятъ за нами, гдѣ бы не остановились мы — повсюду слышатся стоны и проклятiя; житейская волна прибила насъ къ острожному порогу, пзо дня въ день подготавливали насъ къ нашей послѣдующей позорной роли; первая минута нашего сознанья была началомъ нашего уродства; жизнь не съумѣла дать благотворнаго направленья нашимъ животнымъ инстинктамъ; наша плотьядность шла рука объ руку съ крупными и мелкими невзгодами, сыпавшимися на наши головы; какъ звѣрей травили насъ, какъ звѣри отгрызались мы; мы не давали пощады, но мы и не ждали ее, наша рука не дрогнувъ совершала дѣла позора, но знали и мы, что не дрогнетъ рука, скрѣпляющая нашъ приговоръ...

Послѣднее же слово этой исторіи:

— Судіи праведные! рѣшайте воплощаемые и представляемые нами вопросы, рѣшайте «по божески», если не для насъ отверженныхъ, то для васъ самихъ же, для слѣдующихъ за вами, иначе мы, непрощенные гости, отравимъ пиръ вашей жизни.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

Скверныя минуты.....	1
Мыльные пузыри	29
Наболевшіе.....	63
Последнія страница.....	83
Дядя-Фока	93
Ватъка	103
Самоубійца	109
Чапуринъ	139
1) Родная семья.....	148
2) Доценникъ.....	153
3) Лошадь.....	158
4) Темное дѣло	162
5) Побѣгъ и новыя преступленія.....	167
6) Покушеніе къ побѣгу и новое темное дѣло	173
7) Убіеніе Кулаковой	182
8) Подкопъ.....	190
Трушковъ	199
За городской чертой	223
Садоводъ-гуляй	253
Изъ неподатливыхъ.....	301
Забавы и наслажденія	343
Сократъ-премудрый.....	371
Любовныя дѣла.....	395
Шамшѣвъ.....	421
Непоминающіе родства	441
Немногіе изъ убытковъ	505

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Стран.	стр.	напечатано:	читай:
11	1	снизу	стѣнамъ
38	14	—	стонамъ
50	6	—	нетерпѣливо
51	9	сверху	употреблены
79	13	—	неявишся
—	12	снизу	заведенная
89	6	—	къ
107	1	—	сердце болить
108	2	—	собаками зовуть
143	1	—	страшные
145	7	—	разъ
159	6	—	прѣзжалъ
165	11	—	сознаніе
196	9	—	мы
211	8	—	не чесотка
220	—	—	пищите
226	2	—	онъ забылъ его
259	4	сверху	цѣпь
263	7	снизу	избавиться
280	9	сверху	Воротиловъ и Чижевъ
—	3	снизу	повѣдавъ
—	17	—	Воротиловъ
283	1	—	Воротиловъ
291	3	сверху	Воротилову
293	1	—	здѣсь З.
304	13	—	З.
335	1	—	— тиль
—	7	снизу	о немъ
337	12	—	въремъ
339	8	—	звъремъ
354	7	сверху	остановить
—	15	снизу	захотѣли такъ послѣдн
—	5	—	захотѣли что сотворить
359	11	—	со мной, такъ послѣднее
360	14	—	На этомъ старомъ ду-
			ракъ.
			грабилъ
			помигуетъ
			пухнуть
			кляки
			пороковъ

